МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ЭТНОГРАФІИ

ЛАТЫШСКАГО ПЛЕМЕНИ

ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОБРАЛЪ И СНАБДИЛЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

Э. А. ВОЛЬТЕРЪ,

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ I.

ПРАЗДНИКИ И СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ ЛАТЫШЕЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

438061

Отдѣльный оттискъ 1-го выпуска XV тома Записокъ Имп. Р. Г. Общества по Отдѣленію Этнографіи, изданнаго подъ наблюденіемъ членовъ-сотрудниковъ **П. А. Соколовскаго** и **Ѳ. М. Истомина.**

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ЧАСТЬ I.

ПРАЗДНИКИ И СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ ЛАТЫШЕЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Напечатанные здѣсь «Матеріалы для этнографіи Латышей Витебской губерніи», уѣздовъ Динабургскаго, Рѣжицкаго и Люценскаго собраны были мною въ лѣтніе мѣсяцы 1882 и 1884 годовъ во время поѣздокъ съ цѣлью изученія быта и языка этой малоизслѣдованной и забытой отрасли племени, извѣстнаго намъ болѣе другою своею частью, живущею въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ. Наблюденія мои и діалектологическіе тексты мною записанные въ разныхъ мѣстностяхъ Лотавіи или Ливоніи восточной (Lothavia, Livonia australis) [1]) относятся къ Латышамъ преимущественно католическаго вѣроисповѣданія; они принадлежатъ къ кореннымъ жителямъ такъ называемой польской Лифляндіи, живущимъ, по выраженію писателей іезуитовъ XVII вѣка, на границѣ Московіи (in finibus Moschoviae), въ предѣлахъ того края, гдѣ находятся три главные города Динабургъ, Рѣжица

---

[1]) Срв. также «G. br. Manteuffla Lycyn w Inflantach Kraków». 1884, стр. 8.

(по латышски Reizekńe, по нѣм. Rositen), и Люценъ (Ludzen, латышск. Ludza).

Русская литература о Витебскихъ Латышахъ крайне бѣдна. Нѣкто А-ръ впервые, въ 1869 году, въ Виленскомъ сборникѣ, изданномъ В. Кулинымъ, на стр. 223—243, затронулъ этихъ восточныхъ Латышей въ статьѣ: «замѣтки о Латышахъ трехъ инфлянтскихъ уѣздовъ Витебской губерніи». Скудныя свѣдѣнія о Латышахъ католикахъ сообщаются потомъ иногда въ памятныхъ книжкахъ Витебской губерніи А. С. Сементовскимъ, съ 1867 по 1886 г. включительно. Но за то польская и отчасти нѣмецкая литература [1]) относительно богата статьями и изслѣдованіями объ этихъ бѣлорусскихъ Латышахъ; на ней мы остановимся еще подробнѣе впослѣдствіи.

На основаніи представленныхъ ниже матеріаловъ мною еще въ 1883 году составлена была статья касательно инфлянтскаго звукового закона «Zum infläntischen Lautgesetz» о переходѣ краткаго о въ а, передъ i, j, e въ слѣдующемъ слогѣ, напечатанная въ 7 томѣ журнала А. Бецценбергера въ Кенигсбергѣ «Beiträge zur kunde der indogermanischen sprachen», на страницахъ 289—300. Статья моя служила полнымъ подтвержденіемъ предположенія, высказаннаго Бецценбергеромъ въ 7 томѣ того же журнала на стр. 273 и слѣд. и дополненіемъ къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ какъ названнымъ литвинистомъ такъ и почтеннымъ изслѣдователемъ латышскаго языка А. Биленштей-

---

[1]) См. обозрѣніе изслѣдованій по изученію польской Лифляндіи у Густава барона фонъ-Мантейфеля въ статьѣ «Dzieła traktujące o Inflantach Polskich» книги «Inflanty Polskie poprzedzone krótkim rzutem oka na siedmiowiekową przeszłość całych Inflant. Poznań. 1879. Fol.» на стр. 163—168. Тѣмъ же авторомъ издана библіографія инфлянтско-латышскихъ народныхъ книгъ, вышедшихъ съ 1604 г. по 1871, въ 2 выпускѣ, 17-го тома изданія: «Magazin der lettisch-literärischen Gesellschaft» Mitau, 1885, на стр. 181—205.

номъ въ 1882 году во время поѣздки его по тѣмъ же инфлянтскимъ или восточно-латышскимъ мѣстностямъ (Срв. A. Bezzenberger. Lettische Dialekt-Studien. Göttingen. 1885, стр. 79 и слѣд.). Болѣе подробныя свѣдѣнія о языкѣ Латышей этихъ мѣстностей будутъ помѣщены въ концѣ второй части моего сборника.

Сравнительное изученіе Ивановскихъ пѣсенъ восточныхъ Латышей Витебской губерніи и подходящихъ варіантовъ балтійскихъ Латышей привело меня къ новымъ результатамъ по вопросу о значеніи припѣва Ĭīgo, (Ĭeigo) и мнимой древне-Латышской богини «Лига», (Līga) изложеннымъ впервые, въ 1884 году, въ статьѣ: «Was ist Lihgo» въ «Archiv für Slavische Philologie», (VII т., стр. 629—639). Изслѣдованіе это, встрѣченное съ полнымъ сочувствіемъ среди любителей латышскаго языка и народной поэзіи (см. Magazin der lett.-literar. Gesellschaft. Томъ XVII, Митава. 1885, стр. 287 и 336), помѣщено ниже на стр. 44—58, какъ комментарій къ инфлянтскимъ варіантамъ отчасти общеизвѣстныхъ Ивановскихъ пѣсенъ.

Сближеніе латышскаго Усеня, Юсеня съ русскимъ Овсенемъ, представленное на стр. 40 и слѣд., сдѣлано мною при появленіи статьи Aунинга въ 1881 году, въ вышеприведенной статьѣ о припѣвѣ Ĭīgo и между прочимъ въ сообщеніи сдѣланномъ мною въ Отдѣленіи Этнографіи въ апрѣлѣ 1882 года; мы находимъ, независимо отъ этого взгляда, подтвержденіе такому сближенію въ книгѣ Ал. С. Фаминцына: «Божества древнихъ Славянъ». Вып. 1. С.-Пет. 1884, на стр. 247—253.

Въ 1886 году при изданіи Литовскаго Катихизиса Н. Даукши, (53 томъ Записокъ Императорской Академіи Наукъ), въ словарѣ рѣдкихъ литовскихъ выраженій, встрѣчающихся въ этомъ и другихъ старопечатныхъ литовскихъ книгахъ 16 вѣка, обращено было мною особое вниманіе на латышскія соотвѣтствія и сооб-

щено нѣсколько восточно-лотавскихъ пѣсенъ подъ словами *bùrti* колдовать (стр. 71), *ligà*, *lyga* повальная болѣзнь (стр. 87) и нѣсколько замѣтокъ о бытѣ Латышей Динабургскаго уѣзда, при объясненіи слова gentis, в.-латышск. džinte пчелиный сябръ, alias битникъ (стр. 76).

Пѣсни о латышской долѣ «Лаймѣ» и о богинѣ дѣвичьей судьбы «Деклинѣ» обратили на себя вниманіе нашего сочлена, изслѣдователя народно-поэтической старины, академика А. Н. Веселовскаго, который въ 5-мъ выпускѣ своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха» (С.-Петербургъ 1889. Стр. 186—187) коснулся также и латышскаго «fatum». Дополненіемъ къ сообщеннымъ здѣсь свѣдѣніямъ о Лаймѣ послужатъ помѣщаемые во второй части этой книги лаймовы пѣсни и нѣсколько сказокъ о Лаймѣ-долѣ. О троичности Лаймы срв. I, стр. 371.

Во второй части восточно-латышскаго сборника мы предполагаемъ дать полную характеристику отличительныхъ особенностей быта и языка Латышей Витебской губерніи и представить: a) пѣсни четверостишія: общественныя, гулевыя, рабочія, миѳическія и символическія; b) длинныя пѣсни или зингесъ; c) сказки и легенды; d) пословицы, загадки и разные мелкіе этнографическіе тексты; e) свѣдѣнія о языкѣ; f) извлеченія изъ путеваго дневника; g) указатели предметовъ, лицъ и мѣстностей. При этомъ мы считаемъ долгомъ своимъ изъявить свою благодарность всѣмъ лицамъ, принявшимъ близкое участіе въ печатаніи этихъ матеріаловъ, въ особенности же многоуважаемому Ивану Яковлевичу Спрогису въ Вильнѣ, Пастору Р. Аўнингу въ Сесвегенѣ (въ Лифляндіи) и бывшему моему слушателю, кандидату правъ Ивану Христофоровичу Плекшану.

Иванъ Христофоровичъ принялъ на себя чтеніе весьма кропотливой корректуры латышскаго текста и обязательно доставилъ

мнѣ матеріалъ по этнографіи Латышей Вышковской волости Динабургскаго уѣзда.

Кромѣ того въ нашъ сборникъ вошли записи учителей *Баллода* (по Стернянской волости, Рѣжицкаго уѣзда) и *Горбачевскаго* (по Унгермуйюже-Крейцбургской волости, Динабургскаго уѣзда). Всѣ лица, оказавшіе мнѣ свое содѣйствіе во время поѣздокъ 1882 и 1884 гг., будутъ упомянуты въ путевомъ дневникѣ.

Согласно разрѣшенію Общества (см. Извѣстія И. Р. Г. О. 1884 г. вып. 1, стр. 91) латышскіе тексты печатались латинской транскрипціей, принятой для западно-славянскихъ, литовскихъ и латышскихъ текстовъ; значеніе употребляемыхъ знаковъ указано въ особой таблицѣ на стр. 386. Отступленія отъ существующихъ системъ латышскаго правописанія и особенности нашей ороографіи въ подробностяхъ будутъ изложены въ особомъ отдѣлѣ, при разъясненіи вопроса о грамматикѣ восточно-латышскихъ говоровъ. Относительно произношенія звуковъ, различаемыхъ въ восточно-латышскихъ говорахъ, можно сравнить книгу Бецценбергера «Lettische Dialect-Studien» стр. 4 и слѣд. (Срв. Журн. Министерства Нар. Пр., часть CCXL, отд. 2, стр. 268—270), также мою статью «Zum infläntischen Lautgesetz» l. c. стр. 289. и «Archiv für Slavische Philologie» Ягича, Томъ VIII, стр. 632—637, гдѣ мною приведены разныя наблюденія надъ произношеніемъ инфлянтскихъ звуковъ и образецъ восточно-латышскаго евангелія 1753 года.

При переводѣ латышскихъ текстовъ я, по возможности, держался близко къ оригиналу, предоставляя такимъ образомъ лицамъ, желающимъ изучать восточно-латышскій языкъ, возможность усвоить себѣ смыслъ этихъ народно-поэтическихъ текстовъ.

Печатаніе производилось подъ наблюденіемъ члена-сотрудника П. А. Соколовскаго (листы съ 1 по 9) и Секретаря Отдѣленія Этнографіи Ѳ. М. Истомина (листы съ 10 по 12 — и съ 18 по 25).

Дополненія и поправки будутъ сообщены впослѣдствіи, въ концѣ второй части сборника.

С.-Петербургъ
Декабрь 1890 г.

Э. Вольтеръ.

ПРАЗДНИКИ ВИТЕБСКИХЪ ЛАТЫШЕЙ.

Въ этой части труда мною собраны и размѣщены въ календарномъ порядкѣ пѣсни[1]), пріуроченныя къ извѣстнымъ днямъ и времени года, а также сопровождающіе ихъ обряды, вѣрованія, примѣты и прибаутки.

Матеріалъ, разработанный въ этой книгѣ, не полонъ, но все же онъ даетъ нѣсколько *новыхъ* фактовъ, успѣвшихъ уже заинтересовать любителей латышской словесности и грамматики. Собранныя здѣсь мною свѣдѣнія нуждаются въ дополненіяхъ со стороны мѣстныхъ жителей, но добыть таковыя послѣ выѣзда моего изъ изслѣдуемаго края оказалось труднымъ, и новый матеріалъ, хотя и доставлялся мнѣ, но далеко не изъ всѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ желательно было бы его имѣть. Съ другой стороны для сравнительнаго изслѣдованія народнаго мѣсяцеслова латышей-католиковъ Витебской губерніи и латышей-лютеранъ Балтійскаго края недостаетъ свода календарныхъ пѣсенъ и вѣрованій Курляндскихъ и Лифляндскихъ латышей.

Къ другой задачѣ— отдѣленію чисто народной основы отъ христіанскаго календарнаго наслоенія—можно приступить лишь послѣ объясненія пѣсенъ миѳическихъ или тѣхъ изъ рабочихъ,

---

[1]) Тѣ изъ пѣсенъ, которыя поются во время крестьянскихъ работъ на полѣ, на сѣнокосѣ, на пастбищѣ или дома, если только онѣ не пріурочены къ опредѣленному времени, приводятся въ другомъ мѣстѣ,—въ отдѣлѣ рабочихъ пѣсенъ. Пѣсни же конскихъ пастуховъ или ночлежниковъ (по латышски *пи̂гульниковъ*) вошли въ народный календарь потому, что, по вѣрованіямъ Витебскихъ латышей, Егорій-Юсень является покровителемъ и кормителемъ лошадей.

Толочебныя и спорышевыя (или Юмисевыя) пѣсни разсматриваются нами въ связи съ осеннимъ праздникомъ дожинокъ или, по латышски, руdenoji. Дѣтскія игры и распѣваемыя латышскими дѣтьми пѣсенки примыкаютъ къ Святкамъ и потому помѣщены въ концѣ статьи вслѣдъ за колядками.

которыя сохранили въ себѣ намекъ на языческихъ покровителей скота, въ родѣ пѣсенъ про *Моршавеню* (доля, счастье коровъ), по латышски gūwu Morsaweňa или про *Бӯрейте*, покровительницу овецъ.

Изъ сочиненій, спеціально посвященныхъ праздникамъ латышей, можно указать только на краткій трактатъ г. Пфингстена: E. A. Pfingsten, Über die Feste der alten Letten. 1843. Брошюрка эта состоитъ изъ сопоставленія извѣстій о священной рощѣ Ромове, Богѣ Пергубріусъ и другихъ сомнительныхъ божествахъ лето-литовской миѳологіи [1]).

При изданіи латышскихъ текстовъ нами были сличены:

G. Manteuffel-Szoege und Celine von Plater. Lettische Volkslieder. (Magazin der lettisch-literärischen Gesellschaft zu Mitau, Bd. XIV, Stück 2).

Спрогиса, И. Я. Памятники латышскаго народнаго творчества. Вильна, 1868.

Трейландъ-Бривземніаксъ, Ѳ. Я. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени: I. Пѣсни. (Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей, изд. В. А. Дашковымъ, кн. II. Москва, 1873). II. Загадки, поговорки и заговоры. (Труды этнографическ. отдѣленія Имп. Общ. любителей естествознанія, книга VI. Москва, 1881).

Р. Аунингъ «Was ist Uhfsing?» Magaz. d. lett-lit. Ges. zu Mitau, XVI, стр. 5—42.

A. Bielenstein. Das Johannisfest der Letten (Baltische Monatschrift. Bd. 23. 1874 г. стр. 1—46).

Latweeſchu tautas dzeeſmas. Lettische Volkslieder herausgegeben von der lettisch-literärischen Gesellschaft zu Mitau (подъ редакціею А. Биленштейна), 2 выпуска 1874 и 1875 г.

Mannhardt. W. Lettische Sonnenmythen. (Zeitschrift für Ethnologie. Berlin, 1875.

Mannhardt W. Beiträge zur Mythologie der lettischen Völker. Magazin der Lettisch-lit. Ges. zu Mitau. Bd. XIV, вып. 1.

Потебня А. А. «Объясненія малорусских и сродных пѣсень». (Отдѣльный оттиск изъ Филологическаго Вѣстника. Варшава, 1882 и 1883).

---

[1]) О празднованіи Ивана Купалы говоритъ Э. А. Пфингстенъ только слѣдующее: Gern hätte ich auch über die Feier des Lihgofestes einiges beigebracht, wenn mir etwas anderes darüber bekannt wäre, als was auch heutzutage geschieht, dass Feuer angezündet und gewisse Kräuter gesammelt werden (стр. 20).

Bezzenberger A. Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntnifs der Sprache und des Volksthums der Litauer. Göttingen. 1882.

Юшкевичъ А. и И. Литовскія народныя пѣсни изъ окрестности Велёнъ и Пушолатъ. Казань, 1880—1882.

При сравненіи съ русскимъ народнымъ мѣсяцесловомъ пособіемъ служили преимущественно слѣдующія сочиненія:

Калинскій И. И. Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси. (Записки И. Р. Г. О. по отд. этногр. Т. VII).

Шейнъ П. В. Бѣлорусскія пѣсни. (Зап. И. Р. Г. О. по отд. этногр. Т. V).

Снегиревъ И. И. Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. Москва, 1837—1839.

Сахаровъ, И. П. Сказанія русскаго народа. Спб. 1885.

Потебня А. А. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Харьковъ, 1865.

Терещенко А. Бытъ русскаго народа. С.-Петербургъ, 1848.

---

4 Февраля, день св. Агафіи.

Въ этотъ день подвѣшиваютъ подъ крышу соль и освященную воду, чтобы спастись отъ грозы.

Святая мученица Агафія во многихъ мѣстностяхъ сѣверо-западной Россіи считается заступницею отъ пожара [1]). У латышей говорятъ, что пожаръ отъ грозы можно потушить только козьимъ молокомъ а лучше всего «Агафьиной водой», т. е. водой, освященной въ этотъ день въ костелѣ (Котонъ д. Свальбы, Ясмуйжск. вол. Динаб. у.).

Великій четвергъ.

До восхода солнца приносятъ въ хату муравейникъ, парятъ муравьевъ и этой муравьиной водой моютъ коровъ, чтобы не испортилось молоко (kab nasapōstitū gūwis pīns). Снѣгъ носятъ въ избу, чтобъ не водилось блохъ.

---

[1]) И. Калинскаго, Церк. Нар. Мѣсяцесловъ. Зап. И. Р. Г. О. отд. этн. VII, стр. 360. Поляки говорятъ: «Sól św. Agaty, broni z ognia chaty».

Дѣти собираютъ камушки, чтобы имѣть счастье и найти сразу птичьи гнѣзда. Топятъ баню и парятся *до* восхода солнца. Все это дѣлается въ четвертый день страстной седмицы, по инфлянтски, въ *Тейру Цатурдина*, т. е. въ чистый четвергъ (Котоны, Свальбы, Ясм. вол. Дин. у.).

Подобныя повѣрья и обычаи существуютъ и у балтійскихъ латышей. По Трейланду (Матеріалы по этнографіи латышскаго племени стр. 195), у кого сильная чесотка, тотъ долженъ отправиться въ Великій четвергъ *утромъ* до восхода солнца къ рѣчкѣ и тамъ три раза намочить свое тѣло. О значеніи этихъ омовеній и четверговыхъ обливаній говоритъ Ив. Калинскій: Церк. нар. Мѣсяцесловъ, I. с. стр. 456 и 457. Тамъ упоминается, что по сборнику 1754 года у простаго народа «въ Великій четвергъ постели» для блохъ зажигаютъ и хмели палятъ, моютъ платья до солнца и «мочатся сами». У латышей Прельской волости, Динаб. у., для того, чтобы извести блохъ, стряхиваютъ на полѣ съ сохи землю отъ конца первой борозды и этимъ посыпаютъ по полу хаты [Nūdzens pirmu wogu, nū wogas gola t°u zeme nū ŏrklēs pajemt', pa istoba pakaisē̦t (paswīst), lai bluses nab'e̯utŭ]. Агат. Вякса Прельск. вол. Д. у. По сообщенію Антона Котона (изъ дер. Свальбы, Ясм. вол. того же уѣзда), когда въ первый разъ ѣдутъ пахать, въ избѣ огня не зажигаютъ. Кто пахалъ въ полѣ, тотъ беретъ за пазуху песку и несетъ его домой, чтобы не водилось блохъ.

Великій постъ.

Въ посту, по пятницамъ, женщины не прядутъ шерсти, а то лѣтомъ овцы будутъ кружиться (Баллодъ, Стерняны Рѣжицк. у.) По А. Бецценбергеру Lit. Forsch. стр. 79: «am Marientage darf (у литовцевъ) nicht gesponnen werden, sonst giebt es Unglück beim Vieh».

Въ посту, по патницамъ не нужно молоть, а то будетъ страшный громъ (Балл. Стерн. Рѣжицк. у.).

Юрьевъ день, 23-го апрѣля. (Jurodīna, Jurže-dīna. Je̮useń-dīna).

1) Въ первый день выгона скота на пастбище, когда отправляются съ лошадьми на ночлегъ, а особенно въ *Егорьевъ день*, *чу-*

жому, если онъ въ это время придетъ, будь онъ хоть родня хозяину, не дадутъ ничего съѣстнаго, хоть умри [1]).

2) Пастухамъ, въ первый день выгона скота, хозяйка не даетъ *огня*, какъ бы холодно ни было, — иначе нельзя будетъ совладать со скотиной и удержать ее отъ потравы посѣвовъ [2]).

3) Когда *весною* въ первый разъ выпускаютъ скотъ на пастбище, то одинъ кто нибудь беретъ камень, три раза обходитъ кругомъ стадо и потомъ бросаетъ камень въ средину стада. Скотина тогда будетъ во все лѣто держаться вмѣстѣ и не разбредется [3]).

4) Когда *пахари* весною въ первый разъ отправляются въ поле пахать, то (wisa saime apl'ej saimenïka ar jeudeń, kai ort it), всѣ домочадцы обливаютъ старшину семьи водою (вол. Прельск. Динаб. у.).

Въ Малновѣ, Люцин. у. «saimenïce leij ar jeudeń lūpugona, kai pirmo reiz nū gonim pïgon tos lūpos, sokam, kab nàsnaustū por wosoru». Хозяйка обрызгиваетъ водою пастуха, когда онъ первый разъ пригоняетъ скотъ, приговаривая, чтобы лѣтомъ не спалъ [4]).

Такъ же окачиваютъ и пахаря: kai pirmo reiz ït ar orklu uz teiruma, leij ar jeudeń to orojeńa.

Въ *Корсовкѣ* т. е. въ той волости, къ которой принадлежитъ и *Малновъ*, обрызгиваютъ пахаря: soka «kab nàgulatu ordams». Даютъ пастухамъ масла и яицъ (swìkstu, ūles), чтобы пріохотить ихъ (aprodinot), а не для того, чтобы соблюсти какой извѣстный обычай или обрядъ (какъ увѣрялъ благочестивый латышъ у ксендза декана, къ которому онъ былъ спеціально для меня вызванъ).

Въ Марьенгаузенѣ [5]) также обрызгиваютъ пастуховъ, когда скотъ первый разъ выгоняется на пастбище. У литовцевъ восточной Пруссіи обливаютъ пахаря, когда онъ въ первый разъ возвращается съ поля домой (Wenn die Männer vom ersten pflügen zurückkommen, werden sie mit wasser begossen. Vanaglauken. A. Bezz. Lit. F. стр. 85).

---

[1]) Баллодъ, Стерняны Рѣжицкаго у. Этнографическія свѣдѣнія о Стернянской волости (рукопись).

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Срв. обычай Курск. губ.: отпуская свой скотъ на пастбище, крестьяне окачиваютъ пастуховъ холодной водою, чтобы они были дѣятельнѣе при уходѣ за животными (И. Кал. Мѣс. стр. 392).

[5]) Этотъ край считается у другихъ латышей самой темной стороной: «tur jau ir timsa, pa wisam Latwija».

5) Наканунѣ Юрьева дня собираются всѣ хозяева, т. е. всѣ лица мужскаго пола и отправляются на ночлегъ (pĭgul'â). Берутъ съ собою яицъ, свинины, водки и уѣзжаютъ въ ближайшій лѣсъ или на лугъ на пастбище. Тамъ разводятъ костёръ, приготовляютъ себѣ угощеніе и пируютъ всю ночь. Только на разсвѣтѣ приходятъ въ гости женщины — *замужнія*; для незамужнихъ считается неприличнымъ принимать здѣсь участіе; изъ числа послѣднихъ приходятъ развѣ вольныя и шальныя. Главное угощеніе заключается въ приготовленіи *яичницы*, для чего берутъ по двѣ пары яицъ на каждую лошадь. Водку покупаютъ всѣ въ складчину, причемъ деньги даются всѣми по ровну. (Ант. Котонъ Свальбы. Динаб. у.).

6) «Ka pirmo reiz nuìt uz pĭgul'i, rozkur guńi, ta reiz mat kādu auteńi guńî sokam: ĭ̈tas Lauram». Ковнаты Рѣж. у. (со словъ старшины Сенкана Осипа). Когда въ первый разъ ѣдутъ на ночлегъ, то разжигаютъ костёръ и, бросая кое-какія тряпки въ огонь, говорятъ «это Лаўру». Лаўръ тоже самое, что русское Лавръ. День святыхъ мучениковъ Флора и Лавра у русскихъ празднуется въ августѣ мѣсяцѣ, 18-го числа. «Русскій народъ въ нихъ видитъ покровителей лошадей; такъ въ одномъ стихѣ поется: попаси ему, т. е. хозяину, Господь Богъ, Флоръ и Лавръ лошадокъ и т. д. (Ив. Калинскій l. c. стр. 437).

Смѣшеніе Лавра и Усеня у латышей явленіе непонятное и отмѣчено только въ одной Ковнатской волости. *Юсень-ди́на* во всѣхъ трехъ инфлянтскихъ уѣздахъ—праздникъ лошадей и конскихъ пастуховъ, по латышски *пигульниковъ*, ночлежниковъ, пасущихъ лошадей. Прежде, чѣмъ разбирать обрядовыя пѣсни этого дня, необходимо сообщить самый матеріалъ, т. е. тѣ пѣсни, которыя удалось мнѣ записать и которыя свидѣтельствуютъ о распространеніи Усинева культа (или Юсинева) между латышами Витебской губерніи. Первыя полныя свѣдѣнія объ Юсинѣ у балтійскихъ латышей собралъ Роб. Аунингъ въ приведенной выше статьѣ «Was ist Uhſsing», помѣщенной въ XVI томѣ магазина Митавскаго Латышскаго Литературнаго Общества. Въ этой статьѣ въ первый разъ были обнародованы особыя пѣсни въ честь Усиня.

Пѣсни объ Юсинѣ.

1.

Ai, zirdzeń Jeuseńi,
Jōsim abi pīgul'ê:
Äs guńteńa kurejis,
Tu kumel'u ganitōjs.

либо

Oi Jeuseńa kumel'eńš,
Jōsim abi pīgul'ê:
Äs guńteńas kurejińš
Tu kumel'u ganitōjs.

Ой, Юсень коней,
Поѣдемъ оба на ночлегъ:
Я буду разводить огонь,
А ты будешь пасти коней.

Записано мною отъ старушки латышки и латыша въ дер. Пилисколнѣ, Болвской волости, Люцин. у. [1]),

2.

Jeuseńš jōja lobu zirgu
Mani lika lobu jōt':
Dūd' Dīweń lobu jōt'
Par Jeuseńa likumińu.

Юсень ѣздилъ на хорошемъ конѣ,
И мнѣ велѣлъ ѣздить на хорошемъ;
Дай, Боже, ѣздить на хорошемъ
По указанію Юсеня.

(Записано въ *Прельск.* нар. школѣ отъ старушки Вяксихи изъ дер. Казиши *Динабург. у*). По увѣренію старшины *Сталидзанской* волости въ старину пѣли и тамъ такую-же пѣсню (senlaikâ beja i pī meus).

3 [2]).

Jeuseńš zirgu nūjodeja (jodel'eja)
Pīgul'nīku maklodams:
Gudri bij(a) pīgul'nīki,
Nagul' cel'a mal'ińâ.

Юсень заѣздилъ коня,
Ища ночлежниковъ:
Умны были ночлежники,
Они не спали на краю дороги.

(Прель. Дин. у. и Сталидзаны Рѣж. у.) На вопросъ мой, что такое Юсеншъ, пѣвица отвѣтила: «To es nazin. Tas (tįs) jou jir tada dzeisma». Этого я незнаю, это ужъ такая пѣсня.

---

[1]) Соотвѣтствуетъ № 8-му у Аунинга.
[2])=Аун. 18: вм. nūjodeja читаемъ «nōswideja».

ВАРІАНТЪ 3-ей дзисмы (Варкова, Динаб. у).

Jeusenš zirga nūjodeja,
Pīgul'nīku makladams
Wai, Jeusen, nazinow,
Kur wacais guń kureits.

Юсень заѣздилъ коня,
Ища ночлежниковъ.
Развѣ, Юсень, ты не зналъ,
Гдѣ старое огневище?

4.

Tecit, skrīnit iz pīgul'i!
Jau Jeusenš jōj pīgul'â:
Jau Jeusenš pīgul'â.
Pīces ūles ozūt'ê,
Butel'eite kul'deńâ,
Treis glazeites reikleitê,
Pa liceńa kabatâ (два раза).

Спѣшите, стремитесь на ночлегъ!
Юсень уже ѣдетъ на ночлегъ.
Уже Юсень на ночлегѣ,
Пять яицъ за пазухой,
Въ бутылочкѣ поплескиваетъ,
Три стаканчика въ горлѣ,
По ложечкѣ въ карманѣ (два раза).

Эта пѣсня похожа на п. 11-ю у Аунинга. Она, какъ и слѣд. до 10-й (включительно), записана со словъ крестьянина *Пимки*, человѣка среднихъ лѣтъ, богача, живущаго близь имѣнія барона Р. Мантейфеля—Цöге (Szoege) Таунаги, въ Дрицанск. вол. Рѣжицк. у.

5.

Eite, brol'i, pal'eidzīt
Jeuseńam padzīdit:
Wista ūla nūdejuse,
Wisu dīnu kacenoj.
Zirgs nūdersa līlu gubu
J wârdeńa nâscäja.

Идите, братцы, помогите
Юсеню пѣть:
Курица положила яйцо,
Прокудахтала цѣлый день.
Конь положилъ большую кучу,
Не промолвилъ и словечка.

6.

Wacis Jeusenš olu dora
Kumel'eńa pedeńâ:
Äs a(i)zgoju mysus dzert,
Dūd ar kausu mugorâ.

Старый Юсень варилъ пиво
Въ конскомъ слѣдѣ:
Я пришелъ сусло пить,
Онъ мнѣ ковшомъ въ спину.

Срв. у Аун. 23.

7.

Jeusenam garas ūses,
'Jdūd maň puseiti;

У Юсеня длинныя усы;
Дай мнѣ половинку:

'Jdud maňi(m) da puseiti,
Ustobeňu izslaucet'.

Дай же мнѣ половинку,
Чтобы вымести избу.

Эта пѣсня ни что иное, какъ позднѣйшая народная этимологія слова Jeuseňš. Народъ, не понимая первоначальнаго значенія слова, осмыслилъ старинное выраженіе дешевымъ каламбуромъ. Такая этимологія фальшивая впрочемъ встрѣчается и у г. Г. въ статьѣ Аунинга: «Falls die alten Letten sich den Uhsiňsch als ihren Pferdegott unter dem Bilde eines gewaltigen Reiters gedacht haben, der unter andern Eigenschaften auch mit einem Schnauzbart geziert gewesen sein mag, so scheint sein Name von ūsa (ūsas Schnurbart) [т. е. русское усъ] abgeleitet werden zu können und würde soviel bedeuten als ūsains усачъ (l. c. p. 10). О другой невѣрной этимологіи узеньшъ—узасъ, т. е. узы, пчелины соты, см. ниже.

8.

Nū Jeuseňa zirgu perka,
Moste,tam krapeitam;

У Юсеня я купилъ коня
Съ густою гривою:

Dīwa dāls, bažojus,
Nawa taida jōjejeňa.

Божій сынъ зажалобился,
Что нѣтъ у него такого скакуна.

Другой латышъ (Онжа) тамже, вм. «nu Jeuseňa», пѣлъ «nu sauleites», т. е. у солнышка.

9.

Pīdzers Jeuseňš nābadoja,
Kozu jeudza komonōs:

Юсень, напившись, не обратилъ вниманія,
Запрегъ козу въ санки:

'Jt kaziňa raudodama,
Asareňas slaucedama.

Идетъ коза съ плачемъ,
Слезы вытираючи.

Г. Баллодъ въ Стернянск. вол. записалъ пѣсню, по видимому тождественную; вм. Jeuseňš у него «weirs»:

9*.

Pídzars weirs nabedoja,
Kozu jùdza komonûs:
Skrín kazeńa sprindžedama,
Komoneńis dordzedamis.

Пьяный человѣкъ не обращалъ вниманія,
Запрягалъ козу въ санки:
Бѣжитъ коза, прискакиваетъ,
А санки несутся съ трескомъ.

10.

Jeusenš zirgu nūswídreja,
Pígul'níku waicodams:
Gudri beja pígul'níki
Nagul' cel'a mal'eńâ.

Юсень вогналъ въ потъ коня,
Ища ночлежниковъ:
Умны были ночлежники,
Они не легли на краю дороги.

Срв. № 3.

11.

Отъ ксендза г. Бубеля въ Быковѣ, Рѣж. у. я записалъ пѣсню, слышанную имъ въ Динаб. у. въ имѣніи Нидермуйжѣ:

Jeusen, Jeusen, a beus lobs jūsteńa(s)!
Saimeníks bogotais, lobu zirgu globōtojs,
Lobu zirgu globōtojs, globōj zirgu globotoj(e)s.
Dzersim olu, ul'awusim!
Wisu zirgu globōsim!
Pígul'â jōsim, pígul'â jōsim!

Юсень, Юсень, будутъ тебѣ хорошія пояски!
Ты — богатый хозяинъ, охранитель хорошихъ лошадей,
Охранитель хорошихъ лошадей.
Охраняй тѣхъ, кто хранитъ лошадей!
Станемъ пить пиво, загуляемте!
Будемъ беречь всѣхъ лошадей!
Поѣдемъ на ночлегъ, поѣдемъ на ночлегъ!

Слѣдующія пѣсни представляютъ зооморфическую замѣну *Юсеня куликомъ* (слукою) и *жаворонкомъ*:

12.

Slūka jōja pīgul'ī,
Pīces ūlēs ozutê:

Куликъ поѣхалъ на ночлегъ
Пять яицъ за пазухой:

Ša mal'iṅê, ta mal'iṅê,
Ši guṅtiṅas kurejam.

Однѣ сюда, другое туда,
А это разводителю огня.

Записано въ дер. Пилисколнѣ, Болвск. вол. Люц. у.

13.

Slūka jōja pīgul'â,
Pīces ūlos ozutê:

Куликъ поѣхалъ на ночлегъ,
Пять яицъ за пазухой:

Kū slūceṅ poša ad?
Kū dew' guṅis kurejam?

Сколько куликъ самъ съѣдаешь?
Сколько даешь разводителю огня?

Записано въ Прели, Динабург. у.

14.

Slūka jōja pīgul'ī,
Treis ūl'eṅ ozut'ê:
Wīna dewa dīweṅam

Куликъ поѣхалъ на ночлегъ,
Три яйца за пазухой:
Одно далъ Боженькѣ,

Ūtra dīwa del'inam,
Trešu säw patureja,
Ai ku puišu kairunot!

Другое Божьему сыну,
Третье оставилъ себѣ,
Чтобы ребятъ дразнить.

Записано отъ крестьянки дер. Плешоны, Марьенгаузенск. вол. Люцинск. у. № 12, 13, 14 тождественны съ № 10 и 11 Аунинга, l. c. стр. 17.

Uhsiṅš jāja pi°gul'â,
Pi°cas ōlas wācel'ê:

Kur būs man, kur būs tew,
Kur kumel'u ganiṅam?

ВАРІАНТЪ 14-ой ДЗ.

Slūka jōja pīgul'ê,
Treis ūl'eṅes ozut'ê;
Wīnu guṅes keureja,

Куликъ поѣхалъ на ночлегъ,
Три яйца за пазухой:
Одно тому, кто разводитъ огонь,

Ūtru molkis ṅesejom
Trešu zirgu grīzejom.

Другое тому, кто приноситъ дрова,
Третье конскому пастуху.

Варк. Дин. у.

438061

15.

Ceirul'īts olu dora,
Kumel'eńa pedeńâ:

Ti dzer kungi, ti storosti,
Reibe zeme doncojut.

Жаворонокъ варитъ пиво
Въ конскомъ слѣдѣ:

Пьютъ его господа, пьютъ старосты;
Земля дрожитъ отъ танцевъ.

Записано въ Креславкѣ, Динаб. у. (Срв. Аун. 23).

16.

Ceirul'ītis olu dora
Kumel'eńu pedeńâ;

T'i dzer kungi, t'i storostas:
Zeme reib doncojut.

Жаворонокъ варитъ пиво
Въ лошадиномъ слѣдѣ;

Пьютъ его господа, пьютъ и старосты;
Земля дрожитъ отъ танцевъ.

Записано въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол. Дин. у.

17.

Ceiruls olu dora
Jz to mīta gola:

Wel n°a tai, wel n°a tai,
Soksim wel no gola.

Жаворонокъ варитъ пиво
На концѣ кола;

Еще не такъ, еще не такъ,
Начнемъ опять съ начала.
и т. д. безъ конца.

Записано въ Прели, Динаб. у.

Къ №№ 15, 16, 17 принадлежитъ, какъ варіантъ, заключительное четверостишіе болѣе длинной пѣсни у Мантейфеля-Платера (Магазинъ, Томъ XIV, стр. 195):

A ciejrulańcz ołu dora
Kumielenia padeniâ:

Ti dzier kungi un sułajni,
Ziami lejka doncojuti.

А жаворонокъ пиво варитъ
Въ конскомъ слѣдѣ:

Пьютъ его господа и слуги;
Земля гнется, когда они пляшутъ.

У Аун. l. c. вм. cierulanćz читается Usińš, а вторая половина гласитъ:

Es paskreju misas dzert
Man ar kausu migurâ.

Т. е. такъ, какъ у насъ въ № 6.

18.

«Joñeišam» brõl'eñam
Jeusenš perka kumel'eñ,
Mõreñai, mõseñai
Skūdre weja wainuceñ.

Для Ванюшки братушки
Юсень купилъ коня;
Для Марьюшки, сестрички
Муравей (по лат. женск. р.) завивалъ вѣнокъ.

Дер. Казиши, Прельск. вол. иВарковск. вол. Дин. у.

Эта пѣсенка, по мнѣнію крестьянки Ядвиги Андреевны, вездѣ и теперь еще [1]) поется на свадьбахъ въ слѣдующемъ варіантѣ:

Jauniwei, mõseñai
Skudre weja wainuceñ;
Jaunīčam, brol'eišam
Jeuseits jeudzẽ kumel'eñ.

Для молодухи, сестрички
Муравей завивалъ вѣнокъ;
Для молодца, братца
Юсень закладывалъ коня.

Наконецъ привожу здѣсь ночлежныя пѣсни, т. е. такія, въ коихъ идетъ рѣчь о пигульникахъ — конскихъ пастухахъ. Изъ нихъ № 19 подходитъ къ № 24 у Аунинга:

Usīñam brangi zirgi,
Meitas jāja pi°gul'â;
Puiši gul' aizkrāsnî,
Sijâ kājas atpsēruši (два раза),
Bikses wadzî sakaruši.

У Усеня славные кони,
Дѣвки ѣздили на ночлегъ;
Парни спятъ на запечьи,
Ногами упершись въ балку,
Штаны повѣсивъ на крючокъ.

Ночлежныя пѣсни.

19.

Kū ti dora pigul'nīki
Da saul'eitei gul'ădāmi?
Nūkawuše, apaduše
Treiju godu kumel'eñ.
Nūjodĕmi, atjodĕmi
Kaulus wīni grazdinowa (zwordzinova).

Что дѣлаютъ ночлежники,
Спящіе до восхода солнца?
Они закололи, съѣли
Трехгодовалаго жеребенка.
Уѣзжая, пріѣзжая,
Лишь въ косточки постукиваютъ.

---

[1]) Пѣсня эта была слышана на свадьбахъ въ 1884 году отъ людей изъ Знутени, Варковск. вол. Дин. у.

20.

Dīwen, dud' l'eitam l'eit'!
Najōs puiši pīgul'â:

Дай Боже, чтобы полилъ дождикъ!
Не поѣдутъ парни на ночлегъ:

Gul'äs puiši pacäpl'â,
Maisâ kojis sabozuš.

Парни будутъ спать подъ печкой,
Засунувъ ноги въ мѣшокъ.

Креславка, Дин. у.

21.

Pīgul'nīki, zirga zagl'i,
Pazūg munu kumel'eń.

Ночлежники, конокрады,
Желаютъ украсть моего коня.

Ka nūkeršu, pakoršu
Lela cel'a mal'eńâ.

Когда поймаю, повѣшу ихъ
На краю большой дороги.

22.

Pīgul'nīki gudri weiri,
Gul' pe cel'a mal'eńa:

Ночлежники, умницы,
Спятъ на краю дороги;

Kures meites caura goja,
Golwês meiza cīša.

Всѣ дѣвки, проходящія мимо,
Мочили имъ на голову.

23.

Romoks goja pīgul'î
Aglî kori biksus:

Коновалъ отправлялся на ночлегъ,
На елку развѣшивалъ свои брюки:

Kuras meites tacädams,
Kaides lences karinoj.

Всѣ дѣвки, проходящія мимо,
Принимаютъ ихъ за конскую сбрую.

24.

Pīgul'nīki, molkas barni,
Kuci kōra ūzulâ:

Ночлежники, дѣти деревъ,
Повѣсили суку на дубу:

Kurs da-ìdams pīgul'nīks
Kucis kojis samunoj.

Всякій приближающійся ночлежникъ,
Тотчасъ отличалъ сукину ногу.

25.

Pīgul'nīki pīgul'â braucä,
Pīgul'nīces beistadames.

Ночлежники отправлялись на ночлегъ,
Ихъ боялись ночлежницы.

Žogors lela kopona,
Apsedz mun augumeń!

Густолиственный кустарникъ,
Укрой мою молодость!

21—24 запис. отъ крестьянокъ дер. Зюзи, въ имѣніи Рожановѣ, близь г. Люцина.

26.

Pīgul'nīki, sawal'nīki
Nūcer' zal'a ūzul'iňa:
Nū cel'miňa kūklis škel'ä,
Nū zareňa stabul'eites.

Ночлежники, своевольники
Срубили зеленый дубокъ:
Изъ ствола выкалывали гусли,
А изъ вѣтокъ свирѣли.

Прель, Динаб. у.

27.

Pīgul'neica, pīgul'neica,
Brol'eń, taua l'audowen:
Cik wokora [1]) nusawāra,
Kur nūjoja pīgul'nīki.

Ночлежница, ночлежница
Братецъ, твоя суженная:
Какъ-вечеръ, она поглядывала,
Куда поѣхали ночлежники.

Запис. въ Прели и также отъ Ант. Котона Свальбы, Ясм. вол. Динаб. у.

28.

Sēńok bēja taidi laiki:
Žīdi joja pīgul'â;
Jau saul'eite brūkastîs,
Atjoj žīdi žovodami.

Въ старину было времячко:
Когда жиды ѣздили на ночлегъ;
Солнышко уже въ порѣ завтрака,
Жиды возвращаются зѣваючи.

Прель, Динаб. у.

29.

Pīgul'nīki, stabul'nīki,
Nūcart zal'u ūzul'eńu:
Nū räzgala kūkles škel'ä,
Nū zareńi stabul'eitis.

Ночлежники, свирѣльники
Срубили зеленый дубокъ:
Изъ комля выкалывали гусли,
А изъ вѣтокъ свирѣли.

Малновъ, Люцинск. у.

---

[1]) или Ik wokora т. е. каждый вечеръ.

30.

Weris, muna, maln-aceit,
Kur äs jōj' pīgul'â;
Kur äs jōj' pígul'â;

Kur nulēč nu kumel'a,
Tur spē$_{i}$deja zalta spíži,
Sudabreńa pakaweńi.

Наблюдай моя, черноокая,
Куда я поѣду на ночлегъ,
Куда я поѣду на ночлегъ;

Гдѣ я соскачу съ лошади,
Тамъ засверкаютъ золотые шпоры,
Серебряныя подковы.

Юрьевскія пѣсни.

Въ нѣсколькихъ варіантахъ записана мною пѣсня о святомъ Юріѣ, по видимому, книжнаго происхожденія:

31.

Tul'i, tul'i iz pīgul'a!
Jz tū° kreuma pūra mola;
Lai wācs Jūrs zirgus gona,
Lai boroj tuklus, kuplus,
Lai nadūd́ wilkam äst,
Aba kaidam zagl'em raitot.
Sabrauniki, sabel'nīki!

Kaimeńi, kaimeńeiši.
Jz tū jauku pūra mola!
Citi ūlēs, citi sweikstu,
Citi kūka kubeceńe:
Beus kimâ ūlekne taisēt,
Sīra, sweiksti kausē$_{i}$t!

Скорѣй, скорѣе на ночлегъ,
На кустистую окраину болота!
Пусть старый Георгій пасетъ лошадей
Пусть онъ откармливаетъ ихъ жирными, статными,
Пусть не даетъ волкамъ на съѣденіе,
А конокрадамъ на похищеніе.
Заправники, сотоварищи!

Сосѣди, сосѣдушки!
На прекрасную болотную окраину!
Одни — яица, другіе — масло,
Третьи — деревянную посудину,
Будетъ въ чемъ стряпать яичницу
Растапливать сыръ, масло.

Записано со словъ крестьянки Франуши Зврбуль, изъ деревни Муйзеникы, въ Звирзденской вол. Люцин. у.

32.

Tul'i, tul'i, iz pīgul'i
Iz tu jauku pūre molū!
Swate Jure zèᵢrgus gona
L'ela pura mal'eńâ.
Saimenīces nesīt ūles un uperes,
Lai swāts Jurs zèᵢrgu(s) gōna,
Lai swāts Jurs sorgoj zèᵢrgus,
Un t°ūs lūpu nu kreumu,
Nu žogora un [1]) meža cokra.

Скорѣй, скорѣе на ночлегъ!
На красивый край болота.
Святой Юрій лошадей пасетъ
На краю большаго болота!
Хозяйки, несите яйца и жертвы:
Чтобы святой Юрій пасъ лошадей,
Чтобы святой Юрій берегъ (стерегъ) лошадей
И скотину — отъ кустовъ,
Отъ хвороста и отъ лѣсныхъ пней!

Записано въ Звирзденѣ отъ крестьянина Мейкуля Люц. у.

33.

Tul'i, tul'i, iz pīgul'i
Iz tū poša pūra molu,
Iz pīgul'i, pī tō pūra!
Ak žadina swāta Jura!
Laiž ir swāts Juris gona zirgus
On (нѣм. und) par godu barō tuklus,
Lai jis nadūd' wilk'em maidot,
A ni zagl'im lai iz jīm skrīt.
Aiz upitos wadzeńês
Padūd' munu radzeńu,
Lai äs jauki aiztrumpeju
Un pīgul'a apwèstēju.
Kur kurs esit, kū kurs dorīt,
I kot (kod) waruši, pīnesīt!
Woi tos ulē (вм.ulu), woi to(s) gal'a
Saw kur(s) nesis sowu dal'u

Скорѣй, скорѣе на ночлегъ
На самый край болота!
На ночлегъ къ тому болоту!
Ахъ, заступись за меня святой Юрій!
Пусть святой Юрій пасетъ лошадей
И въ годъ выкормитъ ихъ круглыми!
Да не дастъ онъ волкамъ ихъ въ обиду,
Да конокрадамъ — напасть.
За рѣчкою на пастбищѣ
Подайте мой рожокъ,
Чтобы я звонко затрубилъ
И ночлегъ-бы оповѣстилъ (огласилъ).
Гдѣ бы кто ни былъ, что бы кто ни дѣлалъ
Всякъ принеси, что можешь!
Кто яицъ, кто мяса, —
Всякъ свою долю.

---

[1]) un союзъ «и» форма, ясно обличающая ненародное происхожденіе этой пѣсни потому что «un» заимствованъ изъ нѣмецкаго. Въ 17 вѣкѣ у Элгера Evangelia (1672 г.) всегда пишется und: срв. грамматическія замѣтки объ инфл. говорахъ, помѣщенныя далѣе.

Ni slimeibâ kaidâ sprōgt,
A ni zōl'item slikťem kalst.

Woi tos ūle, woi tos pīnu
Brondiweinu, ols woi bīru [1]).

Ни околѣть отъ какой нибудь болѣзни
Или изсохнуть отъ худыхъ травъ!

Кто яицъ, кто молока,
Водки, пива или «биръ».

Записано въ им. Таунаги, Дрицанск. вол. Рѣжицк. у., отъ крестьянина Пилки.

34.

Tul'i, tul'i ar wisu butul'i!
Rèitâ Swāta Jura dīna!
Sebreniki, sebreneices —
Sanesīt pa ūleni,

I pa gal'as gabal'eńa!
Wäl' man ir cik naudeńes
Par kū brandiweńa dabot'.
Tul'i, tul'i! dz'ersim ar wisu butul'i!

Скорѣе, скорѣе съ цѣлой бутылкою!
Завтра день Святого Юрія!
Сосѣди, сосѣдки,
Принесите по яичку

И по кусочку мяса!
Еще у меня есть нѣсколько денегъ,
Чтобы достать водки!
Скорѣе, скорѣе! попьемъ изъ цѣлой бутылки.

Записано въ Бирзенѣ-Бонифацовѣ, Люцинск. у.

35.

Tul'i, tul'i iz pīgul'i!
Pa tu gār' sila mol!
Pīgul'ńiki kupli,

Zirgi tukli!
Zirgam tauki,
Pīgul'ńikam pauti!

Скорѣе, скорѣе на ночлегъ!
По длинной окраинѣ лѣса.
Ночлежники тучные,

Кони жирные!
У коней жиръ,
У ночлежниковъ я...

Записано отъ крестьянки изъ Казиши, Прельск. вол. Динаб. у.

36.

T°ul'i, t°ul'i skań muns radzeńš!
Braucīt puiši uz pīgul'i:

Pī to pūra swāta Jura,
Ak že redzi(t) swāta Jura.

---

[1]) Биръ т. е. нѣм. Bier — пиво заводское въ отличіе отъ ols, пива домашняго.

Далеко, далеко, труби мой рогъ!
Поѣзжайте, парни, на ночлегъ!
Къ болоту святаго Юрія,
Ахъ, чтобы увидѣть святаго Юрія!

Записано въ Корсовкѣ въ Люц. у. Всѣ четыре пѣсни не народныя и поются въ различныхъ мѣстахъ Рѣжицк. и Люцинскаго уѣздовъ; № 31 извѣстенъ и въ Пахолкахъ-Букмуйжѣ, на самой границѣ Рѣжицк. и Динабургскаго уѣздовъ.

37.

Iz pīgul'a, iz pīgul'a
Ar lobu kumel'e(ń):
Lai palika meikstūs cisūs,
I jauna l'audoweńa.

На ночлегъ, на ночлегъ
Съ хорошимъ жеребцомъ!
Пусть останется мягкая постель,
И молодая невѣста!

Записано отъ старика латыша въ Бонифацовѣ-Бирженѣ.

38.

Въ дополненіе къ записаннымъ мною пѣснямъ заимствую изъ сборника инфлянтскихъ пѣсенъ Мантейфеля-Платера четверостишіе [1]), которое поется мальчиками-пастухами, когда въ первый разъ выгоняютъ скотъ на поле:

Žogata rogona, skunguľu miele!
Na soky wyłkam, kur gony gona!
Ti gony gona, kur dy͡umie ky͡upa;
Ajz leľu mieżu, ajz aukstu koľnu!

Сорока вѣдьма, языкъ изъ лучинъ!
Не говори волкамъ, гдѣ пасутъ пастухи!
Тамъ пасутъ пастухи, гдѣ дымъ дымитъ,—
За большимъ лѣсомъ, за высокимъ холмомъ!

Чтобы выяснить, что это за Усиńь у Балтійскихъ латышей, Юсиńь у Витебскихъ, необходимо изслѣдовать кромѣ пѣсенъ и обряды, совершаемые въ мѣстностяхъ, гдѣ еще до сихъ поръ держится его культъ и затѣмъ для сравненія привести всѣ поговорки и пословицы о немъ. Выше мы сообщили только тѣ пѣсни и варіанты, которые удалось намъ собрать въ предѣлахъ, такъ называемой, польской Лифляндіи и которые ясно свидѣтельствуютъ о распространеніи Усинева культа въ Витебской губерніи. Многія

[1]) Magazin der lett-lit. Ges. XIV, 2, стр. 193.

изъ пѣсенъ тождественны съ четверостишіями, записанными уже Р. Аунингомъ. Его статья объ Усенѣ не только должна входить въ кругъ нашего изслѣдованія, но матеріалы и факты, составляющіе ея содержаніе, будутъ служить намъ главною основою для объясненія Усиневыхъ пѣсенъ и особенностей Усинева культа. Выше я касался уже вопроса о томъ, что самъ народъ думаетъ объ Юсенѣ. Такъ одна старушка-пѣвица отвѣтила мнѣ: «этого я не знаю—это уже такая пѣсня, а изъ пѣсни слова не выкинешь». Другая старушка Анна Кусень въ Ливенгофѣ (родомъ изъ Ликсны) Динаб. у., сообщая, что въ Ясмуйжской волости при видѣ хорошаго жеребца восклицаютъ: «Ak tu brangais Jeuseńš»—ахъ, ты славный Юсеньшъ—говорила «kam ir labi zirgi, tà soka, soka tádu wárdu, tāds izwārds» т. е. у кого хорошія лошади, тотъ такъ говоритъ,—это такое слово, такое выраженіе. Праздникъ Егорья въ Лифляндіи, напр. въ Сесвегенѣ, и другихъ приходахъ, называется Ūsińi, (т. е. Усени — им. пад. мн. числа отъ слова Ū́sińš). Слово Усинь извѣстно также изъ латышскихъ словарей прошлаго столѣтія, составленныхъ пасторами Ланге и Штендеромъ. У Ланге сказано «Uhsińs. St. Jürgen», у Штендера: Uhsińsch der Bienen Gott. Усиньшъ—богъ пчелъ. Въ грамматикѣ своей Штендеръ дѣлаетъ попытку этимологически объяснить значеніе слова Усиньшъ: swehts uhsińsch der Bienen Gott отъ ūzas, нѣм. Bienenhosen (cf. русск. узы), der Bienen gelbe Wachshosen. Въ лексиконѣ Ульмана (1872 г.) читаемъ: Uhsińi Georgi, uhzińu deena Georgi Tag (т. е. Юрьевъ день), uhzińu meeži Georgi Gerste. О распространеніи слова и его обрядовомъ значеніи сказано: «въ Южной Лифляндіи до Крейцбурга. Здѣсь кажется произошло смѣшеніе патрона лошадей съ христіанскимъ святымъ Георгіемъ».

Изъ приведенныхъ формъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

1) Usińš, usińs Jūseńš инфлянтская форма, прямо соотвѣтствующая балтійской безъ «j».

2) Узинсъ, ūzińs, ūzińu diena. На эту форму мы не обратили бы особеннаго вниманія, если бы г. Трейландъ[1]) не привелъ заговора (№ 643, стр. 190), начинающагося словами: «Ахъ, ты силь-

[1]) Sc. Матеріалы по этнографіи лат. племена. Труды Этнограф. Отд. Имп. Общ. люб. ест. кн. VI. Москва. 1881.

ный конскій Узинь, подкрѣпляй и охраняй моихъ коньковъ и въ № 656: «Ахъ, ты богатый Узинь»!

Р. Аунингъ въ указанной уже статьѣ совершенно справедливо сомнѣвается въ правильности этой формы: «Странно, говоритъ онъ, что Трейландъ-Бривземніакъ имя Усиня, по латышски какъ и по русски, пишетъ чрезъ ſ (z)=русск. з. Во всей окрестности Сесвегена (т. е. прихода пастора Аунинга) это слово гласитъ не иначе какъ Усинь». Я съ своей стороны могу только потвердить сказанное Аунингомъ, потому что въ инфлянтскихъ уѣздахъ (Динабургскомъ, Рѣжицкомъ и Люцинскомъ) во всѣхъ волостяхъ, гдѣ Юсень вмѣсто Юрія еще употребляется въ разговорной рѣчи, какъ въ волостяхъ Прельской, Ясмуйжской (Динаб. у.), въ Стерняняхъ, Велёнахъ, Дриценахъ, Быковѣ (Рѣжицк. у.) Домополѣ-Бирзенѣ и наконецъ Болвѣ (Боловскѣ) Люцинск. у.,—во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ никогда я не слыхалъ Юзень, а всегда Юсень, лат. Jeuseń. Правильная форма именительнаго падежа Юсиньшъ.

3) Если говорятъ Усинь, то это ни что иное какъ звательн. пад., употребляемый вм. именительнаго, напр. въ 1-й пѣснѣ у Аунинга.

Ūsiń sēd sētmalâ, Gaid, lai lūdz istabâ:	Nāc, Ūsiń, istabâ, Sēdi^es galda gal'ińâ.
Усинь сидитъ на дворѣ Ждетъ, чтобъ его въ домъ пригласили:	Ступай, Усинь, въ избу, Садись у конца стола.

Суф.-inja, им. п.-injas, ińš.

4) Въ 4-й пѣснѣ у Аунинга встрѣчается форма ūsenīts, уменьшит. отъ тэмы ūsen-

5) Въ 36-й пѣснѣ у Аунинга употребляется форма ūsa, что составляетъ родительн. п. отъ *ūsas, Ūs̆s:

Danco Ūsa stilinģî	Ābolaini kumel'ińi
Танцуютъ (играютъ) въ конюшнѣ Уса	Жеребцы сѣрые (въ яблокахъ).

Этимологія всѣхъ пяти формъ ясная: всѣ онѣ произведены отъ корня us-, латинск. urere, лит.-латыш. aust, aušti свѣтать. Изъ санскритск. сюда принадлежитъ ušasa заря, usar утро.

Кромѣ того, надо знать, что въ 17-мъ вѣкѣ iезуиты въ реляцiяхъ своихъ о религiозномъ состоянiи этого края (Лифляндiи вообще) говорятъ о конскомъ богѣ латышей, называвшемся Uhsching «Equorum Deum vocant Uhsching» (1613 г.). А раньше, еще въ 1606 году, въ донесенiи iезуита къ своему начальству: «Deo equorum, quem vocant Dewing Usching, offerunt singuli duos solidos et duos panes et frustum pinguedinis, quod in ignem conjiciunt» [1]). Что этотъ Ушинь 17-го вѣка, тоже что Усинь, Усиньшъ, либо Юсинь нашихъ временъ, не подлежитъ никакому сомнѣнiю, а потверждается всѣми ниже приведенными данными, какъ обрядовыми такъ и пѣсенными. Весьма вѣроятно и то, что латышскiй Усень-Юсень и Усàсъ этимологически тоже самое, что русскiй Овсень, Усень, Авсень, заключающiй въ себѣ, по словамъ одного изслѣдователя, «понятiе о ясности, этомъ основномъ свойствѣ солнца». А. А. Потебня [2]) форму Овсень производитъ отъ корня us, санскр. ушас. лит. auszras зарево. Вспомнимъ еще, что объ Усенѣ въ Россiи говорится не раньше 1649 года, на Москвѣ напередъ сего—въ навечерiи Рождества Христова кликали многiе люди Коледу и Усень, а въ навечерiи Богоявленiя Господня кликали плугу [3]). Указываетъ ли этимологическое родство этихъ словъ и на тождественность стародавнихъ солнечныхъ боговъ народа русскаго и латышскаго, это вопросъ, къ которому мы, послѣ разсмотрѣнiя обрядовъ и пѣсень Усиня-Юсень, еще возвратимся.

Обратимся теперь къ обрядамъ, совершаемымъ въ приходѣ Лаздонскомъ (въ Лифляндiи). Въ Усень-день (по сообщенiю г. Гетгенса) рано утромъ одни мужчины (женщины строго исключаются) въ конюшнѣ закалываютъ пѣтуха, варятъ и ѣдятъ его. Ночью выгоняютъ первый разъ лошадей на пастбища, зажигаютъ костеръ и пируютъ. Угощенiе состоитъ изъ варенаго мяса, яицъ и пива. Каждому коню назначается особое яйцо и если оно лопнетъ отъ варки, то это примѣта нехорошая, обѣщающая лошади на слѣдующiй годъ несчастiе. Въ такомъ опасенiи хозяинъ приговариваетъ «Nū manam zirgam nè-īs labi! Теперь моему коню нехорошо будетъ». Затѣмъ готовятъ

---

[1]) Аун. l. c. 33.
[2]) О миѳическомъ значенiи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрiй. Харьковъ. 1865, стр. 21 и слѣд.
[3]) l. c. стр. 21, грамота царя Алексѣя Михайловича.

яичницу [1]), которую съѣдаютъ вмѣстѣ съ мясомъ и пивомъ. Къ пиру подъ конецъ допускаютъ и женщинъ и дѣтей, но приготовленіемъ кушанья должны заниматься одни мужчины. Обстановка пиршества торжественная. Пиръ начинается молитвою, которую читаетъ старшина семьи; по окончаніи ея старшина обращается къ Усиню словами: «Да хранитъ и спасетъ старикъ-батюшка Усинь лошадей отъ всякаго несчастія, отъ волковъ, отъ болѣзни» и т. д. [2]).

Старшина первый втыкаетъ свою ложку въ пантогъ,— раньше его не смѣютъ начинать ѣсть. По окончанію пира опять говорятъ: «Да хранитъ батюшка Усинь лошадей, ночлежникъ (т. е. Усинь —примѣч. Аунинга) дома». Этими словами лошади передаются на весь годъ подъ покровительство Усиня. Осенью въ Михайловъ день или въ день **Мартина**, когда лошадей на ночь больше не выводятъ и вечеромъ въ первый разъ гонятъ домой, опять закалываютъ пѣтуха. Кровью зарѣзаннаго пѣтуха капали (въ былое время) на овесъ въ ясляхъ, а на двери конюшни дѣлали ею крестъ. Объ этихъ праздникахъ въ ходу поговорка: «Tu laiku gaidi, laiks tewis gaida». Ты ждешь времени года т. е. праздника,—а праздникъ ждетъ тебя, въ томъ смыслѣ, что праздничные дни требуютъ празднованія и особыхъ жертвоприношеній. Около имѣнія Праўленъ есть холмъ, называемый **Pantagu-kalniñš** т. е. горка яичныхъ блиновъ. На этомъ холмѣ въ былое время ежегодно въ день Усеня готовились «пантаги», а вокругъ него паслись лошади [3]).

Всѣ другія свѣдѣнія о праздновании Юрья-Юсень сообщу въ порядкѣ послѣдовательности и при отдѣльныхъ моментахъ этого культа составлю и сводъ всѣхъ показаній. Первую черту празднованія составляетъ пиръ, совершаемый рано утромъ одними мущинами и жертвенное закланіе пѣтуха.

I. Въ Усень-день рано утромъ обносятъ [4]) жертвеннаго пѣтуха, передъ закланіемъ въ конюшнѣ, вокругъ каждаго коня.

---

[1]) Пантāгсъ, Pfannkuchen mit Speck, яичница съ саломъ.

[2]) Lai tad nu Ūsiń wăcais tāws sarga zirgus un glaba no wisas nelaimes, no wilkim, no slimibas и т. д.

[3]) Аун. l. c. стр. 11. Такія горы существуютъ и у литовцевъ Вост. Пруссіи: срв. A. **Rogge**. Geschichte des Kreises und der Diöcese Darkehmen, гдѣ на стр. 156 указывается на **Pautkallnes**: der Berg auf dem heutigen Schöneckschen Plan wird Pautkallnes **Eierberg** ganannt.

[4]) Или скорѣе прежде обносили; теперь эти обычаи уже не соблюдаются.

Пѣтуха закалывали подъ яслями, кровью вспрыскивали верхній порогъ двери. При неимѣніи другаго пѣтуха (лишняго) обыкновенно отказывались отъ употребленія его для жертвеннаго пира, а дѣлали только нѣсколько надрѣзовъ на гребнѣ, кровью обрызгивали косяки конюшни, затѣмъ—овесъ въ ясляхъ. Послѣ такого обязательнаго кровокропленія, опять выпускали пѣтуха на волю. Въ нѣкоторыхъ дворахъ [1]) соблюдали такой обычай: мужчины въ конюшнѣ закалывали пѣтуха, а женщины въ хлѣвѣ—курицу; готовили и пировали обѣ стороны порознь. Или бывало такъ, что хотя варили пѣтуха и курицу вмѣстѣ, но съѣдали отдѣльно—мужчины пѣтуха, а женщины курицу. На всѣхъ пирахъ строго соблюдается, чтобы, раньше чѣмъ хозяинъ не отвѣдаетъ кушанья, никто изъ домочадцевъ не смѣлъ трогать ни одного изъ поставленныхъ на столъ яствъ. Разъ, хозяйка поручила работницѣ приготовить жертвенный столъ, запретивши ей строго что-либо отвѣдывать. Кухарка на это не обратила вниманія и хотѣла, по ежедневной привычкѣ, узнать, доварено ли кушанье или нѣтъ. Сейчасъ послѣ этого пошла она въ хлѣвъ и нашла до того совсѣмъ здоровую овцу издохшею [2]). Закланіе пѣтуха обязательно въ Егорьевъ день и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ объ Усенѣ ничего не помнятъ, какъ напр. въ Курляндіи, въ Сакенгаузенѣ. Здѣсь наканунѣ Юрьева дня пѣтуха рѣжутъ надъ сѣтевомъ [3]) (лат. sẚtuwa), наполненнымъ овсомъ, причемъ рѣжутъ его по рту до ушей. Кровь собираютъ на овесъ и окропленнымъ овсомъ кормятъ лошадей. Въ этотъ же день во всѣхъ дворахъ Сакенгаузенской волости съѣдаютъ пѣтуха [4]). (О связи Егорья съ овсомъ сравни разсказъ про борьбу съ чортомъ за овесъ и обычай въ этотъ день варить овсяный кисель [5]). Иногда пѣтухъ закалывается въ кухнѣ (намсъ) надъ очагомъ, надъ огнемъ, на который вытекаетъ кровь.

[Намсъ у латышей особое зданіе — шалашъ или лѣтняя кухня. Объ обрядовомъ значеніи этой части латышск. двора сравни свадебную пѣсню изъ Эрлаа:

---

[1]) Т. е. застѣнкахъ, Gesinde. Латыши живутъ не деревнями, а отдѣльными хуторами.

[2]) Аун. l. c. стр. 13.

[3]) Даль [2] 389, лукошко съ сѣменнымъ хлѣбомъ, которое сѣвецъ носитъ черезъ плечо.

[4]) Аун. l. c. 37, 38.

[5]) А. Кирпичниковъ, св. Георгій и Егорій храбрый стр. 137.

Поведемте невѣсту
Въ кухню грѣться: т. е. naminâ silditi^s
Старикъ отецъ зажегъ огонь,
Ожидая невѣстки (wedeklińas gaididams).

Пѣніе сопровождается особымъ обрядомъ: молодуху послѣ вѣнца, въ кухнѣ (намсъ) новобрачнаго три раза обводятъ вокругъ котла] [1]).

Относительно вопроса, сохраняются ли эти обычаи и въ наше время, укажу на показанія Аунинга, что въ одномъ дворѣ около имѣнія Праўленъ подобныя жертвоприношенія совершались въ честь Усеня и въ наши дни. Старушечка (ein altes Mütterchen) той мѣстности недавно говорила такъ: «чтобы не говорили, но съ тѣхъ поръ, какъ Усиню опять стали закалывать пѣтуха, скотъ и лошади лучше ведутся». Изъ пѣсень объ Усеневомъ пѣтухѣ говорятъ №№ 29—33.

Усиню закололь я пѣтуха съ девятью хохлами,
Чтобы росла рожь да жито, а лошади отъѣдались. (№ 29).

Въ 30-й пѣснѣ мужикъ закололь пѣтуха для того, чтобы его лошадка бѣжала по девяти дорогамъ. Картину жертвоподаянія представляетъ № 33:

Далъ я, далъ я Усиню что обѣщалъ:
Чернаго хохлатаго пѣтуха (gaili kikuraini или kankaraini)

Въ 31-й колютъ для Усиня пѣтуха красноногаго:

Пусть онъ моимъ лошадямъ
Поможетъ по грязи ходить;

а въ 32-й пѣснѣ:

Усиню закололи пѣтуха;
Его бросилъ я подъ порогъ:
Пусть кони также танцуютъ
Какъ пѣтухъ, умирая, мечется.

---

[1]) № 1934 Сб. Лат. Лит. Общ., стр. 153. Срв. у Сумцова, Свадебные обычаи. Харьковъ, стр. 190: «Въ Вестфаліи и Восточной Пруссіи молодую обводятъ троекратно вокругъ огня, пылающаго на домашнемъ очагѣ».

II. *Пиръ, совершаемый ночлежниками въ честь Усиня ночью въ полѣ; варка яицъ.*

Когда пастухи[1]) въ первый разъ выгоняютъ лошадей на ночлегъ[2]), хозяйки даютъ имъ столько яицъ, сколько ногъ у лошадей. Другія назначаютъ каждому коню два, иныя, одно только яйцо. Ребята (pūiši, молодцы, пастухи) дѣлаютъ углемъ мѣтки на яйцахъ и варятъ ихъ. Въ другихъ мѣстахъ совершается при этомъ слѣдующій обрядъ: вытаскиваютъ колъ изъ земли, кладутъ одно яйцо въ петлю узды и опускаютъ его въ дыру вырваннаго изъ земли кола: лошади тогда будутъ смирныя; или бросаютъ яйцо въ густой кустъ вербы, чтобы лошади были хорошія; или же кладутъ яйцо въ большой дубъ, чтобы лошади были сильные, какъ дубъ. Въ польской Лифляндіи этотъ пиръ устраивается обыкновенно наканунѣ Егорьева дня. Въ Прельской волости Динаб. у. лѣтъ десять тому назадъ или двадцать былъ такой обычай. Ночлежники, отправляясь съ лошадьми на ночнину, брали съ собою яица, водку, масло, вареную свинину и пиво. Женщины черезъ нѣкоторое время приходили въ гости съ своими гостинцами, состоящими изъ съѣстныхъ припасовъ и шутки ради съ вѣнками. Ночью зажигали костёръ подъ деревомъ, сучья котораго обрубались, чтобы можно было привѣшивать котомки (kul'eiti). Ужинъ былъ весьма церемонный; всѣ садились въ рядъ вокругъ костра безъ различія положенія и богатства. Мясо и яица къ этому пиршеству приготовляли на кострѣ. Бились яицами, причемъ тотъ, у кого яйцо крѣпче, приговаривалъ: «Muns zirgs stiprōks» — мой конь сильнѣе.

Въ видѣ шутки приводятъ (и теперь еще) потомъ коня и подпаливаютъ ему усы у ноздрей головешками (nūdagul'(i)ši). Такъ проводятъ время до утра. Съ утра сосѣди, приходя домой, приглашаютъ другъ друга на завтракъ. Надо еще замѣтить, что именно въ этотъ вечеръ отправляются на ночлегъ сами хозяева, а не парни-пастухи. Хозяйка, выпровождая ночлежниковъ, соблюдаетъ особые обряды: беретъ громничныя свѣчи и травки (grabńeices swaces i zol'es) и кадитъ ими и обходитъ лошадей и ночлежниковъ для того, чтобы Господь Богъ благословилъ ихъ

---

[1]) По Аунингу, l. c. стр. 14.

[2]) Т. е. piegul'â: ночное (пастбище). Срв. лит. prégule: i, prégul' jât sich auf die nächtliche Pferdeweide begeben; prè вм. py cf. Бецц. l. c. 158.

счастливо отбыть лѣто (Kab Diws blagosloweja calu wosoru staigōt' wasalu [1]).

Въ Лубанѣ на Лифляндской границѣ подобные обряды совершаются въ Троицу (Pfingsten): по Биленштейну (Johannisfest der Letten, стр. 26) pflegen die Wirthe einer Weidgenossenschaft in der Pfingstnacht mit den männlichen Dienstleuten des Gesindes ihre sämmtlichen Pferde auf der Communalweide zusammenzutreiben, mit Feuerbränden und den Brodsäcken zu umlaufen und dann in die Feuerstätte in ein mit einem spitzen Pfahl gebohrtes Loch ein Opfer von zusammengerührtem Bier, Branntwein, Fleisch, Eier, Käse, Milch, Mehl, Fett und der dort fertig gekochten Speise, die sie pantags nennen, für die peegul'as mahte, die Weidegöttin [2]) hineinzugiesfen, nachdem zuvor ein heiles Ei hineingeworfen ist. Dann wird ein hellflammendes Feuer über dem Opfer entzündet und am Feuer wird geschmaust. Was vom pantags nachbleibt, wird am Morgen aufgegessen, aber nicht mit, sondern ohne Bröd. Dieses Opfer schützt die Pferde vor Wölfen, Krankheiten u. s. w. und wer von den zusammengehörigen Wirthen sich der Sitte entzieht, dem geht es mit seinen Pferden nicht gut. Въ Восточной Пруссіи, въ приходѣ Даркеменскомъ, Троица считается также праздникомъ конскихъ пастуховъ мальчиковъ: «Am heiligen Abende musste jedem Hüterknaben eine Anzahl Eier, ein Stück Speck, ein Fladen, der nöthige Branntwein und sonstige Lebensmittel verabreicht werden. Sämmtliche Leckereien wurden zum Hüterplatz gebracht und an einem gewaltigen Feuer ein Festmal gerüstet, bei dem die Hauptrolle der Pfannkuchen spielte. Zuweilen wurde dieses Fest von den vereinigten Hüterjungen mehrerer Dörfer gefeiert (A. Rogge, Gesch. d. Kreises u. der Diöcese Darkehmen, стр. 159).

Число яицъ, подаваемыхъ пастухамъ, различно. Въ Быковской волости, Рѣжицк. у. говорятъ: «четыре ноги, четыре яйца» (četres kōjes četres ūles). Въ Болвѣ (Люц. у.) на каждаго коня считается по десяти яицъ. Изъ пѣсенъ, записанныхъ Аунингомъ,

---

[1]) По сообщенію г. Рыбуля, нынѣ волостнаго писаря въ вол. Вышкахъ, Динаб. у., который во время моего пребыванія въ м. Прели (инфл. Preili) обязательно мнѣ сообщилъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ латышамъ Прельской волости, извлекши, между прочимъ, изъ семейныхъ списковъ прозвища латышей всей этой волости.

[2]) Матка ночлежниковъ, мать ночнины.

сюда относятся №№ 10, 11 и 35. Въ послѣдней приглашаютъ приносить въ жертву Юсеню сто яицъ:

Сегодня вечеромъ, сегодня вечеромъ,
Отправимтесь, братцы, на ночнину!
Понесемъ Усиню
Сто яицъ въ жертву!

Въ другихъ пѣсняхъ Усинь самъ пріѣзжаетъ на ночнину раздавать яица:

Усинь ѣздилъ на ночнину
Пять яицъ въ кошелькѣ:
Что будетъ мнѣ, что тебѣ,
Что конскому пастуху (№ 10)?

Въ 11-й пѣснѣ раздача яицъ другая:

Что будетъ тому, что будетъ другому,
Что зажигателю огня (костра).

Чтобы выяснить вопросъ о томъ, что такое Усинь, надо знать, какую роль играетъ церковный праздникъ Егорья въ жизни латышскаго народа.

Въ этотъ день въ Курляндіи, какъ и въ Лифляндіи сводятъ счеты и нанимаютъ работниковъ (кнехтовъ). Въ этотъ день принимаютъ и отдаютъ аренды. По сообщенію А. Биленштейна, въ окрестности Аўца (въ нижней Курляндіи) Юрьевъ день праздникъ лошадей (zirgim esōt swētdina), оттого возбраняется на полѣ работать лошадьми. Если будешь работать, то волкъ нападетъ на овецъ. Въ городѣ Баўске и окружности, въ этотъ день не работаютъ, боясь, чтобы не случилось градобитія.

Въ Юрьевъ день латыши совершаютъ различныя колдовства и врачеванія. *Пѣтухъ*, который въ Усеневыхъ обрядахъ играетъ такую важную роль, имѣетъ большое значеніе и тамъ, гдѣ нѣтъ и помину объ Усенѣ. По Трейланду [1]) «рано утромъ въ Юрьевъ день до восхода солнца возьми пѣтуха съ мѣста и зарѣжь его; кровь съ пѣтуха напусти въ посуду и обойди съ нею весь свой хуторъ, три раза кругомъ противъ солнца; при-

---

[1]) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, стр. 201.

шедши домой, перелей кровь изъ посуды въ перчатку и брось перчатку на крышу дома: Эта кровь будетъ наилучшимъ лѣкарствомъ для домашнихъ животныхъ отъ всякаго недуга». Отъ *волковъ* спасаетъ наговоръ, произнесенный въ *Юрьевъ день*: лѣсная собака, да будутъ заперты твоя пасть и твой ротъ, какъ замокъ Петра. Во имя и т. д. [1]). Если хочешь сдѣлаться оборотнемъ (волкодлакомъ), то въ Юрьевъ день до восхода солнца иди въ лѣсъ, воткни въ упавшее дубовое дерево два ножа, раздѣнься до гола и перекувырнись два раза между ножами [2]). *Колдуны* спасаются тѣмъ, что въ Юрьевъ день три раза стрѣляютъ изъ ружья [3]). Чтобъ *кони* съ возами шли хорошо другъ за другомъ, убей *хорька*, возьми его мяса, испеки въ печкѣ, примѣшай къ овсу и дай конямъ съѣсть въ *Юрьевъ день*; тогда они будутъ слѣдовать другъ за другомъ не отставая, точно хорьки [4]). Чтобы не причинили зла злыя чары раганъ (вѣдьмъ), надо сказать въ Юрьевъ день такія слова: не прикасайтесь къ помоямъ моего молока: вы испортите свое молоко, ибо мои коровы предохранены зельемъ (знахарствомъ); если приметесь за мое молоко, то ваше молоко и масло станутъ вонять такъ, что ни одинъ человѣкъ не будетъ ѣсть вашего молока и масла,—ваше молоко да масло будутъ ѣсть только свиньи [5]). Отъ волковъ хозяйка, выпуская весною въ *первый разъ* на пастбище скотину, *мететъ дорогу* маленькою сухою елкой, приговаривая: большая, длинная сухая ель сломалась и лежитъ поперекъ дороги. Пускай дорога волка будетъ такъ же длинна, какъ высока эта ель. Пускай зубы волка такъ же засохнутъ, какъ сухія вѣтви этой ели [6]).

Если сравнивать всѣ извѣстные обряды, совершаемые 23-го апрѣля въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Усень неизвѣстенъ и по отно-

---

[1]) l. c. стр. 102, № 438. A. Porre, Gsch. der Diöcese Darkehmen, p. 157 разсказываетъ о литовцахъ Вост. Пр. «Am Georgstage musste die Heerde ausgetrieben werden, um den Wolf zu bannen. Wenns irgend möglich war, wurde jedoch oft genug zum Schaden für das durch karge Witterung zurückgekommene Vieh das Weiden bis zum Katharinentage, dem 25 Nov. fortgesetzt (sc. до холоднаго Егорья, 26 ноября).

[2]) l. c. p. 206.

[3]) l. c. p. 207. Въ Россіи поселяне вѣрятъ, что въ Юрьевъ день на зарѣ знахари и вѣдьмы нарочно выходятъ въ поле, растилаютъ по росѣ холстъ и набрасываютъ на рогатый скотъ, отчего онъ дѣлается *недойнымъ*, *тощимъ*. И. Кал. Р. Мѣс., стр. 396. (Терещенко, Бытъ VI).

[4]) l. c. стр. 201.

[5]) l. c. d. 168, № 487. Срв. о русскихъ повѣрьяхъ относительно порчи коровъ примѣч. 4-ое.

[6]) l. c. стр. 224, № 49.

шенію къ которымъ можно говорить теперь о Юрьевскихъ обычаяхъ, съ тѣмъ, что характеристично для культа Усеня, то надо признать, что между Егорьемъ и Усенемъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ нѣтъ никакого различія. Вполнѣ вѣрно то, что говоритъ Аунингъ l. c. стр. 9. «Der 23 April wird promiscue genannt bald Jurģa-deena, bald Uhsiňa-deena». Егорій, какъ и Усень, покровитель и кормитель лошадей; они оба славные ночлежники, оба охраняютъ отъ волковъ, разныхъ недуговъ и знахарей. Пѣтухъ имѣетъ значеніе въ Юрьевъ день и тамъ, гдѣ неизвѣстенъ Усень. Въ 26-й пѣснѣ (Аун. стр. 20):

Кто желаетъ имѣть бѣлые платки,
Пусть выгоняетъ овецъ на ночлегъ!
Въ Усеневу ночь (падаетъ) золотая роса:
Ею будутъ умываться овечки.

Трудно рѣшить, есть ли это повѣрье христіанскаго характера или языческаго. Въ цѣлебность Юрьевской росы вѣритъ и русскій народъ. По И. Калинскому [1]) «эта Юрьевская роса дѣйствительно, говорятъ, полезна для скота; такъ, напр., содержатели конскихъ заводовъ однимъ изъ условій хорошаго содержанія лошадей считаютъ и то, *чтобы почаще выгонять* ихъ *на утреннюю росу*».—Что росѣ приписываютъ благодѣтельную и цѣлебную силу, это ясно изъ тѣхъ Ивановскихъ пѣсенъ, гдѣ также говорится:

«Кто хочетъ бѣлыхъ овецъ,
Пусть выгоняетъ овецъ на ночлегъ;
Въ *Иванову ночь* золотая трава (роса),
Въ ней будутъ умываться овечки».

(Спрогисъ l. c. № 290. Срв. и Трейланда стр. 42, № 135).

Очень можетъ быть, что въ польской Лифляндіи Усень (Юсеньшъ) только позднѣе замѣнился Георгіемъ, благодаря энергической дѣятельности іезуитовъ, которые старались во время контрреформаціи изгнать всякія суевѣрія, причемъ искусно умѣли подмѣчать особенности того народца, въ средѣ котораго они совершали свою миссіонерскую дѣятельность. Такъ они, послѣ того какъ Иванъ Элгеръ уже въ 17-мъ вѣкѣ составилъ

---

[1]) Русскій Церковн. М., стр. 396.

переводъ евангелій и духовныхъ пѣсенъ по католическому вѣроученію, въ 1753 году издали второй переводъ евангелій для польской Лифляндіи особенно «cum precibus et precatiunculis nonnullis cvrâ quorundam ex Clero Livonico recentissime juxta usitatiorem loquendi modum lothavicum versa et translata. Vilnae typis soc. Iesu. 1753». Что латыши имѣютъ патрона лошадей, какого-то бога конскаго Ушиня, это іезуиты уже знали съ 1610 года. А въ 1613 году архидіаконъ Иванъ Теценонъ, Dr. utriusque juris, вмѣстѣ съ ксендзомъ (pater) Эрдманомъ Толгсдорфомъ ревизовалъ Ливонію. О Витебской Латвіи (in finibus Moschoviae) онъ далъ подробный отчетъ, упоминая и о двухъ *яйцахъ* «quae certis temporibus quercui supponunt», какъ жертвоприношеніе—вѣроятно Юсеню. Но когда составлены были выше приведенныя Юрьевскія пѣсни—мнѣ не извѣстно. Для характеристики приведу Дрицанскій (Таунаги) варіантъ:

Вдаль, вдаль на ночнину!
На самый край болота,
На ночнину у болота!
Ахъ, заступись за меня святой Юрій.
Пусть и святой Юрій выгонитъ лошадей
И за годъ сыто накормитъ.
Пусть не дастъ волкамъ ихъ въ обиду,
Ни конокрадамъ на нихъ нападать!
Чтобы они не околѣли отъ какой нибудь болѣзни
Или высохли отъ зловредныхъ травъ.
За рѣчкой на пастьбищѣ!
Подайте мнѣ рожокъ,
Чтобы я громко затрубилъ
И ночнину оповѣстилъ.
Гдѣ бы кто ни былъ, чтобы онъ ни дѣлалъ
Что можетъ, пусть принесетъ —
Будь то яйца, будь мясо—
Каждый принеси свою долю:
Будь это яйца, будь молоко
Или водка, или пиво, или биръ.

Что *Усень не* христіанскаго происхожденія и что онъ первоначально былъ богъ, который потомъ былъ замѣненъ Георгіемъ, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что культъ Юсеня

пріуроченъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Слово Юсень, Усень сохранилось и до сихъ поръ какъ имя въ прозвищахъ. Такъ въ Сесвегенскомъ приходѣ, близъ имѣнія *Керстенбомъ*, есть гора Усиня (Ūsiņa kalns), корчма Усиня (Ūsiņa krogs) и дворъ Усиня (Ūsiņa māja). Другая гора Усиня находится въ томъ же приходѣ около имѣнія Зельзау [1]). Тамъ живетъ хозяинъ-латышъ. Не отличаясь въ другихъ отношеніяхъ отъ своихъ собратьевъ, онъ славится какъ любитель лошадей; онъ всегда выкармливаетъ жеребца и вообще за своими лошадьми ходитъ съ большимъ усердіемъ и вниманіемъ. Всѣ крестьяне, сосѣди и знакомые, называютъ его Усиньцъ [2]). Въ польской Лифляндіи прозвище Юсеньшъ извѣстно только въ одной Стернянской волости, Рѣжицкаго у., въ деревнѣ Вайводахъ близь имѣнія Аташинъ-Маріензé, гдѣ живетъ семейство Юсеньшъ. Съ однимъ членомъ этого семейства, Юре Юсеньшъ, я видѣлся. Онъ человѣкъ малаго роста, картавый, по ремеслу колесникъ. О Юсеневыхъ пѣсняхъ онъ ничего и знать не хотѣлъ: по его мнѣнію, этакое «поганство» (язычество) держится болѣе у латышей-протестантовъ Лифляндской губерніи, у которыхъ въ *Лаудонѣ*, напр., конный торгъ называется торгъ, рынокъ Усиня.

Въ Сесвегенскомъ приходѣ въ старину существовало нѣсколько жертвенниковъ (обыкновенно пней), на которыхъ ежегодно въ Усень-день приносили Усеню жертву, состоящую изъ мяса, хлѣба и пива. Объ этихъ жертвоприношеніяхъ, Аунингу разсказывали: если яство (bariba) осталось нетронутымъ или когда узнавали, что человѣкъ его унесъ, тогда, грустя и горюя, говорили: «Богъ насъ оставилъ за то, что мы его обидѣли. Съ лошадьми въ этомъ году счастья не будетъ». Если, напротивъ того, какой нибудь звѣрь съѣдалъ эту жертву, тогда радовались и ликовали, приговаривая, что «на этотъ годъ будутъ хорошіе жеребцы и лошади, потому что Богъ принялъ жертву» [3]). Другіе ставили такую жертву на сѣновалъ въ конюшнѣ, надѣясь, что Усинь тамъ ее съѣстъ. Самая жертва приготовлялась изъ желудка, сердца, головы и ногъ пѣтуха, а отъ свиньи брали для этой цѣли печень, легкія, языкъ и ноги (ibidem).

---

[1]) Аун. l. c. стр. 12.
[2]) l. c. стр. 34.
[3]) Аун. l. c. стр. 15.

Разсмотрѣніе Усеневыхъ обрядовъ и разборъ нѣкоторыхъ пѣсенъ о жертвенномъ пѣтухѣ и о яйцахъ выяснили, что Усень, Юсень признается латышами исчисленныхъ мѣстностей патрономъ лошадей и конскихъ пастуховъ-ночлежниковъ. Образъ его ясно обрисовывается въ пѣсняхъ: онъ ѣздетъ на ночлегъ, его называютъ старикомъ. Слово «Усень» употребляется гораздо чаще и въ болѣе опредѣленномъ смыслѣ, чѣмъ *Овсень*. Извѣстно что русское «Овсень» больше всего употребляется въ припѣвѣ, или началѣ пѣсни и разъ только въ дательномъ падежѣ ед. числа какъ олицетвореніе:

«Ой Овсень! ой Овсень!
Кому-жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ *Овсеню*,
Да *новому году*» [1]).

Юсень нерѣдко встрѣчается и въ прибауткахъ такъ, напр., при видѣ хорошихъ лошадей, говорятъ: «Tas gan Ūsińu labi turejis» (этотъ крестьянинъ (которому принадлежитъ лошадь) Усиня хорошо держалъ, почиталъ). У кого худыя лошади, о томъ, напротивъ, приговариваютъ: Tas Ūsińu-nau labi uzńēmis, nōturejis либо gōdajis (Этотъ человѣкъ не хорощо угощалъ, содержалъ и уважалъ Усиня [2]).

Въ выше приведенныхъ Усеневыхъ пѣсняхъ инфлянтскихъ латышей было также указано на связь нѣкоторыхъ четверостишій «Юсень ѣздилъ на ночнину» съ такими пѣснями, гдѣ вмѣсто Юсеня является *слука*, т. е. куликъ (срв. чешск. slūka, млр. слуква и срб. шљука).

«Слука» ѣдетъ на ночнину
Пять яицъ въ кошовкѣ:
Это на одну сторону, другое на ту сторону,
Остальныя разжигающимъ костёръ.

(Срв. № 12, стр. 11).

---

[1]) А. А. Потебни о миѳ. знач. н. о., стр. 22. Снегиревъ, Сказанія русскаго народа, С.-Петербургъ, 1837. II, стр. 258. По А. Н. Веселовскому, Разысканія въ области русск. духовн. стиха, Зап. Имп. Ак. Наукъ, Т. 45, Приложеніе № 1, стр. 110: «собственно говоря въ пѣснѣ у Терещенка (VII, 118) говорится:

Кому мостами ѣздити?
Таусень!
Молодцу удальцу
Таусень!

Таусень=Авсень—припѣвъ, не обозначеніе лица и т. д.» Таусень т. е. та усень.

[2]) Аун. l. c. стр. 34.

Такъ какъ въ латышской народной поэзіи эта slōka, инфл. slūka не играетъ особой роли, то мы переходимъ къ пѣсенкамъ про *жаворонка*. Въ № 15 и 16 жаворонокъ варитъ пиво въ конскомъ слѣдѣ. Въ шестой старикъ Юсень также дѣлаетъ (dora) olu т. е. пиво, а въ 17-й жаворонокъ ухитряется пиво варить на концѣ кола. Довольно странную и комическую роль играетъ жаворонокъ въ одной болѣе длинной пѣснѣ у Спрогиса, Пам. стр. 105, № 1:

Жаворонокъ пташечка
Не спи при дорогѣ!
Завтра поѣдутъ *большіе господа*,
Заберутъ тебя въ карету,
Заберутъ тебя въ карету,
Повезутъ въ *Нѣметчину*.
Тамъ заставятъ тебя *молоть бобы*,
Бить въ *мѣдный барабанъ*.
Ты не умѣешь ни бобовъ молоть,
Ни бить въ барабанъ....
Ахъ, Боже, милый Боже,
Какъ бы вернуться теперь назадъ,
Какъ бы вернуться теперь назадъ,
На свою родину!...
У роднаго батюшки рожь, ячмень,
Въ конюшнѣ — славные кони,
Въ конюшнѣ — славные кони,
Въ селѣ красавица суженая.

Нѣметчина (Wāc-zeme) въ латышскихъ пѣсняхъ означаетъ «вечеръ, вечерняя сторона», гдѣ солнце и утренняя звѣзда проводятъ ночь. Въ загадкахъ, по изслѣдованіямъ А. Биленштейна [1]), Нѣметчина (Wāczeme) не только заграничная земля, но тоже надземный свѣтъ, на той сторонѣ земнаго шара, или свѣтъ надъ облаками, гдѣ громъ гремитъ, откуда снѣгъ идетъ и гдѣ находится дуга (радуга). Въ загадкѣ № 430 о громовникѣ-Перунѣ напр. говорится: «въ Нѣметчинѣ быкъ зарычалъ — отдалось въ этой землѣ». (Срв. Трейланда, Матер. II, стр. 80: вм. šai zemê въ этой землѣ—у него читаемъ Kurzemî въ Курляндіи). Жаворонка увозятъ такимъ образомъ въ ту сторону, гдѣ темно, въ вечернюю. «*Молоть бобъ*» это означаетъ борьбу

---

1) 1000 lettische Räthsel, Mitau. 1881. стр. 9.

бобовъ-звѣздъ съ ночнымъ свѣтомъ. Оборотъ «бить въ мѣдный барабанъ» (wara bungas rībināt) относится можетъ быть къ звуку свѣтилъ, о которомъ говоритъ Л. Воеводскій (Введеніе въ миѳологію Одиссеи, Одесса, 1880, стр. 15—25). Жаворонокъ, у родного батюшки котораго ростутъ рожь, ячмень и ведутся славные кони, зоомороическая замѣна солнца. Солнце боится заката и работы въ Нѣметчинѣ—молоть бобъ и бить въ мѣдный барабанъ. Усень-жаворонокъ варитъ пиво въ лошадиномъ слѣдѣ, подобно тому какъ въ Ведахъ изъ копыта коня цѣдятъ сто кружекъ вина или меда: «изъ копыта могучаго коня налили вы человѣку сто сосудовъ» [1]). Пиво, приготовленное жаворонкомъ, не обыкновенный напитокъ, а небесный, оттого и «пьютъ господа и старосты, а земля дрожитъ отъ танцевъ».

Что жаворонокъ замѣняетъ Усеня и солнца—это не удивительно: у другихъ народовъ *юное весеннее солнце* является также *жаворонкомъ* [2]). Замѣна Юсеня солнцемъ помѣчена была выше въ примѣчаніи къ 8-й пѣснѣ. Предположеніе о тождествѣ Усеня и солнца потверждается и другими данными. Въ 3-й пѣснѣ Юсень ищетъ ночлежниковъ. Ночлежники умные люди — не спятъ на краю дороги. Такая же пѣсня есть и объ Иванѣ (срв. ниже № 42). Въ одной солнечной пѣснѣ солнце бѣжитъ вокругъ горы, ища ночлежниковъ. Ночлежники умные люди—они не спятъ на верху горы [3]). Въ другомъ варіантѣ, у Трейланда [4]), «ночлежники скрываются такимъ способомъ, что съѣзжаютъ въ лукоморье, разводятъ огонь изъ тростника, чтобъ дымъ не подымался». Усинь для латышей *хорошій человѣкъ* (labais wīrs), съ нимъ конскій пастухъ ѣдетъ на ночнину. Срв. Аун. стр. 17, № 8. Въ 19-й пѣснѣ онъ называется тятькою, вся забота котораго ходить за лошадьми:

«Ūśińam tētińam	Dienâ nesa auzu sieku
Zirgus kōpt gribejās»;	Naktî cukur ūdentiń.
Усиню тятькѣ	Днемъ онъ несетъ имъ мѣру овса,
Хочется коней холить;	Ночью сахарной воды.

---

[1]) Вс. Миллера, Очерки арійской миѳологіи. Москва. I, стр. 138.

[2]) Ang. de Gubernatis, die Thiere, in der arischen. Mythologie. Leipzig, 1875, p. 549.

[3]) Спрогисъ, р. 285. У Мант.-Платера № 37 про солнце говорится: «Apleik kołnu saule taka, Garys dinys grybadama.

[4]) l. c. стр. 32, № 78.

Ему зажигаютъ костеръ для того, чтобы онъ большимъ огнемъ согрѣлъ весь міръ. Лошади тогда будутъ здоровы:

Krausim malku wezumâ,
Wedisim Ūsińam;
Lai tas kūra li^elu guni,
Lai sildija pasaulīt;
Lai stāw dzīwi bēri^e zirgi,
Ābolaińi^e kumelińi.
Meti^ens sōla aukstas di^enas
Draude wisus nosaldēt [1]).

Главныя черты почитанія Усеня связаны съ конями. Онъ не только ночлежникъ, но и ѣздокъ чудотворный. Подобно тому какъ Егорій храбрый, по словамъ русскихъ духовныхъ стиховъ, «ѣдетъ на своемъ конѣ ретивомъ, по Божьему всевелѣнью, по Егорьеву моленью, по всей землѣ свѣтло-русской разрастаются лѣса темные, раскидаются лѣса дремучіе, разсыпаются горы высокія, становятся холмы широкіе, текутъ моря глубокія, бѣгутъ рѣки широкія и т. д.», подобно Егорію ѣдетъ и Усень не на простомъ конѣ, а на каменномъ:

Усинь ѣдетъ черезъ гору
На каменномъ конѣ:
Онъ приноситъ деревьямъ листья,
Землѣ зеленый клеверъ. [2])

Въ № 39: Усинь принесъ деревьямъ листву,
Землѣ зеленый плащъ.

Усень здѣсь богъ весны, который въ другой пѣснѣ (Трейландъ, Сб. антроп. и этногр. ст. II, стр. 52, № 190) называется *броненосцемъ*:

«Сюда прибылъ *броненосецъ* верхомъ
На каменноподобномъ конѣ;
Принесъ онъ деревьямъ листья,
А землицѣ зелену траву».

У Спрогиса l. c. стр. 300, № 6, пѣвецъ спрашиваетъ:

Кто это ѣдетъ
На дымчатомъ конѣ:

[1]) Аун. стр. 23, № 38.
[2]) Аун. № 40.

Который приноситъ листья деревьямъ,
А землѣ зеленый клеверъ?

Латышъ обращается къ Богу съ просьбою объѣхать его поле—сколько будетъ конскихъ слѣдовъ, столько кучъ сноповъ на полѣ:

«Jęm, dǐweń, ŝermu zirg(ŭ),
Apjōj munu teirumeń:
Cik sūl'eiš, cik pēdeń,
Tik gubeń teirumâ». Запис. въ дер. Свальбы,
Ясмуйжск. в. Динаб. у.

У покровителя лошадей отмѣнные кони:

Съ Усинемъ я мѣнялъ лошадей,
Не съ своимъ братомъ.
У Усиня красивые кони,
Не (такъ какъ) у моего брата.

(Аун. № 20).

Въ 8-й пѣснѣ нашего сборника (стр. 9) поется:

Отъ Юсеня я лошадь купилъ
Съ густою гривою:
Божій сынъ божится (хвастается)
Что нѣтъ у него такого ѣздока (т. е.
Достойнаго для божьяго коня)

На Усевыхъ коняхъ ѣздятъ ѣздоки съ золотыми шпорами:

Въ конюшнѣ Уса
Танцуютъ лошади сѣрыя съ яблоками;
Ѣздоки (его) прогуливаются
Въ золотыхъ шпорахъ [1]).

Въ другой пѣснѣ (№ 37 Аун.), передъ Тенисомъ, покровителемъ свиней, Усень хвалится своими *бурыми конями* (Ūsiń̂š li°lij' bērōs zirgus, p. 22). Г. Мангартъ [2]) этихъ бурыхъ лошадей сопоставилъ съ рыжими (rohitas или arushîs) Ведовъ. Такой эпитетъ, по его мнѣнію, указываетъ на солнечный цвѣтъ этихъ

---

[1]) Аун. № 36. Лошади Усеня хорошіе (labi, branġi zirgi) срв. ibid. стр. 20, № 24 и 25.
[2]) Lettische Sonnenmythen. Zs. f. Ethnologie 1875, p. 93.

коней. Въ одной пѣснѣ, записанной мною въ Колупѣ, въ Динабургскомъ уѣздѣ, солнце покупаетъ золотоногаго коня:

Kam, sauleite, zirgu ṕerka Zaltonōm kōjeńōm?	Wel nau ausakłam Taida dal'a jōjejāń.
Для кого, солнышко (по латышски женск. рода), ты коня купило Съ золотыми ногами?	Нѣтъ еще у утренней звѣзды Такого красиваго ѣздока.

Усень танцуетъ и прыгаетъ какъ и солнце. («О пляскѣ солнца въ Ивановъ день» смотри ниже). Извѣстно, что, по выраженію латышей, saule uzlec—не восходитъ, а «вскакиваетъ». У Аун. № 14:

Ūsińš deija, Ūsińš lēca Mana stal'a pakal'â:	Lēc', Ūsiń, kur lēkdams, Lēc kumel'u dārzińâ.
Усинь танцуетъ, Усинь прыгаетъ Позади моей конюшни:	Прыгай, Усинь, куда хочешь, Прыгни только въ лошадиное стойло.

Въ №№ 12 и 13, позади конюшни Усень подымается на дыбы (Ūsińš stāwu slaistijās). Трудно сказать, относится ли слово slaistitîs къ весеннему солнцу или нѣтъ (Срв. Аунинга: Hiermit wird das höhere und höhere Aufsteigen der Frühlingssonne am Firmament bezeichnet). Ясно только то, что stāwu slaistijās прямо относится къ Усеню и что слово slaistijās обыкновенно употребляется въ примѣненіи къ лошадямъ. Во второй половинѣ приведенной пѣсни, какъ и въ первой рѣчь идетъ только объ Усенѣ. Его приглашаютъ войти въ конюшню и кормить лошадей. № 13 и № 1-й близко подходятъ другъ къ другу. Вторая половина таже:

Nāc Ūsiń istabâ,
Sēsti's galda galińâ! (№ 1 sēdi's).

Въ первой половинѣ разница. Въ № 1-мъ Усинь сидитъ у тына, ждетъ, чтобъ его пригласили въ домъ; въ 13-й—сзади конюшни, поднявшись на дыбы. Въ № 1 нашего сборника (стр. 7) ночлежники обращаются къ коню Юсеня, приглашая его на ночнину:

Ночлежникъ огонь разводитъ,
А конь Юсеня (другихъ) коней пасетъ;

Усень явился бы тогда какъ весеннее солнце въ образѣ коня [1]).

[1]) О божьихъ коняхъ латышской поэзіи, смотри Спрогиса, l. с. стр. 298—303.

Въ № 21 (Аун. стр. 19) Усинь сидитъ на горѣ, заинька (заяцъ) на корточкахъ внизу. Присматриваясь къ этому зайцу, Усинь говоритъ:

Его я ни впрягу, ни поѣду на немъ,
Онъ и не побѣжитъ по дорогѣ.

Аунингъ объ этомъ стихѣ только коротко замѣчаетъ «Das Häslein ist kein Ross für den Uhsfing» (стр. 27). Въ миѳѣ zakis, литовск. zuikis, заяцъ, скр. çaça означаетъ мѣсяцъ [1]), оттого, можетъ быть, Усень, увидѣвъ зайца, смущается и отказывается на немъ ѣздить, ибо заяцъ представитель ночи.— Коза изображаетъ дождевую тучу, напр., въ приведенной у насъ 9-й пѣснѣ. У Аунинга три стиха свидѣтельствуютъ объ отношеніяхъ Усиня къ Тенису, покровителю свиней. День Тениса (Антонія) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, Курляндіи и Лифляндіи празднуется 17-го января. Въ этотъ день варятъ и ѣдятъ свиную голову. Иногда, по Аунингу, хозяйки поютъ такую пѣсеньку:

«Ой ты Денисушка свиной!
Красивы твои поросята!
Сама свинья въ сапогахъ,
Поросята въ башмачкахъ!

У Трейланда [2]) въ заговорѣ подъ № 643 обращаются къ Денису словами: Ахъ ты заботливый свиной Денисушка, умножай моихъ свиней! (Ak tu rùpígais cūku Tenisīt, vaislini manas cūcinas [3]).

Денисъ тоже что святой Антоній, которому посвящена свинья (Angelo de Gubernatis l. c. стр. 342). Денисъ-Тенисъ не рѣдко встрѣчается въ повѣрьяхъ балтійскихъ народовъ. (У эстовъ подъ названіемъ Тёнъ, Tõnnis [4]) Въ ниже приведенныхъ стихахъ онъ

[1]) Ang. de Gubernatis l. c. стр. 399.

[2]) Извѣстія И. Общ. Любит. Естествознан., антроп. и этногр. Т. 40. (Труды этн. отдѣла, книга VI), стр. 190.

[3]) Матеріалы по этнографіи латышск. племени II, стр. 190. Г. Трейландъ замѣчаетъ къ этому наговору, что у древнихъ латышей каждое частое явленіе природы олицетворялось въ божествѣ, почти каждый родъ занятій, почти каждое домашнее животное имѣли своего бога хранителя. Въ приведенномъ заговорѣ перечисляются божества главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ латышскаго края». Но не правдоподобнѣе ли будетъ, видѣть въ Марьюшкѣ (Màríña) св. *Марію*, въ Аннушкѣ (Añite) и Варинькѣ (Bàrbele) другихъ святыхъ, слѣды древняго католическаго міровоззрѣнія, уступившаго мѣсто нынѣшнему протестантскому.

[4]) О почитаніи Тениса у эстовъ говоритъ въ 1673 году Brand, Reisen etc. Wesel 1703: bei Neuhausen haben sie den Warmenstein als Opferstätte .... Auch

представитель ночи, поэтому онъ и покровитель свиньямъ. Свинья, по выраженію Ангело-де-Губернатиса, одна изъ многихъ формъ, въ которое облекается солнце, какъ миѳическій герой въ темнотѣ ночи или облаковъ [1]).

Усинь на горѣ, Денисъ внизу —
Оба начали хвастаться (величаться);
Усинь величаетъ (своихъ) бурыхъ коней,
Денисъ бѣлыхъ поросятъ.
Денисъ гонитъ бѣлую свинку
Прямо на верхушку горы;
Усинь идетъ ему на встрѣчу
Чтобы заспорить (uzbildinât gribādams)
Куда ты отправляешься, чернокафтанникъ,
(Kur iedams meln-swarcit)
Съ золотыми кольцами?
Пришелъ судиться съ тобою:
Лошадь убила моего поросёнка (Аун. № 37).

Извѣстно, что русскій Овсень верхомъ ѣдетъ на сивенькой свиньѣ [2]). Въ Бѣлоруссіи поютъ колядку, весьма похожую на латышскую пѣсенку объ убійствѣ свинки Усенемъ. Роль Усеня играетъ здѣсь «сивый воўчокъ», который заѣдаетъ свинью. Пѣсня записана въ Лепельскомъ уѣздѣ, Витебской губ.:

Якъ сѣў, посядзѣў, воўкъ свинью заѣў,
Шерсточку растресъ, косточки разнесъ. [3]).

Съ этимъ стихомъ можно сравнить другую латышскую пѣсню:

Kur tu ìsi śerma ceuka,	I'š(u) uz sūdu tísōtūs,
Pa tu cel'u reukstedama?	Wilks sa-ädi siweniń.
Куда ты идешь, сѣрая свинья,	Иду въ судъ судиться,
Хрюкая по дорогѣ?	Волкъ съѣлъ поросенка.

Записано мною отъ крестьянки Быковск. вол. Рѣжицк. у.

lauffen sie an St. Tönnistag in grofser Anzahl den Wäldern zu, nehmen bier und ihr gewöhnliches essen mit sich, opfern da am Creutzwege dem St. Antonio ein schwein, dannenhero sie auch alle ihre fercklein Tönnis nennen, fressen hernacher und faufen sich toll und voll und gehen endlich wiederum davon nach Haus... also dafs der Mifsbrauch der Päbstler sie mit dem teuflischen Aberglauben vermehret haben.

1) l. c. стр. 339.

2) Терещенко, Бытъ русск. нар. VII, стр. 118. Срв. А. А. Потебни, О миѳ. знач. нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій, стр. 29 и 30.

3) Шейна, П. В. Бѣлорусскія пѣсни, стр. 50.

Въ Смоленской губерніи въ первый день Рождества Христова крестьяне ѣздятъ къ обѣднѣ на невыѣзжаныхъ лошадяхъ, надѣвая на нихъ новую сбрую. Хозяйки и дѣвушки начиняютъ колбасы при пѣніи пѣсенъ, въ родѣ какъ напр. слѣдующей:

Дѣдка свинушку убилъ,
Дѣдка бѣленькую,
Свинку пѣгенькую.
Ай да Божья коляда
Прилетай и т. д. [1])

Противъ сближенія русскаго Овсеня съ латышскимъ Усенемъ-Егорьемъ говоритъ то обстоятельство, что латышскій Усень празднуется весною, русскій же Овсень — около Новаго года. Объясненіе В. И. Даля [2]) «*Авсень*, первый день весны, 1 марта, коимъ прежде начинался годъ; нынѣ названіе это перенесено на Новый годъ и на Васильевъ вечеръ, канунъ Новаго года»—это объясненіе основано только на общихъ предположеніяхъ, и нуждается въ положительныхъ свидѣтельствахъ о томъ, что пѣсни «Ой Овсень» на Руси пѣлись дѣйствительно весною.

Изъ остальныхъ пѣсенъ, приведенныхъ Аунингомъ, нужно указать на № 41: «у Усіня два сына съ красными головками. Одного Усіньшъ посылаетъ на ночнину, другаго съ сохою на поле. Въ 42-й (l. c. стр. 23) у Усиня тоже два сына, оба однаго возраста. Никто не видѣлъ, какъ и когда они родились. Видно только, какъ они странствуютъ, большой, когда я работаю, меньшой, когда я сплю». Земледѣльческій годъ начинается въ *Егорьевъ* день, а кончается осенью въ *Мартиновъ* и *Михайловъ* день. Объ обрядахъ, совершаемыхъ по окончаніи полевыхъ работъ и ночной пастьбы ниже будетъ сказано подробнѣе. Усень идетъ зеленымъ полемъ, Мартинъ наполненной (житомъ) клѣтью [3]). Въ № 2 говорится, что *Мартинъ* роститъ жито, а *Усиньшъ* хорошихъ лошадей. Разсмотрѣніе всѣхъ обрядовъ и пѣсенъ объ Усенѣ даетъ слѣдующіе выводы:

1) Звуковая форма латышскаго Усеня-Юрья не *Узінь* (какъ печатаетъ г. Трейландъ), а Усінь, инфл. Юсень.

2) Сравненіе различныхъ пѣсенныхъ мотивовъ выяснило, что Усень тоже, что солнце, въ особенности «весеннее солнце».

---

[1]) Терещенко, Бытъ русск. нар. VII, стр. 48.
[2]) Толковый Словарь, изданіе второе, стр. 4.
[3]) Аун. № 3.

3) Зооморфически Усень замѣняется *куликомъ* (слукою) и *жаворонкомъ*.

4) Безсмысленный поэтическій оборотъ «жаворонокъ варитъ пиво въ конномъ слѣдѣ» достаточно объясняется только сближеніемъ съ Усиневою пѣснью такого же содержанія.

5) Составные элементы Усинева культа составляютъ жертвенное закланіе пѣтуха и варка яицъ для ночнаго пира.

6) Русскій *Овсень* этимологически ничего общаго не имѣетъ съ овсомъ, корнемъ сѣять[1]) и, повидимому, тоже самое, что латышскій Усень, Юсень и Ушинь. Передвиженіе праздника Усеня на зиму и пріуроченіе къ Васильеву вечеру объясняется введеніемъ новаго календаря, между тѣмъ, какъ земледѣльческій годъ крестьянина-хлѣбопашца начинается весною. Поводъ къ передвиженію могли дать пѣсни, въ которыхъ совмѣстно говорилось не только объ Усенѣ-Овсенѣ, но и о Колядкѣ и Денисѣ. Пѣли ли пѣсню о встрѣчѣ Усеня съ Денисомъ и въ Денисовъ день (17 января), неизвѣстно.

7) Усень покровитель и кормитель лошадей; у латышей лошади пріурочены къ Юрьеву дню безъ всякаго литературнаго вліянія преданія о бѣломъ конѣ св. Егорія. По изслѣдованіямъ А. Кирпичникова, на Руси Егорій всегда изображается всадникомъ, но здѣсь очевидно вліяніе церковнаго преданія [2]). Въ Россіи св. Георгія называютъ конскимъ богомъ только въ г. Онегѣ [3]).

8) Бѣлаго коня съ красною уздою мы встрѣчаемъ въ двухъ наговорахъ Трейланда [4]). Въ ночь на *Юрьевъ день* или на день *Узїня*, чтобы заколдовать лошадей, колдуны приносятъ въ чужую конюшню *яйцо*, обвязанное цвѣтною ниткою; положивъ яйцо говорятъ «Ахъ ты, богатый Узинь! Темная ночь, зеленая трава, я выпустилъ коня. *Я пріѣхалъ на бѣломъ конѣ съ красною уздою.* Пусть тебѣ такъ или иначе ничего не достанется: тридевять (коней) тебѣ пустить въ конюшню, а одного только выпустить.

---

[1]) Срв. А. Веселовскаго, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха l. c. стр. 107. «Этимологическихъ объясненій названію авсень, усень и т. д. предложено было нѣсколько: одна изъ старыхъ (овсень отъ овесъ, вѣрнѣе, быть можетъ, отъ корня *сѣ*: сѣять; сл. причастіе сѣнъ — и усень, опиралась на обычаѣ, распространенномъ какъ въ Великоруссіи, такъ и между южными славянами: дѣти поселянъ ходятъ обществами *сѣять* изъ рукава или мѣшка зерна овса, гречихи и т. д.

[2]) Св. Георгій и Егорій Храбрый. С.-Петербургъ. 1879, стр. 152.

[3]) Ефименко, о Ярилѣ. Зап. И. Р. Г. Общ. по отд. этн. II, 96.

[4]) Матеріалы по этнографіи лат. плем. II, 191, № 656.

Поѣдешь на сивомъ, сѣраго запряжешь въ тѣлегу — оба околѣютъ».

9) Связь *Усеня* съ *пчелами* пока недостаточно выяснена. Кромѣ выше приведеннаго показанія Штендера о *богѣ пчелъ Усинѣ*, въ латышскомъ словарѣ Ульманна, указано на извѣстіе Кронвальда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Курляндіи употребляется выраженіе «mazais Ūsiņš» = маленькій Усень въ смыслѣ бога пчелъ. Пасторъ Мютель сообщаетъ (въ статьѣ Аунинга на стр. 10), что въ окрестности Сесвегена еще недавно, т. е. до 1870 года, пчеловоды въ Юрьевъ день утромъ клали на ульи жертвенные пироги, по латышски plāceņi (родъ плоскаго пирога) или karaši (праздничныя лепешки). Народный учитель Михаилъ Кондратьевъ Баллодъ въ *Стернянахъ*, Рѣжицк. у., самъ родомъ изъ Венденск. уѣзда, Шуенскаго прихода, Лифляндской губ. сообщилъ мнѣ, что на его родинѣ *день Усеня* празднуется въ августѣ или въ началѣ сентября мѣсяца, когда вынимаютъ медъ. Замѣчаніе Ѳ. Я. Трейланда [1]), что пчелы и пчеловоды стояли подъ покровительствомъ особеннаго божества Узиня, основано вѣроятно на вышеприведенныхъ данныхъ. Если дѣйствительно еще гдѣ нибудь говорятъ Узінь, а не Усинь, то слѣдовало бы отмѣтить мѣстность, гдѣ это слово было слышано. Выраженіе звать на *Узіняс* (какъ въ Курляндіи, Сакенгаузенѣ, называются соты пчелъ) ничего не доказываетъ. Напротивъ того весьма сомнительно, существуетъ-ли такой богъ пчелъ «Узіняс», Усіńас и не есть-ли это слово тоже самое, что euzes = нѣм. (Wachs) höschen или русское узы=соты пчелъ.

День св. Доната 5 іюля.

Этотъ день празднуютъ исключительно въ м. Креславкѣ и ея окрестностяхъ. По сообщенію барона Г. фонъ-Мантейфеля этотъ праздникъ католическимъ духовенствомъ учрежденъ былъ только въ 1778 году для прихожанъ Креславльскаго прихода. Въ честь Доната поютъ нижеслѣдующую пѣсню, сочиненную вѣроятно какимъ нибудь ксендзомъ.

---

[1]) Сборникъ Дашкова II, стр. 224.

Dzismie ap Swâtu Donatu Numūcitu.

Wyssuwarygajs Dîws, iksz wyss-zynoszonas,
Ne atmiet nūst musu ziemigas łyugszonas,
Tewi ziemies ciltś wiel ar izłasiejtim
Łyudz karszki Swâtim.
Mums por Patronu Donatu Mūcitōju
Jdewi, kab turatumem ajzastōju,
Meś îposzejom ar świdrym ziemies drywas
Un łajmie kliwas.
Swâtajs Donats! meś wyssi tiewi łyudzam,
Ajzastois por mums, meś uz tiewi klîdzam,
Łaj musu drywas dūd mums auglu ziemies
Uz gûda tâwu ziemies.
Dîws wînigajs, Tryadibâ neapjemtajs
Tâws, Dîwa Dałs, taj arydzan un Gors Swâtajs,
Tiew caur Swâtu Donatu gûdu adduman,
Kab Tu mums lejdz poszaj nowiej głobtum, łyudzam.
Amen.

24 д. іюня мѣсяца: Ивановъ день. Jōńa-dîna.

Ищутъ клады. Кто всю ночь проходитъ, не ложась спать, тому только попадетъ въ руки цвѣтъ папоротника (paparîts). Солнце на восходѣ играетъ во всѣхъ цвѣтахъ, по лат. saule rūtoj [1]). Кому попадетъ папоротниковъ цвѣтъ, тотъ увидитъ кладъ. Гуляютъ всю ночь до самаго утра и пьянствуютъ. (А. Котонъ Свальбы Динаб. у.)

Въ инфлянтской Латышіи, какъ и у балтійскихъ латышей наканунѣ Иванова дня бабы и дѣвушки ходятъ съ вѣнками и поютъ пѣсни съ припѣвомъ «лиго"» или «рўто"». Кого опѣваютъ, тотъ обязательно долженъ одаривать пѣвицъ и чѣмъ нибудь ихъ угощать. Кто не дастъ сыру или молока, тому они угрожаютъ повалить пшеницу на полѣ (№ 5). Въ другой пѣсенкѣ обращаются къ хозяйкѣ съ приглашеніемъ дать сыру, молока. Если хозяйка-

---

[1]) У *литовцевъ* Восточной Пруссіи «saule šokinė welikos wakare» или saule waneli šokinė т. е. Солнце танцуетъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Чтобы лучше видѣть его игру, смотрѣть надо черезъ шерстяной платокъ (по сообщенію учителя Бруздейлиса въ Дравёнахъ, Мемельскаго округа, Вост. Пр.).

мамушка (мбмулене) не дастъ угощенія, то коровы будутъ яловицы (№ 9). Въ 39-й пѣснѣ угрожаютъ не гонять телятъ въ клеверъ, если хозяйка не дастъ пѣвицамъ сыру и молока. Если Юрьевъ или Юсень-день спеціальный праздникъ хозяевъ-мужиковъ, то Ивановъ день праздникъ хозяекъ и женщинъ. Въ Ивановъ день утромъ въ окружности Лубанъ (награницѣ Лифляндіи и Витебской губерніи) домохозяйки одного околотка или конца, т. е. тѣ, которыя пасутъ скотъ на одномъ пастбищѣ вмѣстѣ со всѣми бабами и женщинами (работницами), сгоняютъ весь свой скотъ, коровъ, овецъ и свиней въ одно мѣсто. Разжигается огонь, пекутъ печеніе, называемое по латышски караша. «Караша», т. е. праздничный пирогъ приготовляется у Латышей изъ сыру и молока въ дырѣ, образующейся отъ выдернутаго кола. Въ эту ямочку наливаютъ, какъ жертвоприношеніе, еще пива и водки. Весь этотъ обрядъ исполняется подобно тому, какъ пиръ, устроенный въ Юрьевъ день мужиками-хозяевами. Въ пѣснѣ (7-ой) пѣвицы изъявляютъ желаніе бить для хозяйки изъ сыру печку, изъ масла—печурку. Всѣ ивановскія пѣсни у Латышей поются съ припѣвомъ *лиго*, по инфл. *лейго*. Напѣвъ этихъ стиховъ ясно отличается отъ «голоса» другихъ пѣсенъ *весеннихъ*, *осеннихъ*, *пастушескихъ* и *святочныхъ*. Нѣкоторые изслѣдователи, или, лучше сказать, любители Латышской миѳологіи и древности, видѣли въ этомъ припѣвѣ богиню любви и плодородія «Лига, Лейга». Въ нѣкоторыхъ латышскихъ газеткахъ постоянно пишутъ Līgas swētki, Праздникъ Лиги. Ниже и у насъ въ одной пѣсенкѣ встрѣчается форма «лейгу»: кто эту «лиго» первый началъ праздновать? спрашиваетъ пѣвица.

Для лучшаго уразумѣнія этого стиха необходимо принять въ соображеніе одну Ивановскую пѣсенку у Спрогиса l. c. стр. 289.

Кас Яніті ѣлигоя	Вісупірму вакарâ?
Кто первые станутъ ликовать	Объ Иванѣ вечеромъ?

У насъ въ № 13 вм. Яніті — leigu.

Отвѣтъ:	Первые станутъ ликовать объ Иванѣ пастухи Затѣмъ пахари, боронователи И. т. д.
У насъ:	Первые станутъ ликовать пастухи на полѣ.

Leigu означаетъ такимъ образомъ дѣйствительно празднество Ивана, точно также, какъ ľeigōt, līgōt значитъ ликовать

объ Иванѣ, т. е. праздновать Ивана, такъ какъ всѣ пѣсни въ этотъ день поются съ извѣстнымъ припѣвомъ līgo, ſeigo. Предположенiе, что «ſeigo» либо «ſeigo», «līgo» представляетъ какого-нибудь лѣтняго, солнечнаго бога, ничѣмъ не доказано. По моему мнѣнію, вѣроятнѣе намекъ и догадка А. А. Потебни въ статьѣ «Объясненія малорусских и сродных пѣсень», сдѣланная по поводу объясненія *Лелю-Полелю* въ Филол. Вѣстникѣ[1]) за 1882 г. на стр. 226 въ примѣч.: «Великорусскій припѣвъ разгульныхъ пѣсень *люли* могъ бы быть отнесенъ сюда же на основаніи сравненія латыш. «līgo» (припѣвъ купальскихъ пѣсень, радостное восклицаніе) с līgōt качаться, пѣть купальскія пѣсни лит. lingot качаться». Другой изслѣдователь А. Биленштейнъ, не рѣшая вопроса о божествѣ *Лиго*, въ статьѣ «Das Johannisfest der Letten», праздникъ Ивана у Латышей[2]), выдѣляетъ существенныя черты празднованія Ивана по пѣснямъ и обрядамъ, сопряженнымъ съ ними и приходитъ къ слѣдующему результату «миѳологическаго мы нашли много, но врядъ-ли боговъ, меньше всего можетъ быть рѣчи о *богѣ—Лиго*». Историко-филологическое рѣшеніе вопроса о томъ, что означаетъ самый припѣвъ, будетъ представлено впослѣдствіи. Сближеніе этого припѣва лиго съ lingot, līgot качаться правдоподобно, надо только корень «lingo»—понимать въ спеціальномъ значеніи *игры цвѣтовъ* и *свѣта*. Въ пользу моего мнѣнія говоритъ параллельность въ выраженіи līgo — leigo съ rūto, балт. rōto[3]). У насъ припѣвъ рутоª вмѣсто лейго встрѣчается въ слѣдующихъ пѣсняхъ 1ª, 2ª, 7, 25ª, 26 и въ одной пѣснѣ, неполно нами записанной въ Ландскоронѣ, Люц. уѣзда:

Jōńeits gōja gūwēs slauktu Rūtō, rūtō!	Kaneńu sadauzeja Rūtō, rūtō!
Иванушка пошелъ доить коровъ Рутоª, рутоª!	Разбилъ кружку. Руто, рутоª!

Одна латышка Франуша Зве́рбуль объявила, что все одно— лейго-ли пѣть или рутоª. Въ Ландскоронѣ считается припѣвъ

[1]) На стр. 22 и 23 отдѣльнаго оттиска. Варшава. 1883.

[2]) Baltische Monatsschrift, Bd. 23. 1874 г. стр. 1—46.

[3]) Срв. въ Слав. Архивѣ В. Ягича. Томъ VII, стр. 629—639 и Т. IX, стр. 635, примѣч., въ статьѣ «Mythologische Skizzen». Сличи у. И. В. Юшкевича Литовскія народныя пѣсни съ переводомъ на русскій языкъ. С.-Пет. 1867, стр. 16 литовскій припѣвъ: бітутė лінго! Бітė *линго, лінаго*!=Пчелка лінго, пчелка *линго, лінаго*! О словѣ līgawińa = невѣста, молодуха см. ниже.

«лейго» нехристіанскимъ и вслѣдствіе этого замѣнился болѣе невиннымъ словомъ «рӯтō». Чтобы разрѣшить вопросъ о зн аченіи слова *лейго*, разберу одну далеко распространенную Ивано вскую пѣсенку, которая въ сборникѣ Трейланда (стр. 31) поется такъ:

Лі̇гу́а бітэ, лі̇гу́а Са̊улэ
Балт-а̊бу́алю калніня̇!
Ликуй пчелка, ликуй солнце!
На горѣ съ бѣлымъ клеверомъ.

Бітэ зіадус ласідама,
Са̊улі а̊бу́алю калтэ̧
Ликуй пчелка, собирая медъ съ цвѣтовъ,
Ликуй солнце, высушивая клеверъ.

Что это за ликованіе солнца и пчелы,—трудно себѣ представить. Крестьяне польской Лифляндіи подобные стихи понимаютъ нѣсколько иначе. Если тамъ поютъ въ Ивановъ или въ Петровъ день:

L'eigoj bite, l'eigoj saule
Ōreńu mal'eńâ:
Saule sīnĕ kaĺedama,
Biśé zīdu lasīdama!

и послѣ каждаго стиха два раза — лейго, то это значитъ:

Роетъ пчела, играетъ солнце
На окраинѣ пашни:
Солнце — высушивая сѣно,
Пчела — собирая цвѣты!
Лейго, лейго!

Это самое четверостишіе поютъ съ припѣвомъ лейго только въ *Ливенгофѣ*, *Ликснѣ*, *Корсовкѣ*, *Маріенгаузенѣ*. Въ другихъ же волостяхъ, въ *Капинской* вол. Динаб. у., въ *Презьмѣ*, *Ландскоронѣ* и въ *Быковѣ* (Рѣж. у.) вмѣсто лейго слышится рӯто*, а вмѣсто лейгой, рӯтой:

Rūtōj saule, rūtōj bite
Lälujô(i) teirumâ!
Солнце играетъ, пчела играетъ
На широкой пашнѣ —

Saule (ж. р.) sīnu kaĺedama,
Bit' ōbul'u laśedama:
Солнце, высушивая сѣно,
Пчела, собирая клеверъ.

Послѣ каждаго стиха повторяется припѣвъ «рӯто, рӯто»! Что это такое рӯто? рӯтой! конечно не что иное, какъ rūtōt, лифляндск. rōtāt, rōtātiᵉs. «Если въ Ленневарденѣ (Лифл. губ.)

приглашаютъ молодежь, говоритъ А. Биленштейнъ l. c. стр. 16, въ Ивановскую ночь не спать, чтобы видѣть какъ солнце на зарѣ «ротаяс»:

Jauni puiši, jaunas meitas	Tad rītâ redzēsi°ti,
Jāńa naktî negul'at!	Kà saulīte rōtāsi°s.
Молодые ребята (парни), молодыя дѣвушки,	Тогда вы утромъ увидите,
Не спите въ Иванову ночь!	Какъ солнышко играетъ —

то, повидимому, существуетъ повѣрье, что солнце утромъ Иванова дня пляшетъ (rōtāti°s отъ rats — вертѣться [1]). Вся природа, говоритъ А. Биленштейнъ, какъ будто вышла изъ себя (ist aus Rand und Band). Но, если въ пѣснѣ сказано, что въ Иванову ночь восходятъ три солнца: одно ржаное, другое ячменное, а третье изъ чистаго серебра, то это поэтическій образецъ, означающій богатство хлѣба и денегъ, которое происходитъ отъ Ивановскаго солнца [Всему этому соотвѣтствуетъ и повѣрье русскаго простонародья. Они твердо убѣждены, что въ день Іоанна Предтечи *солнце выѣзжаетъ* изъ своего чертога на трехъ коняхъ, серебрянномъ, золотомъ и бриллiантовомъ, на встрѣчу мѣсяцу Ив. Калинскій l. c. стр. 414]:

Es redzēju Jāńu naktî
Trīs saulītes uzlęcōt:
Wi°na rudzu, ōtra mi°žu
Treša tīra (или zelta) sudabriṅa.

У латышей-католиковъ Витебской губерніи saule rūtoj (оно солнце «рутой» въ польской Лифляндіи вездѣ въ утро Иванова дня) значитъ тоже самое, что *солнце играетъ* у славянскихъ народовъ. Въ Бирзенѣ-Бонифацовѣ (Люц. у.) старикъ латышъ, довольно впрочемъ простоватый, увѣрялъ, «что онъ самъ разъ въ жизни видѣлъ игру Ивановскаго солнца, переливавшагося въ разные цвѣта: голубой, красный, желтый» и т. д. Кто разъ въ жизни видѣлъ эту игру, тотъ всю жизнь будетъ счастливъ.

Въ пѣснѣ «rūtōj saule» поэтому слово rūtō, rūtōj надо понимать въ смыслѣ свѣтить, играть разными цвѣтами. Въ одномъ

---

[1]) Вертѣться какъ колесо, латинск. rotare.

четверостишіи изъ Нерфта, въ Верхней Курляндіи, обращаются къ солнцу съ приглашеніемъ играть:

Rōtōjiᵉs, tu saulīt'
Tu rōtōji, es rōtōju:
Tu rōtōji zelta rōtes,
Es jaunu arājiňu.

(№ 1554, Сборникъ латышскихъ нар. пѣсенъ, изд. латышско-литературнымъ обществомъ въ Митавѣ, стр. 123).

Вертись, ты солнышко;
Ты вертишь, я ворочу:
Ты вертишь золотыя украшенія,
Я—молодаго пахаря (парня).

Rōtātiᵉs означаетъ играть, баловаться; о дѣтяхъ говорится l. c. № 4009 mauriňš, kur manai pāditei rōtātiᵉs, о птицѣ трясогузкѣ (ciᵉlawa). Подобныя повѣрія существуютъ и у русскихъ: см. у Сахарова l. c. II, 7, стр. 75—76. Въ первый день святой недѣли поселяне Тульской губ. выходятъ смотрѣть на игру солнца. При появленіи солнца дѣти поютъ:

Солнышко, ведрышко,
Выглянь въ окошечко!
Твои дѣти плачутъ,
Сыръ колупаютъ,
Кошкамъ бросаютъ,
Намъ ѣсть не даютъ,
Коромыслами бьютъ. (Тобольскъ).

По замѣчанію поселянъ появленіе солнца на чистомъ небѣ и его игра предвѣщаютъ хорошее лѣто, благополучный урожай и счастливыя свадьбы. Старушки, при появленіи солнца, умываются съ золота, серебра и краснаго яйца, въ надеждѣ *разбогатѣть* и помолодѣть. Старики тогда же расчесываютъ свои волосы съ причитаніемъ: сколько въ головѣ волосковъ, столько было и внучатъ.

На основаніи вышеприведеннаго весьма вѣроятно, что слова ľeigō и rūtō означаютъ одно и тоже. Тѣже самыя пѣсни, которыя въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ поются съ припѣвомъ лиго (инфл. лейго), въ извѣстныхъ мѣстахъ инфлянт-

скихъ уѣздовъ замѣняются пѣснями съ припѣвомъ rūtō. Въ другихъ волостяхъ и приходахъ для благочестиваго латыша-католика неприлично пѣть лейго, другими словами, какъ бы вѣровать въ богиню (любви) *Лейго* (по представленіямъ набожныхъ ксендзовъ-проповѣдниковъ). Въ латышской поэзіи глаголъ līgōt нерѣдко выражаетъ *свѣтъ*, *мерцанье*; такъ въ пѣснѣ, записанной въ Дубенѣ на Двинѣ l. c. 2733:

Mamiń, mamiń Laid meitas gulēt: Маменька, маменька, Отпусти дѣвушекъ спать:	Sietińš līgōja Launaga laikâ. Оріонъ свѣтитъ Въ полуденное время.

или у Г. Аллунана (Sehta, dabba un pasaule. Dorpat. 1860, стр. 23).

Līgo, saule, launagâ No launaga wakarâ; Катись, солнце, до полдня, Съ полдня до вечера;	Līgo, māsa, bālińôs No bālińiem tautińâs. Ходи, сестра, въ братьяхъ, Изъ дома братьевъ переходи къ жениху.

Слово līgōt употребляется въ пѣснѣ № 3076 (l. c. p. 217):

Kam saulīte spōdra lēca, Kà tik spōdra nelīgōj? Зачѣмъ, солнышко, ясно взошло, Если оно такъ ясно не свѣтитъ?	Kam, māsińa skaista auga, Kad ar gōdu nedziwoj? Зачѣмъ, сестрица красавицею росла, Если по чести не жила?

Вмѣсто nelīgōj въ другихъ мѣстахъ поютъ netecēj' (l. c. № 2750 и 2455) — не текла, не бѣжала или тоже naritēja (не укатилась) въ пѣснѣ, записанной мною въ Быковѣ, Рѣж. у.:

Wakar saule samārkuśe Treiďewińu wilnōnīšu: Вчера солнце мочило Тридевять покрываль:	Šūdīn spūdŕe nàľeigōja Wilnōńeites wol'odam'. Сегодня не свѣтлымъ катится, Выколачивая покрывала.

Въ составленныхъ словахъ съ предлогомъ aiz (прочь, у) līgōt не только употребляется въ смыслѣ *унести*, но и въ

значеніи *укатиться*, *зайти*; такъ напр. въ четверостишіи, записанномъ мною отъ крестьянки Быковской вол., Рѣж. у.:

Jaū sauľeiťe aizľeigōja	Sa-skaneja zalta erklis
Aiz dziľem àzaŕem;	Sudobreńa laiweńâ.
Уже закатилось солнышко	Зазвенѣли золотыя весла
За глубокія озера:	Въ серебрянной лодочкѣ.

Послѣдній оттѣнокъ болѣе близокъ къ распространенному значенію *колыхаться*, *качаться*. Срв. l. c. № 3078:

Lìka liᵉpa, lìks ōzōls,
Tur bij' labi lìgōtiᵉs;

либо № 3030 Lìka liᵉpa, lìks ōzōliń'
Tur bij' labi šūpōtiᵉs (качаться):

Ľīgōt (инфл. ľeigot) подходитъ по значенію и къ глаголу ľidināt летать, парить, носиться, плавать (лодка, птица, конькобѣжецъ):

Wisapkārt liᵉpas auga,	Wisapkārt tautās jāja,
Widû saule ľidināja;	Widû mana lìgawińa.
Вокругъ липы ростутъ,	Вокругъ женихи ѣздили,
Въ серединѣ солнце носилось	По серединѣ моя невѣста (l. c. № 1902).

а въ № 1786: Parādiᵉs tu, sauľīt',
Kuru widû tu lìgōji;
Покажись, солнышко,
Въ какой средѣ ты *вертѣлось*.

Въ № 2648 рѣчь идетъ о новой избѣ брата:

Wisapkārti glāzu lōgi,
Widû saule ritināja.
Вокругъ стеклянныя окна,
Внутри солнце «катилось».

Выраженіе «līgōt kājińam» Спрогисъ [1]) передаетъ по русски *ходить пѣшкомъ* — переводъ неудовлетворительный, по-

[1]) Памятники латышск. нар. творч., стр. 122.

тому что lìgōt примѣняется къ особенно легкому ходу. Въ одной зингѣ [1]) (Спрогисъ l. c., стр. 27) дроздъ говоритъ, распѣвая:

Кто тамъ ѣдетъ? Земля дрожитъ!
Ѣдетъ наша тетушка
Навѣстить своихъ племянничковъ.

Потомъ по латышски сказано:

«Ѣлигоя тêва мâса,
Ка сауліте істабâ»

что̀ Спрŏгисъ переводитъ:

Вступила тетушка,
Какъ солнышко въ комнату.

Ѣлигоя ка саулите = вступила т. е. внеслась, вошла качаясь, вкатилась какъ солнце. Въ одной пѣснѣ, записанной мною въ Прели, Динабургскаго уѣзда, звѣзда «ĭľeigowa dwēselīšu . namiňâ» вошла въ обитель душъ.

Образъ *колыханія* примѣняется еще къ сну «nāk mi°dziňš lìgōdams» (l. c., № 2763). Пчелы роятся, а латыши говорятъ bite ľeigōj, bite rūtōj — пчела несется, паритъ по воздуху. Дѣвица, у которой нѣтъ жениха, говоритъ:

Lìgōt man kā bitīti,
Meklēt sawa arājiňa!
Развѣ мнѣ (на лету) роясь, какъ пчела,
Искать своего пахаря. L. c. № 821.

Если сравнить всѣ приведенные оттѣнки значенія слова ľeigōt, то ясно, что значеніе «рўтō, рўтōт» и «l'eigōt, l'eigō» весьма близко подходятъ другъ къ другу. Безразличию поютъ и «rūtōj bite», и «ľeigōj bite», безразлично rūtōj saule и ľeigōj saule.

Припѣвъ «лейгō-лигō» происходитъ отъ глагола «ľeigōt, lìgōt» и представляетъ форму повелительнаго наклоненія. *Лейго* означаетъ *играй*, а не *ликуй*, какъ переводитъ Трейландъ. Пѣ-

[1]) Т. е. нѣм. Singe, Gesang. Латышская пѣсня болѣе длинная, въ родѣ романса или литовской *дайны*. Нѣкоторыя латышскія пѣсни этого рода вполнѣ подходятъ, по поэтическимъ образамъ какъ и по «тэмпо мышленія», къ соотвѣтствующимъ литовскимъ дайнамъ. Срв. Изв. И. Р. Г. О. 1885 г. Т. 21 стр. 98, примѣч. 1-е.

сенка, разбираемая нами, — воззваніе къ солнцу или приглашеніе, чтобы солнце засіяло, переливаясь въ разные цвѣта: такое восклицаніе произносилось при видѣ воображаемаго явленія природы, когда на зарѣ Свѣтлаго Воскресенья, Троицы или Петрова дня солнце играетъ и переливается во всѣ цвѣта. Ликованіе солнца или приглашеніе «ликуй солнце» — безсмыслица. Лучшій примѣръ такого приглашенія и радостнаго восклицанія при видѣ солнца — другая инфлянтская пѣснь, которую поютъ пастухи (мальчики), когда солнце скрывается за облака:

Saulejtie mamienia
Śpigielo, Śpigielo!
Swīd małnus krakłus jyureniôs
Śpigielo, Śpigielo!
Wileiś bôlteniûs
Śpigielo, Spigielo!

Lej (вм. L'aj) wielej jyuru miejtas
Spigielo, Śpigielo!
Ar sudobra wolejtiaś
Śpigielo, Śpigielo!
Lej kaczoj ar załta kaczołkaniś
Śpigielo, Śpigielo.

Солнышко, маменька,
Спидьэло! Спидьэло!
Кинь черныя рубашки въ море,
Спидьэло! Спидьэло!
Чтобы на бѣло выстирались.
Спидьэло! Спидьэло!

Пусть стираютъ морскія дѣвицы
Спидьэло! Спидьэло!
Серебряннымъ валькомъ,
Спидьэло! Спидьэло!
Пусть выкатываютъ золотою скалкою.
Спидьэло, Спидьэло!

(Магазинъ лат. литерат. общ. Т. 14, II, стр. 193). Спидьэло, Spigielo, мы производимъ отъ spīģelēt, spīģułōt schimmern, leuchten сіять (Ульм.). Spīģułot сіять, сверкать, блистать и spīgulis, свѣтлякъ, Ивановъ червячокъ, spóguła блескъ происходятъ по видимому отъ спидульот, литовск. spindēti glänzen, strahlen von der Sonne, spindulȳs m. glanz, der glänzende Strahl. Spigielo либо spiģelo форма повел. наклоненія и означаетъ сверкай, сіяй, взыграй. Приведенную пѣсню я слышалъ еще разъ отъ старушки Анны Кусень, родомъ изъ Ликсны, Динаб. у. Форма śpigielo (по польской ороографіи) не подлежитъ никакому сомнѣнію. У Трейланда записано въ Валкск. у., Лифл. губ., наговоръ, подходящій къ выше приведеннымъ солнечнымъ припѣвамъ и инфлянтской пѣсни. Если хочешь, чтобы солнышко засвѣтило, то говори: засвѣти солнышко! (Atspíd saûlíte!) засвѣти солнышко! Надѣнь бѣлую сорочку, кинь грязную сорочку въ море, — выколотятъ до-бѣла ее морскія дѣвы (дочери) серебрянными вальками (Матеріалы II, стр. 156). Вь подтвержденіе моего объясненія трехъ напѣвовъ

«leigo*», «rūtō» и «spigielo» могу указать на подходящіе славянскіе обряды и восклицанія при видѣ солнца. Въ Силезіи солнце играетъ въ день Sobótek. Дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, называемые Słonczęta, выходятъ съ ними на зарѣ въ поле и, положивши ихъ на чистый, бѣлый платокъ, пляшутъ вокругъ и приговариваютъ: Graj słońce, graj, tutaj są twoje słończęta. Потомъ встрѣтя солнце и поклонившись ему, дѣлятся пирожками такъ, чтобы подарить ими всѣхъ близкихъ своихъ (Объ обож. солнца Журналъ М. Н. Пр. 1846. Т. 51) [1]). Въ одной чешской пѣснѣ приглашаютъ солнце танцовать:

Rej, sloničko rej
Hory doly krej,
Rej sloničko! [2])

rej отъ rejiti вертѣться, подпрыгивать что̀ соотвѣтствовало бы вполнѣ латышскому «рӯтōт».

Относительно пляски солнца укажу, по В. Мангардту [3]), на другое латышское четверостишіе:

Sonne, die tanzt auf Silbernem Berge	Hat an den Füſsen Silberne Schuhe.
Солнце танцуетъ На серебрянной горѣ:	На ногахъ Серебрянные башмаки.

Подъ пляскою солнца, по Мангардту, надо разумѣть игру солнечныхъ лучей, которые какъ бы прикасаются до земли. Къ этимъ образамъ подходитъ близко поэтическая метафора у Л. Пиркэра:

Denn jetzt auf den Fluthen Der rosigen Gluthen	Auffleugt sie, die Sonne, Wie schwebend im Tanz.
Теперь на волнахъ Розовыхъ жаровъ	Возлетитъ солнце, Какъ бы проносясь въ пляскѣ.

---

[1]) А. А. Потебня «о купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ». Москва. 1867, стр. 4. A. Wuttke, Aberglauben, стр. 17 (§ 20): о томъ, какъ солнце ожидаютъ въ Силезіи.
[2]) А. А. Потебня, о мио. знач. 1865, стр. 224.
[3]) Lettische Sonnenmythen, l. c. стр. 99.

1) Сравнительное истолкованіе трехъ припѣвовъ солнечныхъ пѣсенъ выяснило: что *лигōт*, *лейгōт* означаетъ не только ликовать, пѣть Ивановскія пѣсни, но и играть, вообще примѣняясь къ свѣтовымъ явленіямъ солнца, мѣсяца и звѣздъ.

2) *лигō*, *лейгō* какъ припѣвъ и *лигōт*, *лейгōт* (качаться, колыхаться, колебаться), по происхожденію, одно и тоже слово, которому въ литовскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ lingûti. *Лингуоти* означаетъ не только качать головою [1]), но и колебаться, качаться (срв. A. Bezz. l. c. linginelis Wiege, зыбка; nulingûti hinschwanken).

3) Вышеприведенная Ивановская пѣсня «Лигу́а битэ» и всѣ ея варіанты пѣлись въ то время, когда ожиданіе солнца составляло обязательный обрядъ у простолюдиновъ, при радостныхъ восклицаніяхъ: «лейгō, лигō, рӯтō!» или spid́elō! Такое радостное восклицаніе, при видѣ играющаго во всѣхъ цвѣтахъ и переливахъ солнца, заключаетъ въ себѣ въ тоже время и желаніе, чтобы такое рѣдкое зрѣлище продолжалось и скорѣе возвратилось. Вспомнимъ, что у Великорусовъ въ Тульск. губ. наканунѣ Петрова дня поселяне всѣхъ возрастовъ, собираются на пригорки, раскладываютъ огонь и въ ожиданіи солнца, проводятъ ночь въ играхъ и пѣсняхъ. При *восходѣ солнца* всѣ начинаютъ испускать *радостные крики*. Старики наблюдаютъ, какъ солнце играетъ по небу: оно то покажется, то спрячется, то взойдетъ вверхъ, то опустится внизъ, то заблещетъ разными цвѣтами: голубымъ, розовымъ и бѣлымъ, то засіяетъ ясно (Сахар. II, 7. 41—42). Едва появится солнце, его привѣтствуютъ хоромъ:

Ой ладо, ладо! и проч. (Терещенко l. c. IV, 48).

Одна малорусская купальская или петровочная пѣсня начинается такъ: «изъ-за гори сонечко йде й граэ», на свѣтлое воскресенье солнце играетъ и это обнаруживается черезъ сотрясеніе лучей.... а дальше «играть» означаетъ: a) плясать, кружиться; b) ярко свѣтить [2]).

Въ польской Лифляндіи (въ Маріенгаузенѣ, Корсовкѣ, Звирзденѣ и т. д.), говорятъ saule rūtōj, рѣдко saule ŗeigōj. Восходъ солнца въ одной пѣснѣ (Спрогисъ, l. c. стр. 310, № 13) изображается «качаніемъ лодки»

---

[1]) Куршатъ (Lit.-deutsch. Lexicon) приводитъ лишь это значеніе.
[2]) А. А. Потебня о куп. огн., стр. 5.

Закатывается солнышко вечеромъ
Упадетъ въ золотую лодочку.
Встаетъ солнышко по утру
Остается *лодочка качаясь.*
(Узлецъ саулэ ритпнā
Палѣк *лайва лигодама)*

Въ болгарской пѣснѣ про женитьбу солнца [1]): *солнце* пускаетъ на дворъ Гроздянки *золотыя качели.* Малое и великое сбѣжалось туда «за здраве, да се люлѣе». Когда мать раскачала на этихъ качеляхъ Гроздянку, *темныя мглы* покрыли ихъ и Гроздянка была унесена въ небо (О связи качели и любви ниже).

4) О богинѣ *лиго*, *лига* не можетъ быть и рѣчи (о божествѣ «Лига» срв. Трейландъ l. c. стр. 223), лиго, лейго не богъ, а повелительное наклоненіе отъ глагола лейгōт и значитъ *играй*, *сіяй*, *плясай.*

5) Въ этимологическомъ отношеніи надо замѣтить, что къ корню lìgot, lingûti, скрс. langh salire, гр. λαγος (прыгунъ, заяцъ) принадлежитъ и словацкое ligotati сверкать, сіять, ligotačka блестокъ, Flimmer. Преимущественно прилагается къ звѣздамъ. Pán Boh ale pokládol jich hned' ako male hviezdičky na nebesku oblohu, kde ešte aj teraz jako sirotky ligocu sa ticho za jasnej noci [2]).

6) Въ связи съ лигō, лигōт находится безъ сомнѣнія и выраженіе līgawiña суженая, милочка, молодуха. Ульманъ производитъ lìgaviña отъ lìgt рядить, условливаться, что невѣроятно, ибо lìgt въ свадебныхъ пѣсняхъ въ этомъ смыслѣ не употребляется. Г. Трейландъ съ Г. Меркелемъ того мнѣнія, что *лигава* надо производить отъ Līga—богини любви, радости и тріумфа. Нѣтъ ни одного народа, который имѣлъ бы для невѣсты болѣе поэтическое выраженіе, такое возвышенное, поэтичное и сердечно интимное слово для чествованія возлюбленной, какъ Латышскій. Безъ сомнѣнія слово *лигава* тѣсно связано съ поэтическими метафорами; I^e^ligōt означаетъ войти въ домъ жениха:

Wi^e^na pati i^e^līgōja
Tautu dēla sētiñâ: (l. c. № 3278 и 3619).

---

[1]) Болгарск. нар. пјесме, изд. братьями Миладиновцами, стр. 14—16.
[2]) P. Dobšinski, Prostonarodni skazki, вып. 5, стр. 94.

или: Naktî tautu ustobeń'
Bez dybeńa palykuśe:

Naktei bējà tauta klēts
Bez dibeńa palaidēta:
Ar waińuku ĭľeigōja
Bez waińuka izľeigōja.

Ночью женихова изба
Безъ пола осталася:
Съ вѣнцомъ вошла я,
Безъ вѣнца (короны дѣвичьей) вышла я!

Запис. въ Быковѣ, Рѣж. уѣзда.

Выдти замужъ выражается по латышски словами «ar tautas nūľeigot».

Man mōseńa, kai smiľdzeńe,
Kai raseńâ wilnōńeiťe
Tei ar tautas nūľeigōwa,
Kai tie śîna gabańeńi.

Моя сестрица, какъ песочекъ,
Какъ платокъ на росѣ.
Съ женихомъ *унеслась*,
Какъ копна сѣна.

Въ Корсовкѣ, Люц. у.

Пчелкѣ и дѣвицѣ благопріятствуетъ счастіе:

Обѣ вступаютъ
Въ готовый домъ
Абасъ дівас ѣлигоя
Гатавâ наміяâ.

Спрогисъ l. c., стр. 83, IV. 2.

И такъ ľîgawa милочка, невѣста происходитъ отъ ľîgot качать, колыхать. Припомнимъ, что у Болгаръ въ Панагюрицѣ въ Юрьевъ день молодецъ качаетъ дѣвицу, за которою ухаживаетъ и наоборотъ дѣвицы припѣваютъ:

Люлчице-ле палюлявка, ове, ове!
Та, кой бѣше налюлкж-тж? ове, ове!
Ганчо бѣше налюлкж-тж.
Та, кой Ганчо залюлява
Залюлява, отлюлява?
Петка Ганчо отлюлява и пр.

(Чолакова, Бълг. сб. 38. А. А. Потебня, Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсень стр. 200 прим. 1).

Въ русской пѣснѣ женихъ хочетъ увидать невѣсту, невѣста свекоровъ дворъ и т. д. (А. А. Потебня, ibidem).

L'īgawa такимъ образомъ та, которую качаешь, лелѣешь, за которой ухаживаешь (срв. лит. lingunele: которая качается. А. Бецц., Forschungen l. c. p. 136).

Ивановскія пѣсни.

1.

Ļeigōj bite, ļeigōj saule
Ļeigō, ļeigō!
Pa ļelui teirumeńi.
Ļeigō, ļeigō!

Летаетъ пчела, свѣтитъ катится солнце
Лейго, лейго!
По большой нивѣ.
Лейго, Лейго!

Kas gulēja Jōńe naktî,
L'eigō, ļeigō!
Meužam sīwes nàredzoªs,
L'eigō, ļeigō!

Тотъ, кто спитъ въ Иванову ночь,
Лейго! Лейго!
Во вѣкъ жены (суженой) не увидитъ.
Лейго! Лейго!

Креславка, Динаб. у.

1ª (варіантъ.)

Первая половина таже, только припѣвъ другой—rūtoª. Вторая записана мною такъ:

Kas gulēja Jōńa naktî
Rūtoª, rūtoª!

Кто спалъ въ Ивановскую ночь!
Рӯтоª, рӯтоª!

Meužam sîwas nadabōwa
Rūtoª, rūtoª!

Въ вѣкъ свой жены (себѣ) не добудетъ
Рӯтоª, рӯтоª!

2.

Rūtōj saule, rūtōj bite!
Rūtō, rūtō!

Играло солнце, играла пчела
Играй, играй!

Lelujojî teirumâ:
Rūtō, rūtō!

На большой нивѣ:
Играй, играй!

Saule sînu kalťedama,
Rūtō, rūtō!
Солнце, высушивая сѣно,
Играй, играй!

Bit(e) obul'u laśedama!
Rūtō, rūtō!
Пчела, собирая клеверъ,
Играй, играй!

Быково, Рѣжицк .у.

2ª ВАРІАНТЪ.

Saule rūtōj, rūtōj bite
Rūtō, rūtō!
Lelujô teirumâ:
Rūtō, rūtō!
Играетъ солнце, играетъ пчела
На большой нивѣ:

Saule sînu kalťedama
Rūtō, rutō!
Bite zîdas laśeidama
Rūtō, rūtō!
Солнце, высушивая сѣно—
Пчела, собирая цвѣтки.

Послѣ каждаго стиха повторяется припѣвъ рӯтō т. е. играй. Записана въ Презьмѣ, Рѣжицк. у.

2б ВАРІАНТЪ.

Bite ľeigoj, ľeigoj saule
L'eigō, ľeigō!
(Lelujô teirumâ
L'eigō, ľeigō)!

Saule sîne (sînu) kalťedama
L'eigō, ľeigō!
Bite zîdu laśedama,
L'eigō, ľeigō!

Ливенгофъ (по латышски Лейвон-муйжа), Динаб. у.,

Пчела летаетъ, играетъ солнце
Лейго, лейго!
и т. д. какъ 2ª.

3.

Šaidi kunģi, taidi kunģi
L'eigō, ľeigō!
Meusu kunga nastōwej
L'eigō, ľeigō!

Meusu kunga capureiťe
L'eigō, leigō!
Lîtojaji madu dzeŕ
L'eigō, leigō!

3ª ВАРІАНТЪ Г. МИХАЙЛОВСКАГО.

Шайди кунги, тайди кунги
Лейго, лейго!
Мыусу кунгу настова
Лейго, лейго!

Мыусу кунгу цапорити
Лейго, лейго!
Литова маду дзерп,
Лейго, лейго!

т. е. по русски:

Такіе господа, сякіе господа
Нашего господина не стоятъ.
Нашего господина шапочка
Литовскій медъ пьетъ.

4.

Jōńeits gōja gūwes slauktu,
L'eigō, ľeigō!
Pētreits ńesa slauktiweit;
L'eigō, ľeigō!
Иванушка шелъ доить коровъ,
Лейго, лейго!
Петрушка несъ подойникъ;
Лейго, лейго!

Speŕa gūwes pīreiťê
L'eigō, ľeigō!
Atsasāda grauľēiteī.
L'eigō, ľeigō!
Коровы лягнули въ лобъ,
Лейго, лейго!
Присѣлъ въ ровку.
Лейго, лейго!

Кресл. Дин. у.

5.

Jōńeits sāďe kalneńâ,
L'eigō, ľeigō!
Zol'a nosta mugurâ.
L'eigō, ľeigō!
Eij, Jōńeit, sēťińâ,
L'eigō, ľeigō!
Sād iz golda galdeńa.
L'eigō, ľeigō!
Иванушка сидитъ на горѣ,
Лейго, лейго!
Зеленая ноша на спинѣ.
Лейго, лейго!
Войди, Иванушко, въ домъ,
Лейго, лейго!
Садись на концѣ стола.
Лейго, лейго!

Dūšu sīru gabal'eń.
L'eigō, ľeigō!
Kas nadūs sīra, pīna,
L'eigō, ľeigō!
Kwíšu pl'awu izwol'ōš.
L'eigō, ľeigō.

Дамъ я тебѣ кусокъ сыру.
Лейго, лейго!
Кто не дастъ сыру, молока,
Лейго, лейго!
У того я потопчу пшеничный лугъ.
Лейго, лейго!

Креславка, Динаб. у.

6.

Jōńeits sād kalneńâ,
L'eigō, ľeigō!
Иванушка сидитъ на горѣ

Zōľe nosta mugurâ;
L eigō, ľeigō!
Съ ношею травъ на спинѣ;

Ei, Jōńeit, śōťeńâ,
L'eigō, ľeigō!
Prīcenoi saimeńku.
L'eigō, ľeigō!

Иди, Иванушка, въ домъ
Сватай хозяюшку.

Лейго, лейго! (послѣ каждаго стиха).

Колупъ, Динаб. у.

6ª вариантъ.

Jōńeits sädi kalnińâ,
L'eigō, ľeigō!
Zoľe nosta mugurâ.
L'eigō, ľeigō!
Eij, Joneits, sêtińâ,
L'eigō, ľeigō!
Dūd manam telitām.
L'eigō, ľeigō!

Иванушка, сидитъ на горѣ,
Лейго, лейго!
Съ ношею травъ на спинѣ;
Лейго, лейго!
Войди, Иванушка въ домъ,
Лейго, лейго!
Давай моимъ телятамъ.
Лейго, лейго!

7.

Jōnīts säd kalneńâ,
Rūtō, rūtō!
Jōńi bārńi leijeńâ:
Rūtō, rūtō!
Zoľa nosta mugurâ.
Rūtō, rūtō!

Иванушка сидитъ на горѣ,
Рӯтō, рӯтō!
Ивановы дѣти въ долинѣ,
Рӯтō, рӯтō!
Ноша травъ на спинѣ.
Рӯтō, рӯтō!

Капино, Динаб. у.

8.

Dūd, Dīweń, dūd, Dīweń,
Meusu muižas saimenīcai
Nū sīra krosni kŕaut,
Nū swīksta cäpli sist.

Дай, Боже, дай, Боже,
Нашей мызной хозяйкѣ
Изъ сыру каменку класть,
Изъ масла печку бить.

Припѣвъ «l'eigō» или «рӯтō» повторяется послѣ каждаго стиха.

9.

Dūd, Dīweń, waseľību
Meusu muižas saimenīcai:
Dzīdōdamos meitoªs īt,
Kai iz eistu momuľeńu.

Дай, Боже, здоровья
Нашей мызы хозяйкѣ:
Пѣсни поя, идутъ дѣвки
Какъ къ родной матери.

10.

Mōmul'eń, mōmuľeń
Sīra, pīna, mōmuľeń!
Kà nàdūsi sīra, pīna,
Paliks ťeľis ōlaweićis.

Маменька, маменька
Сыру, молока, маменька!
Если не дашь сыру, молока,
Коровушки останутся яловицами.

8. 9. 10, записаны мною въ Звирзденѣ, близь города Люцина.

10ª вариантъ.

Sīra, pīna, mōmuľeńe.
Kà nàdūsi sīra, pīna,
Nadzeišu ťeľeišu dōbuľâ.
L'eigō, ľeigō!

Сыру, молока, маменька.
Если не дашь сыру, молока,
Не погоню телятъ въ клеверъ.
Лейго, лейго!

Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Пахолки, Рѣжицк. у.

11.

Jōńeits gōja par godu
L'eigō, ľeigō!
Sowu barnu apraudzēt
L'eigō, ľeigō!
Wel ik ada, wel ik dzära
L'eigō, ľeigō!
Wel ik dīwu gōdenōj
L'eigō, ľeigō!

Иванушка приходитъ ежегодно
Лейго, лейго!
На своихъ дѣтей поглядѣть.
Лейго, лейго!
Ѣдятъ-ли они, пьютъ-ли они еще,
Лейго, лейго!
Славятъ ли еще они Бога.
Лейго, лейго!

Записано въ Болвѣ, Люц. у. Также въ Быковѣ Рѣж. у.

У г. Михайловскаго читаемъ:

Іонитсъ гоя паръ году
Сову барну апраудзейту:
Лейго, лейго!
Вайро-ль дзяра,
Вайро-ль ядя.
Лейго, лейго!

Иванушка пошелъ черезъ годъ
Своихъ дѣтей посѣтить.
Лейго, лейго!
Многоль пили,
Многоль ѣли.
Лейго, лейго!

Приставка ль, по видимому, вставка бѣлорусская, въ латышскомъ языкѣ это не слыханный союзъ. Срв. Спрогиса № 7, стр. 290.

12.

L'eigōj saule, ľeigōj zeḿe
L'eigō, ľeigō!
L'eigōj paťe miľa Mōreńa
L'eigō, ľeigō!
Ai sowim ťeľeitīm.
L'eigō, ľeigō.

Колышется солнце, колеблется земля
Лейго, лейго!
Катится (идетъ) сама милая Марьюшка
Лейго, лейго!
Со своими телушками.
Лейго, лейго!

13.

Kas tu ľeigu íľeigōjo?
L'eigō, ľeigō!
Pirmâ gońi te̦rajî
L'eigō, ľeigō!
Pīguľńiki gudri weiri
L'eigō, ľeigō!
Naguľ ceľa maľeńâ
L'eigō, ľeigō!

Кто эту «лейгу» началъ «лейготь»?
Лейго, лейго!
Первые пастухи на прочищенномъ полѣ.
Лейго, лейго!
Ночлежники, умные люди,
Лейго, лейго!
Не спятъ на краю дороги.
Лейго, лейго!

14.

Jōńeišam augsti zirgi,
Wair' augsti Jakupam;
Jōńeits pušu kūkâ,
Jakubs kūka ẃersauńê.
L'eigō, ľeigō.

У Ивана высокіе кони,
У Якова еще статнѣе;
Иванъ на половинѣ дерева,
Яковъ на макушкѣ дерева.
Лейго, Лейго.

14ᵃ.

Jōnîšam li°li zirǵi,
Petrîšam wel lelōki.
L'eigō, ľeigō!
Jōńeits jōja puškūkûs,
Pētris kūka ẃersuńê.

У Иванушки большіе кони,
У Петра же еще бо́льшіе.
Иванушка ѣдетъ на серединѣ дерева,
Петръ на верхушкѣ дерева
Лейго, лейго!

Припѣвъ лейгō повторяется послѣ каждаго стиха.
Анна Кусень, Ливенгофъ, Динаб. у.

15.

Jōńe barni izmirkuše,
L'eigō, ľeigō!
Jōńe zoľes laseidami.
L'eigō, ľeigō!
Промокли Ивановы дѣти,
Лейго, лейго!
Собирая Ивановскія травы.
Лейго, лейго!

Pats Jōńeitis zōbokûše,
L'eigō, ľeigō!
Jōńa sīwa kurpeitûše
L'eigō, ľeigō!
Самъ Иванушка въ сапогахъ,
Лейго, лейго!
Иванова жена въ башмакахъ
Лейго, лейго!

16.

As sawu teľeiťi
L'eigō, ľeigō!
Adateńa sātu taisu:
L'eigō, ľeigō!
Я для своей телушки
Лейго, лейго!
Сдѣлала игольчатую ограду:
Лейго, лейго!

Lai ťe muńi skaudeji
L'eigō, ľeigō!
Jz odotu pazadeuros
L'eigō, ľeigō!
Пусть мои завистники
Лейго, лейго!
На иглахъ ушибутся!
Лейго, лейго!

Срв. у Спрогиса № 17 (стр. 292):

Лети, вѣдьма, мимо по воздуху,
А не въ мой домъ;
Мой домъ закованъ въ желѣзо,
А крыши устланы иглами!

«Чтобы спугнуть отъ скота раганъ (вѣдьмъ), которыя особенно ночью на Ивановъ день посѣщаютъ хлѣва, считаютъ полезнымъ распѣвать послѣ заката солнца вблизи хлѣва слѣдующую пѣсню-наговоръ:

Лети рагана по воздуху хоть поперекъ; а въ мой дворъ не попадешь!
Мой дворъ окованъ желѣзомъ, изъ косъ сдѣланы стропила;
Изъ косъ сдѣланы стропила, а иголками крыты крыши!
Косами изрѣзаны, иголками натыканы.

(Трейландъ Мат. стр. 168, № 483).

Наша пѣсня:

Я своему телёнку
Изъ иголъ ограду строила:
Чтобы мои завистники
На иглахъ ушиблись!

принадлежитъ слѣдовательно къ разряду такихъ же пѣсенъ въ защиту отъ злыхъ духовъ и «завистливыхъ глазъ» (срв. Трейл. примѣч. тамъ же).

Въ одной пѣснѣ у Спрогиса строятъ наклонный мостъ для перехода черезъ него вѣдьмамъ: пусть онѣ сломаютъ себѣ шею на первомъ шагу.

17.

Mîľa Mōra gūwes sloućā
L'eigō, ľeigō!
Weitūlâ rūkū slouka;
L'eigō, ľeigō!
Kodēľ zîdi iz celińam,
L'eigō, ľeigō!
Gūwu pāďe, wušku pāďe
L'eigō, ľeigō,

Милая Марья коровъ доитъ
Въ пвѣ руку себѣ обтираетъ;
Кодейли цвѣтутъ на дорогѣ.
Коровья ножка, овечья ножка
Лейго, лейго!

14—17 зап. въ Маріенгаузенѣ Людз. у.

18.

Tpru, gūteńa raibuľeiťe,
Atìt tawi wedējeńi;
Kolnâ Pītris, lejâs Jōns
Ais upîšu Andriwinč.
Ľeigō, ľeigō!

Тпру, коровушка, пеструшка,
Идутъ твои провожатые;
На горѣ Петръ, въ дому Иванъ
За рѣчкою Андрей.
Лейго, лейго!

19.

Jōńeits konu sadauzeja,
L'eigō, ľeigō!
Swāta Mōra salaseja;
L'eigō, ľeigō!
Jōńeits konu sasteipowa
L'eigō, ľeigō!
Ar sudobres steipeńes
L'eigō, ľeigō!

Иванушка разбилъ кружку;
Лейго, лейго!
Святая Марія сбирала кружку;
Лейго, лейго!
Иванушка кружку обилъ
Лейго, лейго!
Серебрянными обручами.
Лейго, лейго!

Къ 19 срв. у Спрогиса стр. 303, № 26:

Иванъ разбилъ кружку,
Сидя на камнѣ;
А Божій сынъ обилъ её
Серебрянными обручами.

У насъ вмѣсто Божьяго сына Св. Марія обиваетъ кружку.

20.

Jōńeits swōtâ najōja,
L'eigō, ľeigō!
Nawa wītes pogolmâ;
L'eigō, ľeigō!

Metit zalta gabaľeń,
L'eigō, ľeigō!
To beus wīta pogolmâ.
L'eigō, ľeigō!

Иванушка не поѣхалъ на свадьбу,—
Лейго, лейго!
Нѣтъ мѣста на дворѣ;
Лейго, лейго!

Бросьте кусокъ золота,
Лейго, лейго!
Тогда будетъ мѣсто на дворѣ.
Лейго, лейго!

21.

Rudzīm zīdi pabiruše,
L'eigō, ľeigō!
Mās mōseńes lasejōm,
L'eigō, ľeigō!

Ausim boltys wilnōńeites!
L'eigō, ľeigō!

У ржи посыпались цвѣты
Лейго, лейго!
Мы, сестрички, собираемъ ихъ;
Лейго, лейго!

Соткемъ изъ нихъ бѣлые платки.
Лейго, лейго!

22.

Saule brida rudzu lauku
L'eigō, ľeigō!
Ȥalta swōrkys pacāluše.
L'eigō, ľeigō!

Kur nūlaida zalta swōrkys,
L'eigō, ľeigō!
Tur nūleika rudzu lauks.
L'eigō, ľeigō!

Солнце переходило ржаное поле,
Лейго, лейго!
Приподнявъ золотое платье.
Лейго, лейго!

Гдѣ опускало золотое платье,
Лейго, лейго!
Тамъ склонялось ржаное поле.
Лейго, лейго!

18—22 зап. въ Прельской вол., Динаб. у.

23.

Man mameńa rūtys (drēbes) lēdźa
L'eigō, ľeigō!
Jōńa dīnas wokorâ.
L'eigō, ľeigō!

Маменька мнѣ возбраняла наряжаться
Лейго, лейго!
Въ Ивановъ вечеръ.
Лейго, лейго!

Jau sauleiťe rūtawos
L'eigō, ľeigō!
Уже солнце рядится (наряжается)
Лейго, лейго!

Jōňě dīnas reiteňâ
L'eigō, ľeigō!
Въ Ивановъ день утромъ.
Лейго, лейго!

24.

Jōňeits pľowu izbrodowa,
L'eigō, ľeigō!
Pīguľnīku waicōdams;
L'eigō, ľeigō!
Иванушка бродилъ по сѣнокосу,
Лейго, лейго!
Справляясь о ночлежникахъ;
Лейго, лейго!

Pīguľnīki gudri beja
L'eigō, ľeigō!
Naguľ ceľa maľeňâ.
L'eigō, ľeigō!
Ночлежники умницы были:
Лейго, лейго!
Не спали на краю дороги.
Лейго, лейго!

23 и 24 зап. въ имѣніи Иснауда, Люцинск. у.

24[a] (ВАРІАНТЪ).

Jōňeits pľowu izmā̦deja,
Rūto[a], rūto[a]!
Pīguľňēku waicōdam':
Rūto[a], rūto[a]!

Gudri bēja pīguľnīki,
Rūto[a], rūto[a]!
Naguľ ceľa maľeňâ.
Rūto[a], rūto[a]!

Франуша Зербуль, изъ Муйзеники, Звирзденской вол. Люц. у.

т. е. Иванушка сѣнокосъ истопталъ
Рӯто[a], Рӯто[a]!

и т. д.—тоже, что въ 23-й пѣснѣ, только припѣвъ другой: «рӯто[a]» вм. «ľeigō». Обѣ мѣстности отдалены другъ отъ друга на 12 верстъ.

24[b] Маріенгаузенъ, Люц. у.

Начало другое: Jōňeits zirgu nūjōzdeja
L'eigō, ľeigō!
Иванушка коня загналъ
Лейго, лейго!

25.

Eij, mōseńa, tauteńôs,
Rūtō, rūtō!
Dzeiwo skaiški nūgōjuśe:
Rūtō, rūtō!
Lai sloweitu lobas sliwi
Rūtō, rūtō!
Mozojai mōseńai.
Rūtō, rūtō!

Выходи, сестрица, замужъ
Рӯто, рӯто!
Вышедши, живи красно,
Рӯто, рӯто!
Чтобы нажить хорошую славу
Рӯто, рӯто!
Младшей сестрицѣ.
Рӯто, рӯто!

Им. Ландскорона, Люц. у.

Эту самую пѣсенку пѣли раньше и съ припѣвомъ «лейго». Вслѣдствіе преслѣдованій съ амвона ея стали пѣть другимъ припѣвомъ «рӯтō».

26.

Oi, Jōńíte, Díwa dālis,
Kū tu wed'i wazumâ?
L'eigō, ľeigō!
Meitu wedu zeiľu rūtu,
Puiši caunu capurītes.

Ой, Иванушка, Божій сынъ,
Что ты везешь на возу?
Для дѣвицъ нарядъ украшенный перлами,
Для парней куновыя шапки.

Деревня Пилисколна, Болвск. вол. Люц. у.

27.

Kode$_l$ľ zīdeja ceľińâ,
Gūwu noģi, wušku noģi;
L'eigō, ľeigō!
Kode$_l$ľ zídej' pupeńōm
Boltej zídeja, malni zíd.

Ивановская трава цвѣла на дорогѣ,
Коровьи ножки, овечьи ножки
Цвѣли, Ивановская трава цвѣла у бобовъ,
Цвѣли бѣлые, цвѣтутъ черные.

Дер. Пилисколна, Болвск. вол. Люц. у.

28.

Wisi zìdi iz-zīdeja,
L'eigō, ľeigō!
Paparksteńi nazīdeja.
L'eigō, ľeigō!

Всѣ цвѣты разцвѣли,
Лейго, лейго!
Папоротникъ не разцвѣлъ.
Лейго, лейго!

Paparksteńi zīdeja — Jōńe dīnas nakteńâ.
L'eigō, ľeigō! — L'eigō, ľeigō!
Папоротникъ зацвѣлъ — Ночью на Ивановъ день.
Лейго, лейго! — Лейго, лейго!

Быковъ, Люц. у.

Подобно тому какъ въ Россіи отправляютъ праздникъ Ивана Купалы, собирая разныя зелья и заплетая себѣ вѣнки, и у Латышей ходятъ за разными Ивановскими цвѣтами. Латыши шуточно поютъ:

Въ Иванову ночь не могу узнать,
Которая женщина, которая дѣвица:
И на женщинѣ и на дѣвицѣ
Зелёный дубовый вѣночекъ. (Спрогисъ, стр. 291).

Въ Россіи «въ навечеріе Рождества св. Іоанна Предтечи собравшіяся ввечеру юноши мужеска и дѣвическа и женска полу соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ *зелія нѣкоего и возлагаютъ на главы и опоясуются* ими. Еще же на томъ бѣсовскомъ игралищи кладутъ *огонь* и окрестъ его вземшеся за руцѣ, нечестиво ходятъ и скачутъ и пѣсни поютъ, сквернаго *купала* часто повторяюще, и чрезъ огонь прескачуще» и т. д. (Ив. Калинск. М. стр. 411).

«У латышей на холмахъ сожигаютъ дегтярныя бочки, поднятыя на высокихъ шестахъ. Для скота собираютъ травы, которымъ приписываютъ благодѣтельную, спасающую отъ злыхъ чаръ, силу (Трейландъ l. c.). Объ Ивановскомъ огнѣ срв. А. Биленштейна Johannisfest l. c. и А. Бецценбергера Joh.-fest der Litauer (Altpreuss. Monschrft. Bd. XII, стр. 70—75). Въ 28-й пѣснѣ говорится о «кодейлесъ» Melampyrum nemorosum (срв. и № 17). Кодейлесъ называется и ńarbuľi [1]). О собираніи Jōńa zōl'es Ивановскихъ травъ поется въ пѣснѣ 15-й. Срв. еще у Спрогиса (стр. 292):

«Всякая трава цвѣтетъ,
Не цвѣтетъ только папоротникъ;
Папоротникъ цвѣтетъ
Въ самый Ивановъ вечеръ».

---

[1]) По свѣдѣніямъ г. Илстера, Rakstu krâjums, izdots no Rigas Latweešu Beedrîbas Zinibu Kommisijas, 2-й выпускъ, Елгава (Митава), 1884, стр. 74. Melampyrum называется въ балтійскихъ губерніяхъ ńērbuli, Jāńa zāle или zilgalwińi, по нѣм. Wachtelweizen (въ статьѣ «Латышскіе ботаническіе термины»).

У Литовцевъ Восточной Пруссіи наканунѣ Иванова дня коровамъ чтобы было жирно молоко, даютъ слѣдующее лекарство, (рецептъ нѣмецкаго происхожденія):

Safranoel	Katrienenoel.
Bärenoel	Hoffsmannstropfen.
Scorpionoel	Pfingstenoel
Tannertropfen	Johannisoel
Kukkuksoel.	Elefantenoel
Pomadenoel	Steinoel.
Schlangentropfen	Bärenfett
Teufelstropfen	Blanc-Tarant.
Bieberoel	Apriloel.

Каждаго средства купи на 10 пфенниговъ (5 коп.). По увѣренію литовки-знахарки, этимъ врачеваніемъ не брезгаютъ и крупные помѣщики. (Записано мною въ Шерненѣ, близь г. Мемеля).

29.

Jōnińai lîlas gūwes,
Kà lîlo*s brîža mōtes.
L′eigō, ľeigō!

Tei sàsäjū ľelu sîru,
Jōńa bārnu gaidîdama.

У Иванушки большія коровы,
Какъ большія оленьи самки.

Оттого я связала большой сыръ,
Ожидая Ивановыхъ дѣтей.
Лейго, лейго!

М. Прель. Динаб. у.

30.

Jōńi°m sîwa izgaisuśa,
Jōńa dînas wokorâ.

Petriń(â) atsaroda
Dobolâ guľejuśe

У Ивана пропала жена
Вечеромъ въ Ивановъ день.

Въ Петровъ ее нашли
Спящею въ клеверѣ.
Лейго, лейго!

L′eigō, ľeigō! послѣ каждаго стиха. М. Прель. Динаб. у.

31.

Atît Petrs, atît Jōns!
L′eigō, ľeigō!

Ni ka loba nà-atńesa
L′eigō, ľeigō!

Приходитъ Петръ, приходитъ Иванъ
Лейго, лейго!

Ничего добраго не приносятъ!
Лейго, лейго!

Atīt swāta Jākubńeica,
L'eigō, ľeigō!
Пришла святая Якубица,
Лейго, лейго!

Atńeš maizys gabaľeń.
L'eigō, ľeigō!
Приноситъ хлѣба кусокъ.
Лейго, лейго!

Ива Прикулъ, Прельск. вол. Динаб. у.

32.

Jōńišam bolta sīwa,
Pīteram zila, malna;

Jakobam ľela, rasna,
L'ela maizes cäpejińa
L'eigō, ľeigō!

У Иванушки бѣлая женка,
У Петра синяя, черная;
Лейго, лейго!

У Якова большая, дебелая,
Большая пекарша хлѣба.

(По сообщенію Ив. Март. Калнина, слышавшаго этотъ стихъ въ Ливенгофѣ въ Динаб. у.).

33.

Äs sowam kaimińam (noburgam)
Meņžam ľaunu näwēľeju,
L'eigō, ľeigō!

Dūd, Dīweń, jam ceņku cīrpt,
Wuceneńu swiľināt.

Я своему сосѣду
Во вѣкъ худаго не желалъ.

Дай, Боже, ему свинку стричь,
А овцу обжигать!

Лейго, лейго! послѣ каждаго стиха.

По сообщенію того же, отъ крестьянъ Ясмуйжской вол., деревни Желвы, Динаб. у.

34.

Kodeiľes munas, kodeiľes
L'eigō, ľeigō!
Cīši greņši salaseitōs,
L'eigō, ľeigō!

Cita pľeņkta jeņreńôs, (r. jöreńôs)
L'eigō, ľeigō!
Cita jeņras maleńâ.
L'eigō, ľeigō!

«Кодейлесъ» мой, кодейлесъ
Весьма трудно отысканные:

Иной сорванъ на морѣ,
Иной на краю моря.
Лейго, лейго!

М. Прель. Динаб. у.

35.

Apsabeida saimenîce:
Daudz pîgōja Jōńa barnu.
Nasabeistīs, saimenîce,
Wisi beja poaduši,
Wisi beja padzāruši,
Wisi beja guľēši
Swātas Mōras šeupuľî

L'eigō, ľeigō! послѣ каждаго стиха.

Испугалась хозяюшка:
Много пришло Ивановыхъ ребятъ.
Не бойся, хозяюшка,
Всѣ уже поѣли,
Всѣ уже попили,
Всѣ уже поспали
Въ колыбели Святой Маріи (Моры).

Лейго, лейго!

М. Прель. Динаб. у.

36.

Paldîs mani šai cîma(i)
L'eigō, ľeigō!
Dewa ästi, dewa dzerti.
L'eigō, ľeigō!
Jo dzeiwōš, nänūmeršu,
L'eigō, ľeigō!
J'šu citâ Jōńa dînâ.
L'eigō, ľeigō!

Спасибо этой деревнѣ:
Лейго, лейго!
Дали ѣсть, дали пить.
Лейго, лейго!
Если буду жить — не умру,
Лейго, лейго!
Приду въ будущій Ивановъ день.
Лейго, лейго!

М. Прель, Динаб. у.

37.

Bitît ľela, bitīt moza
L'eigō, ľeigō!
Bitît šeun šiwejińa;
L'eigō, ľeigō!
Mōseńa ľela, mōseńa moza
L'eigō, ľeigō!
Mōseń tautu maľejińa.
L'eigō, ľeigō!

Пчелка большая, пчелка малая,
Лейго, лейго!
Пчелка шьетъ швейную работу;
Лейго, лейго!
Сестрица большая, сестрица малая,
Лейго, лейго!
Сестрица молольщица на чужбинѣ въ (замужествѣ).
Лейго, лейго!

(По Ив. Март. Калнину, отъ крестьянъ Капинск. вол., Динаб. у.).

38.

Atgōjuśe Jōńa dînâ
L'eigō, ľeigō!
Wisi muna nazinowa;
L'eigō, ľeigō!

Когда я въ Ивановъ день пришла,
Лейго, лейго!
Всѣ меня не узнали;
Лейго, лейго!

Ni man krakli šil(u)denōti,
L'eigō, ľeigō!
Ni snōteńa baleńōta.
L'eigō, ľeigō!

Ни рубашки на мнѣ не расшиты
Лейго, лейго!
Ни покрывала не выбѣлены!
Лейго, лейго!

Прель, Динаб. у.

39.

Äs redzeju mameńai
Pîcu sīru nastińâ.

Man, mameń, dō(d) pí́ktu
Par teľeišu gańeidams.

L'eigō, ľeigō! послѣ каждаго стиха.

Я увидала у мамушки,
Пять сыровъ въ связкѣ.

Дай мнѣ, мамушка, пятый
За пастьбу телушекъ.
Лейго, лейго!

Пахолки, Рѣжицк. у.

40.

Aizaḿērś, aizaḿērśa
Jōńa dîna nàturāta:

Забыли, забыли,
Иванова дня не праздновали.

Sîsim sí́r pologûs,
Turēsīm Jōńa dín.
L'eigō, ľeigō!

Станемъ вязать сыръ въ простыняхъ
Будемъ праздновать Ивановъ день.
Лейго, лейго!

М. Прель, Динаб. у.

41.

Jōńeits säᵉd'e kalneńâ,
Salopeite kažūceń:

Tys nū-äda źerńu dŕuwu,
Rōceńu ľeidumeń.

L'eigō, ľeigō! послѣ каждаго стиха.

Иванушка сидитъ на горѣ,
Въ заплатанной шубенкѣ.

Онъ съѣлъ гороховое поле
И картофельную полосу.
Лейго, лейго!

М. Креславка, Динаб. у.

42.

Woi rudźeiťe-rūgalīte
L'eigō, ľeigō!
Gatawejas wārpiňa:
L'eigō, ľeigō!

Рожь колосистая,
Скороли поспѣетъ твой колосокъ?

Jou dažami nabogam
L'eigō, ľeigō!
Senam rūća dzirnawiňas.
L'eigō, ľeigō!

Уже у иного бѣдняка
Давно жернова загремѣли.
Лейго, лейго!

Маріенгаузенъ, Люц. у.

43.

Jōňeits meiteňa
Rogowōm lomowa,

Иванушка дѣвушку
Изъ за дровенъ ругалъ,

Werīs, Jōňeit, rogowōm,
Werīs, Jōňeit, sôňôˢs.
Ľeigo, ľeigo!

Смотри, Иванушка, на дровни,
Смотри, Иванушка, и на сани.
Лейго, лейго!

Записано тамъ же.

Августъ мѣсяцъ.

1—10 число авг. Guńis dīnas.

Въ августѣ мѣсяцѣ есть дни, до 10-го дня (августа), называемые Guńs dīnas, т. е. огненные дни. Если въ эти дни случается молотить хлѣбъ, то молотятъ ночью безъ огня, а если въ овинъ будутъ носить огонь, то непремѣнно сдѣлается пожаръ; если въ этотъ день будетъ кто нибудь ходить по полямъ и по лугамъ, то посѣвъ и трава выгоритъ какъ отъ огня. (Балл. Стерняны, Рѣжицк. у.). Въ августѣ мѣсяцѣ, когда первый разъ молотятъ, ломаютъ *дубовые* сучья и втыкаютъ вездѣ по угламъ гумна и полей [Котонъ Свальбы, Ясмуйжск. вол. Динаб. у.]. Въ дер. Свальбы, Ясм. вол. Дин. у. празднуютъ въ августѣ мѣсяцѣ праздникъ новаго хлѣба (jauna maize), рѣжутъ барана и подносятъ водку (А. Котонъ).

---

15 дня августа, Lı̀la Mōras dı̀na. **День Успенія Пресвятой Богородицы.**

Слѣдуетъ ходить въ церковь попарно: тогда будетъ урожай. Въ этотъ день рѣжутъ барана (Котонъ. Дер. Свальбы, Ясмуйжской вол. Динаб. у.). Въ прежнее время водили въ церковь и живыхъ животныхъ (особенно барановъ) для освященія; такъ, по крайней мѣрѣ, по воспоминаніямъ старожиловъ, бывало въ Люцинской церкви. Надо знать, что въ названномъ городѣ бываетъ въ это время большая *ярмарка*, которая продолжается цѣлую недѣлю. Въ *Аглонѣ* приносятъ въ церковь (монастырскую) kaľados или uperes (дары), а въ прежнее время привозили и живыхъ барановъ.

Три дня до *Мōра дӣна* нельзя сѣять озими, а то будетъ несчастье (им. Рожаново, Люцинск. у.). Въ *Мōра дӣна* освящаютъ зерно. (Ландск., Люцинск. у.).

Осеннее праздненство. Руденōјн (Rudenōji).

По сообщенію Стернянскаго ксендза, нынѣ уже умершаго, Висоцкаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на лифляндско-инфлянтской границѣ совершался въ недавнее время, т. е., по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ тому назадъ, въ дер. *Черзеникъ*, слѣдующій обрядъ: Когда столъ накрытъ яствами и питьями, хозяинъ прячется подъ нимъ и говоритъ: soka, waicōj, wai je͜us mańi redzēt? Saiḿi un gosti atbiłd «Nàredzam» — спрашивая: «видите ли вы меня»? Домочадцы и гости отвѣчаютъ: «не видимъ». Хозяинъ на это отвѣчаетъ: Dı̀weń, dūd', kab aiz montu un lobumu iz ı̌toª gods je͜us mańi nāradzuḿet! Дай Боже, чтобы изъ за имущества и хлѣба вы не увидѣли бы меня въ этотъ годъ. Эти слова повторяются торжественно три раза. Во второй разъ хозяинъ желаетъ, чтобы его «aiz gaŕı̄m rūdzı̀m, mı̌žı̄m un auzı̄m» не видѣли и наконецъ въ третій разъ: «Lai Dı̀ws dūd, kab äs iz itoª gods nikaida ľauna nàradzatum»! (Дай Богъ, чтобы на этотъ годъ я ничего дурного не видѣлъ). Послѣ этого разговора, хозяинъ вылѣзаетъ изъ за стола, самъ первый отвѣдываетъ поставленныя кушанья и потомъ уже даетъ ѣсть другимъ. Эти свѣдѣнія допол-

няются другимъ разсказомъ Агаты Вяксы, изъ Прельской вол. Динаб. уѣзда.—По ея разсказу, въ деревнѣ Бетишкахъ, въ старину во время rudenoji соблюдали слѣдующее: накрывали на столъ и ставили на него разныя яства и между ними обязательно *сыръ*. На полъ разстилали простыню до самыхъ дверей. въ печку втыкалась лучина. Домочадцы и хозяинъ говорили «Eij, munu Dīweń, ustubâ, pa boltu paladzeń! Войди, мой Боженька, въ хату по бѣлой простынкѣ!

Хозяинъ и хозяйка отправлялись въ хлѣвъ и обходили скотъ съ тарелкой творогу и ведромъ пива, причемъ пѣли:

Aizswīžam zalta z'erńi Aiz sudobra redel'eišu:	Lai munami kumel'am Jeudeńs laśe nastōwe.
Мы бросимъ золотыхъ горошинъ За серебрянныя рѣшетки (или *редели* [1]):	Дабы къ моему коню Ни капли воды не приставало.

Надо замѣтить, что хозяева, совершавшіе обрядъ, были одѣты въ старинныя *свейты* (свита древняго покроя; платье это латышами теперь уже не носится) и въ лерчаткахъ (вязанныхъ).

Приведенное четверостишіе выражаетъ желаніе, чтобы лошади были такъ откормлены, чтобы и капли воды не приставало къ нимъ. [Срв. другой стихъ того же смысла, объясняющій намъ вторую половину пѣсенки]. Въ сборникѣ Лат. пѣс., изданномъ Лат.-Лит. Общ. въ Митавѣ, стр. 355 № 4426 о боровѣ поется:

Uz tā mana balta wepra Ūdens lāśe nestāwēja;	Es pat sawas cūku durwis Jk rītińus wirināj'.
На моемъ бѣломъ боровѣ Воды капли не стояло (не приставало);	Я самъ двери къ нему Каждое утро открывалъ и закрывалъ.

Бросанье золотыхъ горошинъ имѣетъ волшебное значеніе въ далеко распространенной пѣсенкѣ, записанной мною также и въ Свальбахъ, Ясм. в. Дин. у.:

Äs porswīž zalta z'ern' Por ūzul'a wersuńe:	No(?)tis porskrej skanādams Por wisam zaŕeńam.
Золотой горохъ я перекинулъ Черезъ вершину дуба:	Онъ (горохъ) пробѣжалъ со звономъ По всѣмъ вѣточкамъ.

[1]) Какъ говорятъ въ Псковской губ.

Обрядъ Спрятанья встрѣчается въ томъ же значеніи также у Руянъ, по *Саксону грамматику*, у *Малороссовъ*, у *Сербовъ-герцеговинскихъ* (обрядъ миланья), у *Болгаръ-Павликіанъ* (по сообщенію проф. М. С. Дринова) и у *Грековъ* (по сообщенію М. С. Дестуниса). Саксонъ грамматикъ, описывая обрядъ праздненства *Святовида*, разсказываетъ, что жрецъ выливалъ вино изъ рога, который держалъ идолъ, къ ногамъ его, въ возліяніе ему и, наполнивъ свѣжимъ виномъ, не забывалъ почтить идола, какъ будто онъ долженъ пить прежде жреца. Къ этому же возношенію принадлежалъ и *пирогъ*, сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину онъ былъ почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ, видятъ ли они его; когда они говорили, что видятъ, то желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастію народа и обилію слѣдующей жатвы [1]).

Обычай этотъ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На *щедрый* или *богатый вечеръ* (31 декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей и пироговъ и, поставивши всё это кучею на столъ, засвѣтивъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа *исполнить* законъ. Отецъ семейства долженъ сѣсть на покутъ за кучей печенья, когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «дежь нашъ батько»? Онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «хибажь вы мене не бачите»! и на отзывъ ихъ: «не бачимо, тату»! говоритъ имъ: «дай же Боже, щобъ и на тотъ рикъ не побачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобъ и въ будущемъ году было такое же изобиліе, какъ въ настоящемъ. (Сементовскаго К. Замѣчанія стр. 36. Срв. Костомарова Народный дневникъ стр. 438 о такомъ же обрядѣ въ дер. Плоски, Дубенск. у. Труды этногр. стат. экспедиціи въ Зап. Русскій Край III, С.-Петербургъ. 1872).

«Идріотъ мнѣ разсказывалъ лѣтъ *сорокъ* тому назадъ (такъ пишетъ мнѣ г. Дестунисъ, по поводу описаннаго выше обряда), что на одномъ изъ острововъ Архипелага, жители отличаются

---

[1]) Saxonis Grammatici Historia Danica. Recensuit Dr. P. E. Müller, edid. Joannes Matth. Velschow. Havniae. 1839, стр. 824, 825: *Placenta quoque mulso confecta, rotundae formae, granditatis vero tantae, ut* pene hominis staturam aequaret, sacrificio admonebatur. Quam *sacerdos sibi* ac populo mediam interponens an a Rugiunis cerneretur, percontari solebat. Quibus illam a se videri, respondentibus, ne post annum ab iisdem cerni posset, optabat: Quo precationis more non suum aut populi fatum, sed futura messis incrementa poscebat.

глупостью и говорятъ языкомъ нѣсколько отличнымъ отъ другихъ грековъ, очень страннымъ. Въ примѣръ ихъ глупости и вмѣстѣ странности языка онъ привелъ слѣдующій разсказъ:

Мужъ залѣзъ въ созрѣвшую на корнѣ пшеницу и спросилъ жену свою:

— Θωρεῖς με, γυναίκα; (видишь ли меня, жена)?

Она отвѣтила:

— Θωρῶ σε, ἄνδρα (Вижу тебя, мужъ).

Мужъ прибавляетъ съ важностью:

— Καὶ τοῦ χρόνου να μὴ με θωρῇς! (На будущій годъ пускай меня не видишь!)

Въ глазахъ Идріота, человѣка бывалаго, нахватавшагося поверхностныхъ знаній, говорившаго языкомъ аѳинянъ, этотъ мужъ такъ глупъ, что даже не умѣетъ высказать пожеланія. Своими послѣдними словами онъ хочетъ высказать: «пускай пшеница на будущій годъ выростетъ такъ высоко и густо, чтобъ жена не могла и замѣтить его, когда онъ заберется въ пшеницу». А выходитъ на дѣлѣ, какъ будто онъ смерти желаетъ, когда говоритъ: на будущій годъ пускай меня не видишь». Сверхъ того, нужно бы сказать: μὲ βλέπεις, а не θωρεῖς με; сказать σὲ βλέπω, а не θωρῶ σε, — смѣшно такъ говорить.

Между тѣмъ слово θωρῶ, есть древнее θεωρῶ; а με, σὲ послѣ глагола, отъ котораго зависитъ, не составляетъ неправильной конструкціи, а только вывелось изъ употребленія. Весь разговоръ своимъ лаконизмомъ очень интересенъ, такъ что я его и черезъ сорокъ почти лѣтъ не могъ позабыть [1]).

О дожинкахъ (опожинкахъ) латышей говоритъ нынѣ умершій ксендзъ-канonикъ Яловецкій въ Креславлѣ, въ статьѣ «Z nad brzegów Dźwiny Zachodniej» слѣдующее: Dotąd jeszcze, na pograniczu tak zwanych Szwedzkich Inflant i w innych miejscowościach Ł. w ten sposób obchodzą swoje Rudinoi t. j. dożynki; wtedy przed świtem rzną koguta, duszą go i sekretnie mąż z żoną zjadają w kącie swej izby, a we dnie zaproszonych sąsiadów ugaszczają mięsem i piwem.. [2]) Точно также въ Стернянахъ, кс. Висоцкій, самъ уроженецъ этого края, сообщилъ мнѣ, что въ Борховѣ, на границѣ Лифляндіи и Витебской губерніи и теперь еще тайкомъ колютъ *пѣтуха* въ праздникъ опожинокъ. Есть, примѣта, которая

---

[1]) Приведенное здѣсь сообщеніе, сдѣлано мнѣ было послѣ реферата въ засѣданіи отдѣленія этнографіи отъ 26 октября 1882 года.

[2]) Въ газетѣ Przegląd katolicki, 1881 г. № 32, стр. 528, примѣч. 3.

строго соблюдается латышами, что ранѣе домохозяина никто не смѣетъ отвѣдать кушаньевъ и блюдъ, приготовленныхъ для праздниковъ. Кто отвѣдаетъ не во время, тотъ навлечетъ на свой домъ несчастіе. Крестьянка Агата Вякса изъ Прельской вол., Динаб. у. разсказала мнѣ о несоблюденіи этой примѣты такую быль: Šimâ laikâ atstōja meiteńe pi̇ guńes. Pasoka iz jōs: «meiteń, tu stōw' ite, nâei(j) ńikur nū guńes. T'ei meiteńe stōw', stōw'; teik gors laiks, dūmaja, daiš pi̇ golda, pajemš(ū) kāda sira gabaľeńš i iš kuťê, koľc ji nu kl'āwa atis. Tai jei, ka dait pi̇ golda sira jemt, ka dalik rūku pi̇ sirū, tai atjimt nawar. Atis nu kl'āwa saimeniks ar saimeńice. Saimeńice soka: Wai, meitiń, kam tu to aiztic. Äs tewi pàs(ū)cejū pe guńes stōwēt, tu wo̊rēja stōwēt i naiztikt, pagaidit meus. Tad tei meiteńe wara atsastōt nu golda i rūkēs atsaraisa. Въ то время (хозяйка) т. е. во время руденоји—оставила дѣвку (работницу) одну у огня и уходя говорила ей: дѣвка, стой здѣсь, не ходи никуда прочь отъ огня. Она стояла, стояла, много времени, ей показалось, уже прошло, (они не идутъ) подумала: пойду къ столу, съѣмъ кусочекъ сыру. Какъ только она подошла къ столу, такъ рука ея и пристала къ сыру и отнять ея не можетъ. Возвратились изъ хлѣва хозяинъ да хозяйка. Хозяйка сказала: ой, дѣвка, зачѣмъ ты тронула это, я вѣдь говорила тебѣ оставаться у огня; ты могла остаться и не трогая ничего, ждать насъ! Послѣ этого дѣвка опять могла отойти отъ стола и оторвать руку (отъ сыра).—Быль эта, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недосказанная, достаточно однако выясняетъ суевѣрный страхъ латыша и характеризуетъ примѣту, о которой говоритъ и Аунингъ въ приведенной выше статьѣ объ Усинѣ (стр. 13), гдѣ отъ несоблюденія этой примѣты должна сдохнуть овца.

Изъ пѣсенъ, кромѣ выше приведенной, поютъ и другія, напр. объ осеннемъ кубкѣ (bičereite Becherchen):

Eij bolti brōl'el'ińi,	As atrod gańeidama
Kod dzäŕet rudenōjis,	Rudenōj' bičeŕeit.

М. Прель, Динаб. у. Тамъ же поется эта пѣсенка и иначе:

Muni bolti brōľeľeńi,	Äs atrodu gańidam'
Kod dzerot rudenōjis,	Rudenōji bičereite.
Мои бѣлые братцы,	Я нашла, пася,
Когда пили «дожинки»:	Кубокъ «Руденоји».

Старушка Вяксиха, сообщая эту пѣсню, замѣтила при этомъ, что въ старину ее пѣли послѣ уборки хлѣба, въ жатвенный праздникъ *руденоји*. Такъ какъ въ этотъ праздникъ и варятъ пиво (домашнее), то вмѣстѣ съ этой пѣсенкой пѣли и болѣе общія, т. е. не спеціально къ празднику опожинокъ пріуроченныя, о пивѣ, хмѣлѣ, какъ напр.:

Oj, dìweń, soldons ols
Kur ťe škeiťi apenìši?
Ой, Боже, сладкое пиво,
Гдѣ высокорослый хмѣль?

Aiz upeites leićēťî
Pati dìwa dōrzińâ.
За рѣчкою на лугу,
Въ самомъ Божьемъ огородѣ
(саду).

Обстановку жатвеннаго праздника обрисовываетъ пѣсенка, записанная мною въ дер. Свальбы, Ясмуйжской вол. Динаб. у.:

Äs sowam dìweńam
Da sātai cel'u tais',
Я своему Боженькѣ
До дома путь проложилъ:

Skaistůs zìdeńis paber,
Boltus klōj paladzeńš.
Красные цвѣты посыпалъ,
Бѣлую простыню разостлалъ.

О жертвоприношеніи пѣтуха во второй пріѣздъ мой въ Прель, въ 1884 году, Марг. Вяксиха сообщила слѣдующее: наканунѣ дожинокъ (wokorâ, rudeńos) брали курицу за ноги и били ею объ шестокъ [1]), такъ что она металась (jäm wistu i sit ar kojos pì pōrtos, lai pliwinoi) затѣмъ обирали ее, совали въ мѣшокъ и уносили въ хлѣвъ, гдѣ, какъ разсказчица выразилась подъ суевѣрнымъ страхомъ, Богъ знаетъ, что около скота дѣлаютъ. Затѣмъ варятъ въ котлѣ 7 курицъ и пѣтуховъ и въ день «руденоји» или дожинокъ ѣдятъ и пьютъ и вообще пируютъ (sajem', ībož maisş i ìnęs kl'āwâ i nasz kū t'e ap lūpīm darēja. Potom wyra l'elâ kotlâ i àst i dzàrt).

Въ дополненіе къ описанію осенняго празденства *руденоји* печатаемъ ниже жатвенныя и толочебныя пѣсни. Изъ жатвенныхъ обрядовъ замѣчательно сохраненіе двойныхъ колосьевъ, ржаныхъ либо пшеничныхъ,—спорышекъ, по латышски *юмисъ*. Юмисъ (jumis) Doppelfrucht тоже самое, что санскр. *yama* geminus двойникъ, *yamala* verzwillingt (Fick [3] Vergl. Wörterbuch

---

[1]) Т. е. припечекъ, площадка передъ русскою печью, межъ устья и топки, Даль [2], стр. 650; по латышски pārts, kulda; нѣм. Vorofen.

der indogerm. Spr. III, p. 731) инфлянтское jumuleńš или jumaleńš уменьшит. отъ jumis; (срв. № 2). «Латыши почитаютъ за большое счастіе, когда находятъ подобный двойной колосъ; присутствіе его въ полѣ почитается за признакъ богатства и полноты колоса. Такой колосъ рачительно хранится въ клѣти, гдѣ его обыкновенно затыкаютъ за балку» (Спрогисъ l. c. стр. 67). Этотъ колосъ счастія — *юмисъ* является въ разныхъ причудливыхъ формахъ. Такъ одно четверостишіе вопрошаетъ:

Kur tu brauksi, rudzu jumi, Seši bēri kumeliñi?	Braukšu laukâ tîrumâi, Ziemu mist welēnai.
Куда ты ѣдешь, ржаной юмисъ На шестерыхъ бурыхъ лошадяхъ?	Ѣду вонъ па поле Перезимовать подъ дерномъ [1]) (Цирава, въ Курляндіи).

Юмисы бываютъ не такъ рѣдко,—оттого пѣвецъ различаетъ старшихъ и младшихъ. Въ 3-й пѣснѣ юмисъ потерялъ юмуленя. Юмейтъ кликаетъ, а молодой отзывается изъ засѣки (гдѣ онъ спрятанъ поселяниномъ, отыскавшимъ его на полѣ). Въ 8 и 9 пѣсняхъ юмейтъ колотитъ юмаленя и волочитъ его за волосы за то, что онъ не готовилъ путры и не испекъ аладій. Юмисъ зимуетъ въ извѣстныхъ, какъ бы заранѣе опредѣленныхъ, мѣстахъ и на вопросъ, гдѣ онъ такъ долго все лѣто спалъ, пѣвица отвѣчаетъ «въ концѣ поля, подъ сѣрымъ дерномъ» (№ 4), «въ грудѣ камней» (№ 4[a]), «подъ сѣрымъ камнемъ» (4[b]). Юмисъ принимаетъ человѣческій образъ въ четверостишіи у Спрогиса l. c. стр. 67:

Двойной колосъ куетъ шпоры
Среди поля на камушкѣ,—
Чтобы переѣхать со славою
Изъ риги въ клѣть.

У Трейланда (Мат. II, стр. 201) о юмисѣ приводится такое повѣрье: если дашь овцѣ *два колоса*, которые выросли на одномъ стеблѣ, то она будетъ приносить по два ягненка. Это повѣрье существуетъ и у Литовцевъ Свенцянскаго, Вилен-

---

[1]) Сб. лат. пѣс., изд. Лат-Лит. Общ. въ Митавѣ, № 4087 и варіантъ въ № 4123, гдѣ конецъ пѣсни другой.

Tîrumêi zēmas mift, Welēnâi māju jemt.	На полѣ перезимовать, У дерна квартиру снять.

скаго и Лидскаго уѣздовъ, Виленской губ., берегутъ dzwilīpas, спорышъ, для того, чтобы «овцы приносили по два ягненка». Ближе подходятъ къ юмисевымъ пѣснямъ бѣлорусскія спорышевыя пѣсни про Рай и Добро у П. В. Шейна [1]).

О Спорышѣ у П. В. Шейна въ 357-ой пѣснѣ мы читаемъ слѣдующее:

Ходзиў Спорышъ по вулицѣ,
По вулицѣ по широкой,
По мураўцѣ, по зеленой.

Никто Спорыша во дворъ не зоветъ, только одна «Хвядориха» приглашаетъ его къ себѣ «на чисовы столъ»:

Ў мяне столы позасциланы,
Виномъ кубки поналиваны,
Ў мяне пирогоў понапечаны,
Ў мяне мёду понасычана,
Ў мяне каша наварена» и т. д.

Безъ сомнѣнія бѣлорусскія прозвища двойчатки или двойнаго колоса (или орѣха) Рай, Добро, Спорышъ или Боже [2]) тождественъ съ латышскимъ юмисомъ. Бѣлорусская форма *раёкъ* форма ласкательная; Латыши же изъ такой ласкательной формы слова «юмис» сдѣлали сына «Юмаленя». По Мангардту, въ Тиролѣ такія спорыньи прячутся за распятіе въ томъ убѣжденіи, что жатва тогда будетъ богата плодами [3]). Не пускаясь въ подробности относительно вопроса объ отношеніи юмиса къ житному духу и житной бабѣ или маткѣ (Kornmutter) В. Мангардта, (въ статьѣ о культѣ Деметры), я укажу только на повѣрья Перуанцевъ 17-го вѣка относительно маисовой спорыньи. Житный духъ изображается, по свѣдѣніямъ В. Мангардта l. c. 343, между прочимъ въ «*einzelne*, *fruchtbare Maisstengel*, welche mit der Fruchtbarkeit der Erde viele und grosse Kolben geben oder wenn zwei Kolben zusammen herauswachsen».

---

1) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., Томъ V, 493 и слѣд.
2) l. c. стр. 803 — 808.
3) Mythologische Forschungen. Aus dem Nachlasse von Wilhelm Mannhardt herausgegeben von H. Patzig. Mit Vorreden von Karl Müllenhof und Wilhelm Scherer. 1884 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker, Heft 51); стр. 343, примѣч. 6.

Эти рѣдкіе экземпляры маисоваго растенія почитаются у Перуанцевъ какъ Зара-мама, маисовая матка. Почитаніе этихъ Зара-мамъ однако-же не такое, какъ почитаніе пенатовъ Гуака или Конона, домашнихъ ихъ боговъ. Перуанцы только смотрятъ на́ эти двойчатки, почитая ихъ за священный предметъ: «indem sie diese Stengel mit vielen Maiskolben an Weidenäste hängen, tanzen sie ihnen den Tanz, den Sie A(y)rigua nennen, und nachdem sie getanzt haben, verbrennen sie sie und opfern dem Liþiac (т. е. молніи, Перуну), damit er ihnen eine gut Ernte gebe» [1]).

У Латышей спорышъ-юмисъ представляетъ, какъ явствуетъ изъ ниже-приведенныхъ пѣсенъ, олицетвореніе жатвеннаго богатства и счастья, но изъ этого еще не выходитъ, что юмисъ когда нибудь почитался богомъ, какъ это предполагается относительно Рая-Спорыша-Добра, который у П. В. Шейна считается земледѣльческимъ богомъ Бѣлоруссовъ. Олицетвореніе и обоготвореніе смѣшивать не слѣдуетъ. Вездѣ на Руси, въ Архангельской губерніи, Тверской и другихъ губерніяхъ двойной колосъ или спорышка сохраняется за образами и кормятъ ими для счастья и плодовитости особенно овецъ, чтобы они ягнились двойнятками. Имя существительное спорынья означаетъ выгода, прибыль, ростъ. Но если крестьянка Тверской губерніи, накатывая трубочки полотна, шепчетъ на полотно «изо льна душа, конецъ спорынья» — то изъ этого не слѣдуетъ, что она шепчется съ какимъ-то богомъ прибыли. Точно также латышскій юмисъ или юмалень (смотри ниже пѣсню съ припѣвомъ юмалу̊ въ отдѣлѣ святочныхъ игръ) до степени обоготворенія не дошелъ. «Wer eine Doppelähre findet, wird heirathen, hat Glück» (Гумбинненъ, въ восточной Пруссіи) [2]). У Жмудиновъ, Тельшевскаго и Россіенскаго уѣздовъ, спорышъ называется «кеjмарис». Двойчатки орѣховъ, кеjмариси или двилипы сохраняются Жмудинами и Литовцами въ кошелькѣ вмѣстѣ съ деньгами для того, чтобы всегда водились деньги. Въ Шимкайцкой волости, Россіенскаго уѣзда, суевѣрный Жмудинъ Бакутисъ утверждалъ, что если взять кеjмариса (лит. keimaris) и вкопать среди дороги, то на этомъ мѣстѣ возъ непремѣнно упадетъ. С. Довконтъ въ своемъ сочиненіи «Budas Senowęs Lëtuwiû Kalnienû ir Žamatiû. Pe-

---

[1]) l. c. стр. 344.
[2]) Mannhardt. l. c. стр. 343, примѣч. 6.

tropīlie, 1845» на стр. 51 передаетъ, что до сихъ поръ жениха и свата обязательно угощаетъ мать невѣсты орѣхами и что сговоръ скрѣпляется обыкновенно съѣденіемъ орѣховаго кеймара (tad noutaka dawę rąnką jaunīkiou, kórsaj ję akywajsdoie pabucziawo īr žījdus sōkkījtę ir kéjmarį sówalgę, nesgi iki szioł motina jaunoują ir pīrszlį rīszutajs wajszino). По Міерзинскому[1]) у Поляковъ въ Любельскомъ у. спорышами называются людишки-мизинчики, нѣм. Däumlinge «od przysparzania dobytku» (т. е. литовскіе piršt ukai). По мнѣнію этого самого ученаго, литовскіе кауки [2]) тождественны съ этими пирштуками и берстуками. Гдѣ они пребываютъ, тамъ счастье и спорынья, тамъ, по русской поговоркѣ, Богъ вложитъ «споры въ скирдахъ и въ сборѣ» (Даль [2], стр. 304).

1.

Jäm', brōleń, śermu zirgu,
Ap-jōj sawu teirumeń:
Woi sajemta tei jumeite
Teirumeńa gaľeńâ.

Возьми, братецъ, сѣраго коня,
Объѣзжай свое поле:
Взята ли (отобрана) спорынья
На концѣ поля?

Креславка, Динаб. у.

2.

Wisu dīnu jumēt dzinu
Pa ľelu teirumeń:
Še sadzinu, še sajęmu
Teirumeńa gaľeńâ.

Цѣлый день я спорыню снимала
По большому полю (полосѣ);
Догнала ее, сняла ее
На концѣ жнива.

Креславка, Дин. у. Пѣсня эта записана мною также въ Корсовкѣ (Малновѣ), Люц. у.

ВАРІАНТЪ 2ª. (Пахолки Рѣж. у.).

Wisu dīnu jumi jamu
Pa ľelu teirumeń:
Ti sadzenu, ti sajęmu
Teirumeńe gaľeńâ.

---

[1]) Jan. Lasicki. Zródło do mitologii litewskej. 1870. Krakow, стр. 20.
[2]) Срв. Литовскій катихизисъ II. Даукши, изд. Э. Вольтеромъ, стр. 84 и 166—169.

2b.

Wisu dīnu jumeit dzina
Pa lelu teirumeńu:
T'ei sadzeinu, ťe sajamu
Teirumeńa gaľeńâ.

М. Прель. Динаб. у.

Это четверостишіе далеко распространено въ Лифляндіи; въ Пальцмарѣ, напр., поютъ:

Wisu dînu jumíť dzínŭ
Par lîlu tírumiń,
Tur panāču, tur padzínu
Tírumińa galińâ.

(№ 4245 Сб. Лат. Лит. Общ.).

3.

Jumeits sauća, jumeits klīdza,
Kur palyka jumŭľeńš?
Atsasauće jumuľeńš
Dziľ(a) orūda dibyńâ.

«Юмейтсъ» кликалъ, «юмейтсъ» звалъ:
Гдѣ остался «Юмалень»?
Откликнулся Юмалень
На днѣ глубокой засѣки.

Креславка, Дин. у.

ВАРІАНТЪ 3a.

Jumēdz klīdza, jumēdz sauca,
Kur palika jumaľeńa?
Jumaľeń atsasauca
Orūdeńa dibeńâ.

Прель, Динаб. у.

4.

Kur, jumeit'(u), tu guľēja
Šeidu gaŕu wasareń?
Teirumeńa gaľeńâ
Zam palaks weleńeń.

Гдѣ, спорынья, ты спала
Въ это долгое лѣто?
На концѣ жнива
Подъ сѣрымъ дерномъ.

Быково, Рѣж. у.

ВАРІАНТЪ 4ᵃ.

Kur guļēja, tu juḿeit,
Šeidu gaŕu wasareń?
Teirumeńa gaļeńê,
Akmisteńî krōsneitî

Только четвертый стихъ представляетъ различіе:

Подъ каменистой каменкой.

Звирзденъ, Люц. у.

ВАРІАНТЪ 4ᵇ.

Kur guļēja tu, juḿeit,
Šaidu gaŕu wasareń?
Teiruḿeńe galeńâ.
Zâm peleku akmisteń.

Послѣдній стихъ иначе:

Подъ сѣрымъ камнемъ.

Им. Иснауда Люцин. у.

5.

Juḿeidz klīdze, juḿeidz sauće:
Kur palika Jumaļeń?
Jumaļeń atsasauce
Pí màiteńi moᵃltiwê.

Юмейдзъ кликалъ, Юмейдзъ звалъ
Гдѣ остался Юмаленъ?
Юмаленъ откликнулся
У дѣвушекъ въ жерновой комнатѣ.

Колупск. вол. Дин. у.

6.

Juḿeišam broļeišam
Zaļi swōrki mugurâ:
Lai jim zímûs, lai wosorûs
Zaļi swōrki mugurâ.

У братца «Юмейта»
Зеленые сюртуки на плечахъ (спинѣ);
Будь это зимою, будь это весною,
Зеленые сюртуки все на плечахъ.

7.

Juḿeišam, broļeišam,
Zaļi swōrki skreińeitî:
Kai sajeḿ(i) rudzu jumi,
To apuilku (apwelku) mugurâ.

У Юмейта братца
Зеленые сюртуки во «скрынѣ»;
Когда я снялъ ржаной спорышъ,
Тогда я надѣлъ его на плечи.

6 и 7 запис. въ Звирзденѣ Люц. у.

8.

Jumedz pära jumaleń
Pa teirum' dzanōdams:
Юмейтсъ колотилъ «юмаленя»,
Гоняясь по полю:

Kam nawira bîzes putres,
Kam nacäpe plōceńeišu!
Отчего не варилъ онъ густой каши,
Отчего не испекъ онъ пироговъ.

Запис. въ Прели. Дин. у.

9.

Jumeits kōwa jumaleń
Aiz mateńu wolkōdams:
Юмейсъ колотилъ юмаленя,
Таская его за волосы;

Kam naćäpe lelos maizes,
Kam plōćeńes plikšinoj.
Затѣмъ что не пекъ большіе хлѣбы,
Затѣмъ что онъ ватрушки не приготовилъ.

Иснауда, Люц. у.

10.

Eij tu pati saimenîce
Juma jämtu teirumâ:
Иди ты, сама, хозяйка,
Спорынью снимать на нивѣ,

Kai naisi, saimenîce,
Lai stōw jums teirumâ.
Если не пойдешь, хозяйка,
Пусть спорынья останется на нивѣ.

Им. Иснауда, Люц. у.

11.

Plauńet muńi plōweńi,
Kur jemśim mes jumēti?
Жните мои жнецы.
Гдѣ мы снимемъ спорынью?

'Ai (вм. ej) tu poša saimeńēce,
Jumētu jēmtu teirumâ.
Иди ты сама, хозяйка,
Спорынью снимать на нивѣ.

Запис. отъ Анны Кусень изъ Ницгаля, въ Ливенгофѣ, Дин. у.

Окончаніе жатвы жита. Apľōweńes (Дожинки).

У Литовцевъ окончаніе жатвы ржи называется «пабеjктувес». Праздникъ этотъ празднуется вездѣ на Жмудѣ и Литвѣ выпивкою. Жнеи приносятъ хозяину или помѣщику вѣнки, сплетенные изъ ржаныхъ колосьевъ, и произносятъ ex prompto соотвѣтственные рѣчи [1]). Въ, такъ называемой, польской Лифляндіи хозяйки угощаютъ работницъ (густою) кашею съ масломъ, водкою и пивомъ (mōtys píwad bīzu putru ar cerćeńim (swīstu), brandewiń i olu).

[Въ россіенскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Довойновѣ прошлымъ лѣтомъ принесли дожинковые вѣнки для каждаго въ домѣ, при чемъ одна изъ работницъ произнесла приблизительно слѣдующую литовскую рѣчь (орацію):

Párńešu vainīka ne rűtu, ne mẹtu š́u brańǵū ruǵeľű, kurīᵉ žīma žímawója, nīᵉka ne adbṓja, ne rasṓs, ne šalnṓs, ne lítaūs, ne pagā́dos, kaīme laūke nūpjōw'am, į mándules sustátem, į kápas suskaīti°m, nūwažūsme, iškuľsme į pūra supil'sme; kīk pūra grūdű, tík ponam šimtū̃, ant brańǵū trańku, ant paníku rúbu, ant wisū̃ daľū̃ ant karáľu ir ant pónū ir ant bi°dnū žmońű ir ant ūbagu. Párwežam swätej, ne ant iłga čī°sa, ant keľű nedeľű ir wel iž-wḗsme ant šalč'a, ant litaūs, ant wisok'ṓs nepagā́dos.

Принесла я вѣнокъ не изъ руты, не изъ мяты, а изъ дорогихъ этихъ ржаныхъ колосьевъ, которые зиму зимовали, ничего не боялись: ни росы, ни мороза, ни дождя, ни ненастья; на полѣ этой деревушки сжали ихъ, въ мандели связали, въ копы сосчитали. Уѣдемъ, вымолотимъ, въ пуру посыплемъ: сколько зеренъ въ пурѣ, столько сотенъ (денегъ) барину, на всякія нужды: на дорогія платья, на всѣ надобности и Государю Императору (королю), и бѣднымъ людямъ (крестьянамъ), и нищимъ. Пріѣхали мы въ гости не на долгое время, на нѣсколько недѣль и еще выѣдемъ на морозъ, подъ дождь и во всякую погоду].

При этомъ поется слѣдующая пѣсня:

Citi ľauds kozys dzera;
Kaidys kozys mäs dzeram?
Другіе люди «пьютъ свадьбу»,—
Какую свадьбу намъ пить?

Mäs dzeram wepram bēres
Rudzu, mīž' apľōweńes.
Мы пьемъ «похороны» борову
Ржи, ячменя «апльовенес».

Запис. въ Прельск. вол. Динаб. у., отъ Марг. Вяксы Казиши, въ 1884 г.

Слово apľowenes происходитъ отъ appľauť жать, перестать косить, — у другихъ Латышей appľawiba.

Толока.

Соблюдаютъ обычай *обрызгивать толочебниковъ водою* и т. д. aplīn ar jeudeń, aizjeudz zirgu ar zwońim, sasādinoj meites, nūwad da pūrińa, greuž i poši ľlin (meitas) da pūres, maudojas. Креславка, Динаб. у.

Обливаютъ толочебниковъ, а хозяйку особенно, для того, чтобы коровы давали больше молока (Истальзенъ, Люц. у.). Въ Восточной Пруссіи обливаютъ жнецовъ, когда ввозятъ первую рожь (А. Бецц. Lit. Forsch. стр. 88). Толочебное, какъ и Егорьевское обливаніе, по латышски называется «rumelōt». По Ульману [1]) rumel'eti^e^s значитъ: «mit Wasser begiefsen, beim Kohlpflanzen, oder wenn zum ersten Male im Jahre etwas vorgenommen wird, wie Pflügen, das Vieh auf die Weide treiben».

Толóка, по латышски и по литовски talka, это помочь, которая у латышей призывается во время жатвы и особенно весною и осенью во время такъ называемой навозницы, т. е. тогда, когда вывозятъ навозъ на поля. Латышская пѣсня различаетъ въ сборникѣ И. Спрогиса еще три толоки:

> У моего брата
> Три толоки въ лѣто:
> Толока для ржи, толока для ячменя,
> Толока на собиранье хмѣлю [2]).

О русской помочи и особенно бѣлорусской толокѣ сравни П. В. Шейна l. c. стр. 411 — 424. Не всѣ толоки однакожь бываютъ удачны и выгодны для хозяевъ. На хозяйку часто жалуются какъ и, наоборотъ, на толочебниковъ хозяйка, что̀ изображаетъ 3-я пѣсня у Спрогиса:

> Сама хозяйка толоки
> Расхаживаетъ плача:

---

[1]) Lettisches Wörterbuch. Riga. 1872.
[2]) Памятники лат. нар. творчества. Вильна. 1868, стр. 284, № 2-й.

—Много поѣли, много выпили,
А мало дѣла сдѣлали [1]).

Другія подходящія пѣсни см. ниже въ отдѣлѣ рабочихъ пѣсенъ.

Толочебныя пѣсни.

1.

Tolka, tolka, talcinìk
Wilks apăd'e stòrosteń
Samèsim pa grošam
P'erksim jaunu stōrosteńu.

Толока, толока, толочебникъ,
Волкъ съѣлъ старосту:
Сложимся по грошу,
Купимъ новаго старосту.

2.

Stōrosteń, brōľeľeń,
Palaid mańi agri:
Äs tewi pìmińešu
Sweša kunga driweńâ.

Староста, братушка,
Пусти меня рано домой:
Я тебя припомню
У чужого барина на нивѣ.

1 и 2 зап. въ м. Креславкѣ, Динаб. у.

3.

Tolka, tolka, bōleľeń,
Na tei towa tolka bēja:
Mōsa tolka sacālūś,
Săw peųreńu daŕēdama.

Толока, толока, братушка,
Не твоя это была толока!
Сестра толоку созвала,
Изготовляя себѣ приданое.

3-ю также поютъ въ Прельской вол. Динаб. у. broleleń вм. boleleń. Вторая половина гласитъ такъ:

3*.

Mōsa tolku pocaluśe
Sawu peųru darìdama.

---

1) l. c. стр. 284.
2) Вм. stōrosteń поютъ еще и krateitōji.

3ᵇ.

Toᵃuka, toᵃuka bōľeľeń
Na tei towa toᵃuka bēja:
Mōsa toᵃuku pacäluše,
Saw peųreńu lādedama.

Записано въ Звирзденѣ Люц. у. [1]).

4.

Tolka ìt sēteńâ
Kupla līpa worteńûs:
Толока входитъ во дворъ,
Густая липа — въ ворота:

Na tei bēja kupla līpa,
Tei bej' tolkēs saimenīce.
То не была густая липа,
То была хозяйка толоки.

Быково, Рѣжицк. у.

5.

Dzìdīt meitas lusteiģi
Koųš(ŭ) ōzi wokorâ;
Пойте, дѣвки, весело,
Вечеромъ заколю козла.

Tu ōzìt nabādoj,
Âs meiteńas apmanēju.
Ты, козелъ, не горюй,
Я дѣвокъ обманула.

Маріенгаузенъ, Люц. у.

6.

Tolka (или toųka) muna (mun) nadzīdowa,
Grib ar madu (mad) mìlojama (или mìlojam)
Толока моя не пѣла,
Хочетъ угощенія съ медомъ:

Jẹmu(jăm) sìku (sīk)wōceleiti,
Lācu bìšụ (bìš) dōrzeńâ.
Возьму маленькую корзинку,
Пойду въ пчелиный огородъ.

Зап. въ Прельской вол. Динаб. у.

---

[1]) Toᵃuka или taųka вм. tolka. Гортанное *л* переходитъ въ этой мѣстности въ *u*.

7.

Jam' bōleń, śermu zirgu,
Apjōj sowu teirumeń;
Kū ťei towa tolka dora
Teirumeńa gaľeńâ?

Возьми, братецъ, сѣраго коня,
Объѣзжай свое жниво:
Что твоя толока дѣлаетъ
На концѣ жнива?

Имѣніе Иснауда, Люц. у. (Срв. выше стр. 84, № 1).

8.

Tolka lìla, moza, lìla
Bada padarēja:
Tolkas dēľi äs nūkowa
Sow raibeń kuculānu.

Толока большая, малая, большая
Надѣлала бѣды:
Для толоки я убилъ (зарѣзалъ)
Свою пеструю сученку.

9.

Woska, woska cìlaweńa
Widu wōrtâ ľeidenowa:
T'i nabeja cìlaweńa,
T'i bej tolkas saimeneica.

Желтая какъ воскъ плисочка
Посреди воротъ, кружилась:
Это не была плиска,
Это была хозяйка толоки.

10.

Loba beuta saimeńeica
Kab ä skaidu namizuse,
Cikam skaida as kaltēju
Palìk keisas nawarūts.

Хороша была бы хозяйка
Когдабъ она не мочилась надъ щепками;
Сколько я бы не просушивала
Кисель остался не свареннымъ.

8, 9 и 10 записаны въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

Михайловъ день 29 сентября.

Святой Михаилъ упоминается въ трехъ усиневыхъ пѣсняхъ у Аунинга. Въ одной Михаилъ разговариваетъ съ Усинемъ слѣдующими словами:

Усинь, братецъ, нужда пришла (trūkums rādijas).
Михаилъ въ отвѣтъ:
Не бойся,

Я подамъ тебѣ помощь,
Я дамъ ржи, дамъ ячменя,
Я дамь хорошихъ коней (№ 4 l. c. стр. 16).

Въ 5-й пѣснѣ латышская пѣвица ожидаетъ жениховъ съ Усиня до Михаила:

Съ Усиня до Михаила
Я подметаю дворъ:
Когда Михайловъ день пройдетъ,
Тогда брошу метлу подъ заборъ.
Пусть лежитъ женихъ,
Какъ метла у забора.

Въ 6-й — народная пѣвица характеризуетъ весь годъ слѣдующимъ образомъ:

Съ Усиня до Михаила
Парни поѣхали на ночлегъ;
Утромъ въ Ивановъ день
Солнце всходитъ въ запечьи.

---

26 октября. Meitruški, т. е. Дмитрушки.

Латыши ходятъ на кладбища и въ избранныя мѣста поминать покойниковъ, пировать и гулять (въ Маріенг. вол. на дорогу въ Гуриново). Въ Люц. у., Звирзденской волости, поминаніе мертвыхъ происходитъ 2-го ноября. По Эйнгорну, извѣстному писателю и проповѣднику Курляндіи, въ началѣ 17 вѣка латыши мѣсяцъ октябрь называли «Wälla-Mänes» или «Semlicka-Mänes». Это названіе происходитъ оттого, что, они по суевѣрному своему обычаю, угощаютъ души покойниковъ, призывая ихъ изъ гробовъ. Эти поминки продолжаются 24 дня и называются также «Deewa-Deenas» Божьи дни [1]). По свѣдѣніямъ того же Эйнгорна время родительскихъ поминокъ начиналось въ Михайловъ день и длилось до дня Симона и Іуды, т. е. до 28 октября [2]). Еще по-

[1]) Historia Lettica, pag. 24. (Dorpat. 1649) Scriptores rerum Livonicarum II, стр. 587.

[2]) Widerlegung der Abgötterei und nichtigen Aberglaubens, so vorzeiten aufs der Heydnischen Abgötterey in diesem Lande (т. е. въ Курляндіи) entsprossen... Riga, 1627; pag. 38, (Scriptores rer. Liv. II, стр. 645). Und haben sie eine

дробнѣе трактуетъ Эйнгорнъ о поминовеніи родителей у латышей въ своемъ сочиненіи «Reformatio gentis Letticae in Ducatu Curlandiae; Riga, 1636 года» въ 7-й главѣ «Von Seelen Speisen»[1]).

Время поминовенія покойниковъ называется «Wellalaick» или «Semlicka». Латыши не хотятъ отказаться отъ стародавняго обычая своего угощать души покойныхъ родителей и предковъ въ томъ убѣжденіи, что иначе будетъ неурожай и дороговизна. Въ названное время нельзя молотить: вымолоченное зерно для посѣва не годится и не дастъ никакого плода: Denn das haben ihnen die elenden und verblendeten Leute ganz und gar eingebildet, das wo sie das nicht thun und fährlich mit Fleifs ins werck richten so werden sie keine gute Zeit oder fruchtbar Jahr haben, sondern Mifswachs und Theuerung. Und es wird dieselbe Zeit im Herbst noch diesen Tag nicht allein fleifsig in acht genommen, sondern auch so heilig gehalten, das sie in der Zeit nicht gern das Getreyde dreschen, fürgebende, das daffelbe, was alfsdann gedroschen wird, zur Saat nicht dienlich sei, weil es nicht aufkommen oder in der Erde kienen sol, denn die Seelen lassen nicht zu, dafs es aufkomme, weil es in solcher heiliger zeit gedroschen».

О поминаніи и угощеніи покойниковъ въ томъ же вѣкѣ путешественникъ Іоаннъ Арнольдъ Брандъ[2]) въ главѣ о латышахъ разсказываетъ слѣдующее: «Dannenhero etliche unter ihnen gar heimlich, den 4 Jan. St. N. auf aller Seelen tag, einen langen tisch mit ihren gewöhnlichen besten fpeifen versehen, in einer verschlossenen ftube anzurichten pflegen, fagend in ihren fprach: Mūs fi weezäke dwéfely mēlāmi das ist: Wir speisen der Voreltern Seelen. Gehen darauf hinaufs, lassen die speise die nacht über stehen. Morgends wird die thür wiederumb geöffnet, finden sie nun obgemeldete speisen ohnverzehret, deuten sie es vor ein sonderbahres glück und fegen ihren früchten, viehs und dergleichen; wo nicht, befürchten sie sich hefftig eines künftigen Unglücks, das ihr vieh, äcker und dergleichen überfallen werde».

---

besondere und bestimte Zeit dazu gehabet, nemlich von S. Michaëlis bis auf Simonis und Judae, vom 29 Septembris bifs auf den 28 Octobris: In welchen vier Wochen sie solche ihre Seelengästereien und Convivia gehalten, weil dieselbe Zeit ihnen am bequemsten: Denn da kan man von allerley fpeise und tranck einen vorrath haben.

[1]) Стр. 20. Script. rer. liv. II, 630 и слѣд.

[2]) Reisen durch die Marck Brandenburg, Preufsen, Churland, Liefland, Plefscovien, Grofs-Naugardien, Tweerien und Moskovien (въ 1673 и 1674 годахъ) heraus-gegeben von H. Ch. von Hennin. Wesel 1702, pag. 81.

То есть: оттого нѣкоторые изъ нихъ весьма тайно 4-го января, новаго стиля, въ день всѣхъ душъ, въ запертой комнатѣ, устраиваютъ длинный столъ, уставленный всякими обыкновенными у нихъ лучшими яствами, приговаривая на своемъ языкѣ: Мус ши вепäке двěсели мěлāми т. е. мы угощаемъ души прародителей. Затѣмъ выходятъ и оставляютъ яства на ночь. Утромъ дверь опять открывается и если названныя яства находятъ не тронутыми, то объясняютъ это обстоятельство, какъ особое счастье, и благословленіе для плодовъ, а если нѣтъ, то ожидаютъ несчастья для скота, полей и тому подобнаго.—Выраженіе «веĺа-мāнесç» или веĺу-лаjкс происходитъ отъ слова велис покойникъ и мāнесç мѣсяцъ или лаjкс время. Относительно велей сравни замѣтки Мангардта и Биленштейна о Ласицкомъ «Joh. Lasicii Poloni. De diis Samogitarum» (Magazin der lettisch-liter. Gesellschaft, Bd. XIV, 1, стр. 111 и 112) и мою статью въ изданіи Катихизиса 1595 года [1]).

День святаго Мартина, 10 ноября.

Объ этомъ днѣ въ инфлянтскихъ уѣздахъ Витебской губ. записать пѣсню мнѣ не удалось. У Трейланда l. c. стр. 144, № 718 говорится:

Мартынъ, добрый человѣкъ,
Убиваетъ пѣтуха къ своему вечеру;
Катерина, сцыха,
Жаритъ курицу въ золѣ.

Вечеръ означаетъ по латышски въ этой пѣсни канунъ. Пѣсня указываетъ на обычай, накануне Мартинова дня, рѣзать жертвеннаго пѣтуха подобно тому, какъ это въ прежнее время дѣлали наканунѣ праздника «Руденоjі» въ Прельской волости и другихъ мѣстностяхъ Динабургскаго уѣзда. Праздникъ св. Мартина упоминается кромѣ того въ двухъ пѣсняхъ у Р. Аунинга стр. 12 № 2:

---

[1]) Зап. Имп. Ак. Наукъ. Т. 53, кв. 2, стр. 121—125 отдѣльнаго оттиска, озаглавленнаго «Литовскій катихизисъ Н. Даукши». С.-Петербургъ, 1886.

Ūsiñâ, Mārtiñâ
Saldu dara alutiñ;
Въ Усинь-день, въ Мартиновъ день
Варятъ сладкое пиво;

Mārtiñš mi°žus audzinaja,
Ūsinš labus kumeliñus.
Мартинъ ростилъ ячмень,
Усинь — хорошихъ коней.

Въ 3-й пѣснѣ, тамже:

Усинь идетъ, Усинь идетъ,
Мартинъ идетъ еще лучшимъ.
Усинь идетъ зеленымъ полемъ,
Мартинъ — засѣками съ рожью.

Срв. слова нѣмецкаго заговора на свиней: «Johannes videat illos, Martinus expascat» у А. Н. Веселовскаго, Разысканія въ обл. русск. дух. ст., стр. 110 и 443—446.

Святки (съ 24 декабря по 6-ое января). Zīmas swātki. Зимніе праздники.

О зимнихъ святкахъ Латышей П. Эйнгорнъ, бытописатель 17-го вѣка, повѣствуетъ слѣдующее: Und halten sie noch in unser Christ-Nacht und des Abends zuvor ein schandlofs Fest, mit Fressen, Saufen, Tantzen, Springen und Schreyen, indem sie von einem Hause zum andern, mit solchem ungeheuren Geschrey herumbgehen, daher sie denn den Christabend nicht anders alfs den Tantz-Abend heissen, weil sie den Abend und die ganze Nacht mit Tantzen, Singen und Springen zubringen. Derselbe Abend wird auch Bluckwackar i. des Blocks Abend genandt, weil sie alfsdenn auch einen Block mit grossem Geschrey herumbziehen, denselben hernach verbrennen, und also ihre Freude daran haben. Ein solch Fest haben vorzeiten die Heyden, eben umb dieselbe zeit, dem unflätigen und schandosen Abgotte Como, welcher ein Gott des Gefrässes und Geslöffes gewesen, gehalten [1]).

[1]) Комо это одинъ изъ ложныхъ боговъ Г. Ф. Штендера. Въ своей «Lettische Grammatik, Mitau, 1783 (2-е изданіе) стр. 263 онъ говоритъ: «Kuhma, Kohma der heidnischen Letten Fressgott. Einige wollen ihn von der Lateiner ihrem Comus herleiten. Ich halte es vielmehr eigenen Lettischen Ursprunges von kaums kaims ein Nachbar, davon kaimiñš herkommt, der als ein solcher den andern tractirte. Noch heute heissen die vom Vater eines Kindes aus der Nachbarschaft zusammengebetene Gevattern kuhmi und oberwerts kaumi, die hernacher braf tractirt werden».

«Въ ночь на Рождество Христово и наканунѣ справляютъ они (Латыши) безстыдное празднество, съ прожорствомъ, пьянствомъ, танцами, пляскою и криками, ходя съ однаго дома къ другому съ такимъ ужаснымъ кликаніемъ, что канунъ Рождества Христова у нихъ не иначе называется, какъ танцовальный вечеръ (вечеръ плясокъ), такъ какъ они проводятъ вечеръ и всю ночь въ танцахъ, пѣніи и прыганіи. Тотъ же вечеръ называется также и «Блук-вакар», т. е. колодный вечеръ, ибо въ это время они развозятъ колоду съ большимъ крикомъ, а послѣ ее сожигаютъ, въ чемъ они имѣютъ свою особенную радость. Около того же времени язычники справляли празднество въ честь похабнаго и безстыднаго Комо, что былъ божекъ обжорства и пьянства».

Зимніе праздники или святки продолжаются у Витебскихъ Латышей двѣ недѣли въ мѣсяцахъ декабрѣ и январѣ. Декабрь мѣсяцъ у древнихъ Латышей, по Эйнгорну, назывался Вилкумӓнесъ, мѣсяцъ волковъ [1]). Январь же Зьемас-Мӓнесъ, зимній мѣсяцъ, потому что въ эту пору бываютъ самые страшные морозы [2]).

Во время зимнихъ святокъ играютъ въ особенныя игры, между прочимъ «wistes ģeut» — ловить куръ, т. е. въ жмурки (см. ниже). Дѣти шалятъ около дверей: одинъ одѣваетъ шапку, а другіе его ловятъ [3]) [У Литовцевъ существуетъ подобная же игра, называемая «pušîs», т. е. сосна. По словамъ Бакутиса, крестьянина Шимкайцкой волости, Россіенскаго уѣзда, Ковенской губерніи, одинъ

---

[1]) Paul Einhorn, Reformatio Gentis Letticae in Ducatu Curlandiae. Riga. 1636; [Scriptores rer. livonic.] стр. 623. Срв. его же Historia Lettica, l. c. стр. 385.

[2]) l. c. ст. 586 и 587. Названія мѣсяцевъ года, по Эйнгорну, слѣдующія:

Январь: Ziemas mȃness [по литовски Sausis]. Февраль: Swȃcu mȃness, оттого что въ старину Латыши-язычники (?) своимъ покойникамъ ставили свѣчки [по лит. Waseris, т. е. весенній мѣсяцъ]. Мартъ: Sӓrsnu-mȃness отъ слова sērsnis панастъ, твердый слой надъ рыхлымъ снѣгомъ или Balloža-m., мѣсяцъ голубей, которыя возвращаются къ этому времени [по лит. Kowas]. Апрѣль: Sullu-m. отъ слова sula сокъ [лит. Balandis, Karvelis т. е. Голубь]. Май: Leppu-m. т. е. Lappu-m. отъ lapa листъ, иначе Sӓjas-m.—мѣсяцъ посѣва [лит. Geguže кукушка]. Іюнь: Zeedi-m.—мѣсяцъ цвѣтовъ [лит. Biržis или Siėjos mėnû мѣсяцъ посѣва]. Іюль: Leepu-m. Липовецъ [лит. Liepos mėnû]. Августъ: Sunnu-m.—мѣсяцъ, бѣшеныхъ, собакъ [лит. Rugp'utis жатва ржи]. Сентябрь: Silla-m. отъ sils боръ, sil'inas чебрецъ [лит. Šilinis или Rugsėjas посѣвъ ржи]. Октябрь см. выше = мѣсяцъ покойниковъ велей [лит. Spal'inis или Spal'u mėnû мѣсяцъ льняныхъ очесокъ или изгребей]. Ноябрь: Sallas-m. Морозъ [лит. Lapkritis Листопадъ]. Декабрь — мѣсяцъ волковъ, [лит. Sėkis или Grudis].

[3]) По сообщенію волостнаго писаря А. Рыбуля въ Преляхъ, Динаб. у., тамошняго уроженца.

изъ игроковъ надѣваетъ шапку на глаза, чтобы не видать остальныхъ людей; около десяти человѣкъ стоятъ на полу, бѣгаютъ вокругъ него, а онъ старается ихъ ловить. Когда ему удается захватить, кого нибудь изъ игроковъ то, держа захваченннаго за руку, онъ начинаетъ слѣдующій разговоръ (Wīns usi(ž)ded an(t)-akũ kepúrę, kad ne matītu žmońũ. Dešimts asābu stōw āsloi ir aplei jįn béginoi, o jis gaũda. Kad sugaun, už rankas nusitvéręs, teip sáko):

Kas čè?	Кто здѣсь?
Pušīs.	Сосна.
Aš tąn púši kiŕšu.	Я эту сосну срублю.
O rītò ritâ wèśu,	Завтра утромъ женюсь,
G'elažińeis râteis,	На желѣзныхъ колёсахъ,
Stiklineis bâteis.	Въ стеклянныхъ ботахъ.
Širva kumelaïte,	Сѣрая кобылка,
Stŕuga ūdegaite.	Коротенькій хвостикъ.
Par dù gńaũštu	Черезъ два обхвата
Päľu ižgraušta,	Мышами выѣдено,
Mergaiču iščuľpeta.	Дѣвушками высосано.

(Paskui stùm nog sawīs ir sako: Eik pas bōbas žaľũ bāršču walgīt). Затѣмъ, отталкивая его отъ себя, говорятъ: иди къ бабамъ зеленый борщъ кушать].

Святочныя игры называются у Латышей католическаго закона *жартами*, что ясно указываетъ на происхожденіе ихъ изъ польско-бѣлорусской и шляхетской среды. Ниже всѣ эти хороводы, игры и жарты приведены подъ № 15 — 25 и, насколько позволяетъ ограниченность матеріала, дополненнаго во время печатанія этого сборника, студентами-латышами С.-Петербургскаго Университета, жарты эти сравниваются съ подходящими «спелями» (нѣм. Spiele) балтійскихъ латышей Лифляндской губерніи. Къ отличительнымъ чертамъ рождественскихъ праздниковъ у Инфлянтцевъ принадлежитъ пѣніе «колядокъ». У Латышей балтійскихъ губерній пѣсенъ этого разряда *не* встрѣчается.

По Ульману [1]), kaľada означаетъ крикъ, гвалтъ, шумъ (Geschrei, Lärm, Gezänk). До сихъ поръ латышскія колядки из-

[1]) Lettisches Wörterbuch. Riga. 1872.

вѣстны были только изъ сборника Мантейфеля-Платера. Одна изъ нашихъ колядокъ (№ 7) представляетъ дополненіе къ пѣснѣ, уже печатаннной въ магазинѣ Латышскаго-Литературнаго Общества въ Митавѣ XIV, 2, стр. 166, № 7. У Мантейфеля кромѣ того встрѣчаются слѣдующія колядки:

α.

Meś biejom treiś mosienias,
Koładu, Koladu!
Mani treszys nairedzieja,
Koładu, Koladu!
Iświź mani upiejtâ,
Koładu, Koładu!
Tiej upiejta nanasdama
Koładu, Koładu!
Iświź mani azarâ;
Koładu, Koładu!
Tys azars nanasdams
Koładn, Koładu!
Iświź mani Daugawâ;
Koładu, Koładu!
Tiej Daugawa nanasdama
Keładu, Koładu!
Iświź mani jyureniôs;
Koładu, Koładu!
Tos jyurenis nanasdamys
Koładu, Koładu!
Izsyt putu gobołâ;
Koładu, koładu!
Ti isauga kupła lipa,
Koładu, koładu!
Na ti bieja kupła lipa,
Koładu, koładu!
Ti biej dorga dwiesielejta.
Koładu, koładu!

Насъ было три сестры,
Меня третью ненавидѣли.
Бросили меня въ рѣчку.
Эта рѣчка меня не носила.
Бросили меня въ озеро,
Озеро меня не приняло.
Бросили меня въ Двину (Даугаву),
Двина меня не несла.
Бросили меня въ море,
Не приняло меня море,
Выбило кусокъ пѣны,
Тамъ выросла густая липа;
То небыла дорогая липа,
Это была дорогая душечка.

Послѣ каждаго стиха повторяется два раза коляду.

β.

Diwiańcz braucia por' azaru
Koładu, Koładu!
Bołtus ładus łauziejdams;
Koładu, Koładu!
Piec Diwienia Swatą Mora
Koładu, Koładu!
Līpa łopas kłostiejdama.
Koładu, Koładn!

Боженька ѣхалъ черезъ озеро,
Бѣлый ледъ ломая;
За Боженькою святая Марія,
Липовые листья растилая.

Послѣ каждаго стиха два раза повторяется коляду, коляду.

γ.

Portiecieju kała [1]) plowu,
Koładu, Koładu!
Ni zidienia nanurowu;
Koładu, Koładu!

Kad byut winu nurowusie,
Koładu, Koładu!
Biertus wyssi zwordziejdami.
Koładu, Koładu!

Я перебѣжала чрезъ болотный лугъ,
Не сорвала ни одного цвѣточка.

Если-бы я хоть одинъ сорвала,
Всѣ посыпались бы брянча.
Коляду, коляду!

Благочестивый пасторъ П. Эйнгорнъ вооружается противъ обычая «отгонять волковъ» въ ночь Рождества Христова для того, чтобы на будущій годъ домашній скотъ не страдалъ отъ волковъ. Въ латышской газетѣ Di°nas lapa [2]), обычай этотъ по латышски называется gaiñāt wilkus, обороняться отъ волковъ. У Эйнгорна, одна глава его трактата «Reformatio gentis Letticae in Ducatu Curlandiae» спеціально посвящена этому языческому обряду: «Von dem Sacrificio Lupino oder Opffer, so sie dem Wolffe gethan, dass er ihrem Viehe nicht schaden möchte». Эйнгорнъ сообщаетъ, что Латыши въ декабрѣ мѣсяцѣ, приблизительно около дня Рождества Христова, на перекресткѣ жертвовали при особенныхъ языческихъ церемоніяхъ *волкамъ козу* съ цѣлью отвращенія вреда отъ скота. Послѣ этого жертвоприношенія, какъ они увѣряли, волкъ во весь годъ скоту вреда не принесетъ, если онъ пройдетъ даже черезъ стадо [3]). Въ областяхъ Зельбургѣ и Динабургѣ особенно распространено было поклоненіе *лѣшему* (Buschgott), по латышски Mežadi°ws, или лѣсному мужу, лат. Mežawirs, или Waldmann [4]). Эйнгорнъ думаетъ, что волкъ именно имѣетъ прозвище лѣснаго бога или лѣсного человѣка.

Ниже приведенная игра *коза* и *волкъ*, повидимому, находится въ связи съ этимъ волкопоклоненіемъ и представляетъ ничто иное какъ остатокъ католицизма у латышей протестантовъ или же хри-

---

[1]) Отъ kalwa, бугоръ въ болотѣ, Hügel im Morast, Holm, kleine Insel im See (Ульманъ. Lettischer Wörterbuch. Riga. 1872) или отъ kūla, лит. kūlė Brand im Getreide, von welchem die Aehren schwarz und staubig werden; kulis Brandkorn выжженный, почернѣвшій хлѣбъ, срв. калѣть, колѣть = коченѣть отъ жару; кулига = лѣсъ выжженный подъ пожню или пашню, пожогъ, огнище, Даль [2].

[2]) Въ фельетонѣ № 71, 1886 года въ статьѣ «Zi°mswētku i°rašas».

[3]) l. c. стр. 621.

[4]) l. c. стр. 622. Ich bin wol der meinung, das diese Abgötterei mit drunter gemeinet, und der Wolff mit unter die Buschgötter gerechnet werde, denn also wird er noch heute von den Unteutschen Mefchawirs und Mefchadeews geheissen».

стіанскій обрядъ, когда-то приноровленный ксендзами къ воззрѣніямъ латышей-язычниковъ. Извѣстно, что у литовцевъ была богиня Medeine, латышск. mežons, т. е. лѣшій (Срв. Катихизисъ Н. Даукши l. c. стр. XX и 89).

Выше приведенныя Юрьевскія пѣсни № 31, 32 и 33, повидимому, составлены мѣстнымъ католическимъ духовенствомъ въ примѣненіи къ народному обычаю почитать Юрья и Юсеня, какъ покровителей отъ волковъ, и для того, чтобы противодѣйствовать обряду отогнанія волковъ (Wolfsbann) въ ночь на Рождество Христово, о чемъ такъ подробно, какъ мы видѣли, разсказываетъ благочестивый пасторъ П. Эйнгорнъ.

Въ Динабургскомъ уѣздѣ, водятъ мѣдвѣдей; медвѣжатники (lōču-wodōtōji) для этого одѣваютъ двѣ шубы, въ которыя вдѣваютъ руки и ноги. На спину кладутъ подушки для того, чтобы сдѣлаться горбатыми и смѣшными для зрителей. Поютъ разныя, принятыя въ обычаѣ, пѣсни съ припѣвомъ kaľadu, kaľadu. При уходѣ берутъ сѣно и солому зажигаютъ ее и, по мнѣнію разсказщика, въ шутку коптятъ, избу, приговаривая: «Toldoru, toldoru, uz zīmu swātku. Saimenīki i saimenīce ka(b) beutu wasaľi, leupeńi labi un wistas kab caľ, dzieiwi i labi klōtus». Та́лдору, та́лдору на зимніе праздники. Хозяинъ и хозяйка, чтобъ были здоровы и скоты (животинки) хорошіе и курицы чтобы плодились и хорошо клались (Прельск. вол. Динаб. у.).

Въ Ясмуйжской волости того же уѣзда, по разсказу Ангона Ко́тона, наканунѣ Рождества, дѣвушки выметаютъ *соръ*, выносятъ на улицу и сыплютъ: куда вѣтеръ несетъ, туда выдти замужъ. Также слушаютъ *лай собакъ*: на которой сторонѣ брешутъ, въ ту сторону выдти замужъ; считаютъ *тынъ*, парно-ли или непарно, и занимаются тому подобными гаданіями. У балтійскихъ латышей соблюдается обычай ходить по знакомымъ въ маскахъ. Эти маски называются budeľi (нижненѣм. Büttel, палачъ) или ƙekatas «ке́катас» или ƙinƙezińi (ки́нькезиньи). По Ульману l. c., въ Экавѣ (Экау, въ Курляндіи) ƙekata diena, день ряженныхъ, есть день Рождества Христова, а въ Оберъ-Бартовѣ Новый годъ носитъ такое же названіе. Между масками въ старину обязательно должны были быть *медвѣдь*, *козелъ* и *жура́вль* (lācis, buks, dzērwe). Медвѣдя изображаютъ, какъ сказано было выше, двумя кожухами вывернутыми наизнанку (lāci uztaisija gluži prasti diwiem kažūkiem apgriezdami ľauno pusi un tad wienu uz kājām un ūtru rūkām

uzwilkdami, jeb waj ari ņēmās aptīstīt ar zirnajiᵉm no galwas līdz kājām [1]). У балтійскихъ латышей существуетъ кромѣ того шутка-игра «купля медвѣдя». На столъ кладутъ бобы въ извѣстномъ порядкѣ. Потомъ одинъ игрокъ спрашиваетъ другого, отошедшаго отъ стола: что это? Тотъ угадываетъ на какую нибудь часть медвѣжьяго тѣла и узнаетъ порядокъ разставленныхъ кучъ бобовъ представляющихъ части медвѣжьяго тѣла.

Ḱekata diᵉna, мясопустъ или Рождество Христово, происходитъ отъ ср. нѣм. geck, откуда глаголъ латышскій ķekôt, grassiren, tollen, ķekāt Narrenspossen treiben. Kekata, такимъ образомъ, прозвище скомороха и названіе святочныхъ масокъ, имѣющихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ названіе: кукла, кукольникъ отъ нѣм. Gaukler; ср. латышск. jocularis и т. д. [3]).

Рождественскія пѣсни и колядки.

1.

Swātki nōci, saimenīkas, Kóľadu, koľadu!
Sestīs golda gaľeńâ. Koľadu, koľadu!
Dūd kolpam kolpa tīsu Koľadu, koľadu!
Kolpūńei wilnōńeitis. Koľadu, koľadu!
Jo(u) ap(b)-algami zīmas swätkus Koľadu, koľadu!
Ar meikstīm peiragīm. Koľadu, koľadu!
Atīs jauka ľēlďēnīte Koľadu, koľadu!
Ar skaistōm ūľeńâm. Koľadu, koľadu!

Святки идутъ, хозяюшка,
Садитесь на концѣ стола.
Дай хлопамъ холопскую правду (долю),
Холопкѣ покрывало.
Уже празднуемъ зимніе святки
Съ мягкими пирогами.
Придетъ свѣтлый Великъ-день
Съ красными яйцами.

«Коляду, коляду» повторяется послѣ каждаго стиха.

Запис. въ Прели, Динаб. у., отъ Марг. Вяксихи.

---

[1]) Diᵉnas lapa, 1886 г. № 71. [2]) ibid.

[3]) Срв. А. Н. Веселовскаго. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха стр. 190 и вообще статью VII-ую о румынскихъ, славянскихъ и греческихъ колядкахъ. О святочныхъ маскахъ сличи тамъ же, стр. 128 и слѣд.

2.

Zímas swātkas treis brōľeńi, Koľadu, koľadu!
Dareísim olutéń. Koľadu, koľadu!
Gaŕes naktes, eises dínes. Koľadu, koľadū!
Nawarēja saguľēt. Koľadu, kòľadu!

Зимнихъ святокъ (праздниковъ) три брата,
Сварите пиво.
Длинныя ночи, короткіе дни;
Не могла я выспаться.

«Коляду, коляду» — послѣ каждаго стиха.

м. Прель, Динаб. у.

3.

Zímas swātki četri brōľi,
Cits aiz citōs olu dzert,
Cits aiz cito*s olu dzert,
Cits citam napazeiti.

Зимніе святки — четыре брата,
Одинъ предъ другимъ пиво пить,
Одинъ предъ другимъ пиво пить;
Другъ друга не знаютъ.

Зап. въ дер. Сола, Быковск. вол. Рѣжицк. у.

4.

Swātki lobi swētetís, Koľadu, koľadu!
L'elâ dínâ líľētis; Koľadu, koľadu!
Swatkûs díws pídzema, Koľadu, koľadu!
Ľelâ dínâ nūkrosteja. Koľadu, koľadu!

Святки хорошо святить (праздновать).
Въ Великъ-день величаться!
Въ святки Богъ родился,
Въ Великъ день онъ окрестился.

«Коляду, коляду» повторяется послѣ каждаго стиха.
Запис. отъ Марг. Вякс. Прельск. вол. Динаб. у.

5.

Swāta Mōra bosa brauca; Dobulu, dobulu!
Zímas swātku wokorâ. Dobulu, Dobulu!
Святая Мара (Марія) босая ѣздила — Добулу, Добулу!
Въ вечеръ зимнихъ святокъ.

Dabraukuśe pí wōrteńes Dobulu, dobulu!
Sauća puišu wortu wo*rt. Dobulu, dobulu!
Jauni puiši nägōjuš, Dobulu, dobulu!
Jaunes meitas atwaruš. Dobulu, dobulu!
Dabraukśim pí moltiwes; Dobulu, dobulu!
Simts ir jaunu maľejiń: Dobulu, dobulu!
Wajag simtu wainuceńu. Dobulu, dobulu!
Dabraukuśe ustubeńâ: Dobulu dobulu!
Simts ir jaunu brōľeľeńu—Dobulu, dobulu!
Wajag simtu capureišū. Dobulu, dobulu!
Dabraukuśe gūwu klāwâ: Dobulu, dobulu!
Simts ir jaunu raîbu gūwu; Dobulu, dobulu!
Wajag simtu pinekľińu. Dobulu, dobulu!
Dabraukuśe zirgu klāwâ; Dobulu, dobulu!
Woi(j)ir jaunu kumeľeń? Dobulu, dobulu!
Wajag simtu īmaweń! Dobulu, Dobulu!

Подъѣхавши къ воротамъ,
Звала она ребятъ открыть ворота.
Молодые ребята не идутъ,
Молодыя дѣвицы открыли.
Поѣдемте къ жорновой комнатѣ;
Тамъ сто молодыхъ дѣвицъ:
Надо сотни вѣнковъ.
Подъѣхала она къ хатѣ:
Тамъ сто молодыхъ братцевъ —
Надо сотни шапокъ.
Доѣхала до коровьяго хлѣва:
Сто есть молодыхъ пестрыхъ пѣгихъ коровъ;
Надо сотни путъ.
Подъѣхала къ лошадиному хлѣву:
Есть-ли сто молодыхъ жеребцовъ?
Надо сотни уздъ!

Запис. въ Прели, Динаб. у.

(Припѣвъ добулу повторяется послѣ каждаго стиха. Относительно слова припѣва *добуло* срв. припѣвъ добіло (отъ dobilas клеверъ) въ литовской дайнѣ у Юшкевича [1]) № 554:

[1]) Литовскія народныя пѣсни. Казань. 1880 — 1882.

Saduléle dobiló,
Tas pats médis, dobiló.

или 508 Kur jósi, brolėli? Dobiló.
Kur grę̃nši žirgėlį? Dobilo.

6.

Pilńi sūľeńi pìsada; Rida, rida, rida!
Wisas skaistas, wisas boltas. Rida, rida, rida!
Wisas mańi meiľajas Rida, rida, rida!
Jau ťei wìna waira meiľ, Rida, rida, rida!
Kur sēdēja wideńâ. Rida, rida, rida!
Gludu galweń, boltu muti, Rida, rida, rida!
Ak tu muna meiľumu*, Rida, rida, rida!
Kur šū nakt gulejam? Rida, rida, rida!
Smolku prìžu klētińâ, Rida, rida, rida!
Boltu zūsu spilwańûś, Rida, rida, rida!
Skaistâ boltâ wilnōńeitê, Rida, rida, rida!
Kur kōjeńes sateńōm. Rida, rida, rida!

Всѣ лавки засѣли, Рида, рида, рида!
Всѣ красивыя, всѣ бѣлыя, Рида, рида, рида!
Всѣ мои милочки. Рида, рида, рида!
Только одна мнѣ милѣе всѣхъ, Рида, рида, рида!
Которая сидѣла въ серединѣ. Рида, рида, рида!
Гладкая головка, бѣлый ротъ, Рида, рида, рида!
Ахъ, ты моя милочка, Рида, рида, рида!
Гдѣ мы въ эту ночь спали? Рида, рида, рида!
Въ клѣти тонко-сосновой, Рида, рида, рида!
Въ бѣлогусиномъ пухѣ, Рида, рида, рида!
Подъ бѣлымъ покрываломъ, Рида, рида, рида!
Гдѣ мы ноги свои спутали. Рида, рида, рида!

Припѣвъ «Рида, рида, рида» повторяется послѣ каждаго стиха.

Записано въ м. Прель, Динаб. у.

7.

Kur tu tăći, Doruteľa? Koľadu, koľadu!
Jz dōrzeńis z'ernu zagt. Koľadu, koľadu!

Куда ты бѣжишь, Доротея?
Изъ ограды горохъ красть!

Kai ťī ťewi nasaģiwa? Koľadu, koľadu!
Äs iskrēju aleńâ. Koľadu, koľadu!
Kai tu ťi nasasola? Koľadu, koľadu!
Sasakeura kala guńi. Koľadu, koľadu:
Kada ťī nasadaģi? Koľadu, koľadu!
Apsasprauži odotoms. Koľadu, koľadu!
Kai tu ťī nasōpeja? Koľadu, koľadu!
Apsasmēru ar wacu swìstu? Koľadu, koľadu!
Kur tu jèḿi wacu swìstu? Koľadu, koľadu!
Wacas mōtis peureńâ. Koľadu, koľadu!
Kur ťe jemi weca mōťe? Koľadu, koľadu!
Jaunes teľes cicešûśe. Koľadu, koľadu!
Kur tu jemi jaunu teľi Koľadu, koľadu!
Zaľes zōľes galeńâ. Koľadu, koľadu!
Kur tu jemi zaľa zōľe? Koľadu, koľadu!
Smolķi ľeiti, ťi ľeijuše. Koľadu, koľadu!
Kur palyka smolķi ľeiti? Koľadu, koľadu!
Jeureńôs satecä(ja). Koľadu, koľadu!
Kur palyka tōs jeureńs? Koľadu, koľadu!
Dìwa zirgi izdzāruše. Koľadu, koľadu!
Kur palyka Dìwa zirgi? Koľadu, koľadu!

Какъ тебя тамъ не схватили?
Я выбѣжала на полынью.
Какъ ты тамъ не замерзла?
Я зажгла огонь на болотѣ.
Какъ ты не сгорѣла?
Я иголками обтыкалась.
Развѣ тебѣ не было больно?
Я обмазалась старымъ масломъ.
Гдѣ ты взяла старое масло?
У бабушки въ сундукѣ (приданомъ).
Откуда ты достала бабушку?
Изъ вымени молодой коровы.
Гдѣ ты взяла молодую корову?
На концѣ зеленой травки.
Откуда ты взяла зеленую травку?
Мелкіе дожди тамъ лились.
Гдѣ остались мелкіе дожди?
Въ море стекли.
Гдѣ осталось море?
Божьи кони его выпили.
Гдѣ остались Божьи кони?

Dīwa dāli nūjōzdēja. Koľadu, koľadu!
Kur palyka Dīwa dāli? Koľadu, koľadu!
Saules meitas nūlōdējā. Koľadu, koľadu!

Божьи сыновья поиздѣли ихъ.
Гдѣ остались Божьи сыновья?
Дочери солнца ихъ прокляли.

Коляду, коляду—повторяется послѣ каждаго стиха.

Записано мною въ дер. Капинѣ, Динаб. у. Срв. варіантъ этой колядки въ магазинѣ Лат.-Лит. Общ. Томъ XIV, вып. 2, стр. 166—167: 1) moza piela (маленькая мышь) вм. Doruteľa. 2) da orudam (до засѣки) вм. iz dorzeńi, zogtu вм. zogt. 3) naatroda. 4) nūbagu вм. is-skreju. 6) syltu вм. kala. 8) ar odotom вм. odotoms. 9) Kai tieu aszniś natiecieja. Какъ бы у тебя кровь не побѣжала. 10) absatiepu вм. apsasmēru. 12) tiejniejtâ = peurenâ. 13) jemia waca motie. 14) Raybys guwieś cicieniâ (Въ вымени пестрой коровы). 15) rajba guwie (пестрая корова). 17) kurgi вм. kur. 18) Ju paleja smoľks lejtiancz (ее т. е. травку слилъ мелкій дождь). 25) pracatu (сватать).

8.

Čigan, čigan,
Baturu, baturu!
Jir tew wilka naturińa.
Ľeika pecka zam pazuses,
Skaistu(a)sīwu(a) zam pologa.

Jūdźeit kozu rogowâs,
Baturu, baturu!
Lai brauc mōťe žogorôs.
Koľeit mōte žogorôs,
Âs pa pīna kambařeiťī.

Цыганинъ, цыганинъ,
Батура, батура!
У тебя волчья натура.

Согнулъ кнутъ подъ пазуху,
Красивую жену подъ одѣяломъ;

Запрягайте козу въ дровни,
Батура, батура!
Пусть ѣдетъ матушка за хворостомъ.
Пока матушка за хворостомъ,
Я въ молочную камору (чуланъ).

9.

Čiganôs laizdamos, Koľadu, koľadu!
Treis kuľītis ľīdze jām': Koľadu, koľadu!

Въ цыганы пойдя,— Коляду, коляду!
Три кулька съ собой взялъ. Коляду, коляду!

Wĭnâ pupes, ūtrâ zirn(u), Koľadu, koľadu!
Trešâ ćeukas smecarĭte. Koľadu, koľadu!

Одинъ съ бобомъ, другой съ горохомъ, Коляду, коляду!
Третій съ свинымъ рыломъ. Коляду, коляду!

10.

Zalta zeiľe tĭ padzīda(ja), Koľadu, koľadu!
Tas ustubas čukuŕâ [1]) Koľadu, koľadu!
Teida kūka, šeida kūka, Koľadu, koľadu!
Prĭžu w'ersû salasĭta. Kuľadu, koľadu!

Золотая синица здѣсь запѣла, Коляду, коляду!
На конькѣ хаты. Коляду, коляду!
Изъ этого дерева, изъ другого дерева, Коляду, коляду!
На верху сосенъ собрано. Коляду, коляду!

9 и 10 записаны въ Ливенгофскомъ училищѣ отъ женщины изъ Прельской вол. Динаб. у.

11.

Koľadńeice nusleikuśe Koľadu, koľadu!
Rōceńeišu dūbeiťê; Koľadu, koľadu!
Cik gribeja (w)orê wilkt, Koľadu, koľadu!
Aiz smĭkleńa nawarēja Koľadu, koľadu!

Колядница утонула, Коляду, коляду!
Въ картофельной ямѣ.
Какъ ни хотѣли вытащить ее,
Отъ смѣха не могли.

Послѣ каждаго стиха повторяется припѣвъ: коляду, коляду!

Записано отъ крестьянки Золя, изъ деревни Сола, въ имѣніи Таунаги, Рѣжицкаго уѣзда.

12.

Kaľadńiki sajōjuśe,
Koľadu, koľadu!
Prosa auza kumeľam;
Koľadu, koľadu!
Zaľes auzes ťeirumâ.
Koľadu, koľadu!

Колядники съѣхались,
Коляду, коляду!
Требуютъ овса для лошадей;
Коляду, коляду!
Зеленый овесъ на полѣ.
Коляду, коляду!

---

[1]) Т. е. конёкъ на хатѣ; въ Ливенгофѣ говорятъ вм. этого škarc.

13.

Wilks olu dora ńīdrojâ pūrâ, Koĭadu, koĭadu
Aicinōj kazeńi alteńâ (oluteń) dzertu. Koĭadu, koĭadu!
Sorgit, poni pīdzarūši; Koĭadu, koĭadu!
Beus koza(i) preceńīki. Koĭadu, koĭadu!
Wilks nagaidi treju dīnu, Koĭadu, koĭadu!
Kreit koza(i) mugurâ! Koĭadu koĭadu!

Волкъ пиво варитъ въ камышевомъ болотѣ, Коляду, коляду!
Приглашаетъ козочку пивца выпить. Коляду, коляду!
Берегитесь, паны напились; Коляду, коляду!
Будутъ сваты у козы. Коляду, коляду!
Волкъ не ждетъ трехъ дней, Коляду, коляду!
Козѣ на спину полѣзъ! Коляду, коляду!

Записано въ Звирзденѣ Люц. у.

14.

Wokor koza welejōs; Koĭadu, koĭadu!
Woi pret snīga, woi pret ĭeita? Koĭadu, koĭadu!
Nī pret snīga, ni pret ĭeita Koĭadu, koĭadu!
Pret tīm sowīm preceńīkīm. Koĭadu, koĭadu!

Вчера коза мылась, Коляду, коляду!
Развѣ передъ снѣгомъ, развѣ передъ дождемъ? Коляду, коляду!
Ни передъ снѣгомъ, ни передъ дождемъ,— Коляду, коляду!
Передъ своими сватами! Коляду, коляду!

Такъ поютъ въ Узулмуйжѣ въ Динаб. у., по сообщенію Анны Кусень въ Ливенгофѣ, того же уѣзда.

Польско-латышскіе жарты.

15. Волкъ и коза. Koza i wilks.

Играющіе становятся въ рядъ и образуютъ кругъ, въ серединѣ котораго ходитъ дѣвица, представляющая козу. Волкъ снаружи ходитъ и старается ее (козу) поймать. Пастухи, оберегающіе козу, образуютъ ворота, черезъ которыя вольно волку бѣ-

жать; гдѣ ключъ и замокъ, тамъ нельзя (Spēľej kai dōrzâ eiľâ; pa wōrtīm wal'a wilkam skrīt, a po atslāg' ńa. Wilks skreid apľeik, kur gedz ģiu"t kozu). Игра эта начинается стихами:

Bolta koza weľejōs	Woi pet snígu, woi pet (вм. pret) ľeitu,
Straujes upes maľeńâ!	Woi pet sowas preceńîks.
Бѣлая коза моется	Развѣ это передъ снѣгомъ, развѣ передъ дождемъ,
На краю быстрой рѣки!	Развѣ передъ своими женихами?

Коза въ это время, въ ожиданіи неизвѣстнаго несчастья быть схваченной волкомъ, безпокойно перебѣгаетъ (reukalēja отъ глаг. rūkāt, по Ульману hin und herlaufen) съ одной стороны на другую. Когда волкъ ея ловитъ (ģeun), тогда хоръ поетъ другой стихъ:

Sorgōt goni, sorgōt goni, Beuś kozai preceńîki Wiľćeńš sowūs zōboceńš	Rōweńâ baľinawa, Rōweńâ baľinawa, Nīdrojâ šeudenawa,
Стерегитесь, пастухи, стерегитесь, пастухи, У козы будутъ женихи. Волчекъ свои сапожки	Во ржавцѣ [1]) побѣлилъ, Во ржавцѣ побѣлилъ, Въ камышахъ сушилъ.

[Срв. литовскую дѣтскую игру *волкъ овецъ пасетъ. Wilks avės gana.* По сообщенію крестьянина Бакутиса, въ Шимкайцкой вол. Россіенскаго уѣзда, эта игра исполняется слѣдующимъ образомъ: Suséda ásłoi, kap redìka (rōpe) kàst ir wîns su łazdà waikšču aplinkuj ir antrasis kerčoi tupė, į wiłka pasiwertęs ir tika áwis pagaũt iš tos eiłos, kur séd ant asłós. Садятся въ кругъ на полъ какъ тогда, когда хотятъ копать рѣдьку. Одинъ ходитъ вокругъ съ палкою, а другой стоитъ въ углу. Онъ представляетъ волка и старается схватить овцу изъ того ряда игроковъ, которые сидятъ на полу. Pímū waikšč̄ōdams aplink, dainū. Пастухъ, ходя вокругъ, поетъ:

Gâńu(au) gańu(au) awelés,	Wiłks tūp už torō's;
Пасу, пасу овечекъ,	Волкъ сидитъ за заборомъ.

---

[1]) т. е. ржавое болото, красножелѣзистая мочижина, Даль [2].

Aš to wilka neľabeĩ bijoũ,
Wilka ākis wobolei

Я этого волка не особенно боюсь,
Волчьи глаза какъ жуки.

Sukût suku, pasumdíšu
Su kěčargu pabadíšu.

Кыси кыси собакою,
Кочергою ткну.

Wilks pagaun iš netiču wīnu áwė iš eilos. Pímū susgrīšt iš antros, sedenčis eĩn werkdams su lazdele pasiramčūdams. Волкъ невзначай хватаетъ одну овцу изъ круга. Пастухъ возвращается съ другой стороны и уходитъ, опираясь на палку съ плачемъ, и говоритъ:

Če wilka pedēle,
Тутъ волчій слѣдъ

Če kraũja lašēle,
Тутъ капля крови (т. е. овечки).

Pīmu saka: Begēda, palaistuwe, tu swētajedis, wagis, kam tu muna aweles pāwogei? Wilks atsāke: Ar dēľ tawa aw'ū newaľńa ńe i klūna paź'urėt! Paskui mušâs ir plēšas. Пастухъ говоритъ: Безстыдный, блудяга, ты людоѣдъ, воръ, зачѣмъ ты моихъ овецъ кралъ. Волкъ отвѣчаетъ: развѣ изъ-за твоихъ овецъ не позволено смотрѣть въ хлѣвъ. Потомъ дерутся и рвутъ другъ друга].

16. Колечко. Gredzeniń̌š.

Игра эта производится у Латышей такъ же, какъ у Русскихъ. По словамъ Сахарова [1]) одна изъ дѣвушекъ снимаетъ съ руки кольцо и отдаетъ нянюшкѣ, которая продѣваетъ въ кольцо длинную ленту и связываетъ концы ея. Дѣвушки становятся въ кружекъ и держатся обѣими руками за связку. Дѣвушка, обреченная по жеребью *кружиться*, ходитъ въ серединѣ отыскивая: «*у кого* кольцо?» Дѣвушки потихоньку передаютъ кольцо изъ рукъ въ руки. Въ это время, для развлеченія отыскивающей кольцо, производятъ безпрерывное движеніе ленточкою. У кого будетъ открыто кольцо, тотъ смѣняетъ кружившуюся дѣвушку».

У Латышей отыскиваніе колечка сопровождается хоровою пѣснею, первая часть которой гласитъ:

Pi kō, pī kō
У кого, у кого

Muns gredzeńeń̌š?
Мое колечко?

---

[1]) И. Сахарова, Сказанія русскаго народа. С.-Петербургъ. 1836 — 1837, Часть II, стр. 131.

Muns gredzeńeńš!
Pī jauno[e] mèiteń
Leudzames, mōseńes,
Atdūdīt.

Мое колечко
У молодой дѣвушки
Просимъ, сестрички,
Отдайте.

Тогда кружокъ спрятавшихъ кольцо отвѣчаетъ:

Nà dūšu, nà dūšu,
Kam meiľi nà leudz,
Kam muna brōľeiša
Suńeiša sauc.

Не дамъ, не дамъ.
Зачѣмъ не просишь ласково,
Зачѣмъ ты моего братца
Собачкою называешь?

У Литовцевъ Сувалкской губерніи, по свѣдѣніямъ мѣстнаго уроженца, игра эта, называемая «жі[е]да даліт-перстень раздавать» происходитъ и такимъ образомъ: садятся всѣ поочередно на скамейку, одинъ беретъ перстень и, подходя къ каждому, какъ будто даетъ, говоря: «те тау жі[е]да, те тау жі[е]да» вотъ тебѣ перстень, вотъ тебѣ перстень. Другой игрокъ сидитъ около печки «свірплıус кремта» [т. е. грызетъ сверчокъ] и смотритъ какъ первый раздаетъ. Обошедши всѣхъ, онъ выходитъ на середину избы и вопрошаетъ у сидящаго у печки: кур жі́ді жі[е]дс? гдѣ цвѣтетъ перстень - цвѣтокъ. (По лит. жі[е]дас означаетъ и кольцо и цвѣтокъ). Тотъ угадываетъ; если угадалъ, то переходитъ на скамью, вмѣсто того у кого былъ перстень. Игрокъ, надѣлявшій прежде перстнемъ-цвѣткомъ, садится «свирплıу крімст», а тотъ, кто всталъ со скамейки, теперь надѣляетъ [1]).

У Латышей Кокенгузенской волости «игра надѣлять цвѣтками или раздавать подарки» исполняется двоякимъ образомъ:

1) Zi[e]dińus dōt (или dalīt) раздавать зьединьи. Zi[e]dińš это маленькій отщепокъ (skangalińš). Всѣ участвующіе садятся рядомъ; одинъ изъ нихъ обходитъ всѣхъ, и будтобы кладя каждому въ сложенныя руки «zi[e]dińu», говоритъ: вотъ тебѣ «zi[e]dińš», держи его крѣпко на-крѣпко (še tew zi[e]dińš, tur' tō ci[e]t un ci[e]t). Но «zi[e]dińu» на самомъ дѣлѣ получаетъ только одинъ. Затѣмъ кто - нибудь изъ участвующихъ долженъ отгадать, у кого собственно «zi[e]dińš». Если онъ не отгадываетъ сразу, «zi[e]dińi» раздаются снова, пока онъ не отгадаетъ. Тогда уже тотъ, у котораго былъ «zi[e]dińš», заступаетъ его мѣсто.

---

[1]) Изъ рукописи старшаго учителя городскаго Владиславовскаго училища Фр. Ужуписа: «Этнографическія свѣдѣнія о Литвѣ Владиславскаго у., Сувалкской губерніи».

2) Skrejamōs ziͤdiǹus dōt. Убѣгая, раздавать зьединьи. Разница въ томъ, что тотъ, который получаетъ «ziͤdiǹs», долженъ убѣжать такъ, чтобы сосѣди не задержали его. Если сосѣди его не задержали, они даютъ фанты; если же задержали, онъ даетъ фантъ.

Ко всѣмъ играмъ съ перстнемъ-зьединьемъ близко подходитъ, наконецъ, игра въ фанты, называемая: раздавать талеры, по латышски dālderus dōt. Кто нибудь изъ участвующихъ обходитъ всѣхъ, кладетъ каждому что нибудь въ руки и говоритъ: вотъ тебѣ талеръ, не говори ни «да», ни «нѣтъ» (še tew dālders, nesak «ja» un «ne»). Потомъ подходитъ къ каждому и задаетъ вопросъ, что онъ купилъ. Тотъ долженъ отвѣчать, но такъ, чтобы не было въ отвѣтахъ ни разу словъ «да» и «нѣтъ». За каждое такое слово виновный даетъ фантъ. (Срв. нѣм. игры у H. Frischbier'a, — Preuszische Volksreime und Volksspiele. Berlin, 1867; стр. 195, № 722 и 723).

17. Игра — лошадку пасти. Kumeleń gańēt.

Jōsim, brōľeń,
Zirdzeń gańēt'.
Kur mes zirdzeńš
Gańejōm?
Dōbuľa pľoͣwâ
Gańejōm.

Поѣдемъ, братецъ,
Лошадку пасти.
Гдѣ мы лошадку
Будемъ пасти?
На клеверномъ лугу
Будемъ пасти.

Jōsim, brōľeń,
Zirdzeń dzirdīt!
Kur mes zirdzeńš
Dzīrdejōm?
Weikseńes calmâ
Dzirdejōm.

Поѣдемъ, братецъ,
Лошадку поить.
Гдѣ мы лошадушекъ
Напоимъ?
На пнѣ вязочка
Напоимъ.

При словахъ:

Sùk, sùk, kumeľ,
Da staľeišam:

Скачи, скачи, конёкъ,
До конюшни:

Auzeń àst,
Smolk dōbuľeń'.

Овесъ жрать,
Мелкій клеверъ.

Гонятъ весь хоръ (полкъ) вокругъ огорода три раза (kà tū wōrdu iz-sok, tad dzan apľeik ap dōrzu wisu tu polk treis reizes).

18. Хороводъ Юмалу^{a}.

Выше уже была рѣчь объ олицетвореніи двойняшки-колоса или спорыньи и почитаніи ея какъ символа житнаго духа (Korngeist). У Витебскихъ латышей во время рождественскихъ праздниковъ молодежь водитъ хороводъ, называемый юмалу^{a}, причемъ парни, надѣвая шапку на затылокъ, дѣлаютъ смѣшные поклоны. Къ шапкѣ пристегивается рукавица, которая, какъ флюгеръ, двигается назадъ и впередъ. На вопросъ мой, что означаетъ припѣвъ «юмалу^{a}», пѣвица (Маргарита Вяксиха въ Прельской волости, Динабургскаго уѣзда) отвѣтила, что это во время зимнихъ святокъ такое слово «zíma swãtkûs taids words». Jumalû, по видимому, тоже самое, что jumis. Хороводная пѣсня, приведенная ниже, есть воспѣваніе спорыша, перезимовавшаго въ латышской клѣти и обѣщающаго богатство и урожай на будущій годъ. Въ латышской газетѣ «Deenas lapa» (за 1886 годъ № 56), приводятся новыя юмисевыя пѣсни, выясняющія значеніе льняного «юмиса» и представляющія картину украшенія толочной матушки юмисевыми цвѣтами [1]):

a.

Jumišam klaipu cepu
Triju di^{e}nu malumiń;
Ne dewińi newarēja
Juma klaipa kustināt.

«Юмису» я хлѣбъ испекла
Изъ трехдневнаго молотья;
И девять не смогли
Спорышевый хлѣбъ подвинуть.

b.

Nāc ārâ, talkas māte,
Lai es tewi appuškoju,
Lai es tewi appuškoju
Ar ti^{e}m juma zi^{e}dińi^{e}m.

Выходи вонъ, мать толоки,
Чтобы я могъ тебя украсить,
Чтобы я могъ тебя украсить
Юмисевыми цвѣтками.

---

[1]) Въ любопытномъ разсказѣ изъ быта латышей, живущихъ на Курляндско-литовской границѣ «Bail'u di^{e}nâs», пѣсня наша, приведенная выше на стр. 85-й, поется въ слѣдующемъ варіантѣ:

Kur jumiti glabaji^{e}si
Šādu garu wasarińu?
Klētińâ, aiſdurwê
Jaunu meitu pūrińâ.

При этомъ соблюдается особенный обрядъ. Жнеи оставляютъ послѣдній клочекъ льна нежатымъ въ концѣ полосы или поля. По произнесеніи приведенной пѣсни хороводница связываетъ оставшійся на полѣ ленъ въ узелъ. Этотъ узелокъ и называется *юмисъ*. Поется еще другая пѣсня о находкѣ юмиса на концѣ поля (срв. выше стр. 84 № 2). Затѣмъ поютъ пѣсни *c* и *d* и наконецъ хороводница вырываетъ льняной узелъ и перебрасываетъ его, т. е. такъ называемый юмисъ, черезъ плечо. (Сличи ниже въ отдѣлѣ рабочихъ пѣсенъ другіе способы ворожбы со льномъ).

c.

Ai meitińas, ai māsińas
Tīri jumi rawejiᵉt;
Ой дѣвочки, ой сестрички,
Чистую спорынью полите;

Lai man auga citu gadu
Tīri lini tīrumâ.
Чтобы выросъ на будущій годъ
Чистый ленъ на нивѣ.

d.

Ai meitińas, ai māsińas
Piniᵉt jumi pīniᵉtês.
Ой дѣвочки, ой сестрицы,
Плетите спорышъ въ «плетенку».

Sapińušas pārswiᵉdiᵉt,
Pār vizuľu wainadzih.
Заплетенныя перекиньте
Чрезъ блестковый вѣнокъ.

Нижеслѣдующая пѣсня съ припѣвомъ юмалуᵃ представляетъ примѣръ пріуроченія юмисевыхъ стиховъ къ зимнимъ святкамъ вслѣдствіе измѣненія календаря и перенесенія новаго года съ 1-го сентября на 1-е января. По Эйнгорну l. c. стр. 587 въ старину латыши считали только восемь или десять мѣсяцевъ.

Lob wokor, jumaľeń,
Weľ ik silta ustobeńa.
Lapna sed meita mōte
Ūstabeńes dibyńâ.
Dūd man wīnu maľejēń.

Jimš(u)`äs pošu nadūdamu
Dižanoᵃ, rožanoᵃ:
Beuš man dreuš gōjejeń,
Azaideńis wirejeńa,
Plōna krakla audejeńa.

Припѣвъ Jumalů, Jumalů повторяется послѣ каждаго стиха два раза.

Добрый вечеръ, юмалень,
Еще совсѣмъ тепла избушка.
Гордо сидитъ мать дочерей
Въ серединѣ избушки.
Дай мнѣ одну мольщицу.

Возьму я самую неподдающуюся,
Крупную, красную:
Будетъ она мнѣ проворная на нивѣ,
Приготовительница завтрака,
Ткачиха тонкой рубахи.
Юмалуᵃ, юмалуᵃ!

19.

Образуются два хора (лат. pulkas), изъ которыхъ одинъ хоръ жениховъ, другой—хоръ братьевъ, выдающихъ замужъ своихъ сестеръ:

I хоръ: Mȩs bejom, mȩs bejom, mȩs bejom
Jaunu meitu preceniki.
II хоръ: Mȩs waicōjam, mȩs waicōjam, mȩs waicōjam,
Kū dareja brōľeľeńi, brōľeľeń'?
I. Muńi brōľeńi ćeuka gońi.
II. Nàdūsim, nàdūsim, nàdūsim
Sau mōseń' dzaltońeišu, dzaltońeišu.

Мы были, мы были, мы были
Молодыхъ дѣвушекъ женихи.
Мы спрашивали, мы спрашивали, мы спрашивали,
Что дѣлаютъ братцы, братцы?
Мои братцы свиные пастухи.
Не дадимъ, не дадимъ, не дадимъ
Своихъ сестеръ голубушекъ (съ золотистыми волосами).

Повторяются тѣже стихи, вмѣсто ćeuku gońi, говорятъ a) gūwu gońi (пастухи коровъ) b) zirgu gońi (конскіе пастухи). Но когда произносится muns brōľeńis ōrōjeńš—мой братецъ пахарь, тогда 2-й хоръ отвѣчаетъ.

Atdūśim, atdūśim, atdūśim
Sau mōseńu dzaltońeiťi:
Отдадимъ, отдадимъ, отдадимъ
Свою сестрицу красавицу:

Dźerśim olu, brandewīn, brandewīn
Ar madīm madōdami.
Попьемъ пива, водки, водки,
Медомъ ее подслащая.

20. Талдерованіе. (Talderōšana).

Образуется кружекъ; одна дѣвица становится въ серединѣ и начинается круговоротный танецъ (Rundtanz), причемъ поютъ слѣдующіе стихи.

Танцуя вокругъ огорода, поютъ:

Ša lozda kreumeńes saauguš,
Dewińi kūceńi sakaltuši,
Этой лещины [1]) кусточки срослись,
Девять деревцевъ засохли,

Dewińi brōľeńi ľeidejeńi,
Desmita mōseńa škińejeńa.
Девять братцевъ корчевателей,
Десятая сестрица срывательница.

---

[1]) Или лязгы,— бѣлорусское слово, означающее лѣсной или русскій орѣшникъ см. Даль [2], стр. 292.

При словахъ:

«C'ērst ťewi pušu, ľeist ťewi caur
Jīm tew sawu meiľamu"!
Ab-dēja, ab-lēču sau wainuceń»,
Разрубить тебя, пропустить тебя,
Возьми себѣ свою возлюбленную!
Отпѣла, отплясала свой вѣнокъ».

Пляска становится медленнѣе, чтобы потомъ при «талдерованіи» крутиться скорѣе.

Na šōs źemeiťis muns wainuceńš. Taldoru, taldoru!
Reigâ pērk', naudē ďew', Taldoru, taldoru!
Wōdzemê kaldenowa; Taldoru, taldoru!
Ša atneś šaî źemeî Taldoru, taldoru!
Mozaja mōseńai. Taldoru, taldoru!
Не изъ этой земли мой вѣночекъ: Талдору, талдору!
Въ Ригѣ купила — деньги дала, Талдору, талдору!
Въ Германіи ковали. Талдору, талдору!
Сюда принесла, въ эту землю Талдору, талдору!
Для меньшей сестрицы. Талдору, талдору!

Семейныя и дѣтскія игры (spēles).

Остальныя игры латышскихъ дѣтей и латышской молодежи не пріурочены спеціально къ рождественскимъ праздникамъ, а играются въ любое время, свободное отъ крестьянскихъ работъ. 22-я игра играется преимущественно во время ночнинъ конскими пастухами (пигульниками).

21. Пчелка въ розовомъ саду. Bitīťe rožu dārziṅâ.

Эта народная игра описывается здѣсь такъ, какъ она играется въ Салисбургскомъ приходѣ, около мѣстечка Рӯеня, въ сѣверной Лифляндіи. [Описаніе это доставлено намъ г. Адамсономъ, уроженцемъ Лифляндіи, нынѣ служащимъ въ центральномъ архивѣ въ Вильнѣ].

Желающіе участвовать въ названной игрѣ, молодые люди берутъ другъ друга за-руки и составляютъ такимъ образомъ

кругъ; одинъ изъ нихъ, положимъ Janis или Li°ne, остается въ серединѣ круга, а окружающіе ходятъ кругомъ и поютъ:

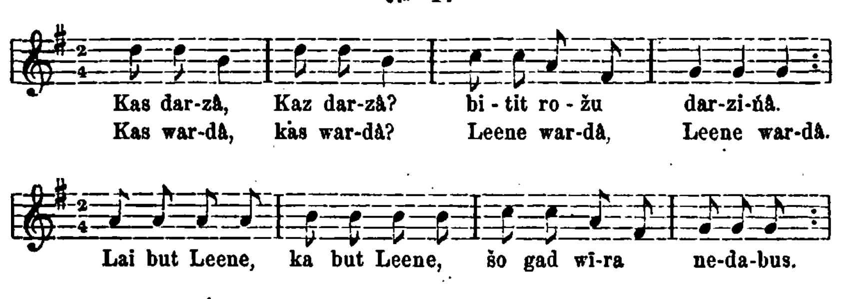
Kas dārzâ? Kas dārzâ?
Bitīt (dundurs) rožu dārziṅâ
Kas wārdâ, kas wārdâ?
Li°ne (Jànis) wārdâ, Li°ne wārdâ.
Laj būtu Li°ne, kad' būtu Li°ne,
Šogad wīra (si°was) nedabūs. —
Rōto°, bitīt' caur zaru — zari°m,
Jà tu citu dabū, li°c tō vi°tâ.

При словахъ: «rōto° bitīt'...» находящееся въ серединѣ лицо (Li°ne, Jānis) начинаетъ ходить кругомъ подъ руками составляющихъ кругъ, пока не дойдетъ до того парня (или дѣвицы), котораго желаетъ; того оно толкаетъ въ середину, занимаетъ само его мѣсто въ кругу, и игра начинается опять съ начала.
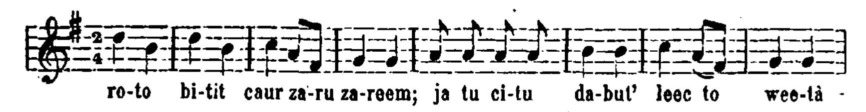
При пѣніи двухъ послѣднихъ строкъ (rōto° bitit'...) окружающіе не ходятъ кругомъ, но стоятъ на мѣстѣ, чтобы Лі°не могла удобнѣе ходить подъ руками. Въ Пантен'ской волости того же Салисбургскаго прихода, послѣ словъ: «šogad wīra nedabus» поютъ еще: «Jà dabūs, — wecu puisi (meitu)
Ar wecām grabažām»

Все прочее такъ же.

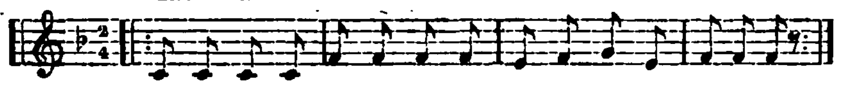
№ 2.

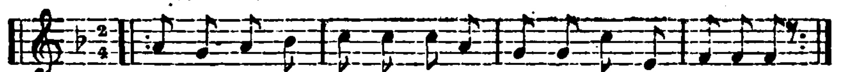
22. Рыбакъ. Zvejni°cińš.

(Кокенгузенской волости, Рижскаго уѣзда).

Часть b.

Парни и дѣвицы попарно хороводятъ, припѣваючи пѣсню:

Мелодія. Ч. а. 2 раза. *Moderato.*

Zwejni°ks mani aicinaja: Nāc, meitińa, laiwińâ!
Рыбакъ меня приглашалъ: Поди, дѣвушка, въ лодочку!

Мелодія Ч. b. 2 раза.

Es nei°šu zweijni°cińi, Vējińš tewi tāľu dzen.
Я не пойду, рыбачекъ, Вѣтромъ тебя далеко несетъ.

Мелодія, часть а. 2 раза.

Wai tu gribi, vai negribi,
Es jau tewi gribu;
Wai tu nāksi, vai nenāksi,
Es jau tewi ńemšu.

Хочешь ли, не хочешь ли,
Я ужь тебя желаю;
Пойдешь ли ко мнѣ или не пойдешь,
Я тебя ужь возьму.

Затѣмъ парни со своими дѣвицами, взявшись подъ руки, кружатся и поютъ:

Мелодія, часть b. *Allegro.* 2 раза.

Nū ir rōkâ, nū ir rōkâ
Mana paša līgawiń!
(Manis pašas mīľakais)
Nū ir rōkâ, nū ir rōkâ
Nū jau atkal prōjām bēg!
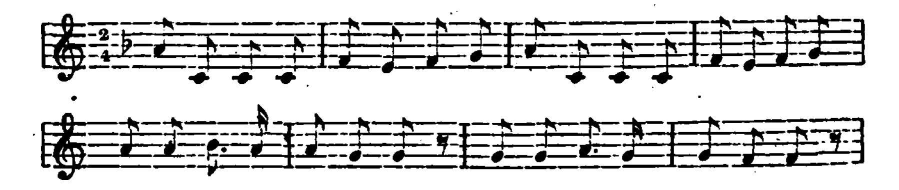
Вотъ поймалъ(ла), вотъ поймалъ(ла),
(Я свою суженую
Я своего суженаго!)
Вотъ пойма(лъ)ла, вотъ пойма(лъ)ла,
Вотъ ужъ опять убѣгаетъ!

При послѣднихъ словахъ останавливаются такъ, чтобы $П_1$ (парень первый) стоялъ vis-à-vis $Д_2$ (дѣвицѣ втораго), $П_2$ vis-à-vis $Д_3$ и т. д. $П_2$ vis-à-vis $Д_1$.

Затѣмъ игра повторяется до тѣхъ поръ, пока $П_1$ не станетъ опять vis-à-vis $Д_1$, $П_2$ — $Д_2$ и т. д. Тогда еще разъ повторяется II часть и игра заключается словами:

2 раза: Nū ir rōkâ, nū ir rōkâ,
Mana paša līgawiń! или Manis pašas mīľakais.

23. Баранчики печенные булочникомъ. Beķercepti kliń́ģeriši.

Парни и дѣвицы стоятъ попарно рядомъ, одна пара за другою, и поютъ:

Beķercepti kliń́ģeriši,
Beķercepti kliń́ģeriši,
Pi^{e}niń̌š, gōwu medumiń̌š,
Pi^{e}niń̌š, gōwu medumiń̌š.

Баранчики печенные булочникомъ
Молоко — добыча коровъ.

Lustīgs tē(w)s un māmulińa
Lustīgs tē(w)s un māmulińa,
Dēls nōkēra ci^{e}lawiń,
Dēls nōkēra ci^{e}lawiń.

Веселы отецъ и матушка,
Сынъ поймалъ плисочку.

При этихъ словахъ послѣдняя пара расходится и парень ловитъ свою дѣвицу. Во все это время остальные поютъ:

Tā nebija ci^{e}lawiń,
Это не плизгавица,

Tā bij dēla līgawiń.
А суженая сына.

Когда парень поймалъ дѣвицу, эта пара становится впереди другихъ и это повторяется, пока не выйдутъ всѣ пары. Потомъ игра продолжается, только съ тою разницею, что теперь дѣвицы ловятъ парней, причемъ поютъ вмѣсто: Dēls noķera ci^{e}lawiń:

Meit' nōķēra zwirbulīt',
Meit' nōķēra zwirbulīt'!
Дѣвица поймала воробья:
(2 раза)

Tas nebija zvirbulītis,
Tas bij meitas mīlulītis.
Это не былъ воробей,
А возлюбленный дочери.

24. Метать (или искать) «balteni». Balteni mest (vaj ar meklēt).

Эту игру главнымъ образомъ играютъ ночью во время ночнины (pi°guľå).

Всѣ присутствующіе, за исключеніемъ одного, ложатся на землю; имъ закрываютъ головы покрываломъ, чтобы никто ничего не видѣлъ. Раньше ужь опредѣлено по жребію (uz žerbini°m i°t), кому первый разъ метать. Тотъ куда нибудь метаетъ (met) «balteni», бѣлую (оттого вѣроятно и слово «baltens») «обтесанную палку». Затѣмъ всѣ при возгласѣ «готово» вскакиваютъ и разбѣгаются искать. Кто нашелъ «balteni», дѣлается на слѣдующій разъ метателемъ (balteńa metejs).

25. Латышско-литовскія игры.

a. Cūciṅos sīst (или mest) т. е. играть въ рюхи, свинки. Кто проиграетъ, того дразнятъ словами uss̓ cūćiń т. е. усь свинка (Ливенгофъ. По сообщенію покойнаго учителя Гемина).

b. Ripas kaut jeb sīst, по лит. ritińi mušti играть въ кружки или диски, по Бривземніаксу [1]), = латышскому ripût, нѣм. Ripp schlagen (какъ говорятъ въ Курляндіи) или (kullerrad spielen» [2]).

c. Rutkińus rakt — рѣдьку копать. У Литовцевъ подобная игра называется игрою «рѣпу копать» [срв. у Сахарова l. c. II стр. 59 и 60 семейную игру рѣдьку]. Въ Россіенскомъ уѣздѣ, Ковенской губерніи, по сообщенію В. Бакутиса, игра — рѣпу копать (rope kast) — производится слѣдующимъ образомъ. Садятся въ кружокъ; одинъ изъ игроковъ садится подальше.

Его спрашиваютъ:

Kas tu esti?	Sunus Sakalaïtis
Ąš esu ponas, paklebonas,	Duktė Agunaïte.
Muna-pati Rož́e,	Kad aš jôjau par žaľu giŕåľe
Кто ты?	Мой сынъ Соколовскій,
Я есмь панъ, паклебанъ,	Моя дочь Маковка.
Моя супруга Роза,	Когда я ѣхалъ черезъ зеленую рощу,

[1]) Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, изданный при Дашковскомъ Этнографич. Музеѣ вып. 2. Москва, 1887. Латышскія народныя сказки, стр. 25.

[2]) А. Бецценбергеръ l. c. стр. 94.

Sutikaũ marga kalele,
Pakañde kojele,
Ar ne tūri kocs wína rōªpēle?

Встрѣтилъ я пеструю суку;
Укусила ножку.
Не имѣешь ли ты хоть одну рѣпушку?

2-й отвѣчаетъ:

Kan tik su pirmu lapa! Чуть только съ однимъ листомъ! Gali raût? (спрашиваетъ 3 раза) Но можешь-ли оторвать? Kiša poblauza. Подкладываетъ подъ голень.

d. «Zōstińas ganīt» пасти гусятъ. Можетъ быть это тоже самое, что литовское «žąsē lims špeľot» у Прусскихъ литовцевъ [1]) или žąnsis gaudit у Русскихъ литовцевъ, по М. Волончевскому въ книжкѣ «Палангое Юзе» [1]).

c. Wistińas kert ловить цыплятъ или wistińas giu̯t (объ этой игрѣ уже выше была рѣчь). По литовски игра «жмурки» называется gužínes, въ восточной Пруссіи и на Жмуди «лауминѣти» [2]).

---

[1]) A. Bezzenberger, Lit. Forschungen, стр. 92.
[2]) Ibidem, стр. 93 и 66 «Auf der vorstellung, dass die Laumen kinder vertauschen, bezüglich rauben, beruht es vielleicht auch, dass das blinde-kuh spielen laumin̂eti heisst».

Примѣчаніе (срв. стр. 114): По сообщенію пастора Р. Аунинга, въ Сесвегенѣ, въ Лифляндіи, jumis (или juimis въ другихъ мѣстахъ) называется *послѣдній снопъ*, сжатый въ полѣ (тоже, что *коза* въ Вышневолоцкомъ у. Тверской губ.). Жнецъ, сжавшій этотъ снопъ, садится на него и выкликиваетъ: «jum, jum, jum»! Другіе прибѣгаютъ тогда къ нему и подымаютъ его съ радостными восклицаніями вверхъ (въ Лэзерскомъ приходѣ). Въ Саусенѣ, въ Фехтельнск. пр., бываетъ такъ, что нѣкоторые хозяева осенью оставляютъ послѣднюю часть жнива не сжатой до тѣхъ поръ, пока сосѣди также не окончатъ жатвы; только тогда они дожинаютъ свое поле, выкликивая на всѣ стороны: Kōpâ, kōpâ, jumīt no N. N.—всѣ вмѣстѣ, юмит отъ такого-то (имя рекъ), называя имена богатѣйшихъ сосѣдей.—Сюда вѣроятно относится и четверостишіе:

Jumits wāgus kaldinâje;
Dewiniᵉm riteniᵉm
Ka wareja ritināt
No druwińas druwińâ.

Юмитъ телѣгу оковывалъ
Съ девятью колесами;
Чтобы могъ колесить
Съ нивочки на нивочку.

КОРОТКІЯ ПѢСНИ-ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

Choreas ducunt utroque simul prosilientes pede. Cantilenae eorum ferme distichis includuntur, quae paritate syllabarum conveniunt: sunt pleraeque argutae et sensum in duobus absolvant versibus. Omnes eodem cantantur tono et melodia (Dionysius Fabricius. De cultu religione et moribus incolarum Livoniae. Scriptores rerum livon. II, стр. 442).

СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

А. Родинныя и крестинныя пѣсни.

Въ жизни человѣка всѣ народы рѣзко отмѣтили три главные момента: рожденіе, вступленіе въ бракъ и смерть. Латышская народная пѣснь выразила этотъ взглядъ на семейную жизнь свою въ слѣдующемъ четверостишіи:

Wisu dînańi ās zinowu,	Dzīmstamos, m'erŝtamos,
Treiju wīnu nazinowu:	Tauteńôs îmamos (или jōjamos).
Всѣ дни я знала,	(Дней) рожденія, смерти,
Трехъ лишь не знала:	Выхода замужъ.

(Ландскорона, Люц. у.)

Изъ латышскихъ четверостишій помѣщаются здѣсь только тѣ, которыя болѣе или менѣе строго примѣняются къ родинамъ-крестинамъ, помолвкѣ-свадьбѣ и похоронамъ латышскаго народа. Нѣкогда между обрядомъ и пѣснями существовала болѣе тѣсная связь, чѣмъ въ настоящее время, когда эта связь часто совсѣмъ уже потеряна и разрозненные элементы латышской обрядовой пѣсни апперципируются въ народной памяти болѣе случайно или же по внѣшнимъ моментамъ и по поэтическимъ образамъ, получающимъ въ различное время различное объясненіе, не всегда строго примѣненное къ обряду.

Славянолитовскія народныя воззрѣнія на новорожденнаго ребенка выразились въ безчисленномъ множествѣ пѣсенъ, обрядовъ, нашептываній, повѣрій и примѣтъ, пріуроченныхъ къ этому семейному событію. Новорожденный ребенокъ въ латышской пѣснѣ чествуется главнымъ образомъ въ слѣдующіе четыре момента родино-крестинской обрядности:

a. Первое угощеніе домочадцевъ, по случаю рожденія ребёнка, или родины, по инфлянтски Radeibos.

b. Парка новорожденнаго въ банѣ, по инфл. pertiškis т. е. банный вечеръ наканунѣ крестинъ.

c. Крестины.

d. Отнятіе отъ груди или отдоеніе, Atškēribas.

Для того, чтобы уразумѣть значеніе обряда и пѣсни латышскихъ родинъ, крестинъ и «атшкерибас», необходимо знать мнѣніе самого латышскаго народа относительно совершающихся обрядовъ, толкованіе латышскихъ крестьянъ и вообще ихъ взглядъ на рожденіе. Матеріаломъ для выясненія этихъ вопросовъ служили не только пѣсни и обряды, записанные самымъ издателемъ, но и свѣдѣнія, доставленныя впослѣдствіи мѣстными уроженцами и жителями. Для сравнительнаго изученія воззрѣній славяно-литовскихъ народовъ сличены были слѣдующіе труды:

Н. Сумцовъ, О славянскихъ народныхъ воззрѣніяхъ на новорожденнаго ребёнка (Журн. М. Н. Пр. Ч. CCXII, стр. 68—94).

Ѳ. Я. Трейландъ. Крестинные обряды у Латышей (Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ подъ ред. В. Ѳ. Миллера. Вып. I, Москва. 1885, стр. 173—205).

Karl Ulmann. Lettische Volkslieder, übertragen im Versmaas der Originale. Riga. 1874.

После моего выѣзда изъ изслѣдуемыхъ уѣздовъ мнѣ были доставлены, вслѣдствіе предписанія г. директора Витебскихъ народныхъ училищъ, любопытныя свѣдѣнія г. Н. Горбачевскаго, учителя Крейцбургскаго народнаго училища, «о бытѣ крестьянъ латышей Унгермуйжской и Крейцбургской волостей, Динабургскаго уѣзда». Народныя объясненія обрядовъ записаны мною на латышскомъ языкѣ со словъ крестьянокъ, особенно семейства Вякси, отъ уроженокъ Прельской волости, Динаб. у. Г. Горбачевскій, въ объясненіе составленнаго имъ этнографическаго очерка, пишетъ вообще слѣдующее: «Важнѣйшіе моменты въ жизни крестьянъ Латышей Унгермуйжской и Крейцбургской волостей, какъ-то: сватовство, свадьба, крестины, похороны — сопровождаются, по моимъ наблюденіямъ, обычаями и обрядами, стоющими того, чтобы поговорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, — хотя они съ теченіемъ времени не мало измѣнились вслѣдствіе близости города Якобштадта и мѣстечка Крейц-

бурга, гдѣ крестьяне знакомятся съ жизнію горожанъ, такъ что недалеко, по всей вѣроятности, то время, когда свадьбы, похороны и крестины ничѣмъ не будутъ отличаться отъ крестинъ, похоронъ и свадьбы горожанъ». Однимъ словомъ г. Горбачевскій и относительно Латышей констатируетъ фактъ скораго исчезновенія древняго обычая и обряда. Родины и крестины, по словамъ этого же мѣстнаго наблюдателя, справляются такимъ образомъ:

«Родившагося младенца крестятъ въ разное время, — одни чрезъ двѣ, а другіе чрезъ шесть недѣль послѣ рожденія. Въ послѣднемъ случаѣ мать сама приноситъ младенца въ кирху, гдѣ совершаетъ крещеніе пасторъ. При крещеніи мальчика бываютъ два кума и одна кума, а при крещеніи дѣвочки наоборотъ. На крестины собираются всѣ родственники, которые, точно такъ какъ и на свадьбу, свозятъ: пироги, говядину, водку и пиво. Родители ко времени рожденія у нихъ *перваго* ребенка приготовляютъ заблаговременно колыбельку, которую съѣхавшіеся гости стараются *припрятать* отъ кумовей. Послѣ крещенія ребенка кумъ обязанъ отыскать колыбель, а въ случаѣ неуспѣха обязанъ заплатить положенный штрафъ; отысканную же кумомъ колыбель гости приспособляютъ для ребенка, но такъ какъ въ домѣ не оказывается жерди, то всѣ гости ѣдутъ или идутъ въ ближайшій лѣсъ, захвативъ съ собою выпивку и закуску. Въ лѣсу приступаютъ къ рубкѣ жерди для колыбели новорожденнаго, но при первомъ ударѣ топора появляется лѣсникъ (одинъ изъ гостей) и воспрещаетъ самовольную порубку лѣса, угрожая судомъ и штрафомъ. Начинается упрашиваніе и угощеніе мнимаго лѣсника; а когда получится отъ послѣдняго дозволеніе на вырубку жерди, тогда начинается угощеніе всѣхъ тутъ присутствующихъ; послѣ чего вырубленная жердь съ пѣснями везется въ домъ и вѣшается на ней колыбель [1]). При рожденіи втораго

---

[1]) Срв. у Трейланда l. c. стр. 196—202. Сборникъ Лат.-Лит. Общ. № 4041 (стр. 322).

Krust tēwi, kruſt mātes,	Крестные отцы, крестные матери,
Wi^{e}nâ wi^{e}tâ!	Въ одно мѣсто!
Woi sawa darba	Развѣ своей работы
Jūs nezinat?	Вы не знаете?
Woi ēst un dzert wi^{o}n	Развѣ ѣсть и пить лишь
Jūs nācāt?	Вы пришли?
Woi jūs šūpulīša	Развѣ вы колыбельки
Netaisīsi^{e}t?	Не придѣлаете?

О колыбельномъ очепѣ срв. Спрогиса l. c. стр 138, № 29.

ребенка описаннаго обычая уже не бываетъ у крестьянъ. Крестины продолжаются не болѣе двухъ-трехъ дней. — При разъѣздѣ по домамъ гости кладутъ въ колыбель новорожденнаго деньги, кто сколько можетъ, и отправляются въ свояси. Не менѣе замѣчателенъ и обрядъ отнятіи ребенка отъ груди. Матери-латышки обыкновенно долго кормятъ грудью ребенка, иногда до двухъ лѣтъ, пока дитя начнетъ хорошо ходить; но существуетъ обычай не обувать его въ башмачки до отнятія отъ груди, которое совершается такимъ образомъ: о днѣ, назначенномъ для отнятія ребенка отъ груди, оповѣщаются воспріемники и родственники. Собравшись въ домѣ, одинъ изъ гостей одѣвается евреемъ и при ребенкѣ дѣлаетъ движеніе, какъ будто бы онъ беретъ что нибудь у матери изъ запазухи, а самъ въ это время кладетъ ей туда же щетку. Когда же ребенокъ захочетъ ѣсть и запроситъ груди, то мать говоритъ ему, что еврей унесъ молочко и въ то же время старается, чтобы ребенокъ дотронулся ручонкою до щетки. Послѣ того ребенка одѣваютъ въ башмачки и вѣшаютъ ему сумочку, въ которую гости опускаютъ деньги на хлѣбъ и пироги».

Dzimdīšonas-dzīsmas. **Пѣсни во время родовъ. Чары для облегченія родовъ.**

Латышка, готовящаяся стать матерью, озабочена преимущественно соблюденіемъ опредѣленныхъ преданіемъ обрядовъ и употребленіемъ извѣстныхъ домашнихъ средствъ для обезпеченія благополучнаго разрѣшенія отъ беременности и счастья будущаго младенца [1]). Какъ въ Великороссіи, такъ и у латышей было обыкновеніе рожать дѣтей въ банѣ, что съ одной стороны стоитъ въ связи съ убѣжденіемъ объ очистительномъ значеніи воды и бани [2]), а съ другой стороны составляетъ отличительную черту историко-культурныхъ особенностей сѣверно-двинскихъ народовъ отъ Литвы, гдѣ бани встрѣчаются довольно рѣдко.

Мѣсто чародѣйствія въ латышской пѣснѣ всегда—баня, которая преимущественно называется Лайминой банею оттого, что

---

[1]) Срв. о жженой водкѣ-троянкѣ Изв. Имп. Р. Г. Общ. Т. 21, стр. 105 и статью А. Киркора въ Этнографическомъ Сборникѣ, вып. 3, стр. 142: грѣтое вино со смѣсью красной глины, меда, перца и масла. Напитокъ пьется, когда проявляются предродовыя боли.

[2]) Н. Сумцовъ l. c. стр. 79.

Лайма-Доля или счастье считается покровительницею всѣхъ вообще женщинъ и родильницъ въ особенности. П. Эйнгорнъ говоритъ между прочимъ: Insonderheit aber ist von dem weiblichen Geschlecht, fürnemblich aber von den Schwangern und Kindbetterinnen geehret und angerufen die Laima, das ist, die Fortuna oder Göttin des Glückes, denn dieselbe in Kindesnöthen den Gebährenden geholfen [1]). Женскимъ поломъ, преимущественно же беременными и родильницами, особенно почитается и призывается въ помощь Лайма, т. е. Фортуна, богиня счастья, потому что она помогала въ боляхъ родильницамъ. Эйнгорнъ подробнѣе говоритъ о родинныхъ обычаяхъ въ 7-й главѣ:

Diese Laima (durch welche sie auch in Gemein das Glück verstehen) hat, ihrer Meynung nach, solchen Weibern ihre Laken, so sie selbst zu machen pflegen untergedecket, darauff sie gebähren solten, wenn dasz geschehen, ist die Geburt glückšehlig gewesen. Neben dieser haben sie noch eine Göttinn gehabt, die Däckla genant, dieselbe hat die Kinder, wenn sie gebohren, eingewieget, denn das ist ihr Ampt gewesen, die kleinen Kinder einwiegen, und derselben warten. Wann nu dieselben gebohren, haben sie ihnen Namen gegeben, wann aber dasselbe geschehen, kan man eigendlich nicht anzeigen. Эта Лайма (подъ которою онѣ вообще подразумѣваютъ долю-счастье) по ихъ мнѣнію, подстилала такимъ женщинамъ свою простыню, чтобы онѣ на ней родили и если это случалось, то роды были счастливые. Кромѣ этой (Лаймы sc.) они имѣли еще другую богиню, именемъ Дäкла; она убаюкивала новорожденныхъ младенцевъ, ибо ея назначеніе было качать и лелѣять ихъ. Сейчасъ послѣ рожденія младенцу давали имя, но когда это дѣлалось, указать собственно нельзя [2]).

---

[1]) l. c. стр. 584.

[2]) l. c. стр. 588—590. Дальше о наименованіи младенцевъ Эйнгорнъ говоритъ слѣдующее: «Ob nu diese auch besondere Tage dazu in Acht genommen kan man nicht wissen, ohn dasz es in der zarten Jugend, und bald nach der Geburt geschehen. Was die Mannespersonen für Namen bekommen, hat man auch nicht erfahren können, die Weibes-Bilder aber haben sie nach den Vögeln geheissen, und besonderer Vogel Namen ihnen gegeben. Wie es denn noch diesen Tag bey etlichen gebräuchlich ist, dasz sie sie nach den Vögeln nennen, sonderlich haben sie jetzt diesen bösen Aberglauben, dasz wenn das Kind nach der Tauffe sehr schreyet, und sich nicht will stillen lassen, da geben sie für, es sey mit dem Namen, so es in der Tauffe bekommen, nicht zu frieden, und wolle einen andern haben, geben ihn derwegen, jhrem Heydnischen Aberglauben nach, einen Namen, und nennens gemeinlich nach einem Vogel, wie ich denn selbst unterschidliche Weiber gekant, die der Vogel Namen gehabt. О воспитаніи, занятіяхъ и ремеслахъ латышей говоритъ Эйнгорнъ подробнѣе въ той же главѣ, l. c. стр. 590: Wann nu die Kinder so grosz worden, dasz sie etwas thun oder ver-

Въ Кульдигскомъ (Гольдингенскомъ) уѣздѣ, Курляндской губерніи и до сихъ поръ въ ходу особыя пѣсни о *деклѣ-роженицѣ*, богинѣ преимущественно дѣвичьей судьбы. (Нижеслѣдующія семь пѣсень заимствованы изъ одного рукописнаго сборника пѣсенъ этого уѣзда [1]). *Декла* въ первой пѣснѣ встрѣчается вмѣстѣ съ Лаймою. Она, какъ wunschmädchen-valkyrien у германцевъ, роженицы, суженицы и судицы у славянъ [2]) опредѣляетъ новорожденному его будущую судьбу, легкую или горькую участь, *вьетъ* и *закручиваетъ* нить человѣческаго предопредѣленія, будущій бракъ, а дѣвицѣ — связь иногда съ немилымъ, нескладнымъ мужемъ. Она жалуетъ особенно сиротъ, какъ Лайма (см. ниже въ отдѣлѣ миѳическихъ пѣсенъ).

I. Wai Dēkliṅa, wai Laimiṅa,
Tu wi°nādi nedarīji:
Citam lemi lētu mužu,
Citu gauži rūdinăji.

Охъ *Деклиня*, охъ *Лайминя*
Ты не одинаково дѣлала:
Одному назначила легкій вѣкъ,
Другихъ ты заставила горько плакать.

---

richten können, haben sie dieselben, weil sie von keiner Schule, lesen oder schreiben etwas gewust, alszbald zur Hauszhaltung und Wirthschafft erzogen, und haben so wol Knaben als Mägdlein, ehe sie zur andern Arbeit düchtig gewesen, des Viehes hüten müssen. Hernach sind die Knaben zur Feld-Arbeit und dem Ackerbau, die Mägdlein aber zur Hauszhaltung, als mahlen, kochen, spinnen und anderer Arbeit, sonderlich aber zum Leinwand und Wollentuch wircken, weil sie unter sich keine Lein-oder Wollen-Weber gehabt, gehalten worden. Die Mannspersonen haben auch neben dem Ackerbaw, besondere Handwercke gelernet, und zwar von sich selbst, wie sie denn auch noch thun, und was zur Hauszhaltung und Wirthschafft von nöthen selbst gemachet, als Wagen, Pflüge, Egen, und allerhand höltzerne Gefässe, die haben sie so schön und zierlich gemachet, (wie noch heut die Erfahrung bezeuget) dasz sich auch die Teutschen darüber verwundert, und bekennen müssen, dasz sie, sonderlich die Gefässe so gut gemachet, als die Teutschen Handwercker, die es vom Meister gelernet, und drauff gewandert. Denn es ist die Natio oder das Volck sehr verschmitzt und verschlagen, also dasz sie in diesem der Teutschen Nation weit fürgehet, wie ich mich hierinn, kürtze halben, auff die Erfahrung berufe.

[1]) Во время печатанія доставленнаго мнѣ студентомъ С.-Петерб. Унив. Иваномъ Видиньомъ.

[2]) Срв. вообще А. Афанасьева, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Москва. 1869, гл. XXV. Дѣвы судьбы, стр. 333 и слѣд.

II. Dēkla wijā pineklińu,
Kalnińājê sēdēdama;
Pi°wij labu mātes meitu
Pi° netikla tēwa dela.

Декла путы связывала
Сидя у подгорья;
Прививала хорошую матушкину дѣвицу
Къ отцовскому сыну-шалопаю [1]).

III. Paldi°s Dēklai, paldi°s Laimai
Paldi°s mańe mamińe!
Es izaudzis no°dzīvāšu
Kungu rijas neredzējis.

Спасибо *Деклѣ*, спасибо *Лаймѣ*,
Спасибо моей маменькѣ!
Я выросла и проживу,
Господской риги (овина) не увидѣвши.

IV. Sauc Dēklińa, met ar ro°ku
Kalnińājê stawēdama;
Redzēj mani i°wedamu
Sērdestińa sētinâj.

Зоветъ «Деклиня», рукою машетъ,
Стоя у подгорья:
Видитъ какъ меня ведутъ
Въ хату сироты.

---

[1]) Срв. У Трейланда, Народныя пѣсни l. c. стр. 100, № 454:

Дéкла вія пінэкліті
Калнін́я сéдэдама;
Піапін лабу мàтэс мéйту
Піа нэтікля т̀эва дэ̀ла
Дéкла сидя на горѣ
Связала крѣпкія путы.
Припутываетъ добронравную матушкину дочь
Къ злонравному батюшкину сынку.

На стр. 228-й Трейландъ замѣчаетъ, что общій характеръ Дэклы тотъ же, что и Лаймы: обѣ богини опредѣляютъ судьбу людскую. Только Дэклѣ приписываютъ чаще сочетаніе злой судьбы...

V. Sedi, meita, waińaġê
Neba tawa Dēkla sed:
Dēklas zi°rgi pi°kusuši
Taw wi°tińu meklejōt.

Сиди, дѣвица, въ вѣнкѣ.
Развѣ не сидитъ и твоя *Декла* (судьба)?
Кони *Декли* устали,
Тебѣ мѣстечко (прiютъ) отыскивая.

VI. Teic, Dēklińa, tu gan zini
Cik di°weři tautińâs?
Lai zinaju kreklus šut
Dižam li°lu, mazam mazu
Dižam šuwu raksteidama,
Mazam vili vilēdama.

Скажи, *Деклиня*, ты вѣдь знаешь,
Сколько деверей у жениха-суженаго?
Чтобы я умѣла рубашки шить:
Большому большую, малому маленькую.
Большому сошью съ вышивкою,
Малому строчку выстрачивая.

VII. Důd, mamińa, neli°dz mani
Pi°rmaj tautu jājumâj;
Pi°rmaj tautu jājumaj
Dekla, Laima līdze nāca.

Дай, маменька, не отказывай мнѣ
Въ первомъ выѣздѣ на чужбину;
Въ первомъ выѣздѣ на чужбину:
Декла, Лайма, вмѣстѣ идутъ.

Родильница, чтобы облегчить роды и избавиться отъ опасности смерти, въ 137-й пѣснѣ сборника Бютнера говоритъ: [1])

Pirtitêi i°i°dams Zelta swi°du gredzenińu,	N'em, Di°wińi, zelta zi°du, Neńem manu dwēselite.
Въ баню входя,	Возьми, боженька, золотую жертву,
Золотое кольцо жертвую (бросаю):	Не бери мою душеньку.

[1]) Latweeschu l'auźu dzeesmas un ziņģes. Jelgawâ. 1844. (Magaz. der. lett.-liter. Gesellschaft. Bd. VIII), стр. 12.

По Дюнсбергу послѣ родовъ всю ночь долженъ горѣть огонь, чтобы въ хату не вошли «святыя дѣвы» подмѣнить ребенка[1]). Въ восточной Пруссіи, боясь порчи ребёнка и подкинутія урода вмѣсто собственнаго со стороны злыхъ духовъ-женщинъ, называемыхъ Лаумами, также вѣрятъ въ охранительную силу огня (Die Laumen vestauschen kinder und bringen das eingetauschte kind in die pirte, wo sie es tödten. Um kinder vor ihnen zu schützen, muss licht bei denselben brennen[2]).

Нашептыванія при родахъ, обнародованныя г. Трейландомъ[3]), имѣютъ прозаическую форму. Чаровническая пѣсня— болѣе древнее произведеніе народнаго творчества. Въ наговорахъ Трейланда часто призывается Святая Марія, заступающая мѣсто языческой богини Лаймы. Въ № 40 просятъ ее, «милую Марью», одѣваться въ шелковыя платья, отворять ворота для пріѣзжающихъ баръ. Въ № 45 Марія называется, подъ вліяніемъ, повидимому, образа Божьей Матери, золотою Матерью, т. е. zelta Dîva mâte. Въ № 46 Марія называется золотою Дѣвою, по латышски — zelta jumprawa.

Чаровническія пѣсни.

1.

Eij, laimeń, kad äs leudz
Bosojōm kōjeńōm;
Aûs tu kōjis, kawēsīs
Greuts munam augumam.

Иди, Лаймушка, когда я прошу,
Босоногой;
Обуешься, замедлишь:
Тяжело моему росту.

Деревня Казиши, Прельской вол. Динаб. у.

Во время родовъ поютъ, чтобы родильница легче родила:

2.

Bēj' man zelta atslēdzińa
Cādres jūstes galeńâ;
Jsaslēdžu laimińai
Mîlomu kambarîtê.

Былъ у меня золотой ключъ
На концѣ кедроваго пояса;
Я заперся для Лаймы
Въ гостинной комнатѣ.

Прель, Динаб. у.

---

[1]) Etnografija, jeb pasaules walfts tautas un wińu dabas, eerafchas un dfihwe. Rihgâ. 1876. стр. 19.
[2]) A. Bezzenberger, Litauische Forsch. стр. 66.
[3]) Труды этнограф. отдѣла. Кн. 6, стр. 119, № 39—46.

3.

Laimeńai cadra jūsťa
Pilna seik etslēdzeń;
Man laimeń, tei atslāga,
Kura wīgli aizaslādzi.

У Лаймы кедровый поясъ,
Полный маленькими ключами;
Мнѣ, Лаймушка, тотъ ключъ,
Который легко отпираетъ.

Деревня Казиши, Прельской вол. Динаб. у.

4.

Četri kokti ustobâ
Četri swāti endželeiši;
Wisi swāti endželeiši
Paleidźeit mameńai;

Четыре угла въ хатѣ,
Четыре святыхъ ангела;
Всѣ святые ангелы,
Помогайте мамочкѣ.

5.

Мужъ родильницы говоритъ:

Es sawai ľaudǎwai
Da ṕertai tiltu greižu,
Kà kōjeńes nasam'erkstu,
Laimes stīgu staigojūt.

Я своей женѣ
До бани мостъ строю:
Чтобы ноги не мочила,
По тропѣ Лаймы похаживая.

6.

Leidu laimes ṕerteńâ,
Aizaweru duraweńes;
Zina dīwa, zina laime,
Wai leišu wairak sauľé'tê.

Я пустилъ ее (т. е. жену) въ Лаймину баню,
Затворилъ двери;
Знаетъ Богъ, знаетъ Лайма,
Выпущу-ли (ее) болѣе на солнце.

Эта пѣсенка поется родильницею. № 4 — 6 записаны въ Ливенгофѣ отъ Анны Кусень изъ Ликсны, Динаб. у.

Родины. Rad|eibos. **Первое угощеніе домочадцевъ.** Pirmais mi°lasts [1]).

Какъ у литовцевъ пьютъ «лелес kōje» [2]), у жмудиновъ пǎпелені» (pǎpeľeni ǵert), такъ у Витебскихъ латышей справляютъ

[1]) Ө. Я. Трейландъ. Крестинныя обряды l. c. стр. 175.
[2]) Срв. мою статью о прусскихъ литовцахъ. Изв. И. Р. Г. О. Томъ 21. 1885 г., стр. 105.

«радеiбос» угощенiемъ всѣхъ домочадцевъ безъ допущенiя чужихъ (počawoª tik wisu saime). Если является чужой, то у него стараются отнять шапку, за которую тотъ долженъ дать выкупъ въ пользу новорожденнаго (waca mōte nūjem capur' i wājag naudu dūt). Новорожденнаго младенца въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ латыши, также какъ на Жмуди литовцы, называютъ lelīte[1]). У Спрогиса l. c. стр. 137, № 17 всѣ дѣти спрашиваютъ главную куму какъ звать младенца:

Прочiя дѣти спрашиваютъ «Какъ зовутъ лялю» (кас леллесь вāрдс)?	— Если будете качать, Тогда скажу имя.

Литовское же выраженiе «пāпелені ґерт» папеленьи пить—по видимому, въ связи съ литовскимъ домовымъ (deus domesticus) Aspelenie, angularis у Ласицкаго[2]), причемъ Aspelenie читать слѣдуетъ až(ažu)pelenie т. е. за-пеленье, мѣсто за огневищемъ (отъ pelēne). По мнѣнiю Мѣржинскаго, въ словѣ Aspelenie никакого божественнаго смысла не заключается: «Całość znaczy tyle, có nasze zapiecek (запечье), ulubione miejsce wieśniaków. Ponieważ ogień u Litwinów jako pierwiastek życiodawczy był rzeczą świętą, przeto užpelene, какъ поправляетъ Мѣржинскiй, ognisko uważało się za pewną świętość. Boga zaś pod tem imieniem nie było». Типичное же выраженiе жмудиновъ нашего времени *пить папелені*[3]) указываетъ на то, что слово папеленe, уж- или ажупеленe было прозвищемъ огня, которому литовцы въ разныхъ формахъ и подъ разными наиме-

---

[1]) Ѳ. Я. Трейланда. Кр. обр., стр. 186. Въ одной Кабилленской (Курляндской губ.) пѣснѣ у Битнера l. c. стр. 20, душа покойника называется также лэле (lel'a):

Сер, māmiña, baltu maizi
Wadi mani smilteenī;
Ko meeloschu lel'a bērnus
Lel'a wārtu wērejiñus.
Испеки, маменька, мнѣ бѣлый хлѣбъ
Веди меня на кладбище;
Чтобы угощать имъ дѣтей мертвецовъ,
Которыя отворятъ ворота мертвецовъ.

(Срв. Спрогиса l. c. стр. 224, № 60).

[2]) Jan Lasicki, стр. 35. Янъ Лясицкiй и его сочиненiе de dūs Samajitamm. Кiевъ 1876, стр. 19.

[3]) Па=за, пелēнė *огневище*, жаротокъ, жарнушка (см. Даль [2], стр. 542), слово, составленное по образцу словъ папиле, Панѣмунекъ, мѣсто за замкомъ, за Нѣманомъ.

нованіями покланялись [1]). Извѣстно, напр., что еще въ наше время въ Шавельскомъ и Россіенскомъ уѣздахъ [2]) огонь называется святымъ: šventa ugnis, šwenta ugńe и что другое прозвище ему šwenta gabīja [3]), šventa gabëta [4]).

Банный вечеръ. Pertiškis.

По Ѳ. Я. Трейланду l. c. стр. 176, наканунѣ крещенія ребенка бываетъ такъ называемый «pirtišu vakars, pirtišos»— вечеръ, когда топятъ баню для младенца-крестника. По Ульману, pirtišas въ старомъ Пебальгѣ, въ Лифляндіи, называется Wochenbettschmaus, пиръ для родильницы. По другимъ (ibidem) «pirtice» означаетъ купаніе новорожденнаго младенца. По свѣдѣніямъ Ѳ. Я. Трейланда l. c. стр. 177, въ этотъ вечеръ бабка-знахарка священнодѣйствуетъ въ банѣ, зарѣзывая, между прочимъ, пѣтуха на томъ мѣстѣ, гдѣ родился ребенокъ. Въ Прельской волости «пертишкис» и отнятіе бываетъ уже одновременно и парятъ ребёнка на печкѣ въ хатѣ. Выливается пивцо на верху печки въ ямочку и этимъ пивнымъ паромъ хлещутъ ребёнку въ глазёнки, приговаривая: «Будь стыдливѣе, не води дѣвокъ въ сарай», когда онъ мальчикъ. Когда паримый ребенокъ—дѣвочка, то говорятъ: «Будь стыдливѣе, не ходи съ парнями въ сарай» [5]). Въ томъ мѣстѣ, на которомъ впервые парили младенца, у него

---

[1]) Срв. Катихизисъ Н. Даукши, стр. 173 и слѣд. Въ грамотѣ патріарха Филоѳея отъ 1370 г. (іюня мѣсяца): «λατρευόντων καὶ κανῶς καὶ ἀθέως τω πυρί» идти противъ враговъ креста (*литовцевъ*) скверно и безбожно покланяющихся огню. Въ грамотѣ патріарха Нила отъ 1380 г., гдѣ литовскій князь Ольгердъ называется πυρσολάτρης ρήξ των Λιβῶν и задышалъ огнемъ противъ митрополита (Русская Историческая Библіотека VI, стр. 118 и 168).

[2]) По розысканіямъ, сдѣланнымъ мною на мѣстѣ лѣтомъ 1886 года.

[3]) Срв. орацію, произнесенную на свадьбѣ въ Шимкайцкой вол., Россіенскаго уѣзда: Prašau tu jaunū pańālū, piłkas sūłas ir bałtas stālas us(ž)túpitas, kurisei' īra lina gije užtēstas, gabi'je šventa úššvēstas, pei'leis, wid'älceis ir wisókeis stótkais apdétas, wisas stālas—или въ такой же рѣчи крестьянина Шатайтиса изъ Таурогенской волости, того же уѣзда: Del to prašaú pona staršoje, pilka sūła ir bałta stała, kuri regù linagīja uštīsta ir šwenta gabīja apšwīsta ir Dèva dowanūms pripildita.

[4]) Gabéta или Gabét прозвище огня у Шаулитовъ Шадовскаго прихода, Ковенской губ. Въ Скаудвилской вол. Россіенскаго уѣзда говорятъ, въ извѣстной уже ораціи, «Šwentą Gabéta apšwēsta». Въ Ворнянахъ (Медникахъ), Тельшевскаго уѣзда Габéта — покровительница огня, защищающая вмѣстѣ со святою Агатою отъ пожара, причемъ существуетъ прибаутка: Šwenta Agota su šwintu Gabētu keravókit muńi nū ugnēs — Святая Агата вмѣстѣ со святою Габéтою спасите меня отъ огня!

[5]) У крестьянъ-великоруссовъ, Вышневолоцкаго у., Тверской губ., когда парятъ въ банѣ младенца, также приговариваютъ: «не слухай, гдѣ батько съ маткой шепчутся, а слухай, гдѣ Богу молятся и добрыя дѣла творятъ».

вперпые разорвется и платье. Ежели на груди, то платье станетъ рваться на груди, когда по задницѣ, то задъ платья раньше всего разорвется. Когда попадаютъ прямо въ глаза, тогда платье будетъ носиться хорошо. Peŕ barn ar slūtu. Olu izleīj dūbê iz cepl̓a. Gors l̓t. Timâ gorâ greižok càrt pa acis i daruna «Esi kaunīgs, näwad meiťe pūńê, kà puisis. Kà meiteńa: esi kaunīga, nèij ar puiśim iz peuńe. Kur càrt, tur drēbes ples. Kà iz kreutĕ, kà iz ūkste, tur i plēsas. Kà iz acis, tad iz reiza.

Пареніе младенца въ банѣ иногда имѣетъ цѣль предохраненія его отъ разныхъ болѣзней и недуговъ. По Трейланду, l. c. стр. 178, «въ этотъ разъ выпариваютъ щетину (sarus pért), по суевѣрному представленію латышей, что въ тѣлѣ новорожденнаго — щетина, которую поскорѣе нужно выгонять и т. д.». Вѣникъ, которымъ парятъ ребёнка, по Трейланду (ibidem стр. 177), запасается заранѣе въ Ивановъ день и составленъ изъ вѣтвей, срѣзанныхъ съ *одной* только молодой березки. «Вѣникъ перевязывается шерстяною ниткою и вставляются по одной липовой, дубовой и рябиновой вѣткѣ». Въ Прельской волости, Динаб. у. этотъ «slūtenš» вѣничекъ состоитъ изъ одной дубовой вѣтки вмѣстѣ со многими березовыми и обвязывается пояскомъ[1]) срв. ниже пѣсню № 9):

7.

Man mameńa ṕerti ṕēra,
Pal̓tî smel̓ä ūdesneń;
Маменька парить парила,
Изъ лужи почерпала водички;

Woi, mameńa, tew nabēja
Tekuša upeitê?
Развѣ, маменька, у тебя не было
Текучей воды въ ручьѣ?

8.

Man mameńa ṕerti ṕēra
Pa golam nanupēre
Маменька парить меня парила,
До конца недопарила:

Atstōjūśe malnumeń
Wedereńa gal̓eńâ.
Чернота (черное пятнышко) осталась
На концѣ животика.

9.

Bolta mōsa ṕerti ķeura
Boltajōm brōleńam;
Бѣлая сестра баню топила
Бѣлому братцу;

Pīnu gareńi pal̓ēja,
Līpu slūteńi nūlauze.
Молочнаго пару поддала,
Липовый вѣникъ отломала.

[1]) Срв. ниже въ отдѣлѣ народныхъ врачеваній.

10.

Äs redzēju taî cîmâ	Jau ās poša, gon äs ziń,
Pūšdińâs perti keura;	Tur beus man krista-barns.
Я видѣлъ въ томъ селѣ	Уже я самъ смекнулъ,
Въ полдень баню топили;	Будетъ у меня тамъ крестникъ.

№ 7—10 записаны въ деревнѣ Казиши, Прельской вол. Динаб. у.

Крестинныя пѣсни. Kristìbas dzīsmas.

Отсылая читателя относительно крестинныхъ обрядовъ вообще къ вышеприведенному обстоятельному описанію Ѳ. Я. Трейланда, я укажу здѣсь только на нѣкоторыя пѣсенки у И. Я. Спрогиса и сборника Митавскаго Латышско-Литературнаго Общества, которыя свидѣтельствуютъ о почитаніи Лаймы и Святой Божьей Матери, Дѣвы Маріи. Христіанское сознаніе народа проявлялось въ рядѣ пѣсенъ новаго происхожденія, въ которыхъ намеки на языческія божества, покровительствующія родильницѣ и новорожденному, замѣнились христіанскими выраженіями, относящимися въ особенности къ культу Святой Божьей Матери, Дѣвы Маріи. Латышская народная пѣсня нашими миѳологами считается чистымъ миѳическимъ золотомъ безъ легендарной примѣси христіанской эпохи. Но тщательное изученіе латышской народной поэзіи приводитъ къ другимъ выводамъ. Въ сборникѣ латышскихъ пѣсенъ, изданномъ Ѳ. Я. Трейландомъ, на стр. 211, № 1089 мы читаемъ:

Встань мой крѣстничекъ,
Промой себѣ глазки!
Лаймушка принесла
Чистой водицы,
Золотое полотенце —
Обтереть глазки.

Въ сборникѣ Лат.-Литературн. Общ., стр. 317 въ № 3976 Марія (Mārińa) принесла для крестника водицы и позолоченное полотенце:

Celi°s, pādîte,
Actińu mazgāt;

Mārińa ieneſa
Skaidr' ūdentińu,
Zeltīts dwi°lis.
Actińu slaucīt.

У Спрогиса (l. с. стр. 142, № 50) эти самые стихи стали еще болѣе прозаичными и самая пѣвица, крестная мать, приноситъ воды и золотомъ шитое полотенце:

Вставай, крестница,
Промывай глазки!
Я принесла тебѣ,
Чистой водицы, —
Шитое золотомъ полотенце,
Чтобы вытирать глазки.

Въ 3978-й пѣснѣ Сб. Лат. Лит. Общ. крестинный ходъ, «крестьбиники» просятъ *Бога* вмѣстѣ съ дорогой Маріею войдти впередъ въ хату, а за ними вслѣдъ пойдетъ сама крестная съ крестникомъ:

Lec, Di°wis, papri°kšu
Ar mīl'u Māŕu;
Es lēkšu pakal'ai
Ar sawu pādi.

Тамъ же въ 4005 участники крестиннаго пира приглашаются хвалить Бога, потому что Богомъ данъ хлѣбъ, а Маріею скатерть.

Pa-ādušì, padzārušì
Pateicam Di°wińam;
Di°wa dōta ta maizīte,
Māŕas aūsta galdautiń.

У Маріи, говорится въ одной длинной пѣснѣ, есть чудесный шелковый платокъ, которымъ обтираются сиротскія слезы. Этотъ платокъ сушится въ крапивномъ кустарникѣ и блеститъ такъ прекрасно, что мимоходящія парни почтительно (и богобоязненно) снимаютъ шапки [1]). Въ нашей пѣснѣ (см. ниже № 17)

---

[1]) K. Ulmann l. c. стр. 187, № 13.

пѣвица повѣствуетъ, что Лайма не всѣмъ кладетъ свое шелковое покрывало и что оно предназначено женщинамъ, ожидающимъ трудныхъ дней родовъ. Католическіе священники старались конечно замѣнить атрибуты Лаймопочитанія отличительными знаками культа Маріи. Въ 3960-й пѣснѣ Латышскаго Литерат. Общ., стр. 316 (записанной въ Кабилленѣ, въ Курляндіи) пѣвица спрашиваетъ Марію, какой ей дать подарокъ (жертвоприношеніе). Развѣ дать ей овечку кудрявенькую или курочку хохлатенькую? Нѣтъ, пусть лучше Марія возьметъ курочку, а крестницѣ оставитъ овечку, чтобы ей украшаться ея издѣліями изъ шерсти:

Es waicāju mīľu Māŕu:
Kādu welšu tu gribēji
Woi aitińu, sprōgainīti?
Woi wistińu, cekulīti?
N'em wistińu, cekulīti,
Lai palika sprōgaitińa,
Lai palika sprogaitińa,
Pādītei puškōti^es.

Къ главнымъ актамъ крестинной обрядности принадлежатъ: 1) омовеніе младенца и бросаніе жертвъ (зīдус) въ воду, употреблявшуюся для очищенія; 2) наименованіе; 3) вѣшаніе колыбели и отысканіе жердочки въ лѣсу (см. выше очеркъ г. Горбачевскаго); 4) крестинный погостъ или бросаніе денегъ на зубокъ и на мыло; 5) крестинный пиръ и 6) крестинное гаданіе для предназначенія жизненной судьбы новорожденнаго. Всѣ эти акты подробно описаны Трейландомъ въ указанной статьѣ, о наименованіи говоритъ уже П. Эйнгорнъ [1]). У Спрогиса (l. c. стр. 135, № 5) кумушки спорятъ изъ-за имени крестницы, не уступая его другъ другу. Въ далеко распространенной (ibid. № 16) пѣснѣ не хотятъ сказать имени крестницы въ *сѣняхъ* намсъ, (этомъ болѣе древнемъ центрѣ и огневищѣ латышскаго дома), а только въ комнатѣ у самой колыбели. Особенностей латышскаго «погоста» (по Ульману pagastu turēt diē Wacke eintreiben, bei Hochzeiten das Geld für die Neuvermählten sammeln)

---

[1]) См.. выше стр. 14 и 25.

намъ придется коснуться ниже, въ отдѣлѣ свадебныхъ пѣсенъ, подробнѣе. Достаточно привести пѣсни изъ статьи Трейланда:

Старики, молодые парни
Приходите сюда на мірскую сходку (pagastâ):
Здѣсь маленькій человѣчекъ
Собираетъ деньги съ міра (pagastâ).

Предопредѣленію будущаго счастья младенца содѣйствуютъ различныя дѣянія, предпринятыя въ день самыхъ крестинъ и раньше. Всё же зависитъ отъ Лаймы: ее просятъ вымести золотымъ вѣникомъ хату, чтобы хата заблестѣла какъ на солнцѣ, ибо тому, кто родился на солнцѣ, достанется счастье:

N'em, laimiňa, zelta slōtu,
Jz-slauk manu istabiň'!
Laime, laime tam pašam,
Kas pi•dzima saulītê.

(Сб. Лат.-Лит. Общ. № 4025, стр. 326).

Kà dzamst pirmais barns mōjas wisam dzeiwa ľudňam dūd dōwanos, krākle dūd tawam i mōtei. Kà mozgōja barnu, otkon zīdu naudu mat jeudeňâ i dzīd dzīsme:

«Nōc, dīweň, nōc laimeň
To berneňu kristeibâ»!

Когда родится первый ребенокъ въ домѣ, то одаряютъ всѣхъ домашнихъ; отцу и матери даютъ по рубашкѣ. Когда моютъ ребёнка, опять бросаютъ цвѣты-деньги въ воду и поютъ пѣсню:

Приходи Боже, приходи Доля
На крестины ребенка!
(Прельской вол. Динаб. у.).

11.

Kur te dzima gudri wēiri, Kur slaidī kumeliňi?
Гдѣ рождаются умные люди, Гдѣ стройные кони?

[1]) l. c. стр. 200.

P'erti dzima gudri wēiri, Staľi sleidi kumeliňi.
Въ банѣ рождаются умные люди, Въ конюшнѣ стройные кони [1]).

12.

Maňi(s) dēľ olu dora,
Maňi(s) dēľ maiz' ćäp;
Łaudis äďa, ľaudis dzära
Äs guleja šiupěľi

Для меня пиво варятъ,
Для меня хлѣбъ пекутъ;
Люди ѣдятъ, люди пьютъ,
Я лежу въ колыбели.

13.

Krista maňi paťe sauće,
Krista muna kůmeleňa
Krista zōlīte i nūrok
Krista ceľa maliňâ.

Христосъ меня самого позвалъ;
Христосъ — моего жеребца;
Крестову травку и вырылъ
На краю крестной дороги.

14.

Krista tāws, Krista mōťe
P'erć man Krista kůmeliň:
Lai es oru, lai ācēju
Ar to Krista kůmeliň.

Крестный (отецъ), крестная (мать),
Купите мнѣ крестнаго жеребца;
Чтобъ я оралъ, чтобъ я бороновалъ
Крестнымъ жеребцомъ.

№ 11—14 зап. въ Прельской вол., Динаб. у.

15.

Krista mōťe, krista mōťe
Pōrćeľ maň par upèit;
Porcāluśe par upèit
J̄dūd sīra rūceňâ.

Крестная мать, крестная мать,
Перенесите меня черезъ рѣчку;
Перенесши меня черезъ рѣчку,
Подай сыру въ руку.

Дер. Казиши, Прельской вол. Динаб. у.

16.

Woi tu muňa krista bārn
Naguľ ilģi ś'eupeľi;
Pin wezeiťes, aun kōjeňes
Täc da sowas mōmuľeňes.

Охъ ты, мой крестникъ,
Не спи долго въ колыбели;
Плети лапти, обувь ножки,
Побѣги къ своей мамочкѣ.

---

[1]) Срв. У Трейланда. Кр. обр. I. с. 173 варiантъ:
Въ конюшнѣ рождаются кони,
Отъ желтой соломы ячменной;
Въ банѣ рождаются хлѣбопашцы
Отъ прутьевъ вѣника баннаго.

17.

Na wisīm laimé klōje
Sawu zeiža paladzińu;
Sīweńām wīn paklōja,
Greutes dīnes rädzēdama.

Не всѣмъ Лайма кладетъ
Свое шелковое покрывало (простыню);
Единственно женамъ положила,
Предвидя (для нихъ) тяжелые дни.

18.

Na kortim šiupulīšē,
Kà laimeńe nälikuśe;
Naītum tauteńôs,
Kà mamińa nägōjuśe.

Не повѣсила-бы люлечки,
Еслибы лаймушка не опредѣлила;
Не пошли-бы мы въ чужбину (замужъ),
Когда бы маменька тоже не вышла замужъ.

19.

Aizmiguśe mōmuľeńa
Zam dēlińa šiupuleiši(a):
Šiupōdama, auklēdama
Wīglas (или wiglys) dīnas gribādama.

Заснула маменька
Подъ люлькой ребенка;
Качая, лелѣя,
Легкихъ дней желая.

17—19 записаны въ Прельской вол., Динаб. у.

20.

Kai laimeńa taida sīwa,
Kaida muna mōmuľeńa;
As meudeńa praseitum,
Kad äs jau gribadama.

Если лаймушка была бы такая женщина,
Какая (какова) маменька;
Я бы просила себѣ долгій вѣкъ,
Когда бы я уже хотѣла.

Отъ Марг. Вяксихи. Дер. Казиши, Прельск. вол. Динаб. у.

21.

Muns mīľais krista bārns
Aiztec man, kur eijūt;
Es šūďeń tewi(s) ď ēľ
Pet (pret) Jezeń zwerējuś.

Мой милый крестникъ
Затронулъ меня, спрашивая, куда ходилъ;
Я сегодня для тебя
Передъ Іисусомъ присягалъ.

22.

Krista mōtes česeĺeite
Nasacel ĺelumâ:

Kai tew' daudz sudobreń,
Nosoi poša dzèiwōdōma.

Торбочку крестной матери
Я не подымала отъ тяжести.

Если у тебя много серебра,
Неси сама, поживаючи.

23.

Kas tur spèd, kas tur wíz
Par ĺēlu tèirumeń?

Atìt muna krista mōte,
Zalta puče rūceńâ.

Что тамъ блеститъ, что тамъ свѣтитъ
На широкой полянѣ?

Идетъ моя крёстная,
Золотой цвѣтокъ въ рукѣ.

24.

Kas ceĺeń izraksteja
Seĩkajīm raksťeińīm;

Kristabnìk' kumeĺeńi
Kaustètōm kōjeńōm;

Кто дорожку росписалъ
Тонкими рисунками;

Лошадки крестинныя
Обкованными ножками.

№ 20 — 24 запис. отъ той же Марг. Вяксихи, деревня Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

25.

Kūmi dōrga, kūmi dōrga
Waca mōťe waira dōrga;

Kūme gōja príceńâ,
Waca mōté bēdińâ.

Кума мнѣ дорога, кума мнѣ дорога
Бабушка еще больше мила (дорога);

Кума пошла на радость,
Бабушка (sc. бабка) въ горѣ.

Отъ Латышки въ Таунагахъ, родомъ изъ дер. Солъ, Быковскойволости, Рѣжицкаго уѣзда.

26.

Kéumām, snauškam
Pātakis dzer̃ť;

Lobím ĺaudím
Al(ū)teń dzerť.

Кумамъ сонюшкзмъ
Полпиво пить;

Хорошимъ людямъ
Пива попить.

Отъ Марг. Вяксихи, изъ деревни Казиши, Прельской вол., Динаб. у.

27.

Ēdit, k̦eumās, dzerit k̦eumās
Nasēdit aiz galdeńa;
Ѣшьте, кумушки, пейте, кумушки,
Не сидите (долго) за столомъ,

Lai tys jeus krista bārns
Dreiz(ž) teceja kōjeńōm.
Чтобы этотъ вашъ крестникъ
Поскорѣе на ножкахъ побѣжалъ.

28.

Metite, k̦eumeńes,
Zīpeiš' naúd:
Кидайте, кумушки,
Деньги на мыло;

Ar kū jeus krista bārns
Zípejās.
Чтобы вашъ крестникъ
Мылиться началъ.

29.

Apsagōźa škeiweńs [1]).
Ustobys widâ!
Опрокинута кадочка
Среди хаты;

Sorgís, škeiweń,
Tŕeuks towys steipeńs.
Берегись, кадочка,
Обручи твои лопнутъ.

Tūlaik pàāduše, ka izìt nū golda, ols krūze rūkâ, k̦eumes apsagrīžas ustobas widâ. Въ то время когда, поѣвши, выходятъ изъ-за стола, кумы, съ кувшиномъ или ведромъ пива въ рукахъ, вертятся кругомъ среди комнаты.

Деревня Казиши, Прельск. вол. Динаб. у.

30.

Metite k̦eumeńes,
Zūbeń naúd:
Бросьте, кумушки,
Деньги для зубовъ,

Ar kū jeus krista bārns
Sīreń grauźe.
Чтобы вашъ крестникъ
Сырокъ грызъ.

31.

Škińkoj [2]) mańi krista tāws
Pazeľtītu ūzuľēń;
Подарилъ мнѣ крестный отецъ
Позолоченный дубъ;

Skaudējam zora žàl,
Na cik wisa ūzuľíń.
Ненавистникамъ жаль вѣточки,
Не то что всего дуба.

---

[1]) Škeiweńs taids kabuls, kur olu dora, wa brandevíń dzin seńōk: Шк'ейвенс» — это кадка (ведро), въ которой дѣлаютъ пиво или въ старину гнали водку.

[2]) Sūleja обѣщалъ, сулилъ.

Wīna keum kalneńâ,
Ūtra keuma lēijeńâ;
Одна кума на горѣ,
Другая въ долинѣ;

Še gaspažeń [1]) gūwi dewe
K'eumeńo's laizdamō's;
Вотъ, госпоженка корову дала,
Въ кумушки отправляючись;

Šūpuľeits paľēdzāja
J munaî mameńai;
Люлечка помогла
И моей маменькѣ;

Šūpoi egľe, tū cauńeiti,
Tur beus mań capuŕeiťe;
Качай, елка, ту куницу,
Вотъ мнѣ будетъ шапка;

Da zemei tautō(a) dals
Pasaklon mameńai;
До земли, чужанинъ,
Поклонись маменькѣ;

32.

Man nūpleisa šiltes kurpes,
K'eumu stōrp staigojūť.
У меня прорвались сапоги,
Пока я похаживалъ отъ одной къ другой.

33.

Krista bārns gūw jäḿe
Tur aiz ästys raudōdams.
Крестникъ взялъ корову,
Плача держитъ ее за хвостъ.

34.

Kur īdama, tacādama
Jīk man šeupuľi.
Куда пойдетъ, куда побѣжитъ,
Уложитъ меня въ люльку.

35.

Aukľei, mōťe, tu° meiťiń,
Tur bēus mań ľaudaweńa.
Холь (лелѣй), мать, эту дѣвочку,
Вотъ будетъ мнѣ женочка.

36.

Da zeḿei ľeikste ľeika,
Tū meiťeń ľeigojūť.
До земли очепъ гнется,
Ту дѣвочку качая.

30—37 записаны тамъ же.

Отнятіе (отлученіе) младенца отъ груди. Atšķerības.

Выше уже было говорено, со словъ г. Горбачевскаго, о томъ, какъ отнимаютъ ребёнка въ Унгермуйжской и Крейцбургской волостяхъ. Въ Прельской же волости, того же уѣзда, обрядъ «атшкерибас» совершается такимъ образомъ:

Dūd atšķerības wisīm bārnīm; ka ir 12 bo'rnu, capās diw-

[1]) Или вообще имя рекъ.

pocmit kukuleiši bondām. Wisīm dūd pa kukuleiši. Poklōj pologu, naudys dūd, kur lobs. Kurs aiz maizys čerās, bus orōjenš.

Даютъ отлученіе всѣмъ малымъ дѣтямъ одного околотка вмѣстѣ. Если ихъ, напримѣръ, 12, то и пекутъ двѣнадцать такихъ яичныхъ колобковъ, пироговъ или такъ называемыхъ бондъ. Каждому ребёнку даютъ по пирогу. Растилается простыня, на ней раскладываютъ разныя вещи: деньги, хлѣбъ и другіе подарки. Ребёнокъ, который хватится за хлѣбъ, будетъ пахаремъ, хорошимъ хозяиномъ и крестьяниномъ [1]).

37. [2])

Wista cōl'eiti atškē₁ra,
Mań atškēra mōmul'eńa;
Cōl'eits tak pulceńâ,
Курица отлучаетъ цыплятъ,
Меня отлучаетъ мамушка;
Цыплята бѣгутъ въ стадо,

Kur, mameńa, äs täcēju?
Äs täcēju upeitî,
Raudiweišu pulceńâ.
Куда, маменька, я побѣгу?
Я побѣгу въ ручеёкъ,
Въ стадо рыбокъ.

Прель. Динаб. у.

38.

Škē₁ra man mōmul'eńa,
Diw reizeites meudeńâ;
Отлучила меня матушка,
Два раза въ жизни.

Škēra mani moz asūt',
Škir tautōm atdūdama.
Отлучила меня маленькую,
Отлучитъ меня, за мужъ выдавая.

39.

L̦īcit man diw' ciśeńis,
Trešu bārzu pagal'eit':
Кладите мнѣ двѣ соломенки,
Третье березовое полѣно,

Lai äs wař šū naksńeńu
Be mameńes pōrgul'et.
Чтобы я эту ночь могъ
Безъ маменьки проспать.

№ 39 и 40 записаны въ дер. Казиши, Прельск. вол. Динаб. у.

Примѣчаніе. И. Я. Спрогисъ въ Вильнѣ въ дополненіе къ вышесказанному сообщаетъ мнѣ о повѣшеніи колыбели слѣдующее: Въ окрестностяхъ древняго замка Кокнесы (по нѣмецки «Кокенгузенъ»), на границѣ губерній Лифляндской, Курляндской и Витебской, обрядъ повѣше-

[1]) Ср. Дюнсберга Etnografija, стр. 19: когда носятъ дѣтей къ крещенію, прикладываютъ хлѣбъ и деньги, чтобы этихъ вещей имъ во всю жизнь не недоставало. Другіе прибавляютъ кусокъ Asae foetidae (diweldrek's), чтобы зло съ нимъ не приключилось. Когда пасторъ поливаетъ ребенку водицы на голову, тогда крестная мать старается размазывать эту воду по лицу, носу и губамъ. Хлѣбъ-соль на столъ кладется, когда уносятъ ребенка въ церковь, и также, когда онъ возвращается.

[2]) Пѣсня поется также во время свадьбы (см. ниже).

нія колыбели и добыванія для него очепа или жерди, и по настоящее время, совершается слѣдующимъ образомъ. Въ день крестинъ, послѣ обѣда, изъ числа собравшихся гостей парни и дѣвушки усаживаются съ колокольчиками въ повозки (для этой цѣли и для большей торжественности запрягаются, по возможности, всѣ имѣющіяся дома лошади, хозяйскія и гостей) и съ шумомъ, скачутъ въ лѣсъ, при чемъ, если тутъ по близости находится корчма, то непремѣнно заворачиваютъ въ нее. Здѣсь парни угощаютъ дѣвушекъ пивомъ, а буде найдутся тутъ какіе музыканты, то устраиваются и танцы. Изъ корчмы въ такомъ же порядкѣ, весь поѣздъ несется въ лѣсъ, къ пункту, заранѣе избранному, гдѣ имѣется молодой ельникъ. По прибытіи на мѣсто, заразъ, двумя-тремя топорами начинается рубка молодыхъ елей—жердей. Такихъ елей нарубается обыкновенно штукъ пять или болѣе. Во время этой рубки дѣйствительно является, какъ описано выше, мнимый лѣсной стражникъ съ обыкновенной своей принадлежностью — ружьемъ черезъ плечо; но, вмѣсто мнимаго стражника нерѣдко является и дѣйствительный, конечно, только для того, чтобы выпить хорошо... Когда срублена послѣдняя елка, предназначенная для настоящаго очепа, тогда, вмѣстѣ съ прикладываемыми ко рту кружками пива, въ пень ея забивается мѣдная монета — грошъ или копѣйка, при чемъ приговариваютъ: «ну, дай Богъ, новорожденному (или новорожденной) быть здорову и легко качаться на этомъ очепѣ!» (Nu, lai Di^{e}-vs dōd jaun dzimušam veselibu un vi^{e}gli šūpo^{a}ti^{e}s šai kârtê»). Затѣмъ всѣ вновь садятся въ свои повозки, срубленныя елки, со всѣми сучьями, прицѣпляются сзади по одной къ повозкѣ, и въ такомъ видѣ еще съ большимъ шумомъ и весельемъ весь поѣздъ несется вскачь домой. Когда поѣздъ этотъ вступилъ во дворъ и остановился предъ избою, гдѣ происходитъ крестинное пиршество, парни-поѣзжане тотчасъ хватаютъ свои привезенныя елки и такъ, какъ онѣ есть, со всѣми сучьями, стараются пронести въ дверь избы; но тутъ начинается борьба.... Оставшіеся дома гости, мужчины и женщины, загораживаютъ входъ и не принимаютъ этихъ елокъ — жердей, ломаютъ ихъ, приговаривая: «не годится, не годится! — тонко!.... толсто!...» («neder, neder! — par ti^{e}vu, par resnu!»). Наконецъ, при внесеніи, послѣдняго, настоящаго очепа, борьба унимается; его вносятъ въ комнату уже безъ поломки, очищенный отъ сучьевъ. Возлѣ кровати «молодой матери» (родильницы) («jauna māte») очепъ этотъ тотчасъ прикрѣпляютъ веревкою, по серединѣ, къ балкѣ («pi^{e} sījas»). Къ тонкому концу его привѣшиваютъ заранѣе приготовленную колыбельку. Въ колыбельку сначала кладутъ подрослую дѣвочку, лѣтъ 4—5-ти; качаютъ ее, чтобы такимъ образомъ удостовѣриться, что колыбелька повѣшена прочно. Затѣмъ уже приносятъ настоящаго хозяина или хозяйку этой колыбельки— завитаго новорожденнаго младенца и кладутъ его въ новую постель. Излишній шумъ въ это время въ комнатѣ стихаетъ. «Бабушка» (повитуха) («vecā māte») привлекаетъ теперь всѣхъ гостей къ колыбелькѣ, чтобы они бросали туда новорожденному свои дары. При этомъ женщины обыкновенно бросаютъ что нибудь изъ костюма для новорожденнаго, напр. чулочки, чепчикъ, рубашечку и т. под., а мужчины деньги—«на мыльце» (uz zi^{e}pītēm»).

В. Свадебныя пѣсни.

Mulieres et vxores eorum comas nutriunt, nunquam plectentes, sed per cervicem et genas dependent non sine nausea eorum qui eorum vsum ignorant. Vittis tamen lineis capita tegunt, filis versicolo-(10) ribus textae vel acu pictae. Ancillae et innuptae serta gerunt ex setis equorum varii coloris, quas ipsi coloribus imbuere optime sciunt, satis artificiose texta, quae signa sunt virginitatis. In Libiae vero partibus, et cis Dunam incedunt ancillae coronis ex lamina aurichalci factis, forsitan idcirco quod Libi ex regia oriundi familia.

Raptu puellarum sua connubia contrahunt. In nuptiis eorum diu noctuque stratae sunt mensae, nec cibus vnquam deesse debet, nam fercula et cibi, alii alios sub-(11) seqvuntur idque per triduum. In quibus nuptiis vel aliis compotationibus, promiscue dormiunt viri et foeminae in vno strato. (Scriptores rer. Liv. II. Dionys. Fabricii Liv. hist. compendiosa series, pag. 411—412·

а. *О латышской свадьбѣ.*

Для изученія домашняго быта латышскаго племени *свадебныя пѣсни* представляютъ весьма богатый и важный матеріалъ, какъ по численности существующихъ нынѣ «kōzu-dzīsmas», такъ и по древности остатковъ прежнихъ міровоззрѣній латыша на житейскія начала, на семью и родъ, на рабочую силу его членовъ, на отношенія родственниковъ другъ къ другу, на порядокъ унаслѣдованія движимаго и недвижимаго имущества, и вообще на семейно-родовой бытъ и народное хозяйство.

Свадебныя пѣсни получили свое названіе отъ обряда, которымъ онѣ сопровождаются и отъ напѣва, которымъ онѣ поются; свадебный напѣвъ называется по-латышски «kōzu-bolss». Для того, чтобы читатель могъ понять ближайшій поэтическій смыслъ образовъ, встрѣчающихся въ цѣломъ рядѣ свадебныхъ четверостишій, необходимо подвергнуть нѣкоторые символы латышской свадебной поэзіи сравнительно-поэтическому и этимологическому разбору. Выше, на стр. 56—58, мы уже касались мнимой богини любви Лīга и метафорическаго значенія словъ «лīгавина» и «лīгōт», т. е. милочки, предмета ухаживанія—(и качаться, колыхаться). Въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ глаголъ «лīгōт» употребляется не только въ томъ значеніи, какъ «рӯтōт» (см.

выше, стр. 46 и слѣд.), но замѣняется иногда и словомъ taujōt (таўjōт), какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Äs danceišu nūtōjoū (вм. nūtoujou)
Brōľeńam ľaudoweń:
Kura wīgla danceja,
Tei bej' muna ľaudoweńa.

(Дер. Мейрули, Капинск. вол., Динаб. у.).

Въ другой волости (Прельской), того же уѣзда, въ деревнѣ Казиши, поется таже пѣсенка въ слѣд. варіантѣ:

Äs dancēšu nūtauľau
Brōľeńam ľaudoweń:
Kura wīgli danci weďe,
Tei raun wīgli dźernaweń.

Въ деревни Мейрули, Капинской волости и въ Дагденской вол. Динабургскаго у. поютъ:

Rūtōdama staigo(j)
Šaidu gaŕu wasareńu;
Играючи я ходила
Въ это долгое лѣто;

Brōľam śiwu sarūtawu,
Sew diženorōjeń.
Братцу я жену отыскала,
Себѣ важнаго пахаря.

Таже пѣсня извѣстна и въ Прельской волости, но въ Преляхъ вмѣсто слова rūtōt употребляется leigōt:

Ľeigōti wíu ľeigowu,
Šaidu gaŕu wasareń;
Saľeigow saw orōj,
Brōľeńam ľaudoweń.

(Отъ крестьянки изъ дер. Казиши).

As gribej šaî wītâ
Tājūt sow orōjeń;
Я хотѣла въ этомъ мѣстѣ
Сыскать себѣ пахаря;

Taidi weń, šaidí weń
Wēřša píris sajōjuš.
Только такіе сякіе
Бычачьи лбы съѣхались.

(Запис. въ имѣніи Рожаново, отъ женщинъ изъ деревни Зюзи, близъ города Люцина).

ВАРІАНТЪ.

As škitus panōksnūs (въ догоньщикахъ)
Orojeńu nūtauľōt;

Taidî wīn taīdi wīn
Kaula pīres sajōjuš.

(Деревня Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.).

Въ указанномъ выше мѣстѣ, мы уже говорили о тѣсной связи выраженій ľeigawa, ľeigawiňa (суженая, касаточка) съ Иваново-Купальскимъ припѣвомъ ľeigo; болѣе же подробное разсмотрѣніе терминовъ родства и свадебныхъ чиновъ познакомитъ насъ еще ближе съ особенностями семейнаго быта латышей и самобытностью взгляда ихъ на разнообразіе родственныхъ отношеній, а также на положеніе *лигавини* — невѣсты въ новомъ, чужомъ домѣ и родѣ.

Племя латышское и литовское являются отраслями одного и того же этнографическаго цѣлаго. Степень ихъ родства опредѣляется лингвистическими данными, одинаковыми миѳическими представленіями и особенностями семейно-бытовой обрядности. При всей однако же близости этнографическаго родства этихъ племенъ, наблюдателя поражаетъ нѣкоторая обособленность латышскаго народа въ отношеніи свадебныхъ обрядовъ и нѣкотогыхъ символовъ свадебной поэзіи; такъ напримѣръ *рута*, имѣющая, какъ символическій цвѣтокъ, въ литовской (малороссійской, итальянской и друг.) поэзіи столь выдающееся значеніе, у латышей и вообще у народовъ къ сѣверу отъ Зап. Двины въ пѣсняхъ не встрѣчается. Латышская народность, вслѣдствіе своего смѣшенія съ чудскими племенами Корси (коровъ) и ливовъ, поддалась вліянію ливскаго языка даже и въ свадебной терминологіи. Латышскія слова для обозначенія брака laulība (бракосочетать laulāt), заимствованы изъ эстоливскаго языка и въ литовскомъ языкѣ неизвѣстны. Коренной смыслъ слова бракъ въ славянскихъ языкахъ не выражаетъ собой ничего больше кромѣ *взятія* [1]); латышское слово laulība, laulāt соотвѣтствуетъ ливскому lōlat «trauen, copuliren», въ литовскомъ же языкѣ понятіе о бракѣ передается славяно-русскимъ словомъ вѣнчать, вѣнчаніе = венчiавотi, венчiавонiстэ; у литовскаго писателя XVI вѣка Н. Даукши — словами wedimas ir tekėjimas понятіями взятія и ухода, убѣганія.

Свадьба, по-литовски svodba (изъ славянскаго сватьба) или veseile (слав. веселье, малорусск. весілье), по-латышски выра-

---

[1]) См. П. Лавровскаго «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ», Спб. 1867, стр. 88.

жается словомъ kāzas (инфл. kōzas) — мн. ч. отъ ливскаго kuoź, kọzgọnd Hochzeit, эстскаго käsk (род. пад. käzu), по Видеману, Gesetz, Gebot, Befehl, Aufgebot, т. е. законъ, заповѣдь, повелѣніе, выкличка. Что kāzas (plurale tantum) и въ латышскомъ языкѣ не примѣняется исключительно къ празднику свадьбы, явствуетъ изъ выраженія istabas kāzas die Hausweihe — домоосвященіе.

Кромѣ того замѣтно раннее вліяніе нижненѣмецкаго языка на латышскій въ словахъ: brūtgons нѣм. Bräutigam,—женихъ; brūte, Braut невѣста; meite нѣм. Maid и zēns нѣм. Sohn сынъ, парень.

Латышское слово meite, meita (въ Ливенгофѣ и Колупи Динаб. у. máita) заимствовано изъ нижненѣм. meit, англ. maid Jungfrau, puella, происходящаго отъ др.-нѣм. magad (ср. нѣм. maget; готск. magus парень, мальчикъ, слуга). Слово это въ волостяхъ, не подвергшихся вліянію нѣмецкой культуры, замѣняется у инфл. латышей древне-литовско-латышскимъ словомъ merga; лат. mārga дѣва, дѣвица, пруск. mĕrgu; отъ этого же слова производится pamärďis, т. е. pamärģis подруги, дружки, литовское pamerges.

Невѣста-милочка называется во многихъ латышскихъ мѣстностяхъ Витебской губ. ľaudoweńa (= ľaudawińa балтійск. латышск.) отъ слова ľaudis pl. tantum = люди, русск. людъ, прусск. ludis хозяинъ (Wirth, Hausvater), ludini домохозяйка, срв. нѣм. liut народъ, liute — люди, англосакс. leod, leode (см. ниже пѣсни о лигавинѣ).

Жена — коренное понятіе которой есть рождающая[1]), по-латышски—si°wa, инфл. sīwa. Слово это происходитъ отъ*ķeiv—готск. heiva, др.-нѣм. hīwo — супругъ, латинск. civis. *Молодуха* по-латышски jauńawe или jauńiwe отъ jaunas юный. *Младоженый* — jauničis отъ того же корня.

Невѣста называется также и wedama, т. е. ведома = та, которую ведутъ; wedama meita взрослая дочь, дѣвица, которая уже невѣстится; wedekla инфл. wadakla невѣстка, сноха, въ Цесвегенѣ wedene.

Приведемъ списокъ словъ, выражающихъ степени родства и свадебные чины:

---

[1]) П. Лавровскій «Кор. знач. въ назв. р. у славянъ», стр. 7.

	По-латышски.	По-литовски.
Отецъ	tāws	têws
мать	mōmuľeńa, mamińa	mōťe
сынъ	dāls	sunus
дочь	meita	duktė
дѣвица	meita, màita, meiteńš, mārga, merga	merga, mergaite
парень, молодецъ	puisis, puiseits, puiškeńs	bernas, bernėlis, bernaitis
женихъ-чужанинъ	tautīts, мн. ч. tautīši, tautu dāls	(лит. tauta имѣетъ другое значеніе *народъ*)
нѣм. Bräutigam	bŕeugōns	
чужая дѣвица (невѣста)	tauta (tautu) meita, tautu dzaltońeite	
нѣм. Braut н.-нѣм. brūte	bŕeute	
ведома см. стр. 152.	wadakla и т. д.	
мужъ	weirs (wīrs)	vīras
супругъ (самецъ)	pats	pats, patinas
молодой	jauničis	jaunikis
жена-невѣста	ľeigawińa	
молодая жена, женщина	ľaudoweńa, sīwa, уменьш. sīwīts	nůtaka, martì, moterìške
молодуха	jauńawe, jauńiwe	jaunoje
супруга (самка)	pati	patì
братъ	brōľis	brolelis, broterelis
родной братъ	eists brōľis	
сестра	mōsa	sesů
сестричъ (сестреничъ)	māsens (Ульманъ, Lettisches Wörterbuch. Riga. 1872, стр. 149).	
сестричьна	māsene (Ульманъ, стр. 149).	
деверь	dīwers	diwerìs
золовка	mōseica	móša (wýro sesů)
ятровка нѣм. Mannsbruders Weib	ītala (eetala)	inťe
невѣстка (братова)	mōrša	marti
шуринъ	swainis	laigonis
сватъ	swōts	swótas

	По-латышски.	По-литовски.
вожатый (проводники-повозники)	wedejs, мн. число wedeji	pabrolis (срв. лит. wèdỹs, wèdl̃ỹs der Bräutigam von der Verlobung bis zur Hochzeit).
привозщики приданаго	pe̯uriwedeji	kraitwežei
поѣзжане	ponōkš'ńi (догоньщики)	pasekė̃jai, pajauneĭ.
подружки	pomãrd'is (pamerǵas)	pamergės, priémergė
сваты	preceńīk̄i (купцы)	piršlỹs
вдовецъ	atraitnis	šeirỹs; našlỹs
вдова	atraite, atraitńe	šeire: našlė̃
посаженая, благословленная мать (крестная)	wakaramāsa, wakara wārna (см. Сб. Лат. Лит. Общ., стр. 40). wokoraińa, wokoraińe (см. Прельскую свадьбу) wakarwista (Кокенгузенск. вол.). wakarmaniša (см. газ. Deenas lapa, № 260, 1886 г.) mīl'otōja.	svóčià (см. Jušk. l. c. 47 и слѣд.)
посаженый отецъ	wokortāws, wakarmanis, wakargailis.	

Для более полнаго уясненія свадебныхъ обрядовъ инфлантскихъ латышей-католиковъ, весьма важно знать свадьбу латышей Лифляндской и Курляндской губерній и вообще разсматривать ее сравнительно съ литовскими и славянскими обрядами.

Изъ средневѣковыхъ писателей латышской свадьбы касаются П. Эйнгорнъ и И. А. фонъ-Брандъ[1]).

Для изученія болѣе новаго и современнаго взгляда Латышей на свадьбу и бракъ, матеріалами могутъ служить слѣдующія статьи:

1) Hochzeitgebräuche der Letten въ «Wöchentliche Unter-

---

[1]) Reisen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plescovien, Gross-Naugardien, Tweerien und Moscovien etc. Wesel. 1702, ст. 17—90.

haltungen für Liebhaber deutscher Lektüre in Russland; herausgegeben von J. Frd. von Recke. Mitau, 1806, стр. 206—219.

2) Древніе свадебные обряды въ Ліепкалнѣ, записанные П. Дамбитомъ (Senàs kāzu eeraŝas Leepkalnê. P. Dambischa uzzīmētas) въ латышскомъ журналѣ «Austrums» за 1889 годъ № 4, стр. 495—504, № 5, стр. 619—625.

3) Замѣтки о свадебныхъ обрядахъ въ извѣстныхъ сборникахъ Латышскаго народнаго пѣснотворчества И. Я. Спрогиса и Ф. Трейланда и

4) въ сборникѣ Латышск. Лит. Общества въ Митавѣ «Latweeŝu tautas dzeesmas» стр. 1—294, № 1—3693.

5) Сочиненіе Аллунана «Sēta, daba, pasaule. 3 книжка. Tērpatâ. 1860, стр. 18 и слѣд. въ статьѣ о латышскихъ народныхъ пѣсняхъ «Par Latweeŝu tautas dzeesmām» стр. 1—48.

6) Сборникъ Латышскихъ пѣсенъ, собранныхъ въ окрестности Виндавы (Курл. губ.) на Литовской границѣ: Tautas dzeesmas salasitas Wentas krastôs Leiŝmalê. Либава (Leepajâ) 1876. 8°, стр. 39—50.

7) М. Арона «Наши народныя пѣсни» Mūsu tautas dzeesmas. Рига. 1888, стр. 66—160, гл. 5—9.

8) «Латышскія народныя пѣсни» въ сборникѣ, научной коммиссіи Рижскаго Латышскаго Общества; вып. 5. Митава. 1889. «Latweeŝu tautas dzeesmas» въ Rakstu krajums izdots no Rigas Latveeŝu Beedribas Zinibu Kommisijas, № 5, стр. 66—85.

Свадебныхъ обрядовъ сѣверныхъ и особенно прибалтійскихъ народовъ касается книга:

9) Л. Шрёдера: Die Hochzeitsbräuche der «Esten und einiger anderer finnischugrischer Völkerschaften in Vergleichung mit denen der indogermanischen Völker». Ein Beitrag zur Kenntniss der ältesten Beziehungen der finnisch-ugrischen und der indogermanischen Völkerfamilie. Berlin. 1888.

Въ этой книгѣ не обращено достаточно вниманія на обряды литовской и латышской свадьбы и оттого необходимо при сравнительномъ изученіи нижеописаннаго ритуала сличить еще и труды по литовской этнографіи:

10) A. Bezzenberger. Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volkstums der Litauer. Göttingen. 1882.

11) Моя программа: Объ изученіи семейнаго быта литовско-жемайтскаго народа. Ковна. 1889.

12) Предварительный отчетъ о поѣздкахъ по Жмуди и Литвѣ въ 1884—1887 годахъ Изв. И. Р. Г. О. Томъ 24, стр. 403—415. На стр. 2—3 этой брошюры перечислены мною всѣ рукописные матеріалы по изученію литовскаго семейнаго быта и въ особенности свадьбы. Къ нимъ въ 1889 году прибавились матеріалы Фр. Ужуписа: «О свадебныхъ обрядахъ Литовцевъ Владиславовскаго уѣзда, Сувалкской губерніи».

13) Извѣстный трудъ Антона Юшкевича о свадебныхъ обрядахъ Велёнскихъ Литовцевъ, записанныхъ имъ въ 1870 году, Казань 1880, по литовски. Нѣмецкій переводъ напечатанъ въ Тильзитѣ въ «Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft, Heft» 14, стр. 134 и слѣд.

О матеріалахъ по изученію прусскolитовской свадьбы я говорилъ:

14) Въ статьѣ «О результатахъ этнографической поѣздки къ прусскимъ литовцамъ». Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. 21 стр. 97 и слѣд., и особенно 101—108.

Для уразумѣнія инфлянтской свадьбы сличены были обряды сосѣдей Бѣлоруссовъ, по латышски Кривовъ, при чемъ кромѣ извѣстныхъ сборниковъ П. В. Шейна, слѣдуетъ указать на статью:

15) Серебренникова: Обычаи и обряды крестьянъ Себежскаго уѣзда, при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ (Памятная книжка Витебской губ. на 1865 годъ, изданная подъ ред. А. М. Сементовскаго, С.-Петербургъ. 1865 г. отдѣлъ этнографическій стр. 575—93).

Литература по великорусской и малорусской свадьбѣ указана въ трудахъ:

16) Н. Ф. Сумцова: о свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881.

17) Д. Х. Ящуржинскаго: Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя. Варшава. 1880.

П. Эйнгорнъ въ 11-й главѣ своей «Historia Lettica, Dorpt. 1649» повѣствуетъ намъ о бракѣ и свадьбѣ латышской (въ Курляндіи) слѣдующее:

Хотя Латыши прежде ничего не знали объ истинномъ Богѣ, все же таки строго придерживались единоженства и наслѣдниками у нихъ признавались только дѣти, рожденные въ такомъ законномъ бракѣ. Но былъ у нихъ злой обычай уводить невѣсту отъ родителей или силою или хитростію, что совершалось такимъ

образомъ: Парень, намѣревающійся умыкать невѣсту, отправляяся со своими добрыми пріятелями къ родителямъ дѣвицы и, выдумывая разныя причины своего прихода, принималъ отъ нихъ угощеніе; одинъ же изъ товарищей оставался у телѣги и лошадей; когда ихъ приглашали къ ужину, они, сообщая, что товарищъ ихъ на дворѣ, просили дѣвицу пригласить его ужинать вмѣстѣ съ ними; когда же избранная ими невѣста выходила на улицу, оставшійся ихъ товарищъ хваталъ ее и увозилъ, послѣ чего и тѣ, что были внутри, скоро слѣдовали за нимъ; родители и родственники увезенной гнались за ними. Увозщики же, настигнутые догонщиками, отбивались и насильно уворованную приводили домой. Когда родители убѣждались, что ничего нельзя сдѣлать, то давали свое согласіе [1]).

Но ежели не удавалось умыкать невѣсту такимъ способомъ, тогда они изъ какой нибудь засады, близь родительскаго дома, выжидали, когда она отлучалась изъ дому, уходила за водою или куда нибудь отправлялась, нечаянно нападали на нее и увозили.

---

[1]) «Ob sie gleich von dem rechten und wahren Gott, seinem Worte und Gesetze nichtes gewust, so haben sie doch den Ehestand gehabt, und denselben wol in acht genommen, nemblich dass ein Mann und Weib indissolubili conjunctione, das ist, in einer unaufflösslichen Vereinigung, mit einander lebeten, daher sie denn auch die Kinder so sie mit einander in der Ehe gezeuget, allein für echte und rechte Erben ihrer Güter gehalten. Die Polygamia, als dasz ein Mann viel Weiber habe, wie bey den Jüden und Türcken gebräuchlich, ist bey ihnen nicht gewesen auch nicht der Concubinatus, sondern sie haben, wie jetz gedacht eine rechte Ehe gehabt.

Dieser böse Gebrauch ist aber bey ihnen allezeit üblich gewesen, dasz eine Mannsperson nicht dürffen umb ein Weib werben oder umb sie sprechen, bey den Eltern oder Verwandten; sondern es hat ein jeglicher, der ein Eheweib haben wollen, dasselbe entweder mit Gewalt genommen, oder mit sonderlicher List den Eltern entführet. Welches denn also zugegangen. Es hat sich derselbe, der das Weib haben wollen, mit etlichen seiner guten Freunde, die er zu sich genommen, zu derselben Magd, die er zur Ehe begehret, Eltern begeben, und etwan eine Uhrsache erdichtet, warumb sie dahin kommen, wenn sie nu dieselben wol empfangen und auffgenommen, da ist einer draussen bey dem Wagen und den Pferden blieben und wenn der Vater oder Wirth sie zum Essen genötiget, haben sie berichtet, es were einer ihrer Gesellen draussen bey den Pferden, der halben die Magd so eutführet werden sollen, gebeten, denselben mit zum Essen zu ruffen, wenn sie nu hingegungen, hat sie der draussen gewesen, ergriffen; und mit sich geführet, welchem die welchem die andern, so in der Stuben gewesen, bald gefolget. Wann aber die Eltern und die Verwandten ihnen nachgejaget, haben sie sich gewehret, und die entführte mit Gewalt nach Hause gebracht, da dann die Eltern ihren Consens und Willen drein geben müssen, wenn sie gesehen, dass es nicht anders sein können. Haben sie auff diese weise nichts erlangen können, so haben sie sich auff der nähe wo verstecket und auff die Magd gelaueret, wenn die nu aus dem Hause gegangen, etwann Wasser zu holen, oder sonst sich wohin begeben und sie unvermuthlich herfür kommen, und sie mit sich hinweg geführet. Dass oft die Eltern nicht gewusst wo sie hinkommen, biss sie es hernach erfahren.»

Такимъ образомъ часто родители находились въ полной неизвѣстности, куда ихъ дочь попала до тѣхъ поръ, пока не узнавали какъ нибудь объ этомъ.

Такой способъ пріобрѣтенія латышской невѣсты посредствомъ похищенія, при помощи дружины увозчиковъ по-латышски wedeji, такой древній обычай «умыканія у воды» проглядываетъ еще въ нѣкоторыхъ современныхъ пѣсняхъ. Въ Прельской волости, по сообщенію старухи-пѣвицы Маргариты Вяксихи (изъ дер. Казиши), въ старину на свадьбѣ пѣли пѣсню, въ воскресенье вечеромъ [1]), ясно изображающую актъ стариннаго умыканія. Пѣсня эта въ другомъ варіантѣ уже напечатана Спрогисомъ въ его Кокенгузенскомъ сборникѣ, подобная же давно извѣстна и у литовцевъ (см. рукопись Ѳ. Зыкусь: Свадьба Литовцевъ Кронской вол. Трокскаго уѣзда). Для характеристики мы сообщаемъ обѣ пѣсни, отмѣчая изъ зинге, т. е. длинной пѣсни этого содержанія, записанной И. Я. Спрогисомъ, l. c. на стр. 261—262, только разнорѣчія, главнымъ образомъ различающійся конецъ этихъ пѣсенъ:

1. Waľâ duris, waľâ lūģi
   Nädźerd́ mōses moltiwê.
2. Eij, mamiń, pasaweŕ [2]),
   Kū dor meusu maľejeńa.
3. Atít mōte raudōdama,
   Asareńas slaucēdama.
4. Celītēs brōľeľińi,
   Aunīti zōbokus,
5. Aunīťet zōbokus,
   Sädalojet kumeleńš.

1. Растворены двери, растворены окна,
   Не слыхать сестры въ жерновой комнатѣ.
2. Иди, матушка, посмотри,
   Что дѣлаетъ наша мольщица.
3. Пришла мать плачучи,
   Слёзки утираючи.
4. Подымайтесь, братцы,
   Обувайте сапоги.
5. Обувайте сапоги,
   Сѣдлайте коней.

---

[1]) См. ниже описаніе свадебнаго ритуала Прельской волости.

[2]) Вм. nūsaskrej; «o» въ so, за звукъ неопредѣленный o/a безъ ударенія.

6. Sädlojet́ kumeleńš
Dzenit́es simt jeudz.
7. Dzenit́es simt jeudz,
Muš mōseń danōćet́.
8. Simta jeudzu galeńâ
Dūdoj pīce dūdmańīše.
9. Jeus mīl̓i dūdmańeši,
Kōṕec jeus dūdōjet́.
10. Tai mōsai dūdōjami,
Kur šū (šo) nakt cauri weda;
11. Bolta mēl̓a wilnōńeit́e,
Syrkan rožu wainucińš.
12. Jōjäm, brōl̓i, ūtru simtu,
Mož mōsiń(u) danōćem.
13. Ūtra simta galeńâ
Spel̓ej pīce spālmańi(ša)
14. Jeus mīl̓eji spālmańīši
Ṕec ko jūs spēl̓ejēt?
15. Tai masai spēl̓ōjam,
Kur šo nakt cauri weda.
16. = 11.

6. Сѣдлайте коней,
Гонитесь сто миль,
7. Гонитесь за ней сто миль,
Настигайте нашу сестрицу.
8. Въ концѣ сотни миль
Играютъ пять дударей.
9. Вы, милые дудари,
Очемъ вы наигрываете?
10. Мы играемъ о сестрицѣ,
Что въ эту ночь мимо вели:
11. Бѣлолиловый платъ,
Вѣнокъ изъ красныхъ розъ.
12. Поѣдемъ, мы братья, вторую сотню,
Можетъ быть сестрицу настигнемъ.
13. На краю второй сотни
Играютъ пять шпильмановъ (игроковъ).
14. Вы, милые шпильманы,
Зачѣмъ (кому) вы играете?
15. Мы играемъ той сестрицѣ,
Которую въ эту ночь провели. 16 = 11.

17. Jōjam brōl'i trešu simtu,
Moš(ž) mōseńu danōćem.
18. Treša simta galeńâi
Doncoj simta dzaltańiš(u)
19. Jeus mil'ōjes dzaltońišes
Kópäc jeus doncōjit?
20. Tai (toi) mōsai doncōjam
и т. д. = 15 = 10
21. = 16 = 11
22. L'īnam, brōl'i, ustobâ
Mož mōseńu pazinam.
23. Sâd mōseńa aiz galdińa
Ols kanińa rūceńâ.
24. Lob reiteń, meus mōseńa
'Js ar mums apakal'?
25. Eit ar díwu, brōl'el'eń,
Äs nàgōju apakol',
26. Man patyka šei zemeite
Šōs zemeites orōjeń.
27. Eit ar díwu, brōl'el'eń,
Posokōt mōmeńai.

17. Поѣдемъ, мы братья, третью сотню,
Можетъ быть сестрицу настигнемъ.
18. На краю третьей сотни
Пляшутъ сто красавицъ.
19. Вы, милыя красотушки,
Зачѣмъ вы танцуете?
20. = 15 = 10.
21. = 16 = 11.
22. Пойдемъ мы, братцы, въ комнату;
Можетъ быть сестрицу узнаемъ.
23. Сидитъ сестрица за столикомъ,
Кружечка пива въ рукѣ.
24. Доброе утро, сестрица наша,
Пойдешь ли съ нами назадъ?
25. Идите съ Богомъ, братцы,
Я назадъ не пойду.
26. Мнѣ понравилась сія земля,
Сей земли пахарь.
27. Идите съ Богомъ, братцы,
Скажите маменькѣ.

28. Posokīt mōmeńai
Lai jei mani naraudow.
29. Es nūgōju pawaser,
Kot jeudeńs nūsoskrēj [1])
30. Kot jeudeńs nūsoskrēj,
Kai kūceńes salopow.

28. Скажите маменькѣ,
Чтобы она меня не оплакивала.
29. Я ушла весной,
Когда воды сбѣжали,
30. Когда воды сбѣжали,
Когда деревца листьями покрылись.

Таже пѣсня у Спрогиса одинакова съ нашею по началу и концу. Сестру увозятъ изъ жерновой комнаты и когда ее догоняютъ, она оказывается замужней, т. е. «на головѣ у ней бѣлый платочекъ». У Спрогиса мы читаемъ:

Войди, матушка, въ жерновую комнату,
Навѣсти своихъ молольщицъ.
— Двери, окна растворены,
Нѣтъ ни одной молольщицы.
Вычищайте, сѣдлайте,
Братья, коней!
Догоняйте сестрицу!...
— Ѣхалъ, ѣхалъ я цѣлый день,
Поднялся на высокую гору;
На верху высокой горы
Увидѣлъ я большое село.
Наломалъ я охапку прутьевъ,
Сталъ бросать ихъ къ селу.
Переполошились сельскія собаки;
Выбѣгаютъ сельскія красавицы;
Двѣ повели меня самого,
Третья — моего коня.
Вводятъ моего коня
Въ стойло изъ зеленыхъ камышей,
Самого вводятъ въ комнату,
Подаютъ мнѣ липовый стулъ,
Придвигаютъ черный столъ,
Разставляютъ божьи дары,
Подаютъ бѣлыя чаши;

Просятъ меня ѣсть, просятъ меня пить,
Просятъ опочить полуденнымъ сномъ.
Я не ѣлъ, не пилъ,
Гоняясь за сестрицей.
— Ѣшь и пей, не безпокойся!
Здѣсь-же найдется ваша сестрица....
Въ этой — слѣдующей комнатѣ
Она сидитъ за пяльцами,
Она сидитъ за пяльцами,
На головѣ у ней бѣлый платочекъ!

Древняя пѣсня о похищеніи сестры-дѣвицы встрѣчается и у литовцевъ Трокскаго и Кальварійскаго уѣздовъ. Въ сборникѣ Ѳ. Зыкуса мы читаемъ:

Atsikėlė motinėlė gaidelem negiedant,
Jr rado veja išmindž'ota Kryžaiv'u buta.
Kelkis, suneli jauneuses, balnoke žirgelį.
Pasibalnojęs žirgelį, vīkis seserėlę.
Kai davīsi tyram lauke, nedaryk alaso.
Kai dajōjom žalę girę, ugnele kurita.
Ant liepsnelės, ant kaitrosos vainikai degita,
Ant jovaro mykľu šaku šilkelei vėdita.
Didž ůs murůs ant dvarcľo sesute vaikšč'oja,
O pulkelis Kryžokeľu akymis daboja,
Kad neišbėgtu meiľoi mus sesutė
Jr napagrištu atgal pas mamutę.
Vai tu, sesut seserėle, griške pas tėv ali?
Jau nemažna, mylimas broleli,
Jau sudegino mano vainikėlį,
Jr dabar daboja šimtas bernužeľu.

Встала матушка еще, когда пѣтухи не запѣли
И нашла, что дерно затоптано, что «крижаки» были.
Вставай, сыночекъ молодчикъ, сѣдлай коня;
Осѣдлавши коня, догоняй сестрицу,
Когда догонишь ее въ чистомъ полѣ, не дѣлай шуму.
Когда мы пріѣхали въ зеленую пущу, костеръ былъ сожженъ,
На пламени, на горячемъ, вѣнки сожжены,
На гибкихъ вѣтвяхъ явора шелковыя нитки разведены.
За крѣпкими стѣнами гуляла сестрица на дворѣ,
А толпа «крижаковъ» глазами стережетъ,

Чтобы милая наша сестрица не убѣжала
И назадъ не воротилась къ матушкѣ.
О ты, сестрица, развѣ ты не воротишься къ отцу?
Уже нельзя, милѣйшій братецъ,
Уже сожгли мой вѣночекъ
И теперь меня сторожитъ сотня молодцевъ.

Но кромѣ того древняя форма брака путемъ похищенія или умыканія невѣсты оставила свои слѣды вообще въ воинственномъ характерѣ латышской свадьбы, въ особенности же въ обрядахъ и пѣсенкахъ о *саблѣ*, на которую навѣшиваютъ дѣвичью красу и честь, ея вѣнокъ. Приведенный выше описатель быта Латышіи П. Эйнгорнъ, сообщая о различныхъ свадебныхъ повѣрьяхъ, жертвоприношеніяхъ (см. ниже о «зидахъ»), возліяніяхъ и пиршествахъ, описываетъ обрядъ съ *мечами* слѣдующимъ образомъ:

Когда невѣсту ввозятъ на телѣгѣ въ домъ жениха, эта свадебная телѣга ни къ чему не должна приталкиваться; если она до чего нибудь немножко доткнется, то это предвѣщаетъ несчастіе въ бракѣ и хозяйствѣ.

По окончаніи обрядовъ снятія вѣнка (см. ниже), невѣста, по словамъ Эйнгорна, должна пройдти всѣ помѣщенія и вездѣ, въ комнатѣ, въ каморкахъ, въ банѣ, въ хлѣвахъ и конюшняхъ, въ колодезь и въ огонь должна бросить немного денегъ, если она этого обряда не выполнитъ, то ни въ чемъ счастья и успѣха ей не будетъ. Послѣ этого начинается пированіе, осужденное набожнымъ проповѣдникомъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

Когда ее (т. е. невѣсту) отводятъ къ жениху, то провожаютъ рядомъ съ женихомъ въ свадебное помѣщеніе; затѣмъ подносятъ имъ два обнаженныхъ меча, которые втыкаются въ стѣну надъ столомъ,—одинъ надъ женихомъ, другой надъ невѣстою. Надъ кѣмъ мечъ, съ силою вонзенный въ стѣну, дольше дрожитъ, тотъ изъ брачной четы дольше проживетъ. (Wenn sie nu eingeführet, wird sie neben dem Bräutigamb in das Gemach geleitet, da die Hochzeit gehalten wird, alsdenn werden zwei blosse Schwerter ihnen fürgetragen von welchen das eine über den Bräutigamb das ander über die Braut über den Tisch gesteckt wird, welches Schwert nu indem es mit Gewalt hinein gesteckt wird, länger zittert oder bebet, derselbe wird unter ihnen im Ehestand am längsten leben. l. c. стр. 594).

Къ подобной сценѣ «навѣшиванія дѣвичьяго вѣнка на саблю» [1]) относится пѣсня курляндскихъ латышей, записанная въ окрестностяхъ Сакенгаузена-Априкенъ:

K'ize, kīze taw, māsiṅa,
Raudi, raudi asarām!
Kam waicāji padōmiṅa,
Ar tautām derēdama?

Вотъ тебѣ, сестрица,
Плачь горючими слезами!
У кого ты просила совѣта,
Съ чужаниномъ торгуясь?

Изъ этой символической сцены навѣшиванія вѣнка на саблю объясняется рядъ латышскихъ четверостишій, встрѣчающихся какъ въ Курляндіи, такъ и въ Лифляндіи. Въ Кабилленѣ (Курл. губ.) поютъ:

Куда ты пойдешь, братецъ,
Туда сестрица пойдетъ вмѣстѣ съ тобою;
Гдѣ ты повѣсишь свою шпагу (мечъ),
Тамъ и я повѣшу свой вѣнокъ.

(Сб. Лат.-Лит. Общ., № 2520 и 2582).

Въ Люцинскомъ уѣздѣ, въ Маріенгаузенѣ во время обряда *«мичошана»* надѣванія чепчика (Haubung, см. ниже), когда вѣнокъ снимается съ головы невѣсты и навѣшивается на тесакъ, воткнутый въ стѣну, поютъ:

Waiṅuks, munu waiṅudzeṅe
Stōw' munâ galweṅâ;
Jou nastōwe galweṅâ,
Stōw zūbeṅa galeṅâ.

Вѣнокъ мой, вѣночекъ,
Оставайся на моей головѣ;
(Будетъ время) Уже не будешь на головѣ,
Будешь на кончикѣ тесака.

Народная пѣвица, подшучивая надъ этимъ обрядомъ, вопрошаетъ съ недоумѣніемъ:

Какой вредъ чужанину дѣлалъ
Мой блестковый вѣнокъ?
Всю ночь его вѣшали
На кончикѣ тесака!

(Сб. Лат.-Лит. Общ. № 3,273, стр. 250).

Воинственная обстановка свадебнаго ритуала вызываетъ удивленіе у пѣвицы болѣе поздняго времени, не понимавшей этихъ остатковъ старины:

---

[1]) «Während die Krone auf einen Säbel gehängt wird, der auf einem Schrank liegt oder in eine Ritze der Wand eingesteckt ist». Сборникъ Л.-Лит. Общ., стр. 41, № 514.

Karâ ľt tew, brōľeń, Kam tu sau zūbeneń
Na ṕec mōsēs tauteńôs; Rūkâ wiń wadinaw.

На войну тебѣ, братецъ, идти, Зачѣмъ ты свой тесакъ
Не на чужбину за сестрою; Въ рукѣ всё держишь.

(Запис. отъ Марг. Ваксихи изъ дер. Казаши, Прельск. вол. въ 1884 г.).

Невѣстѣ, которой попался пахарь-женихъ не по нраву, поютъ:

Lá̓c, mōseń, par galdeńi Ka nâtika orojińa,
Par osu zūbeneń; Pa tawam prōteńam.

(Зап. отъ крестьянки изъ Звирздена, Люценск. у.).

Прыгни, сестрица, черезъ столъ, Такъ какъ не достался тебѣ пахарь,
Чрезъ острую саблю; По твоему разуму.

Латышскія четверостишія о саблѣ пріурочены кромѣ того еще къ другому обряду: сватъ (wedejs), приводя невѣсту изъ клети въ хату, у каждой двери ударяетъ саблею въ косяки, петли и пороги; удары эти имѣютъ значеніе ворожбы. Въ пѣснѣ (Сб. Лвт.-Лит. Общ. № 483), записанной въ Сакенгаузенѣ, Курл. губ., поется:

Рубите стальною саблею Разрубите ненавистниковъ,
Вдоль ногъ нашей сестрицы! Отворотите «злыдень» (несчастіе).

Cērteet tērauda zobeniń Cērť skauģi pušam
Par mūsu māsińas kājińām! Cērť ľaunu deenu.

Приступая къ описанію свадебнаго ритуала Латышей католиковъ Витебской губерніи, записаннаго мною въ 5 мѣстахъ, И. Х. Плекшаномъ въ Вышковской и учителемъ Горбачевскимъ въ Унгермуйжской волостяхъ, мы для сравнительнаго изученія латышской свадьбы, сверхъ изложеннаго, считаемъ нелишнимъ воспроизвести описаніе свадебныхъ обрядовъ Курляндіи, въ окрестностяхъ города Митавы, помѣщенное въ малодоступномъ нѣмецкомъ журналѣ «Wöchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lektüre in Russland, herausgegeben von J. Frd. von der Recke». Mitaw 1806. 8°. стр. 213—219:

«Ярмарки въ деревнѣ, общественныя работы на помѣщичьихъ поляхъ и сѣнокосахъ, а также въ ригахъ и свадебные пиры даютъ парнямъ латышамъ возможность знакомиться съ

красавицами своего народа. Когда парень понравится дѣвицѣ, ему легко выпросить себѣ нѣсколько пробныхъ ночей, которыя у этого народа такъ же въ обыкновеніи, какъ между крестьянами нѣкоторыхъ мѣстностей южной Германіи и Швейцаріи. Латышки толерантнѣе своихъ нѣмецкихъ сестрицъ, которыя своимъ любовникамъ не дозволяютъ одновременно быть съ другими въ отношеніяхъ этого рода. Латышка своему парню не запрещаетъ и этого, но за то она и себѣ предоставляетъ туже свободу. Если парень убѣжденъ, что формальное его предложеніе можетъ быть уважено, тогда онъ посылаетъ ловкую женщину съ надлежащими подарками, состоящими изъ шолковаго платка и завернутыхъ въ немъ денегъ. По обыкновенію это не болѣе не менѣе какъ голландскій талеръ. Возлюбленная его по обряду, отказывается, даже при всемъ желаніи, принять эти подарки. Если она совсѣмъ ихъ принять не хочетъ, то дѣло сейчасъ же кончается; если же она приняла ихъ, послѣ обязательнаго въ началѣ отказа, тогда женихъ вновь является къ невѣстѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственниковъ и опытной, уже не молодой пріятельницы, обыкновенно той, которая поднесла невѣстѣ первые дары. Въ домѣ невѣсты членовъ семьи, прибывшихъ сюда, угощаютъ бутылкою водки, пирогомъ и свѣжимъ сыромъ. Невѣста въ это время прячется и отыскивается только послѣ разныхъ затрудненій, придуманныхъ родителями или же хозяиномъ дома. Тутъ мѣняются кольцами и рюмки часто подносятъ сидящимъ за столомъ, при чемъ формально обо всёмъ, остальномъ договариваются.

Въ день свадьбы дружина жениха и онъ самъ собираются въ домѣ невѣсты; невѣсту садятъ на лошадь, покрытую бѣлымъ платкомъ и препровождаютъ молодую чету въ ту церковь, гдѣ долженъ произойдти бракъ; послѣ бракосочетанія весь поѣздъ въ полномъ порядкѣ, съ главнымъ вожатымъ невѣсты впереди, возвращается назадъ. На возвратномъ пути невѣста изъ свертка шерстяныхъ, самотканыхъ подвязокъ отдѣляетъ куски, въ сажень длиною, и бросаетъ ихъ на землю, какъ только увидитъ какое нибудь строеніе. Выстрѣлы изъ пистолета извѣщаютъ о прибытіи поѣзда къ свадебному дому. Вожатый снимаетъ невѣсту съ лошади и провожаетъ ее въ домъ; у каждой двери оставляетъ этотъ вожатый значки крестообразною порубкою тесакомъ, висящимъ у него съ боку. Столъ накрытъ, но на немъ кромѣ хлѣба и соли ничего нѣтъ. Женихъ, невѣста и всѣ присутствующіе должны отвѣдать хлѣба, соли и только послѣ того ставятъ

на столъ масло, медъ, сыръ, пироги и водку для завтрака. Нѣсколько пѣвицъ, съ подругою невѣсты (Brautschwester) въ серединѣ, заводятъ пѣсенки на одну и ту же мелодію, текстъ къ которой ими большею частью импровизируется. Затѣмъ слѣдуетъ свадебный пиръ, во время коего обязательно дается вареное мясо, обильное количество пива и водки. Послѣ пира вожатый начинаетъ балъ: женихъ танцуетъ съ невѣстою и затѣмъ всѣ остальные другъ съ другомъ. При недостаткѣ лучшей музыки довольствуются при этомъ «дудою» (т. е. волынкою). Національныхъ танцевъ у Латышей нѣтъ, за исключеніемъ развѣ одного въ родѣ полонеза, который встрѣчается всего чаще; танцуютъ впрочемъ и казака и по англійски. Въ теченіе всего дня подружка прячетъ невѣсту нѣсколько разъ, но каждый разъ вожатый, замѣчая пропажу, доставляетъ ее назадъ въ общество, причемъ опять на каждый косякъ рубятся крестообразныя насѣчки. Вожатый невѣсты и его товарищи назначаются изъ числа гостей, приглашенныхъ женихомъ. Другая партія провожатыхъ, называемыхъ *догоньщиками*, приглашена невѣстою; число послѣднихъ, по обряду, должно быть вдвое больше первыхъ. Подъ вечеръ въ свадебномъ домѣ появляются также члены второй категоріи.

По истеченіи извѣстнаго времени, 2, 3 и болѣе дней, проведенныхъ въ ѣдѣ, питіи, пляскѣ и пѣніи или, точнѣе сказать, въ обжорствѣ, пьянствѣ, прыганіи и вытьи—назначаются наконецъ *отводины* невѣсты въ домъ жениха. Поѣздъ составляется вновь изъ поѣзжанъ и эта поѣздка предпринимается сейчасъ послѣ наступленія полуночи.

Нѣсколькими часами раньше женихъ съ вожатымъ и съ догоньщиками отправляется въ свой домъ, чтобы тамъ ожидать поѣздъ. Невѣста остается съ своимъ вожатымъ и съ гостями приглашенными женихомъ. По прибытіи опять стрѣляютъ, вожатый жениха поспѣшно снимаетъ невѣсту съ лошади, которую сейчасъ же разсѣдлываютъ и разнуздываютъ. Столъ накрытъ и на немъ хлѣбъ-соль. Невѣста садится и ей сажаютъ на колѣни мальчика: въ пѣсняхъ намекаютъ, что ей нужно ходить за чужимъ ребёнкомъ, пока у ней не будетъ своего. Снова начинаютъ пить и ѣсть. Въ этотъ разъ гости невѣсты занимаютъ болѣе важное мѣсто, чѣмъ жениховы. Послѣ ужина снимаютъ съ невѣсты вѣнокъ и надѣваютъ его близкой не замужней родственницѣ жениха. Невѣсту укладываютъ спать въ клѣть; но она, черезъ из-

вѣстное время, является уже въ одеждѣ замужней женщины. Уже наканунѣ, женихъ, при посредствѣ близкихъ своихъ родственниковъ, привозитъ приданое невѣсты въ свой домъ. Невѣста изъ него раздаетъ установленные дары. Свекровь получаетъ цѣлую, старшая золовка полвеепы (веепа—шаль, тканая Латышками изъ шерсти или льна); деверья получаютъ по тонкой рубашкѣ. Каждый поѣзжанинъ, какъ дружка, такъ и догонщикъ, получаетъ утиральникъ и пару рукавицъ, къ нему привязанныхъ. Утиральникъ оплачивается по крайней мѣрѣ полуталеромъ и за эту цѣну каждый гость можетъ получить столько, на сколько у него хватитъ полуталеровъ. Бражничаютъ до тѣхъ поръ, пока посаженый отецъ [1]) не поставитъ тарелку съ втулками отъ бочекъ на столъ, въ знакъ того, что бочки уже пусты. Всѣ, исключая пьяныхъ, спѣшатъ домой и свадьба кончается.

Часто такое пиршество продолжается болѣе недѣли и нельзя себѣ представить, какъ много при этомъ истребляется яствъ, пива и водки. Молодая чета могла бы хозяйничать цѣлый годъ массою выпитаго и съѣденнаго».

Латышскія свадебныя пѣсни приводятся нами: 1) въ связи съ обрядами, соблюдаемыми въ волостяхъ Прельской, Унгермуйже-Крейцбургской, Вышковской, Ясмуйжской и близь м. Креславки, въ Динабургскомъ уѣздѣ; 2) отдѣльно отъ обряда, по слѣдующимъ категоріямъ:

a) Пѣсни, которыя поются при ознакомленіи невѣсты съ женихомъ.

b) Пѣсни о людской молвѣ.

c) Любовныя пѣсни.

d) Пѣсни о чужанинѣ.

e) Пѣсни о вдовцѣ и вдовѣ.

f) Пѣсни про родную и чужую мать.

g) Пѣсни о лигавинѣ.

h) Пѣсни о братѣ и сестрѣ.

i) Пѣсни, относящіяся къ разнымъ дѣйствіямъ свадебнаго обряда.

k) Пѣсни довѣночныя, распѣваемыя въ воскресенье утромъ.

l) Пѣсни, распѣваемыя во время покрытія головы невѣсты (Mičošanas dzīsmas).

m) Пѣсни насмѣшливыя.

---

[1]) Wokor tāws, wokorains т. е. отецъ староста вечера (см. выше).

n) Вѣночныя пѣсни (waińuka-dzīsmas).
o) Пѣсни повѣнечныя.
p) Пѣсни свадебныя вообще.
r) Символическія пѣсни (о кольцѣ, мостахъ, болотѣ и т. д.).

b. *Свадебный обрядъ Прельской волости Динабургскаго уѣзда.*

Свадебный ритуалъ латышей Динабургскаго уѣзда, какъ и вообще латышская свадьба, характеризуется четверостишіемъ:

Galwiń, mana galwińa Treiju rōtu nesejiń:	Pirmāk mice, pēc cepure Widus laika wainaciņš.
Головушка, моя головушка, Трехъ нарядовъ носительница:	Сначала чепчика, потомъ шапки, Въ промежуточное время вѣночка.

Сговоръ Sarunas.

Когда первый разъ ѣдутъ свататься, берутъ съ собою бутылки съ виномъ или водкою, такъ называемыя «zińus-buteľa». Если родители не соглашаются выдать свою дочь за того парня, отъ котораго сваты посланы, то поставленныя на столъ бутылки никто не трогаетъ. Сваты (swōti) убираютъ бутылки опять со стола и уходятъ съ отказомъ домой. Если же соглашаются на бракъ, то начинаютъ пить и въ каждую рюмку сватъ тому, кто выпиваетъ, кладетъ какую нибудь монету (čarkas naudas).

Потомъ сговариваются о томъ, когда пріѣхать съ большимъ пивомъ (ľelais ols) и затѣмъ отправляются въ назначенное время къ ксендзу, чтобы записать выкличку (saućības rakstēit).

Большое пиво L'elais ols.

Съ большимъ пивомъ пріѣзжаютъ обыкновенно въ четвергъ передъ свадьбой, которая назначается на воскресенье. Привозятъ «bucu ols, brandewiń, kukul maizes un sīre», т. е. бочку пива, водки, хлѣба и сыру. Сперва мать невѣсты ставитъ на столъ свое угощеніе и послѣ уже сватъ. То, что сватъ даетъ, мать невѣсты замѣняетъ другимъ. Вокругъ торбы его обвязываютъ jeusťeńi т. е. пояски. Мать, беретъ хлѣбъ и сыръ къ себѣ а (jauniw'e) молодая (невѣста) вмѣсто того въ торбу ему кладетъ

«zăčis i cimdus ṕerstaińi»[1]) носки и вязаные перчатки. Buceń i buteľu jauniw'ă apsīn ar jūsťeńu невѣста обвязываетъ и бочку съ пивомъ, какъ и бутылку водки также пояскомъ. Въ продолженіе вечера сватъ даетъ «dūdamū* naudu» задаточныя деньги: рубль, 5, 10 или 20 копѣекъ, смотря по обстоятельствамъ. Lik, cik por gūwu, por wušku, por skreińu (un teińi), опредѣляютъ, сколько платить надо за корову [2]), обыкновенно одинъ рубль, за овцу, двадцать коп., а за сундукъ съ приданымъ тоже рубль. Въ этотъ разъ опредѣляется время свадьбы и большихъ запоинъ наканунѣ бракосочетанія (laika likšana i ľelas aizdzerības). Въ пятницу на слѣдующій день и женихъ и невѣста отправляются на исповѣдь.

Суббота.

Вечеромъ, послѣ заката солнца, иногда уже въ очень темное время, пріѣзжаютъ сватъ (swōts) и женихъ съ шаферами (jauničis ar wędajīm). Сватъ, имѣя при себѣ бочку съ домашнимъ пивомъ [3]) ставитъ ее въ уголъ (bucens ar olu koktâ lèk), а сумку съ хлѣбомъ, простоквашу и пирогъ ставятъ на столъ. Wisa ta družba apsastie ap goldu un īsōca dzeŕt.

При этомъ поютъ:

1.

Stōw'et, tauteńi, aiz wōrťeń,
Nawa wites pogolmâ;
Boreńeiťe jūstes auďă
Treijďeweń dzeipuŕeń.

Стойте, чужане, за воротами,
Нѣтъ мѣста на дворѣ;
Сиротинушка ткётъ поясы
Изъ тридевятъ крашеныхъ нитокъ.

2.

Jōjit, tautys, śēteńâ
Mätit zalta gabaľeń;
Lai natreụka taî wītâ
Meụžam jaunas maľējeńes.

Поѣзжайте, чужане, въ домъ,
Бросайте золота кусокъ,
Чтобы на томъ мѣстѣ не недоставало
Вѣковѣчно молодыхъ молольщицъ.

---

[1]) P'erstaińi въ различіе отъ kulaińi рукавицъ.
[2]) Говорятъ и дать «gūwă aiz rogu» коровѣ на рога.
[3]) Ols только домашнее пиво, заводское называется birs (нѣм. Bier) или Piwas (пиво).

3.

Dewu rūk tauteńam,
Kreises dew nà lobu;
Kreises rūkys dawumeń
Nikod prawda nanūtyka.

Дала руку суженому,
Лѣвую дала, не правую:
Отъ поданія лѣвой руки
Никогда правда не сбывалась.

4.

Tāws ar mōte, treš tautīts
Kū runawa klēťeńâ?
Tāws man ďewe, mōte ľidze,
Tautīts leudze raudōdams.

Отецъ да мать, суженый третій
Что говорили въ клети?
Отецъ меня выдалъ, матка не позволяла
Суженый умолялъ, плачучи.

5.

Äs «Odum» [1]) tew pasok,
Tu pasōk màmeńai:
Ka «Agate» [1]) maizi ćeṕä,
Sēstīs lōpstes galeńâ;
Ka kukuľe naizceṕ
Jbawīša bērńeńam.

Я, Адамъ, тебѣ говорю,
Ты скажи маменькѣ,
Когда Агаша хлѣбъ печетъ,
Садись на кончикъ лопаты;
Чтобъ хлѣбовъ не испекала
Для бобыльскихъ дѣтей.

6.

Nūraksteju apakľeit
Pī wōrteń stōwōdama;
Koľc atjōja lānys tautys
Pa ľelui teirumeń.

Связала задокъ,
Стоя у воротъ,
Пока лѣнтяй женихъ
Пріѣхалъ по большому полю.

7.

Kur jōjōt lānys tautys,
Lāņi tak kumeľeń;
Lānes meiteńes pracat'(ū)
Lānajam dōľeńam.

Куда ѣздите, лѣнивые чужане,
Лѣниво бѣгутъ кони:
Лѣнивыхъ дѣвицъ сватать
Лѣнивымъ ребятамъ.

---

[1]) Имя рѣкъ: вмѣсто этихъ именъ вставляются при пѣніи любыя, подходящія къ парѣ другія.

8.

Zinu, zinu, ko waijag
Tōľejām tauteńām:

Знаю, знаю, что нужно
Дальнимъ чужанамъ:

Skuju, skuju kumeľam,
Dzidženeišu jōjejīm.

Хвойныхъ вѣтокъ конямъ
Кнутиковъ ѣздокамъ.

Молодая (невѣста) приноситъ ведро для пива, называемое slaukťiwe. Это слауктиве обвито вѣнкомъ (apuškōta ar waińukīm), изъ него черпаютъ и пьютъ; кругомъ пиршествуютъ, угощаясь сватовскимъ пивомъ и сыромъ; пляшутъ и поютъ насмѣшливыя пѣсни, какъ напр. слѣдующія:

9.

Šis swōťeńš sow bucu
Mazinōt mezinōj;

Этотъ сватъ изъ своей бочки
Ссаки ссытъ;

Wairōk muna kuce mezi,
Ne kà towa buce tak.

Больше ссытъ моя сука,
Чѣмъ изъ твоей бочки течетъ.

А когда сватъ на столъ кладетъ (кукуя майзе) хлѣбъ, поютъ:

10.

Woi, woi tu swōteńs,
Moiźi towi kukulīši:

Охъ, охъ ты сватъ,
Малы твои хлѣбы;

Wairōk muni ciči ľeli
Ne ko' towi kukulīši.

Больше мои титьки,
Нежели твои хлѣбы.

Между прочимъ дѣлаютъ такую шутку: bōbas prosa nū swōta tobak, jis dūd po lopai, meitām kľawa lopas: бабы пристаютъ къ свату и просятъ табаку; онъ имъ даетъ по листочку, при чемъ, дѣвкамъ не табаку, а какой нибудь листъ отъ клена (или другаго дерева).

Второй разъ садятся за столъ и угощаются со стороны матери невѣстиной. Во время этого подчиванія «jauničis dūd jauniw'ei por goldu kurpēs, mōte dūd otkon kraklus, jūsteńš, nōšnicu, ṕērstaińi cimdus i zečis-sKerpatkas молодой даетъ невѣстѣ черезъ столъ пару башмаковъ, а мать ему за это рубашку, поясъ, носовой платокъ, перчатки и носки (польск. skarṕetki) [1]).

---

[1]) Въ *Сталидзанахъ, Рѣж. уѣзда* эти подарки даются «ӯз ĺелу олу» когда пріѣзжаютъ съ большимъ пивомъ.

Когда дарятъ жениха рубахой, ударяютъ его по ушамъ и поютъ:

11.

Neu, werīs, tauta dāls,
Nawa aciś izpeuš:
Ну смотри, чужой чужанинъ,
Глазъ вѣдь не потерялъ; [1])

Kai pajäm nanicin
Migolam, snaudolām.
Когда возьмёшь, не хули
Сонливыми, дремливыми.

Мать три раза ударяетъ жениха по щекѣ съ приговоромъ:

Piľńawoi wīnes,
Береги однѣ

Najpiľńawoi pīces, sešes.
Не береги пять, шесть.

Наконецъ всѣ встаютъ изъ-за стола и идутъ въ хлѣвъ: swōts, jauničis, lūpgons, mōťe, jauniwe pakalīt, lūpgańe ar slaukťiwe olus. Позади всѣхъ такъ называемая пастушка съ ведромъ пива. Въ хлѣвѣ отецъ выбираетъ и отдаетъ въ приданое корову: сватъ кладетъ на рога деньги, которыя отбираются матушкою. Послѣдняя привязываетъ перчатки, полученныя ею отъ молодой. Lūpgońis т. е. пастухъ [2]) выводитъ корову.

Pēcōk īt da wuškoi, jauniwe sasīn ar jūsteńu kōjes, swōts dūd 20 kapīks — потомъ отправляются къ овечкѣ, назначенной въ приданое; молодая поясомъ связываетъ ей ноги и сватъ даетъ 20 копѣекъ за нее, «лупгонис» и «лупгоне» вмѣстѣ выносятъ овцу. Въ клѣть идутъ за сундуками da klēti īt pēc skreini wa teińi. Сундукъ отдается не спроста, а разыгрывается слѣдующая сцена: Brōlis jauniweś śēst uz skreińi. Swōts izlīk 5 kopīkes, brōľis napījem, greuž zemâ. Swōts izlik 20 kop., brōľis otkon greuž zemâ, rubli wīn brōlis pajem i teuľīn atdūd skreinu: Братъ (дружка) невѣсты садится на сундукъ, сватъ выкладываетъ сперва пять копѣекъ, что братъ сталкиваетъ на земь; потомъ двадцать копѣекъ, братъ также бросаетъ ихъ на землю; только за рубль онъ отдаетъ сундукъ. Затѣмъ выносятъ сундукъ на сани или телѣгу и поютъ:

---

[1]) Въ смыслѣ выраженія «глаза, что ли отсидѣлъ?»
[2]) Прозвище одного изъ дружковъ женихова.

12.

Nadūdīt, brōleľeńi,
Pīćīm peura kusteńōt:

Не давайте, братцы,
Пятерымъ приданое трогать,
(съ мѣста);

Lai ceľ wīns tautu dāls,
Ka es wīna pīdarēj.

Пусть подыметъ одинъ,
Такъ какъ я его одна заготовила.

Wedējs atsēd uz skreińis i sōk skreiń dauzīt, klīdz «nes jauniw'e cimdeńus, man rūkas sol». Дружко (т. е. деверь dīwers) или отецъ жениха (weira-tāws) садится на сундукъ, начинаетъ колотить его и покрикиваетъ: неси, молодая, перчаточки, у меня руки мерзнутъ. Приносятъ ему, онъ успокаивается, а если нѣтъ, то онъ всю крышку разобьетъ. Гостей поѣзжанъ, которые за приданымъ пріѣхали, провожаютъ ѣдкими насмѣшливыми пѣснями:

13.

Prūjam, prūjam
Suńi leukti gosti;

Прочь, прочь,
Собакой званые гости;

Suns jeus leudza
Suns jeus pawadeja.

Пёсъ васъ звалъ (пригласилъ)
Пёсъ васъ и проводилъ.

14.

Mon mamińa tei gūtińe,
Kura wairōk pīna dewa;

Дай, маменька, мнѣ ту корову,
Которая больше молока даетъ;

Es redzēju tauteńôs
Stupēm pīnu mērajūť.

Въ чужой землѣ (въ странѣ жениха) я видѣла,
Штофомъ молоко мѣрятъ.

15.

Mon mamińa ťei gūťeńa,
Kurai bolta mugureńa;

Дай, маменька, мнѣ ту корову,
У которой бѣлая спинка;

Tautām bija raibes, malnes;
Muna boltu mugureń.

У чужанина пёстрыя, черныя;
Моя (корова) будетъ съ бѣлой спиною.

16.

Lūpgonai dzīd:

Tiki gaŕa, tiki plota
Šô wokorâ lūpugońe;

Na ķei bījä apgōjuśe
Ar palakos wuceńo.

Скотницѣ поютъ слѣдующіе стихи:

Въ сегодняшній вечеръ скотница
Такъ длина, какъ и широка:

Какъ будто бы она обошлась
Съ сѣрымъ бараномъ.

16.

Apäd laukys gūwu-gań,
Na ar pīn plōceńeiť;

Kam pličea gūwé ūkst
Par ōreńes atdźeidama.

Лысатый съѣлъ пастуха,
Не съ молочной ватрушкой;

Зачѣмъ оголила коровью ж...,
По полю прогоняя.

17.

Kuplu rèiksteit nūlauž
Mōsai gūwes nūdzeidama;

Dūd, dīweń, mōseńai
Tiki kuplu dzeiwōšon.

Толстый прутъ я сломалъ,
Гоня коровъ для сестры:

Дай, Боже, сестрица,
Такую полную жизнь.

18.

Westi weďä wedējiń,
Kū jī weďe, kū naweďā:

Pīkraunite, brōľeľińi,
Sausas molkas wäzumińu.

Дружки вести ведутъ (невѣсту),
Что они вели, что не вели;

Накладывайте братцы
Повозку сухихъ дровъ.

У родителей жениха встрѣчаютъ поѣздъ съ приданымъ такими стишками:

19.

Peuru weďe, peuru weďe
I kucēťi pakaľ tak;

Kū jai bäja natećēť
Kucalāni peureńâ.

Приданое везутъ, приданое везутъ
И сучка бѣжитъ вслѣдъ;

Отчего ей не бѣжать:
Щенята ея всѣ въ сундукѣ.

Поютъ о приданомъ еще и такіе стихи:

20.

Pèura źōrgi atcea [1]),
Bez pèureńa nūteceja;

Mōť ar mèit klēteńâ,
Komōľīm spālejas.

Кони съ сундукомъ прибѣжали,
Безъ приданаго уѣхали:

Мать съ дочерью въ клети
Играютъ съ клубками.

---

[1]) Вм. atteceja, attēcea, atceja, at-ce-a.

21.

Man mameńa gūwe dewe
Saites wīn nàīdèwe;
Мнѣ маменька корову дала,
Тутъ однѣхъ не давала;

Tai säceja nadūdama
Tautôs saitys wëejejńš.
Такъ сказала не давая:
«Чужанинъ совьетъ тебѣ путь».

22.

Jau neuľe, mōmuľeń,
Äs peureń pīdarej;
Уже давеча, мамуля,
Я сундукъ закрыла;

Jau tauteń kumeľeńi,
Maurō* myna pogolmâ.
Уже кони чужанина
На дворѣ муравушку топчутъ.

Поютъ по этому случаю пѣсню о муравѣ, отгадывающую участь незамужнихъ:

23.

Eite, meitys, mauru mēst.
Kurai maurs putawōs,
Идите, дѣвушки, мураву (муръ) мести!
У которой муръ запылитъ,

Tu wèsș weirs
Šu rudeń.
Ту возьмутъ замужъ
Въ эту осень.

24.

Klus, tu muľka, tur tou muť;
Tu nazin, kas man jir:
Тише, ты дурень, замолчи;
Ты незнаешь, что у меня есть:

Sīks man jira seikys naudys,
Peureńš rupu daľdereiš.
Гарнецъ есть у меня мелкой монеты,
Мѣра талеровъ (Ruppios Thaler).

Пріѣхавши къ дому жениха, сундукъ (skreińi) несутъ въ клѣть, а корову ведутъ въ хлѣвъ. Пастухъ не выпускаетъ изъ своихъ рукъ коровы, пока скотница не положитъ поясокъ (zīds=цвѣтъ) на порогъ.

Мать отбираетъ отъ овечки поясъ, затѣмъ slīkšni-jūsteń- т. е. пояски или подвязки положенные на порогъ. Wedējś (dīi wers) дружко (деверь) беретъ перчатки и пояски отъ коровъ. Потомъ «weira mōťe» мать женихова ведетъ пастушку lūpugońe въ комнату, угощаетъ (meilōj) и наконецъ всѣ ложатся спать «swōts ar jauniwe», jauničis ar lūpugańe. Сватъ съ молодой, а женихъ съ пастушкой.

День вѣнчанія. Воскресенье.

Невѣста до поѣздки въ церковь встаетъ, моется; сама завтракаетъ, потомъ пляшутъ «jauńiwe kojis aun poša», молодая обувается, дѣвушки поютъ пѣсни:

25.

Aunīs kōjis, mun mōseńa,
Eīj citâ maleńâ;
Обувъ ноги, моя сестрица,
Иди въ другой (чужой) край;

Atstōj wīta lobojām,
Kam sarīb dzīwōdam.
Уходи лучше отсюда съ хорошимъ,
Нежели жить съ горемъ.

Въ башмаки кладутъ серебряныя деньги (sudobra naudu īlik) [1]), потомъ невѣстѣ голову чешутъ golwu suko. Каждый присутствующій чешетъ ей голову понемножку; подруги плетутъ ей косы и плачутъ Padružkis sapīn golwu [2]).

26.

Jauni brōľi, mozas mōsas
Jau nū mani tōľ atstōj;
Молодые братья, малыя сестры,
Уже отъ меня далеко ушли

Timsi kokťe, dažas wītes,
Kur es gauži nūraudōj(a).
Темные углы, всѣ мѣста,
Гдѣ я слезно плакала.

Oi laimeń mōmuľeń
Ой Лайма, маменька,

Kame tu mani ti atdewi [3]).
Зачѣмъ ты меня отдала (выдала).

Es palaista kai wuškeńa,
Nau man sowas mameńas,
Я оставлена, какъ овечка,
Нѣтъ у меня своей матушки;

Sweša mōťe nau mameńa
Tei da dorba nawuiceja.
Чужая мать (свекровь) не маменька,
Она къ работѣ не пріучила.

Sawa mōťe, eista mōťe
Своя мать, истая мать;

Tei bej labi wuicejuśe.
Та хорошо меня выучила.

Dižam plotes, dziľas jeuras
Woi bez laiwes pōrigōje?
Прешерокія, глубокія моря
Развѣ безъ лодки я перешла?

Dižam gaŕa tautu dzeiwa,
Woi bez wōrga nūdzeiwōju?
Предлинный вѣкъ на чужбинѣ
Развѣ я безъ бѣды проживу?

---

1) «Nu swōta trebowa» отъ свата требуютъ такой монеты, по замѣчанію другихъ.
2) Въ Сталидзанахъ Рѣжицкаго у. также «pamerd'es sapīn bizes».
3) Припѣвъ этотъ (daruna) повторяется послѣ каждой строфы.

Woi tai wiń es pōrbūšu
Kai kolwik es dajūkšu;
Развѣ тогда я проживу,
Когда я привыкну,

Dālă mōtis gŕeuti wōrdi
Tautu dală namileiģi;
Свекровушки слова грустныя,
Чужанина — немилыя;

Es nawar ar tu° w'eiru
Drūši labi parunōt;
Я не могу съ этимъ человѣкомъ
Порядочно поговорить;

Kad es gōju tauteńôs
Wisi weŕas, wisi ťemi (?),
Когда я выходила замужъ,
Всѣ глазѣли всѣ (?)

Kad aizsädu, es aiz golda
Wisi klīdza, wisi brăc:
Когда я сѣла за столъ,
Всѣ кричали, всѣ кликали:

Smeľ ľizeiku nazasmēlai,
Jām' maizītes, rūka swära:
Черпаю ложкою, не вычерпаю,
Возьму хлѣбца, рука отяжелѣетъ:

Tawuicēitis, mōteiceńe,
Nī wīns mańi naīredz;
Свекоръ, свекровка,
Никто меня недолюбливаетъ;

Wuška tak pulcińâ
Kur mamińa äs teceju?
Овца бѣжитъ въ стадо,
Куда, маменька, я побѣжу;

Man sirsnińa pleisiń pleisa
Nu ľelu žălobeńu;
Сердце мое разорвется
Отъ жалости большой.

Atsaškēru nū tos eiles,
Ku(r) saīt jauki lustīgi.
Отдѣленная отъ той среды,
Гдѣ сходятся молодыя и веселыя.

Tīsa, tīsa ir sīwēišu
Jau tis wirs sweš patīšu.
Правда, правда у женщинъ
Мужъ дѣйствительно чужой.

Jau sīwēišu gŕeuti sworki
Kaip turatu mīru dorgu.
Уже платья женины тяжелы,
Чтобы соблюдать миръ дорогой.

Wel ik da cik gudra äsmu
Woi pīdzeiwōt, wis kū prūt.
Умна ли еще буду настолько,
Чтобы нажить всё, что сумѣю.

Uľo reima, prožors troku°
Wis olkono° wīn palika.
Гуляетъ обжора, прожорливый бѣшенствуетъ,
Всё голодные только остались.

Dīwireiši, mōseceńas
Wisi uz manis greiž i weras.
Деверья, золовки
Всѣ на меня оборачиваясь глазѣютъ.

Man mamińa tai atšķeira,
Kai wuškińa teirumâ.
Маменька меня такъ оставила (отлучила),
Какъ овечку въ полѣ.

As nūgōju da brōľem
Nawarēju parunōt.
Отошла-бы къ братьямъ,
Не могу разговаривать (ни съ кѣмъ).

Man nameiľa tein ar skrein,
Äs narōtis tautu dzeiwas.
Мнѣ не милы ни лари, ни сундуки,
Я не рада жизни на чужбинѣ.

Atdūtum tein ar skrein,
Ī gūteń ar wuškeń;
Отдала бы лари и сундуки
И корову съ овцой;

Ka atdūtu wainuceń,
Kur nosau (u) broľeńûs.
Если бы возвратили мнѣ вѣнокъ,
Который я носила у братьевъ.

Mušen man to neredźeit,
Kad nōšōt wainuceń;
Врядъ-ли бы то нажила,
Когда бы носила еще вѣнокъ;

Sukot manu glud galweńu,
Sīt man boltu lakateńu.
Расчесали мнѣ гладкую голову,
Обвязали (окрутили) бѣлымъ платкомъ.

Lobōk beutu tâ dīneńâ
Zam eglītes guľējuśe.
Лучше бы я тотъ день
Проспала подъ елкою.

Nagōjuśe bazńeicâ,
Nameijuśe gradzeńim.
Не пошла бы въ божницу (церковь),
Не мѣнялась бы кольцами.

Oī laimeń, momuľeń,
Ой Лайма, маменька,

Kame tu muńi ťi atdewi.
Зачѣмъ ты меня отдала.

27.

Kad aiz golda aizasēd, brugonai dzīd:

Dasaśēda grīzes golwa
Pī tō muna brōľeľeńa;
Присѣла дергачья голова
Къ моему братцу;

Muns brōleńa, kai kundzeńš,
Zaltońīm mateńīm.
Мой братецъ, что баринъ,
Въ золотыхъ волосахъ.

Эту пѣсню поютъ въ насмѣшку надъ невѣстою, когда садятся за столъ.

Невѣста одѣваетъ вѣнчальное платье; братъ ей кладетъ вѣнокъ на голову; въ это время поютъ:

28.

Zorots muns wainuceń
Naľen tautu kletińâ;
Суковатый (вѣтвистый) вѣнокъ
Не входитъ въ клѣть жениха:

Laužu zoru īleizdama
I ūtru izleizdama.
Сломалъ сукъ, входя,
И другой, изъ нея выходя.

29.

Woi, woi tu mōseńa
Tawa skaista wainuceńa;
Охъ, охъ ты, сестрица,
Жаль твоего краснаго вѣнка;

Lobōk weiru pīcētuśe [1])
Na toa skaisto wainuceńa.
Лучше обойтись безъ мужа,
Чѣмъ остаться безъ вѣнка.

[1]) Отъ pi-ćest, лит. kęsti (терпѣть) pīcetu терпѣлъ лишеніе, недостатокъ.

Первый погостъ. Pogostâ saukt.

Посаженый отецъ (wokorains) вмѣстѣ съ посаженой матерью (wokoraińe) созываютъ погостъ т. е. всю свадьбу для сбора подарковъ въ пользу невѣсты. «Eit, eit šur» pogostâ saukt, kū naaizmesīt, tō peles sakopūs Сюда, сюда: созвать погостъ, что вы не бросите, то мыши съѣдятъ. Wokoraińis i wokoraińe ar jauniw'ē aizsēd aiz golda, ka ìsōk saukt pogostâ. Всѣ садятся за столъ. Mōte lik aiz golda škeiwu, apsītu ar boltu skeusteńu. Мать ставитъ на столъ тарелку, обвязанную бѣлымъ платкомъ.

Вокорайнисъ кнутомъ три раза ударяетъ объ матицу и кричитъ: Ei mōťa pogostâ Иди, мать, на погостъ! paprìšku sōuc mōťe i tāwa. Mōťe swīž daliskus kraklus ar jūstu, tāws naudu, brōľi, mōsys cimdus, pìdorknis citi; kū ir. Сначала вызываютъ отца и мать. Мать бросаетъ рубашку въ подарокъ вмѣстѣ съ поясомъ, отецъ монету, братья также деньги, сёстры перчатки, рукавчики, а другіе — кто что имѣетъ. Jauniw'e par tū paklonōs i pabučo kožnam rūku, brōlis dūd olus. Молодая за то кланяется, руку цѣлуетъ, братъ каждому дарящему подаетъ пиво. Родственники первые кидаютъ подарки; чужихъ послѣ нихъ призываютъ такими словами: «Wisi nū pulka, cik kas turit, mātiť pogostâ» Всѣ изъ собранія, сколько кто имѣетъ, кидайте погостъ — подарки! Наконецъ *вокорайне* отбираетъ всѣ подарки. Wokoraińe del jauniwes sańema wisa i pìcak padūď jauniw'ei. Jauniw'e wisīm klonōs wa mozom bārnom, wisīm klonōs. Молодая, получая отъ нея эти подарки, каждому въ собраніи безразлично, будь это и дитя, съ благодарностью кланяется.

Pogosta dzeismas.

30.

Šei jauniw'ei šu wosor
Nu pakresľu pakresľi;
Въ эту весну этой молодухѣ
Изъ тѣни въ тѣнь;

Tai saceja ludodama
Pīmet man pogostu.
Такъ сказала, прося:
Брось мнѣ погостъ.

31.

Mätit ľaudis pogostâ
Naturiť ozuťê,

Кидайте люди «погостъ»
Не держите (дары) за пазухой:

Kaì jeus turesit ozuťê,
To jums pelis sakopōs.

Что (когда) за пазухой держите,
То мыши съѣдятъ.

32.

Netiklis brōľeń
Taľderu mest!
Kapeiku meťā

Неуклюжій братецъ,
Талеръ бросай!
Копѣйку бросилъ,

Pì pērsta pīlypa.
Nakauns brōľeń
Daľderi mest.

Къ пальцу пристала.
Безстыдный братецъ,
Талеръ бросай!

33.

Pogostâ, ľauteńi, pogostâ sauća
Ne sauća jēreńi, ne kezlēńeń.

На погостъ, людишки на погостъ зовутъ,
Не ягнятъ зовутъ, не козлятъ.

Cimdeń, zečeiš pogostâ saućā.

Перчаточки, носки на погостъ зовутъ.

34.

Ku meteiš pogostâ?
Pogostô, pogostô!

Что брошу на погостъ (даръ)?
На погостъ, на погостъ!

Wilku meš pogostâ
Pogostô, pogostô!

Волка брошу на погостъ
На погостъ, на погостъ!

Škit ruceńes nasopūť,
Pogostô, pogostô!

Кажется, что руки не болятъ,
На погостъ, на погостъ!

Taidas zweŕs cālojūť,
Pogostô, pogostô!

Такихъ звѣрей подымая,
На погостъ, на погостъ!

35.

Wairōk meus brōľeńam
Šo wokōre [1]) sādejum;

Больше (пользы) у нашего братца
Въ сегодняшній вечеръ сидѣть;

Na kai tautos snaudolai
Wisa meuža darejums.

Нежели невѣстѣ
Весь вѣкъ работы принесъ.

---

[1]) — или wokare, звукъ *a* неопредѣленный $\overset{a}{o}$.

Когда поѣздъ отправляется въ церковь, свату (какъ представителю жениха) загораживаютъ дорогу простынею (ar pologs), требуя отъ него колыбельныя деньги; сватъ бросаетъ сорокъ, либо двадцать копѣекъ. Swōts (šiupuľa naudes) ̓met wa 40, wa 20 kopīko. Ar bolta paladzeńu apsīte golwu jauniw̓ei, wisi dzīd nu gromatas swatu dzīsmu «Ateis swōts gors Dīws raditajś». Невѣста, подвязанная бѣлымъ платкомъ, отправляется въ церковь; всѣ поютъ изъ книги священныхъ пѣсенъ: «Пріидетъ Святой Духъ, Богъ родитель».

Молодой до вѣнчанія одѣвается одинъ, а въ церковь ѣдетъ вмѣстѣ со своими дружками (ar wedējīm). *Въ церкви:* Молодая бросаетъ на церковный ковёръ въ ноги ксендзу поясокъ или монету какую нибудь въ пользу церковныхъ слугъ, или въ жертву. jauniw̓e swīž naudu, jūsteńu zam kōjam bazneickunga uz dečis, tai ir zīdu. Jt ōrâ nū bazneica, turēdama aiz skeusteń ar loba rūkă. Изъ церкви выходятъ молодые, держась правой рукой за платочекъ. Послѣ вѣнца заѣзжаютъ куда-нибудь «laulibos est» закусить, — если вблизи есть корчма, то въ корчму, если нѣтъ, то около телѣгъ. Pīcōk brauc da sāta, da jauničam. Затѣмъ ѣдутъ въ домъ новобрачнаго.

Если молодая по пріѣздѣ сумѣетъ выскочить одна, то хорошо; ежели не успѣетъ, то ее высаживаетъ сватъ, за что она должна ему дать пару перчатокъ

(Ka pībrauc pogolmâ) Когда въѣзжаютъ на дворъ, поютъ:

36.

Dziľu palteńi pīmezu
Brōleľeńa pogolmâ;
Tur nūsleika tauteńom
Pats lobojis kumeľeńš.

Глубокую лужу на... ла
На братниномъ дворѣ;
Тамъ утонулъ у чужанина
Самый лучшій конь.

Встрѣчаютъ молодыхъ отецъ и мать новобрачнаго, отецъ съ пивомъ, матушка съ хлѣбомъ-солью, съ творогомъ и масломъ. Огонь подаетъ ребёнокъ, за что ему невѣста даетъ поясокъ, отцу перчатки, матери рукава. Tāws īt prīškâ ar ols kreuzes, mōťe nes maizes ar pīnu un ar swīstu. Guń padūd bārns. Tāwam jauniw̓e dūd cimdus pérstaińus, mōťei pīdorknis, bārnam jeusteńu.

Когда поѣзжане входятъ въ комнату, поютъ:

37.

Nabeja bejuši
Pārneja bejuma;
Grēdīte tilteńu
Por ustubeńu:
Lai munas kōjeńes
Nà apmerk!

Быть не бывало
Прошлогодняго событія;
Кладите мостикъ
Черезъ хаточку,
Чтобы мои ножечки
Не замочились.

Когда молодую ведутъ черезъ порогъ (kai jauniw'e īwad par slīgsnu):

38.

Teiši muni brōľeľeńi
Augstis slīksnis taisejuš;
Lai ťe tautu wådzeľei
Pāri pleśe wedereńš.

Нарочно мои братчики
Высокій порогъ сдѣлали;
Чтобы жениховы дружки
Брюшко (себѣ) продрали.

Идутъ въ избу въ такомъ порядкѣ: впереди всѣхъ молодые, затѣмъ другіе поѣзжане. Садятся за столъ, даютъ ѣсть и пиво пить [1]). Сперва сватъ начинаетъ ѣсть. Въ это самое время «wokoraińis ar pōtogis kotu sit por cepľi, uzkōpis uz wińa. Wokoraińis klīdz: man solts. Tāws jaunītes pīnes krūze olus, padūd jam rūkâ, sokūt «Tik nadauz muna cepľa». Wokorains sed aiz golda, soka, tagad es saus bārns počuwōšu. Wokorains pats dzer i dūd wisam eilu: дружко-вокорайнисъ [2]) кнутовищемъ бьетъ печку, на которую взлѣзъ и кричитъ: «мнѣ холодно». Отецъ молодой приноситъ пива и даетъ ему ковшъ въ руку, приговаривая: не разбей только мнѣ печки. Тогда вокорайнисъ садится за столъ, говоря: теперь я своихъ ребятъ (дѣтей) поподчую; самъ пьетъ и всѣмъ другимъ даетъ пить.

Надѣваніе чепца. Mičošana.

Всѣ отправляются потомъ въ клѣть: «jauniwe pī skreinis uz krāsla, jauničis apwelk cimdes, īt klōt pī jauniw'es waińuku jemt. Jauniw'e raud, nàdūd. Wińš sūla jauniw'ei «Es īdošu uz

---

[1]) По латышски: Aizīt ustobâ. Paprīškâ jauničis ar jauniw'e. Krīzkoktâ atsasād. Wokaraińe pi jauniwes sad.

[2]) Отъ слова wokors = вечеръ, вечерній шаферъ, дружко.

rudeńu lińu dwacatku. Jauniw̓e īdūd. Uzlīk waińuku lūpgońai. Молодая садится у сундука съ приданымъ на стулъ. Молодой, одѣваетъ перчатки и подходитъ снять съ молодой вѣнокъ. Она плачетъ, не даетъ. Онъ обѣщаетъ ей тогда подарки и выкупъ: «я дамъ тебѣ осенью льну двацатокъ». Тогда она отдаетъ свой вѣнокъ. Берутъ вѣнокъ и кладутъ пастушкѣ (скотницѣ) на голову.

Swōts uzlīk sauu cepuri jauniw̓ei. Jauniw̓e nūgreužī cepuri zemê, uz pokaľa. Tagad brōľis uzlīk capur jauniw̓ei. Jauniw̓e otkon nūgreuž. Pats jauničis uzlīk. Jauniw̓e nūńem cepur, nūľik sawâ klēpî. Сватъ первый надѣваетъ свою шапку на невѣсту; невѣста отталкиваетъ ее прочь; тогда братъ надѣваетъ ей свою шапку, она опять отталкиваетъ шапку; наконецъ женихъ надѣваетъ ей свою шапку; тогда невѣста снимаетъ шапку и кладетъ ее себѣ на колѣни, при чемъ поются слѣдующія пѣсни:

39.

Nūńem munu wainuceńu,
Nūńem munu wīglu dīnu;
Nakt bej muna wīgla dīna
Zam waińuka gulejs [1]).

Сняли мой вѣнокъ,
Смѣнили легкіе дни;
Ночью, моя легкая жизнь
Подъ вѣнкомъ спала.

40.

Pasaklon tu, Ilzeiši, [2])
Jōnišam [2]) da zemei;
Ka nadew̓ej tawu maťeń
Wējenam purenōt.

Поклонись ты, Илза (Елизавета),
Ивану до земли,
Что не далъ твои волоса
Вѣтрамъ развѣвать.

41.

Ilzeši mōseń,
Mičōta sīra,
Ka man mičōs,
Âs täw dūšu.

Изочка, сестрица,
Для чепца дай сыру;
Когда ты меня обвяжешь,
Я тебѣ дамъ.

и при пѣніи этой пѣсни невѣста даетъ сыру.

Weira mōťe uzmauc jaunīw̓ei čipuku golwâ. Jauniw̓e nūmauc. Ūtrâ reiz(â) uzmauc. Trešâ reizâ, ka uzlīk, weira mōťe, jaunīw̓e

[1]) Вм. gulejuśe.
[2]) Т. е. N. N. имя рекъ, вставляется имя невѣсты и жениха. Для примѣра у насъ употребляются имена Илза (Елизавета) и Иванъ.

posaklon weira mōťei i rūku nūbučoj, i cimdus jai aiz rūkos izlīk. Jauniw'e i jauničis mōťei dūd, i wisam sīre i ols, dzīsmas dzīd. Жениховa мать надѣваетъ молодой чепецъ на голову; та снимаетъ; въ другой разъ надѣваютъ; когда надѣваютъ въ третій разъ, она кланяется матери, руку ей цѣлуетъ и кладетъ ей на руки перчатки. Женихъ и невѣста (молодые) даютъ сначала матери, потомъ и всѣмъ присутствующимъ сыру и пива. Пѣсни поютъ насмѣшливаго характера, какъ напр.:

На свата нападая:

42.

Atskrej swōťens
Ar wīnu ūsu;
Прибѣжалъ сватушка
Съ однимъ усомъ;

Izlāj koktâ,
Kai koza rogs.
Всунулъ въ уголъ,
Какъ козлиный рогъ.

43.

Kū swōteńs tu atstōj,
Sowu sīwu strōdojūť?
Что, сватушка, ты оставилъ
Своей женѣ работать?

Atstōj euzes lōpejūť,
Kur saplēsa rindžeijuť.
Оставилъ штаны чинить,
Что разорвалъ, играючи.

44.

Ku suoteńs šur atskrēj
Nasukot namišnik;
Что сватушка сюда прибѣжалъ,
Съ нечесаннымъ....

Ej, iz pure sēst uz kŕeutis,
Sukoj souu namišnik.
Иди въ болото, садись на кочку,
Почесывай свой.....

Молодому поютъ:

45.

Kur Jōneite [1]) tei wolēiťe,
Kur tu ǩiuŕi mōmuťeń?
Гдѣ, Ваня, колотушка,
Которой ты колотилъ матку?

Iz cepleiša, kakteńâ,
Ar kū kult ľaudaweń.
На печкѣ, въ уголку,
Чтобы ею молодую колотить.

---

[1]) Или N. N. имя рекъ.

46.

Ka beutum zinawuśe,
Kaida tauta dzeiwošana;
Когда бы я знала,
Что за жизнь на чужбинѣ;

Beutu akmeńi īwaluśe
Na kōjeu izparus(e).
Я бы камни туда навалила,
А не ступила бы ногою.

ВАРІАНТЪ.

Kur Jōneite woľe lik (положилъ валёкъ).
Kur tu ќiuľa mōmuleń;
Jz cepleiša, aiz sējeńes (за матицею),
Ar kū kult ľaudaweń.

Uz ustuba atīt i sāst aiz golda. Weira mōťe gaľi līk, tāws ols mōťe otkon kōpusts gŕeudeń, pīn plōceńu. Dzer, ād wisi. Возвратившись изъ клѣти въ избу, садятся за столъ. Мать жениха ставитъ на столъ говядину, ячменную гущу, творогъ, аладьи, а отецъ — пиво. Всѣ ѣдятъ и пьютъ.

Второй погостъ. Ūtrs pogosts [1]).

Swōťs sauc pogostâ; paprīšku jauniča tāwu i mōťe. Sit pa sīnu i klīdz: Eij da pogosta, tāws, tāws baglslouej saus bārnś. Pabeig reize ītai šeltińai, cik turādams. Tāws swīž naudu uz appuškotu škeiwu. Jauniči klonōs abi diwi reizâ. Сватъ созываетъ погостъ, сначала вызывая родителей молодого. Ударяетъ онъ кнутомъ по стѣнѣ и кричитъ: Приходите на погостъ! Отецъ, отецъ, благослови своихъ дѣтей. Въ послѣдній разъ кидай, сколько имѣешь. Отецъ бросаетъ монету на тарелку. Молодые за это оба вмѣстѣ ему кланяются.

Ka na pasaklonās dreiži, dzīd; если не скоро кланяются, тогда поютъ:

47.

Aiz kū tautas šū wokor
Nasaklona mameńai?
За что чужанинъ въ этотъ вечеръ
Не кланяется матушкѣ;

Woi jīm golwa na wosala,
Woi kopure mugurâ?
Развѣ у него голова не здорова,
Развѣ чирей на спинѣ?

---

[1]) Т. е. второе собираніе подарковъ для молодыхъ.

Mōťe, mōťe da pogostam и т. д. какъ выше. Mōťe atnes iskrekle. Затѣмъ сватъ вызываетъ мать; она приноситъ женскую короткую рубашку (въ два аршина длины обыкновенно). Всѣ подарки отбираетъ вокорайне. Потомъ вызываетъ онъ другихъ, чужихъ. Дружки въ этотъ разъ ничего не бросаютъ. Деньги получаетъ молодой, а вещи черезъ вокорайне молодая. J't uz klēti, pīcōk pōrsarūš, pāād wakareńes un ìt gulēť. Weira mōťe sataisa gultu, īkloj sowu pologu. Skripačs pawadaja da durņei. Padružkās ar wedejīm īt uz peņńi gulēť. По окончаніи второго погоста ѣдутъ въ клѣть переодѣваться, ужинаютъ и совсѣмъ отправляются спать. Женихова мать дѣлаетъ постель и подстилаетъ свою простыню. Молодыхъ до дверей провожаетъ скрипачъ. Подружки съ дружками ложатся спать въ сараѣ.

Когда отправляются въ клѣть невѣстѣ обвязывать голову [1]), поютъ:

48.

Gultu gaileit iztecēja!
Gultu, gultu!
I wisteńa pakaľ tek,
Gultu, gultu.
Saglauduśe cakuleń
Gultu, gultu!

Пѣтушокъ выбѣжалъ изъ постели!
Спать! спать!
И курочка сзади бѣжитъ,
Спать! спать!
Погладивши хохолъ,
Спать! спать!

49.

Nateći peľīť
Zam tos klētińes:
Tur guľ jauns puisis
Ar jaunu meitu.

Не бѣгай, мышечка,
Подъ эту клѣть:
Тамъ спитъ молодой парень
Съ молодой дѣвицею.

Въ старину, по сообщенію (1884 г.) Маргариты Вяксы, молодыхъ уводили спать (guľdinat = уложить), при соблюденіи разныхъ обычаевъ, которыхъ теперь въ заводѣ уже нѣтъ. Такъ, рѣзали сыру и хлѣба и удѣляли всѣмъ по кусочку. Къ этому жертвенному сыру относится старинная пѣсенка:

---

[1]) Kà'it da klētei golwu sīt, по латышски.

50.

Jauniẃe, mōseńa,
Guľd́eita sīra;
Молодуха сестрица,
Уложеннаго сыру

I äs teẃ deẃ,
Kà mań guľd́eja.
И тебѣ я далъ,
Когда меня уложили (спать).

Отъ жениха выпрашиваютъ водки:

51.

Jaunič, brōľeit,
Guľd́eit brandiwińa;
Молодой, братецъ,
Водки уложенной (т. е. въ награду
за то, что уложатъ спать);

I äs teẃ deẃ,
Ka mań guľd́eja.
И я тебѣ далъ,
Когда меня уложили.

Когда уже собираются уложить спать молодыхъ, поютъ:

52.

Gulāt slūka, gulāt eŕbe
Gulāt skreja wanadzeńš;
Спать куликъ, спать куропатка,
Спать уже пошелъ ястребокъ;

Eij gulāt tautu dāls,
Jau äs wīt pataiseju.
Иди спать, чужанинъ
Уже я постель сдѣлала.

53.

Taisi wīt, ľaudaweń
Taisi seẃ, taisi mań:
Стели постель, невѣстушка,
Стели себѣ, стели мнѣ:

Seẃ i, mań taiśēdama,
Tais munai mameńai.
Себѣ, мнѣ стелючи,
Стели и моей маменькѣ.

54.

Dasaguld pī atraiša
Kai pī staba gabaľeńa:
Прилегла ко вдовцу,
Какъ къ столбу:

Wises runys izrunōtys
Ar wacú ľaudoweń.
Все его слова уже высказаны
Прежней милой (женѣ).

Буженіе новобрачныхъ въ понедѣльникъ.

Мать жениха съ скрипачемъ приходитъ въ клѣть, гдѣ спятъ молодые, и будитъ ихъ словами: «Вставай, вставай молодой!» Мо-

лодуха, когда встаетъ съ ложа, бросаетъ на постель цвѣтъ—жертвоприношеніе, состоящее изъ кусочка сыру и пояска. Изъ клѣти всѣ опять отправляются въ избу: впереди молодые, сзади матушка съ скрипачемъ. Проводивши молодыхъ въ избу, идутъ потомъ будить другихъ поѣзжанъ и догоньщиковъ. Когда всѣ встанутъ, собираются въ избѣ мыться. Прежде всего матушка ставитъ блюдо съ водою, въ которую молодымъ, умывшимся, бросаютъ цвѣты—деньги, какую нибудь монету, пятачокъ либо двугривенный. Дружки бросаютъ по копѣйкѣ. Потомъ всѣ садятся за столъ завтракать.

Молодой одѣваютъ чепчикъ, а подружкѣ вѣнокъ. Начинаютъ въ хатѣ плясать и гулять до обѣда; когда садятся полудничать и потомъ снова пляшутъ, пьютъ пиво и поютъ всякія пѣсни напр.:

Paprīška ìt weira mōte i skripačs da klêtei «Īcel̓as aukšâ, jauničis, cel̓ aukšâ»! Jauniw̓e caldamōs nū gultas aukšâ, pomet zìdu (sīra gabaleńš i jūsteńš) gultâ. Nū turen wisi ìt ustubâ. Paprìškâ jauniči, mōte ar skripači nū pakal̓as. Salaižos ustubâ, ìt otkon ponokšńus calt. Wisi pulkâ sanōk ustubâ, mozgojās. Paprìška weira mōte postaw trauku ar ūdeńu, kuramá mozgojās jauniči ìmat zìdu naudu (5—20 kopìk). Ponokšńi ìmat pa kopeiki. Ī̓t wisi aiz goldu i brūkasti tur. Peč brūkašk jauniw̓ei padružkes sukā mots. Jauniw̓e uzlìk golwâ čipuku, a podružkei waińuks. Ustobâ sōk doncōt i do puzdìńai ul̓awoj. Wisi sādas aiz golda i diniškas. Doncoj, olu dzeŕ, wisaidi dzìd:

55.

Brōlel̓eńi, brōlel̓eńi tralala, tralala!
Mōsa taki kōjeńom; tralala, tralala!
Kur, tautìt, śermi zirģi, tralala, tralala!
Kur rakstìtas kamaneńes? tralala, tralala!

Братцы, братцы, тралала, тралала!
Сестра пѣшкомъ бѣжитъ; тралала, тралала!
Гдѣ, женихъ, сивые лошади? тралала, тралала!
Гдѣ раскрашенныя сани? тралала, тралала!

56.

Zal̓a puča, bolti zīdi
Mušen jai kol̓er taids;
Jauna meita, gudra rūka,
Mušen pì jōs pońāds taids!

Зелёное растеніе, бѣлые цвѣты,
Можетъ быть у нея такой цвѣтъ; (couleur)
Молодая дѣвица, умна рука,
Можетъ быть у нея такой порядокъ!

Въ 1884 году сообщили мнѣ еще слѣдующіе насмѣшливые стихи, соотвѣтствующіе ситуаціи [1]):

57.

Šū wokor wädeńai
Stōwe cići, sorkons ķeus!
Сегодня у невѣстки
Стоятъ груди, красныя. . . .

Kai jeus mani naticet,
Koš nū slīkšnu waicojīt.
Когда вы мнѣ не вѣрите,
То хоть у порога спросите.

58.

Jeus ľauteńi nazinōt
Kū tauteńas mań dareja
Вы людишки не знаете,
Что суженый сдѣлалъ:

Stīpe, stīpe garumâ
Sōka welt rasnumâ.
....
....

59.

Jōjīt brōľeńi, najōjīt,
Jau mōseńa nawa solâ;
Поѣдете братцы, не поѣдете,
Уже сестры нѣту въ деревнѣ;

Jau mōseńa pasadeura
Jz ūzuľa žagareńa.
Уже сестра прокололась
Дубовымъ хворостомъ (прутикомъ).

Надъ парнями (puišam dzīd) насмѣхаясь въ это время поютъ:

60.

Aiz ko mań mōťe pēŕe
Trīs reisēįťe dīneńâ;

За что меня мать отодрала
Три раза въ день;

Man proteńš iz meiteń,
Jz labośi kumeleń
Ai da ľuli, ľubo da ľuli!
Мой умъ стоитъ на дѣвушкахъ,
На хорошихъ лошадяхъ.
Ай да люли, любо да люли!

61.

Когда дружки (wēdeji) сидятъ за столомъ, поютъ:

Slēdzīt lūģis, werīt duris,
Muńi bolti brōľeľeńi;
Заприте окна, закройте двери,
Мои бѣлые братцы;

Lai tī slōpoj sweši ľauds
Ar tīm leuš(ū) kažūkīm.
Чтобы здѣсь задохлись чужане
Въ рысьихъ тулупахъ.

[1]) Поютъ, когда невѣста первый разъ послѣ вѣнца показывается гостямъ.

62.

1. Oi dīweń, kū darīt!
Grib man jimti brōleľeń.
2. Mauču sawu gredzeńiń
Zaľes nīdres w'ersaunītês.
3. Kōru sowu wainuceńu
Boltes pučes galeńâ.
4. Līnu pošâ azarâ,
Raudiwēšu pulćińâ.
5. Lobōk beušu raudiwēte,
Na brōľeńi ľaudoweń.

1. Ахъ Боже, что дѣлать!
Хочетъ жениться на мнѣ братецъ.
2. Колечко свое надѣну
На верхушки зеленаго камыша.
3. Повѣшу свой вѣночекъ
На кончикъ бѣлаго цвѣтка.
4. Сама брошусь въ озеро,
Въ стадо уточекъ.
5. Лучше буду уточкою,
Чѣмъ женою брату.

α) Накованье жерноsовъ.

Послѣ завтрака забавляются разными шутками. Pec brūkoškanas īt dzernowu kalt. Wakaraińis soka «Puiši kas tā beus, kā dźernawos na oses, waijag īt dźernawus kalt». Wakaraińis pajem leuku, dasin zwon(ū), izlīk uz place to leuku un īt dźernawas kalt. Dauz dźernawas, zwons skan, klīdz. Eij, jauniw'e, eij jauniw'e sadauzeitas dźernawas. Tad jauniw'e nes cimdus i lik aiz dźernawus. Wakaraińis pōrstōj dauzīt. Послѣ завтрака идутъ жернова набивать (точить). Посаженый отецъ говоритъ: «Ребята, что же будетъ, когда жернова не остры, надо ихъ набивать (оковать)». Посаженый отецъ беретъ дугу, привязываетъ колокольчикъ, кладетъ себѣ её на плечо и отправляется ковать жернова. Набивая жернова и звоня колокольчикомъ, онъ кричитъ: «Сюда, молодуха, сюда молодуха, жернова разбиты». Молодуха несётъ пару перчатокъ и кладетъ ихъ на жернова. Посаженый отецъ тогда перестаетъ ковать, (или бить) жернова.

β) **Обивка бочки.**

Swōts ìt pì buces, dauza buce, klìdz ka ōls nàtak. Teulen dait jauniw'e, cimdus uzlīk uz buces, swōts atlaīž olus, dūd wisīm dźert, sacīdams ka tas pa dźernawu kalumu i pa buces dauzijumu. Сватъ подходитъ къ бочкѣ, ударяетъ по ней и кричитъ «пиво не течетъ». Сейчасъ приходитъ молодуха класть на бочку *перчатки*. Потомъ сватъ цѣдитъ пиво и даетъ всѣмъ, приговаривая, что это — за набиванiе жерноновъ и за обивку бочки.

γ) **Чистка колодца.** Oku izteirīt.

Мать жениха черпаетъ воды; молодуха при этомъ кладетъ на колодецъ поясокъ; кто приближается къ колодцу, того обливаютъ водою. Потомъ черпаютъ еще ведро воды изъ колодца. Значенiе колодца въ свадебной пѣснѣ показываютъ слѣдующiе стихи:

Weira mōte pasmeľ jeuden, jauniw'e teulen uzlīk jūsten aiz oku, a kas daìt klot, tam laij ar jeuden w'ersu. Pìsmeľ nū okes spani euden.

63.

Kam, tautìti, uoku roki,
Kamtew okas waijadzēja;
Gona towam jeudenam,
Munu gauda asāren.

63ª.

Kam, tautis, oku rok,
Kam tew okas waidzēj;
Gon towam muženam
Mun gouda asarena (u).

Зачѣмъ ты, суженый, копаешь колодезь,
Зачѣмъ тебѣ колодезь нуженъ;
Довольно тебѣ водички
Отъ моихъ горькихъ слезъ.

δ) **Топка бани.** P'ērtes kurināt.

Jt' p'ērtes kurināt. P'ērtes kurinaj weira mōte i jauniw'e. Kas daìt pī p'ērtes klōt, tam weira mōte slūtū apm'ērcej un swīž jeudena acìs. Jauniw'e izlīk uz krōsni jūsten. Weira mōte nūnem.

Идутъ баню топить. Баню топятъ мать жениха и молодуха. Кто къ банѣ близко подходитъ, тому мать вѣникомъ брызгаетъ въ глаза воды. Молодуха кладетъ на каменку поясокъ. Матушка жертву убираетъ.

ε) Топка печи въ избѣ. Cepľa kurinašana.

Изъ бани уходятъ въ избу и начинаютъ печку топить, всовывая въ нее разную посуду, вёдра, солому, горшки, ложки, приговаривая: «холодно, надо печку топить». Печку топятъ лишь посаженый отецъ, дружки и мать. Если изъ чужихъ кто-нибудь приближается, то его встрѣчаютъ словами: «Иди сюда, иди сюда, такое полѣно (колоду) намъ здѣсь и надобно». Молодуха на припечку кладетъ носки. Мать мужа убираетъ; дружки говорятъ, что имъ жарко и просятъ пить. Даютъ имъ пить [1]).

Nū ṗērtes ìt uz ustubu, sōk kurināt cepľi, ībōž wisaidu trauku, bľūdes, cises, podes, ližeikos, soka «waijag cepľi izkurìnāt, solts». Cepľi kuri tik wakaraiňis, panōkšňi i weira mōťe. Ja ìt swešais klōt, to soka «Eij šūr, eij, taida bleuča tur ir waijadzēga». Jauniw'e līk uz pōrta [2]) zečis. Weira mōťe pajem. Ponōkšňi soka: «korsts wiňīm äs», dūdit d́ert. Nes d́ert klōt.

Послѣ завтрака молодуха и подружки ея чешутъ себѣ волосы. Она одѣваетъ чепецъ, одна изъ подружекъ вѣнокъ; танцуютъ и гуляютъ до самаго полудня. Во время обѣда и послѣ него поютъ выше уже приведенныя пѣсни и насмѣшки. Одна партія обѣдаетъ, другая — надъ ней насмѣхается.

По окончаніи обѣда говоритъ мать: «paădušì braućet uz sātu, olus wairōk nau. Tāus saňem spundis nū buce un līk uz golda, soka, «nau olus, laiks jau braukt». Поѣзжайте домой, пива больше нѣтъ. Отецъ вынимаетъ втулку изъ бочки и кладетъ ее на столъ, приговаривая: «Нѣту больше пива, пора ѣхать».

Потомъ переодѣваются. Передъ отъѣздомъ всѣ еще разъ садятся за столъ, и созывается *третій погостъ*.

---

[1]) Въ Сталидзанахъ, Рѣжицкаго уѣзда, относительно 5-й шутки волостной старшина увѣрялъ, что такія сцены хотя встрѣчаются, но рѣдко (reš). Другія шутки (α—δ) у нихъ вовсе не встрѣчаются.

[2]) = pārts. форма, употребляемая, по Ульману, въ Опекальнѣ въ Лифляндіи.

Третій погостъ (Собираніе подарковъ въ пользу невѣсты).

Сватъ созываетъ его. Прежде всѣхъ на тарелку бросаетъ самъ сватъ (какъ приношеніе невѣстѣ) одинъ рубль. Отецъ кладетъ ей одипъ хлѣбъ на столъ и благословляетъ въ послѣдній разъ свое дитя хлѣбомъ. Молодые за это цѣлуютъ отцу и матери руки и дѣлаютъ земной поклонъ. Послѣ этого вызываютъ братьевъ, сестеръ, дружекъ и дружковъ невѣсты; каждаго вызываютъ три раза. Во второй разъ сватъ самъ кладетъ двадцать копѣекъ, и всѣ, кто сидитъ вокругъ стола — дружки и шафера невѣстины кидаютъ по монетѣ; подружки перчатки кладутъ, посаженая мать даетъ длинную рубашку. Въ третій разъ сватъ даетъ десять копѣекъ и говоритъ братьямъ: «Кидайте, братья, въ послѣдній разъ, сколько имѣете, благословляйте ихъ!» Подруги теперь даютъ короткія рубашки; братья — по пяти копѣекъ, вокоройна поясокъ. Наконецъ мужнина мать ставитъ на столъ поварницу [1]), чтобы каждый клалъ туда, сколько можетъ. Даютъ по копѣйкѣ и больше, нѣкоторые ради шутки листъ табаку, куски хлѣба.

Jauniẃe i jauničis sāstās aiz golda i sauc trešâ reizâ pogostâ. Trešu pogostu sauc swōts. Wisa pirmais uz škeiwe uzmat swōts rubľi. Tāųs uzlīk maizes kukuli uz golda, blagaslowej pēďigô reizê ar maizi. Jauniči pobučoi tāwam mōťei rūku i posăklonōs. Pīcōk sauc brōľis, mōses, wedējus i panōkšńus. Ūtrâ reizâ sauc pogostâ. Swōts otkon līk 20 kopīk i wisi, kas sād aplīk golda, panōkšńi i wedēji mat naudu, a padružkes cimdes, wakaraińe mat daliskas krakls. Trešâ reizâ swōts līk 10 kopīk, soka uz brōľīm «Mẹtīt, brōľi pädigô reizî, cik turādami, blagoslowejīt jeųs!» Padružkes mat īskrekls, brōľi po 5 kopīk, wakaraińe jeųsteń. Weira mōťe līk uz golda pōrneice, lai kažnis mat jai, cik turādams. Dūd pa kopīki, citi par smīkla īswīž tabok, wa maizes ķimeųs.

Кража. Zagšana. (по лит. Vištawimas, **Кража куръ**).

Nūīdama wakaraińe wuica sowu družbu, lai zūg woi nazi, woi glōzi, woi toľeki. Уходя, вакарайне учитъ свою сторону, чтобы крали ножи, стаканы, тарелки и все, что попало. Все это увозятъ.

---

[1]) Или поварешку.

Panōkšńi zūg jauniw'i, cārt zirgīm cik war skrīdami. Jauničis skrīn pokaľ ar olus slauktuw'i, prosa, lai atdūd. Panōkšńi soka: Abber ar zaltu, ito nàdūsim. Jauničis otkon soka: «Dūdīt, kū ťe jeus tik cīš plēsīt. Es jeus īdzerdīšu; dūdīt man jū». Atdūd. Swōts i wedēji skreiń apakaľ soka: «mās atwedam štuku i nūzoga nu meusu.

Дружки въ шутку крадутъ невѣсту, приглашая ее сѣсть въ ихъ телѣгу, и бьютъ по лошадямъ, чтобы онѣ изо всѣхъ силъ бѣжали. Молодой бѣжитъ за ними вслѣдъ съ ведромъ пива и проситъ отдать ее ему назадъ. Дружки отвѣчаютъ: «осыпь насъ золотомъ и то не отдадимъ». Молодой умоляетъ еще такими словами: «Ну дайте же мнѣ ее, что вы такъ много съ меня дерёте! Я васъ напою досыта (пивомъ), только отдайте мнѣ ее? — Отдаютъ ее наконецъ. Сватъ и дружки сначала бѣгутъ назадъ къ матери и кричатъ «мы штучку привезли, а отъ насъ ее украли»; а получивши невѣсту назадъ, говорятъ: «Слава Богу, теперь мы умнѣе, строже будемъ стеречь» [1]).

Wedēji ūtras dīnas reitâ brauc pa ceľu. На другой день утромъ отправляются дружки въ путь. Когда пріѣдутъ къ родителямъ невѣсты, ихъ спрашиваетъ мать: «Kur jeus likōt munu meitu. Poklonōs. Pōrdzērōm tagad jau jū». «Гдѣ вы оставили мою дочь?» Она кланяется. Мы ея уже теперь пропили.

Во вторникъ невѣста съ матерью, расхаживая по всему двору, вездѣ кладетъ жертвы — пояски и т. д. «jauniw'e swīž zīdu. Въ хлѣву кладетъ на порогъ поясокъ, въ клѣти тоже, въ банѣ рукавчики на валекъ и на каменку. Uz klāwa slīkšńa līk jūsteń, uz klētis slīkšńa jūsteń, uz pērtas līk pīdorknis (т. е. тогда, когда дѣйствительно моется), uz wolatiwu līk pīdorknis uz krōsnis.

Отводины. Atkōzis. Посѣщеніе родителей молодой новобрачными.

Черезъ недѣлю молодые въ субботу вечеромъ пріѣзжаютъ къ родителямъ невѣсты въ гости, принося съ собою хлѣба и другихъ яствъ. Ужинаютъ. Въ воскресенье отправляются въ церковь и послѣ завтрака, ѣдутъ на своихъ лошадяхъ къ молодымъ въ домъ; пируютъ здѣсь, и молодуха потомъ раздаетъ подарки: s'wōčam daliskas kraklis ar jūsteń; tāwačam

---

[1]) «Paldis dīwam tagad gudrōki beusim, sorgōsīm cišōk».

daliskas kraklis ar jūsteń i škarpetkas; mōticei iskreklis ar jūstu i cimdi kuľaińi; kukarkai pĭdorkni ar jūstu — свату полную рубашку съ поясомъ; свекру рубашку съ поясомъ и носки; свекрови рубашку съ поясомъ и денницы; кухаркѣ даютъ рукавчики съ поясомъ.

При этомъ надѣляютъ родныхъ обыкновенно черезъ недѣлю во время отводинъ или въ воскресенье послѣ вѣнца, а когда нѣтъ у молодухи матери, въ самый день свадьбы; поютъ разныя пѣсни, между прочимъ слѣдующія:

64.

Naniceń tautu dāls
Resni krakli peurenâ:
Не обижайся (не жури), чужанинъ,
Толстыя рубашки (еще) въ сундукѣ:

Nawa man tōs waľeńes
Tiwinōt, darinōt!
Нѣту у меня времени
Прясть и работать.

65.

Pasmirda, pasmirda
Zaltsorna smōrds:
Запахло, запахло
Запахомъ отъ зеленики [1]):

Pawozēj jauniw'e
Zaltsorna peuru.
Возила молодуха
Сундукъ съ зеленикою [1]).

Кромѣ того молодуха свекру и свекрови стелетъ въ постель хорошую простыню (osteńneišu pologu), за что ей въ вознагражденіе даютъ рубль или больше. Свекровь потомъ съ гордостью всѣмъ показываетъ подарокъ. Другіе вмѣсто этого даютъ скатерть или салфетку (wiľna pologu), за что свекоръ даетъ рубль, а свекровь шерсти. Пьютъ, пируютъ и разъѣзжаются.

c. *Свадьба у латышей Унгермуйжской и Крейцбургской волостей, Динабургскаго уѣзда.*

Описаніе свадьбы Унгермуйжской и Крейбургской волостей составлено мною по даннымъ, сообщеннымъ учителемъ г. Горбачевскимъ въ двухъ рукописяхъ:

---

1) Zaltsorns = dzeltes, dzeltres Lycopodium complanatum деряба, зеленикъ, плаѵнъ.

1) Этнографическій очеркъ быта латышей Унгерм. и Крейцб. волостей, Динаб. у., составляющихъ одинъ приходъ.

2) Народные юридическіе обычаи, существующіе у крестьянъ Крейцбургскаго лютеранскаго прихода въ Динаб. уѣздѣ.

Во второмъ очеркѣ г. Горбачевскій касается отношеній молодежи другъ къ другу и обычая предбрачныхъ пробныхъ ночей (о нихъ уже рѣчь была выше въ описаніи курляндской свадьбы). Подобныя свободныя отношенія дѣвушекъ къ парнямъ существуютъ также у литовцевъ восточной Пруссіи, въ окрестностяхъ Мемеля (Клайпеды). По Бецценбергеру, въ сѣверной Литвѣ нерѣдко молодой парень съ вѣдома и согласія родителей дѣвицы вступаетъ съ невѣстою въ отношенія, которыя прекращаются, когда обѣ стороны другъ другу не понравятся. Тамъ же бываетъ и то, что дѣвица ко вдовцу пріѣзжаетъ на время для испытанія, оставляя его опять тогда, когда онъ или она почему-либо не удовлетворяются пробнымъ сожительствомъ. Такой женихъ «на пробу» называется по литовски *jaunikis* (см. Litauische Forschungen, стр. 118). Горбачевскій разсказываетъ объ этихъ дружескихъ отношеніяхъ слѣдующее:

«Молодой парень, задумавшій жениться на дѣвушкѣ, но сомнѣвающійся въ согласіи на то родителей избранной, раньше уже знакомится съ нею и живетъ, какъ съ женою, разсчитывая на то, что родители ея, послѣ такого образа жизни, не откажутъ уже ему въ рукѣ дочери; фактъ этотъ подтверждается тѣмъ, что родители такихъ дочерей часто съ горемъ отдаютъ ихъ за недостойныхъ парней и, по истеченіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы, справляютъ уже крестины внуковъ. — Къ такого рода жизни холостыхъ парней съ дѣвицами способствуютъ по преимуществу вечеринки въ корчмахъ, гдѣ они знакомятся другъ съ другомъ и сговариваются; а затѣмъ начинаются посѣщенія въ ночное время, такъ какъ дѣвушки-латышки спятъ лѣтомъ на сѣновалахъ или въ амбарахъ. Впрочемъ, эти вечеринки, именуемыя у нихъ клубами, посѣщаютъ не одни молодые люди, но и старики съ семьями, — молодежь танцуетъ и обдѣлываетъ свои дѣлишки, а старики, сидя за бутылкою водки или пива, ведутъ бесѣды о хозяйствѣ, а чаще всего о дѣйствіяхъ волостного или сельскаго начальства; въ большинствѣ же темою ихъ клубнаго разговора бываетъ писарь, а часто и учитель. Одни изъ собесѣдниковъ хвалятъ ихъ, а другіе осу-

ждаютъ, такъ что трудно служащему человѣку угодить на всѣхъ—не солнце, всѣхъ не обогрѣешь.

Отъ подобныхъ ночныхъ посѣщеній сплошь и рядомъ, въ описываемой мною мѣстности, встрѣчаются незаконнорожденныя дѣти; но замѣчательно то, что у другихъ дѣвушекъ, явно ведущихъ распутную жизнь, дѣтей почти никогда не бываетъ; о такихъ личностяхъ крестьяне говорятъ, что онѣ что-то знаютъ, чему нельзя и не повѣрить; ибо чрезъ извѣстное время, послѣ выхода такихъ замужъ, рождаются дѣти обыкновеннымъ порядкомъ. Незаконнорожденныя дѣти носятъ обыкновенно фамилію матери» (?!).

Сватовство же и свадьба въ названномъ приходѣ отбываются, по описанію г. Горбачевскаго, слѣдующимъ образомъ:

«Молодой парень, желая вступить съ избранною дѣвушкой въ бракъ, выбравъ сватовъ изъ родственниковъ, отправляется къ родителямъ ея, захвативъ съ собою бутылку водки, пироговъ (placeńi) и сыру. Когда же сваты съ женихомъ придутъ въ домъ предполагаемой невѣсты, то отецъ ея, догадываясь о цѣли ихъ посѣщенія, спрашиваетъ: «чего вы, добрые люди, ищете»? Сваты на такой вопросъ отвѣчаютъ различно,—одни говорятъ: «мы по слѣду дошли, что здѣсь спряталась лисица, а другіе — заяцъ». Отецъ дѣвушки предлагаетъ сватамъ искать, — и сватъ, разумѣется, скоро находитъ искомое, такъ какъ у крестьянъ-латышей, по большей части, дома въ одну комнату, но при нихъ бываютъ по близости амбары и кладовыя, гдѣ и прячутся обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣвушки. Сватъ, найдя дѣвушку, изъявляетъ свою радость и кричитъ: «вотъ это и есть та, которую мы искали». Если родители дѣвушки довольны молодымъ человѣкомъ, то дѣвушка первая должна начинать пить принесенную водку, а послѣ ея — женихъ, чѣмъ и обнаруживаютъ свое расположеніе другъ къ другу, а родители дѣвушки этимъ, какъ будто, даютъ при свидѣтеляхъ свое согласіе на ихъ бракъ. По окончаніи выпивки, невѣста одаряетъ сватовъ и жениха перчатками, по мѣстному названію, цимдами (cimdi). Послѣ сего, родители невѣсты со сватами жениха уславливаются о времени поѣздки жениха и невѣсты къ мѣстному пастору, для заявленія желанія о вступленіи въ бракъ; пасторъ затѣмъ дѣлаетъ оглашенія въ киркѣ. Въ случаѣ же, послѣ оглашенія въ киркѣ, женихъ или невѣста заявятъ о своемъ нежеланіи вступить въ бракъ, то отказавшаяся сторона обязана уплатить обиженной всѣ убытки

по приготовленію къ свадьбѣ, такъ какъ, со дня записи у пастора, въ домѣ жениха и невѣсты дѣлаются приготовленія: варятъ пиво, рѣжутъ коровъ, барановъ и оповѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ о днѣ свадьбы ихъ дочери, или сына, съ приглашеніемъ на брачный пиръ. Приглашенные—также приготовляются съ своей стороны къ намѣченному торжеству: рѣжутъ овецъ, гусей, поросятъ, — пекутъ пироги и запасаются водкою, виномъ и пивомъ, — и все приготовленное везутъ на свадьбу.

Если родители не согласны выдать дочь за сватающагося жениха, то онъ, вмѣстѣ съ сватами, забираетъ все принесенное и уходитъ изъ дома невѣсты; тѣмъ дѣло и кончается».

«Наканунѣ свадебнаго дня комнаты украшаются зеленью, цвѣтами, или стружками, окрашенными въ разные цвѣта. Въ день же свадьбы, по-рану, моются лучшіе экипажи, чистятся лошади, чернится сбруя, добываются садовые и полевые цвѣты, а въ зимнее время — бумажные, и ленты, коими и украшаются, по преимуществу, дуги и хомуты. Когда же все готово къ отъѣзду въ кирку, родители приглашаютъ мѣстнаго кистера (причетника), или парминдера—помощника церковнаго старосты, которые причитываютъ соотвѣтствующую случаю молитву, и свадебный поѣздъ отправляется въ путь, оглашая окрестность звуками колокольчиковъ, перемѣшанныхъ съ бубенчиками, а часто и ружейными выстрѣлами. Родители же невѣсты и жениха остаются дома, гдѣ приготовляются къ пріему молодыхъ и гостей. Послѣ вѣнца, молодые съ гостями ѣдутъ въ домъ невѣсты; тутъ всѣ дѣвушки накрываются бѣлыми платками, или холстомъ, въ томъ числѣ накрываютъ и невѣсту, которую родственникъ жениха обязанъ узнать и посадить вмѣстѣ съ женихомъ за столъ; если же, вмѣсто невѣсты, посадитъ другую, то платитъ штрафъ. Гостей садятъ за столы; предъ обѣдомъ или ужиномъ поются положенныя церковныя пѣсни, произносятся молодымъ рѣчи, приносятся поздравленія, и затѣмъ начинается пиръ горой, который продолжается у молодой отъ 2 до 3 дней, смотря по состоянію ея родителей. На второй или третій день молодой заявляетъ тестю и тёщѣ о томъ, что время уже имъ съ молодою ѣхать домой. Когда послѣдуетъ на это согласіе тестя и тещи, всѣ гости садятся за столъ, на которомъ ставится бутылка сладкой водки и покрытая скатертью, или полотенцемъ тарелка. Одинъ изъ сватовъ (преимущественно выбирается краснобай), наливъ рюмку сладкой водки и поставивъ ее на тарелку, вызы-

ваетъ на судъ отца молодой и, указывая на молодую, упрекаетъ его въ томъ, что тотъ такъ долго состоитъ въ долгу у этой дѣвушки и совѣтуетъ ему разсчитаться съ нею по доброму согласію, а иначе, молъ, судьи присудятъ больше. Отецъ, почесавъ затылокъ, начинаетъ оправдываться, что онъ все уплатилъ этой дѣвушкѣ и не знаетъ за собою никакихъ долговъ; а между тѣмъ, поднявши свой зипунъ, шаритъ въ карманахъ, и, вытащивъ серебряную монету, кладетъ ее на тарелку. Сватъ-краснобай угощаетъ его сладкой водкой, а между тѣмъ утверждаетъ, что этого мало, и совѣтуетъ положить побольше, за что получишь-де еще сладкой водки. Отецъ, польщенный вторичнымъ угощеніемъ, опять начинаетъ шарить по карманамъ,— и подобный торгъ продолжается до тѣхъ поръ, пока отецъ не отдастъ всего, что имъ уже ранѣе предназначено въ приданое дочери. Богатые крестьяне даютъ за дочерьми приданаго до 300 рублей. Покончивъ съ отцомъ, сватъ-краснобай начинаетъ торговаться съ матерью молодой, для чего всѣ—сваты и сватьи идутъ въ хлѣвъ, гдѣ и выбираютъ скотъ, назначенный въ приданое за молодою. По выдачѣ дочери скота, теща требуетъ, чтобы молодой положилъ на порогѣ хлѣва положенный денежный выкупъ, что и исполняется. Затѣмъ остальное все приданое платьемъ, посудою и мебелью кладется на возы (коровы и овцы гонятся сзади); приданое везется раньше въ домъ молодыхъ. Гостя, везущаго приданое, невѣста или молодая, надѣляетъ подарками и украшаетъ шапку его лентами. За приданымъ чрезъ нѣсколько часовъ отправляется съ двумя своими родственниками молодой, а затѣмъ и молодая. Въ домѣ встрѣчаютъ молодыхъ пѣніемъ, и всѣ гости садятся за столъ. Молодой мужъ подходитъ къ женѣ и снимаетъ съ ея головы вѣнокъ (wainags), который кладетъ на голову брата или сестры, желая имъ поскорѣе вступить въ бракъ. Мать жениха тѣмъ временемъ приноситъ чепчикъ aube (отъ нѣм. «Haube», такъ же, какъ mice отъ «Mütze») и украшаетъ имъ голову невѣстки. На другой день въ домѣ молодыхъ опять появляется на столѣ сладкая водка и накрытая тарелка; въ этотъ разъ сватъ-краснобай вызываетъ уже отца и мать молодого и выпрашиваетъ у нихъ денежное приданое, а равно и у гостей. Затѣмъ собранное въ домѣ молодого мужа жена беретъ въ свою пользу. Свадебный пиръ въ домѣ жениха также продолжается до трехъ дней, если отецъ жениха состоятельный человѣкъ».

d. *Свадебные обряды Вышковской волости Динабургскаго уѣзда*[1]).

Рядъ свадебъ во всей Латышіи начинается осенью послѣ уборки хлѣба и окончанія важнѣйшихъ сельскихъ работъ и продолжается до января и февраля. Опоздавшіе къ этому сроку устраиваютъ свадьбы уже при начатіи сельскихъ работъ весною, подъ Юрьевъ день. Лѣтомъ браки заключаются только въ крайнихъ случаяхъ. Въ Вышкахъ, однако, самымъ приличнымъ временемъ считаются: четыре недѣли передъ и послѣ дня всѣхъ святыхъ—čétras ńeďeľas prīkš i pēč wysu šwyńťes.

При заключеніи брака требуется основательное ознакомленіе молодыхъ людей другъ съ другомъ, такъ какъ здѣсь (особенно въ Яшмуйжѣ) женихамъ самимъ предоставляется выборъ невѣсты; родители (жениховы) не вмѣшиваются, предварительныхъ договоровъ поэтому поводу не заключаютъ, какъ это часто бываетъ въ Россіи, и хотя знаютъ, что сынъ женится, но кто невѣста, это они узнаютъ нерѣдко только послѣ вѣнчанія. Случаями для упомянутаго ознакомленія (kur jauńi ľauds war sasaredźēťis) представляются: ti°rģi (ярмарки), oplōťi (церковные праздники), kōzos (свадьбы), krysťeibas (крестины), bi°ŕes (похороны)... и т. п. празднества и общія работы (tolkas) толоки. Самое важное мѣсто встрѣчи—костёлъ. Всѣ названныя мѣста служатъ лишь случайно для ознакомленія sasaredźēšonōs, особо для того предназначены wečerinkas (вечеринки) и grisčas (игрища — изъ бѣлорусскаго).

Wečerinkas — это сходбища парней и дѣвушекъ, устраиваемыя у кого нибудь изъ сосѣдей по субботамъ и праздникамъ; тутъ играютъ въ разныя игры, поютъ, разговариваютъ и т. д. Grisčas производятся большею частью въ корчмахъ [но и въ крестьянскихъ избахъ], гдѣ почти исключительно танцуютъ — kadreľas, krućeľkas, pitkewičus, poľkas... народныхъ танцевъ въ родѣ лифляндскаго Jandalinš, Bička я не замѣчалъ.

Въ прежнее время очень распространенное хожденіе по ночамъ къ дѣвушкамъ ḿājtôs iť (въ прочей Латышіи тоже хорошо

---

[1]) Свадебные обряды Вышковск. вол. описаны со словъ крестьянки Маріи Шведъ изъ деревни Мозули (Mozul'i); замѣчанія же относительно свадьбы Яшмуйжской собраны отъ Варвары Кандовникъ (родомъ изъ Вышекъ) и Žurilīńe (родомъ изъ Аглони); относительно же свадьбы въ Лифляндіи (Кокнесе) и Курляндіи (Узинеши) сообщены гг. П. И. Стучкою и Ив. Шульцемъ.

извѣстное) мало-по-малу выходитъ изъ обыкновенія; въ болѣе просвѣщенныхъ и близкихъ къ городамъ мѣстахъ оно уже явленіе рѣдкое. Въ Лифляндіи вечеринки и игрища замѣняются модными zaľumu swētki, балами въ многочисленныхъ обществахъ, klubi (въ Кокенгузенѣ). На klubi собираются *батраки*, kalpi парни и дѣвушки (рѣдко хозяйскіе сыновья); у одного изъ товарищей дѣлаютъ складчину на покупку питей и проводятъ время въ танцахъ. Въ Курляндіи Добленскаго уѣзда въ Узингенской волости, по сообщенію г. И. Шульца, существуетъ еще слѣдующій интересный обычай. Если парень хочетъ женится, то онъ въ лѣтніе вечера трубитъ въ особый инструментъ aure, родъ рога, свернутаго изъ коры древесной, подавая этимъ знать дѣвушкамъ.

Когда въ вышеназванныхъ мѣстностяхъ молодой человѣкъ (jaunais, jauńikis, jauńekľis) избралъ себѣ дѣвушку, на которой хочетъ жениться yzawãŕä, īsazeimava mäjtu (Яшмуйжа) и сговорился съ нею sasazadynōjuši, тогда начинается сватанье swōtawōšona. Молодой человѣкъ избираетъ себѣ свата, лицо родственное, дружественное, уважаемое (батракъ барина); посовѣтовавшись съ нимъ, отправляется къ отцу невѣсты. Это — pyrmōs voj mozōs apdzyras (въ Яшмуйжѣ—apdzāras)... первое, такъ сказать оффиціальное сношеніе; происходитъ оно въ четвергъ.

На эти mozōs apdzyras ѣдетъ или сватъ одинъ, если женихъ не знакомъ съ отцомъ невѣсты, или вмѣстѣ съ нимъ (женихъ тогда собственно prećeńiks, a swōts tys taj jira daw'eďejs, a сватъ, тотъ который доводитъ); одинъ ѣхать женихъ рѣдко рѣшается. На mozōs apdzyras жениховъ отецъ никогда не ѣдетъ, на ľelōs apdzyras тоже рѣдко. Поѣздку обозначаютъ терминомъ — jauńi brauc, prećeńīki braūc молодые ѣдутъ, сваты (собственно — торговцы, купцы) ѣдутъ. На apdzyras prećeńīki ѣдутъ съ водкою brauc ar brandīnu. Если сваты pa prōtam нравятся, то ихъ угощаютъ, а лошадей выпрягаютъ, а сами они не смѣютъ выпрягать лошадей (въ Кокнесѣ тоже). На этотъ обычай выпрягать сватовыхъ лошадей намекаютъ многія народныя пѣсни. Во всё время этого посѣщенія ни сватъ, ни женихъ не сбрасываютъ съ себя верхней одежды (въ Кокнесѣ), хотя бы и находились въ шубѣ съ надѣтою надъ нею сермягою (sveita) (таковъ праздничный нарядъ народа и лѣтнею порой). Предлогомъ посѣщенія preceńīki служитъ извѣстное во всей Латышіи caunes dzīšana преслѣдованіе куницы. Meś cauńei pādas sadzynōm itāî sātâ, dūďit mums cauńeiti мы дошли по слѣдамъ куницы до сего двора, выдайте намъ

куницу. Домохозяинъ представляетъ preceńīk̓īm поочередно всѣхъ женщинъ въ домѣ, иногда въ шутку даже животное — козу и проч. [срв. эта черта часто встрѣчается въ сказкахъ и друг. народовъ]; preceńīk̓i все говорятъ не та, пока не покажутъ невѣсты; иногда они и сами должны отыскивать спрятавшуюся невѣсту. Очень часто сватъ разыгрываетъ роль покупателя льна lynu kupčis, или же свободно выдумываетъ предлогъ посѣщенія. Въ продолженіе всего посѣщенія говоритъ только одинъ сватъ, женихъ долженъ молчать и даже не осматриваться кругомъ (въ Кокнесѣ тоже). Wysu laiku, kol̓š jauńī cīmawajōs, tik swōts wīns pots runō, a precńīkam nadūd wal̓as ńi wōrdeńa pasacejt, ńi apl̓eik pasawērt̓īs. Mozōs apdzyras имѣютъ назначеніе узнать мнѣніе невѣсты jaunō, jaunyw'ā и невѣстина отца на счетъ сватовъ. Если preceńīk̓i принимаются радушно, то они угощаютъ хозяевъ водкою (это mozais brand'īns малая водка) и, получивъ согласіе на продолженіе переговоровъ, уѣзжаютъ. Съ этими «mozōs apdzyras» не соединяется никакихъ обязательствъ, хотя принятіе «малой водки» и считается знакомъ согласія на бракъ со стороны невѣстина отца. Послѣ этого посѣщенія сватами невѣстинъ отецъ старается познакомиться съ бытомъ жениха и ѣдетъ самъ, или посылаетъ знакомаго осмотрѣть дворъ жениха. При этомъ нерѣдко случается, что женихъ обманываетъ посланныхъ, показывая чужой дворъ вмѣсто своего. Обманъ доводится даже до того, что и вся свадьба справляется въ чужой избѣ. Jaunyw'es tās brauc apsawērt̓ jauńik̓a sātas. Nareš jauńik̓is parōda cytu sātu. Reizim wysas kōzas nudzeŕ swešô ustubâ.

Окончательное формальное соглашеніе между брачущимися происходитъ въ слѣдующее, за названнымъ четвергомъ, воскресеніе, въ такъ наз., l̓elōs i ūtrōs apdzyras (большая вторая пирушка), въ прочей Латышіи «derības» (помолвка). (Слово «derības» въ Вышкахъ и Яшмуйжѣ не встрѣчается) На l̓elōs apdzāras женихъ съ сватомъ привозятъ опять водки гарнецъ, боченокъ пива и мѣшокъ съ пирогами вмѣстѣ съ разными подарками для невѣсты (оттого и говорятъ brauc ar kukul̓īm съ гостинцемъ). Yz l̓elōm apdzyrōm jauńī atwad otkon garču brand'īns un ols buceńu i kuldu peirāgu i kukul̓us jaunyw'ei. Въ Кокнесѣ свату обязательно привести и табакерку, которая тутъ вообще играетъ большую роль. Сватъ не выдаетъ раньше боченка и kuldu, пока невѣста не положитъ на боченокъ пару перчатокъ, а на

kuldu новый кушакъ, ибо «пиво въ боченкѣ замерзло, а у мѣшка завязка порвана». Женихъ теперь угощаетъ всѣхъ въ домѣ своею водкою, причемъ онъ долженъ положить въ каждый стаканъ по монетѣ, а стаканъ, преподносимый невѣстѣ, онъ покрываетъ бумажкою. Въ Кокнесѣ молодые пьютъ изъ одного стакана по половинѣ. Swōts nadūd buceńas i kuldas; soka: buceńa aizsolušā, kuldai aizsaiṅs pörrauts; ka jaunyw'ē yzl'ik yz buceńas pōrš cymdu, a yz kuldas jūsteńu, ta atdūd. P'ēčōk jauńikis wisīm dūd sawa brand'īna, a čarkâ īswīž naudu; ka dūd brand'īna jaunyw'ei, ta čarku apklōj ar bumašku. Этимъ угощеніемъ и положеніемъ денегъ въ рюмки женихъ выкупилъ невѣсту у семьи, челяди. Договоръ (помолвка) подкрѣпляется еще взаимнымъ подаркомъ жениха и невѣсты: женихъ даритъ башмаки «kurpes» (Кокн. тоже), kopku (кофта) куртку, которые идутъ въ приданое (pasagâ); а невѣста даритъ жениху yzraksťejtu kraklu вышитую рубаху и т. п. Кромѣ того невѣста должна еще дать для женихова отца рубаху, а для матери чулки zeķes (źečes Яшм. (Узинѣши тоже). По исполненіи этихъ церемоній, изъ которыхъ самая важная угощеніе жениха водкой ľelais brand'īns, молодые считаются окончательно согласившимися, помолвившимися (Лифл. saderināti), называются публично женихомъ и невѣстою и отступленіе отъ брака теперь считается уже предосудительнымъ. Къ этому акту относится пѣсня:

66.

Dźeŕ māmeń, dźeŕ māmeń,
Soldons tautu brandawīns —
Soldons tautu brandawīns,
Syuras munas asaŕeńas.

Пей, матушка, пей, матушка,
Сладко вино жениxово —
Сладко вино женихово,
Горьки мои слезы.

(Вышк. Mozuľu Moŕe).

За этимъ формальнымъ сговоромъ слѣдуютъ соглашенія и переговоры обо всемъ, относящемся до свадьбы: о приданомъ, о распредѣленіи между сторонами расходовъ свадебныхъ на водку, пиво, пироги, мясо, на музыкантовъ и т. д. Всѣ эти соглашенія дѣлаются устно.

Послѣ первой и второй apdzyras молодые представляются своимъ господамъ (если они батраки, дворовые), которымъ дарятъ перчатки и кушаки. Въ крѣпостное время это rōdeiťis «по-

казываться» было обязательнымъ, и сопровождалось разными обрядами. Молодые должны были предварительно испросить согласіе на бракъ барина, безъ чего пасторъ или ксёндзъ не могъ вѣнчать. Это испрашиваніе барскаго позволенія называлось въ Кокнесѣ «zīmītes jemt» и «ceemōšanās pi° kunga». Молодые приносили «plāceńi» (пироги) и блюдо съ масломъ, прикрытое платкомъ, (Кокн.) а молодуха получала отъ барыни шапочку «micīti». (Кокнесе). Затѣмъ въ пятницу (Кокн.) или субботу (Узин.) являлись къ пастору и заявляли о намѣреніи вѣнчаться. Вышеописанные mozōs и ľelōs apdzaras въ прочей Латышіи нерѣдко совпадаютъ, такъ что обрядъ moz. apdzar. замѣняется предшествующимъ продолжительнымъ знакомствомъ жениха съ семействомъ невѣстинымъ, какъ это теперь—общекультурный обычай, или же предварительнымъ сговоромъ, неимѣющимъ характера формальнаго, обрядоваго. Такимъ образомъ происходитъ только одинъ формальный актъ: derības — общекультурная, безцвѣтная помолвка: въ кругу нѣсколькихъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ молодые объявляются женихомъ и невѣстою, и за нихъ произносится тостъ.

Послѣ троекратнаго оглашенія въ костелѣ начинается собственно свадьба — обыкновенно въ субботу, а если справляется, такъ называемая, garōs kōzos (долгая свадьба), о которой будетъ рѣчь ниже, тогда въ воскресенье. Въ воскресенье же начинается свадьба и въ Лифляндіи, а именно: поѣздкою гостей въ церковь отдѣльно изъ дома жениха и дома невѣсты.

Обыкновенная свадьба начинается пріѣздомъ въ субботу жениховой партіи jauńiķi, družba — (слово vedēji водители, увозители, употребляемое для обозначенія жениховой партіи, въ прочей Латышіи въ Вышк. и Яшмуйжѣ неизвѣстно, (по крайней мѣрѣ такъ отвѣчали на мой вопросъ)] на дворъ невѣстина отца yz ḿāitas golu. (На оборотъ жениховъ дворъ называется puiša gols). Женихова «дружба» состоитъ изъ четырехъ шаферовъ brōľi, braťi, — между ними одинъ старшій братъ, — сваťа и сватьи swōts i swōča и другихъ родственниковъ и друзей družńīķi.

67.

J̄tu eś tauťeńōs,
D́īs zyna, kaj dzejwōšu.
Пошла бы я въ чужіе люди (замужъ),
Да Богъ знаетъ, какъ буду жить.

Wōrtûs kryta kumeľeńš
Wacōkam broleńam.
Въ воротахъ спотыкался конь
У старшаго братца.
(B. Spriņģīńe).

Такую же družbu составляетъ и невѣстина партія; тутъ находятся: 4 brōľi, 4 подружки padružkas (Вышк.), paḿārdźes (Яшм.) или mōsas (какъ шафера — brōľi [если у невѣсты есть родные братья, то они всегда занимаютъ мѣсто шаферовъ — сами шафера не что иное, какъ фиктивные братья], затѣмъ swōts, swōča и еще pyurveďs, pyurawedēǰs, kas kupuru wad возитель приданаго, скрыни (kupurs, skreińa = скрыня, въ которую помѣщаютъ приданое невѣсты, большей частью платья), наконецъ еще wušku i gūwugańes, пастушки овецъ и коровъ, которые гоняютъ скотъ (приданое) въ домъ жениха. Перечисленная партія невѣсты, со включеніемъ невѣстиныхъ гостей, называется panōkši, panōkšńīki догоньщиками, — въ прочей Латышіи также panākšńi, panāksniᵉki.

Въ ожиданіи пріѣзда жениховой партіи эти panōkši заставляютъ дорогу къ невѣстину двору перекрестными жердями и другими способами даже на значительномъ разстояніи отъ двора. У самыхъ воротъ jauńika družba останавливается panōkš-ами и подвергается продолжительнымъ разспросамъ: откуда, куда и зачѣмъ ѣдутъ, что за люди, есть ли у нихъ паспорта; тутъ предъявляется какой-нибудь клочекъ бумаги и прочитывается съ большимъ или меньшимъ остроуміемъ; не разбойники ли они, ихъ де видали на большой дорогѣ и въ лѣсу грабящими и т. д. Между тѣмъ какъ парни высказываютъ свой юморъ въ разспросахъ и отвѣтахъ, дѣвушки apdzīd cyts cytu поютъ насмѣшливыя пѣсни на враждебную партію (нѣсколько примѣровъ такихъ пѣсень см. ниже). Наконецъ впускаютъ jauńika družbu во дворъ, и у самаго порога избы жениха встрѣчаютъ невѣстинъ отецъ, держа въ лѣвой рукѣ кувшинъ или бутылку водки, въ правой—горящую лучину (въ нынѣшнее время ее замѣняютъ лампою), и невѣстина мать съ хлѣбомъ и жбаномъ пива. P'ēďeǰģi īlaiž jauńika družbu sātswydâ, a pī poša slīgšńa jauńiki sagaida jaunōs tās lobō rūkâᵒ aizdagts skols, a ķeirâᵒ butyľka brandīns i jaunōs mōťe ar yžbōnu ols i maiźes kukuľi. При этомъ отецъ говоритъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ; а прежде пѣли извѣстныя къ этому случаю относящіяся пѣсни, которыхъ теперь, однако, ужъ не поютъ и не помнятъ даже хорошо (Вышк. и Яшмуйжа). Жениха у порога подчуютъ пивомъ и хлѣбомъ; водка остается женихову свату. Tās jauńiki pōrjam, a seńōk weľ dzīdawa, aľe tań waťra nadzīd i moz kas tōs dzīsmas zyn. Jauńikam pī slīgšńa dūd ols i maiźes, a brandīns swōtam. Весь этотъ обрядъ встрѣчи жениха

считается молодымъ поколѣніемъ уже ненужнымъ и даже смѣшнымъ, особенно говорятъ: kam ťä tōs guńś wajag къ чему тутъ надо огня? Скоро или тотчасъ послѣ церемоніи встрѣчи жениха (въ Кокнесѣ этого обряда уже нѣтъ) производится выкупъ невѣсты у дѣвицъ yzpiᵉrkť nū ḿäjtu.

За большимъ столомъ сидятъ pamärdźes подружки и между ними невѣста; тамъ же нѣсколько поодаль и другія дѣвушки; на столѣ тарелка или миска, покрытая носовымъ платкомъ. Дѣвушки поютъ и приглашаютъ къ подачѣ денегъ и подарковъ, которыми невѣста выкупается у нихъ. (Подарки, разумѣется, идутъ въ ихъ пользу). P'āčōk īt yzpiᵉrkť jaunū nū ḿäjtu. Aiz ľela golda śāď pamärdźes ar jaunū; apľeik jū cytas mäjťeńas, yz golda taľerka woj bľūdeńa ar nōsńeicu apklōta. M'äjtas dzīd, prosa mesť pogosta.

68.

Ceľītīs, brōľeľeńi,
Da munai mōśeńai —
Вставайте, братцы,
Подайте за мою сестрицу —

Gon jej beja skaista, bolta,
Meť par jū sydabŕeńa.
Ужъ она прекрасна, бѣла,
Бросайте за нее серебро.

(Mozuľu More).

Сохранилось множество пѣсенъ, указывающихъ на покупку невѣстъ у брата напр.:

Biᵉrīť, tautas sudabŕeńa
Сыпьте, сваты, (сперва) серебро

To jemīť ďēstejtōju.
Потомъ ужъ берите, сажательницу (розъ).

(Изъ пѣсни Варвары Кондовникъ).

69.

Tās dālam naudas ďewa
Отецъ далъ сыну денегъ,

Piᵉrć ďeľeń ľaudoweń...
Покупай, сынокъ, невѣсту...

Na daudź turu śejkas naudas
Obi piľńi zōbaćeńi;
Немного у меня мелкихъ денегъ
Оба сапожка полненькіе—

Ar kū piᵉrku lobu ziᵉrgu
Ar kū jaunu ľaudoweń.
На нихъ я куплю добраго коня,
На нихъ молодую невѣсту.

(B. Springīńe).

При этомъ собираніи выкупныхъ денегъ pogosta mešŝona обыкновенно даютъ сперва мѣдныя деньги (ḿedźāḱi); но дѣвушки бросаютъ эти деньги; тогда даютъ серебряныя и кладутъ ихъ на покрытую платкомъ тарелку. Каждаго, кто подалъ свою лепту, невѣстины brōl̓i угощаютъ пивомъ и хлѣбомъ; а онъ, положивши подачу, выводитъ невѣсту изъ-за стола и танцуетъ съ нею вокругъ комнаты. Этимъ выкупомъ невѣста отпускается изъ среды дѣвицъ, и парни въ послѣдній разъ танцуютъ т. е. веселятся съ нею, какъ съ дѣвицею. Дѣвушки во все время поютъ пѣсни, сожалѣющія о переходѣ изъ дѣвичества въ замужество. Pogostâ mat paprīkš ḿedźākus, ḿājtas swīž prūjam; tod dūd sydraba. Kas yḿeťa naudu, tam brōl̓i dūd ols i maiźes, a jis yzwad jaunū i apdoncoj ar jū ap ustubu. Puiši ar jaunyẃi ƀeidzamū ŕeiźi pasaprīcajōs. M′eitas dzīd, žālō jaunu ďīnu.

Послѣ этого выкупа происходитъ новое pogosta mešŝona, собираніе подарковъ съ міра въ пользу невѣсты — просятъ благословить ее на новую жизнь. Приглашателемъ на pogosta mešŝona является теперь невѣстинъ сватъ; приглашеніе онъ сопровождаетъ внушительными ударами о стѣну кнутомъ, причемъ приговариваетъ: Prošam bogaslowejť jaunūs. Первыми приглашаются родители: prošam bogaslawejiť tās ar mōťi. Отецъ приноситъ хлѣба, мать водки. Невѣстинъ сватъ самъ кладетъ рубль, сваха рубаху. Затѣмъ приглашаются поименно невѣстины brōl̓i, mōsas (paḿārdźes), которыя даютъ перчатки (cymďi), а тамъ уже посторонніе, но всѣ поименно: prošam Jezupu bogaslawejť jauńekl̓us; если не внимаютъ первому зову, приглашеніе повторяется по нѣскольку разъ, при усиленномъ битіи кнутомъ о стѣну. Кто нехочетъ подавать, бросаетъ ради шутки пуговицу. Въ Яшмуйжѣ при этомъ обрядѣ поютъ:

70.

Prošam, l̓auťeńi,
Bogaslawejť:
Na garam laikam,
Šam wīnam wokoram.

Просимъ, добрые люди,
Благословить:
Не на долгое время,
На одинъ этотъ вечеръ.

(Зап. въ Яшмуйжѣ отъ В. Кондовникъ).

Во время pogosta mešŝona насмѣхаются всячески надъ тѣми, которые не дали надлежащей доли; дѣвушки поютъ, напримѣръ, такую насмѣшливую пѣсню (Яшмуйжа):

71.

Šej Borbuľa pogostâ
Pus daľďera yzmäťä,

Вотъ Варвара положила
Полчервонца въ мірскую складчину

Nau kauna lauťeńu:
Daľďeris kuldâ.

Не стыдится людей:
Вѣдь червонецъ въ карманѣ.

(Записано отъ Варвары Кандовникъ).

Обычай мірской складчины pogosta mēššona, хотя еще и соблюдается, однако народъ ужъ его недолюбливаетъ, онъ находитъ его неприличнымъ taj nawa šmuķi; собираніе подачи съ міра кажется ему постыднымъ испрашиваніемъ милостыни kaj ubaģī prosa dōwa°nu.

Въ концѣ описанныхъ церемоній всѣхъ гостей обходитъ еще кухарка, неся водку въ чумичкѣ; водкою она угощаетъ, а взамѣнъ того кладутъ ей въ чумичку деньги. Этимъ всѣ обряды этого дня и заканчиваются и остальную часть вечера проводятъ за ужиномъ и танцами. Pēčōk ap wisīm gosťīm apīt kukarka, putras wōrejtōja, nas kāusu woj čarpuku ar brandīnu; brandīnu dūd dzerť, a jai mat čarpukâ naudu. Pēčok wysu wokoru ād i doncō.

Утромъ начинаются обряды, такъ называемые «ľelais brandīns большая водка», т. е. женихъ подчуетъ всѣхъ гостей своею водкою, а женихова сваха своими пирогами. Затѣмъ женихъ съ невѣстою опять обмѣниваются подарками: невѣста даритъ рубаху, женихъ башмаки, а жениховъ сватъ получаетъ отъ невѣсты еще пару перчатокъ. «Провозясь» (paworzojōs) нѣкоторое время, всѣ отправляются на завтракъ, устроенный невѣстинымъ отцомъ. Завтракаютъ отдѣльно каждая партія, и въ то время, когда одна сидитъ за столомъ, другая поетъ про нее насмѣшливыя пѣсни Swātďīnas reitâ° dzeŕ ľelū brandīnu, jaunais nas brandīnu, a swōča peirōgus. Pēčōk jaunais jaunyw'ei dūd kōrpes, a jej jam kraklu; swōtam dūd cymdus. Pavorzojōs pēč tas sauc brūkastīs. Panōkši ād, družńīki apdzīd jūs.

72.

Meś gōdowam, mes dūmovam,
Kur byuś jemťi ľemesńejcu?

Мы гадали, мы думали,
Гдѣ бы намъ взять разсоху?

Šim Jākapam plota pīŕe,
Nū tōs šķeľšim ľemesńejcu.

У этого Якова широкій лобъ,
Изъ него мы будемъ колоть разсоху.

73.

Šej mö́śeńa śur braukdama
Pazīpēm mozgōjōs —
Tajda malna padaguńa,
Kaj myusu sywānam.

Эта сестрица сюда пріѣзжая
Умывалась остатками мыла—
Подъ носомъ у нея грязно,
Какъ у нашего поросёнка.

74.

Atsašīṕis šis Jurejťis
Kaj Jōsmuižas oǵeŕejts —
Oǵeŕejšam pīďeŕēja,
Jurejšam napīdar.

Губастый этотъ Юрій (съ протянутыми впередъ губами)
Какъ Яшмуйжскій жеребецъ —
Жеребцу это идетъ (прилично),
А Юрію не идетъ.

75.

Pasaẃerīs tu Odum,
Kas yz tawas nōśes sād.
Waca weiźe atsasāduś,
Yusas wīn šḱurynō.

Посмотри ты, Адамъ,
Что у тебя на носу сидитъ.
Старый лапоть усѣлся,
Усами шевелитъ.

76.

Es dūmovu, es gōdōju,
Kas aiz kolna ẃeľejōs;
Šis swōťeńš ẃeľejōs,
W'eľej sawu kuḿeľeń.

Я думалъ, я гадалъ,
Кто за горою моется;
Это сватушка моется,
Моетъ своего коня.

77.

Dūmōjam, gōdōjam,
Nawa cyukai midźeńeiša —
Indričam ľeľi moťi,
Tur cyukai midźeńejts.

Думали мы, гадали,
Что у нашей свиньи нѣтъ логовища—
У Генриха большіе волоса,
Тамъ будетъ свиньѣ логовище.

(№ 72—77 записаны во дворѣ Яшмуйжѣ со словъ Варв. Кондовникъ).

78.

Kajdas aćś Pōwulam,
Tajdas aćś Tekľeńai:
Oj jī ob'ī guľējuši
Wīnas cyukas midźejńi?
Wīnas cyukas midźejńî,
Maisô kōjas sabōzuši.

Какіе глаза у Павла,
Такіе же у Θеклы:
Не спали ли они оба
Въ одномъ свиньемъ логовищѣ?
Въ одномъ свиньемъ логовищѣ,
Ноги засунувъ въ мѣшокъ.

(Зап. въ Вышковск. вол., дер. Мозули).

79.

Kam tī tajda gŕīźes golwa
Śäď pī muna brōľeľeń?
Muns brōľeńš, kaj kuńdźenš,
Dzaltanīm maťeńīm.

Что за такая вертиголовка
Сидитъ подлѣ моего братца?
Мой братецъ, какъ баринъ,
Съ русыми волосами.

(Зап. въ Вышковск. вол., дер. Tūķi отъ Moŕe Springīńe).

Послѣ завтрака производятъ надъ молодою вѣнчаніе рутовымъ вѣнкомъ rūtuwaińags. Въ серединѣ избы разстилаютъ простыню (pologs — пологъ), на эту простыню ставятъ квашню, которую покрываютъ также простынею. На эту квашню садится невѣстина мать съ хлѣбцемъ на колѣнахъ. Къ ней подходитъ невѣста, сопровождаемая двумя broľ-ами, бросается на колѣни, плачетъ и испрашиваетъ материнскаго благословенія; мать ее благословляетъ, передаетъ ей хлѣбецъ и сажаетъ ее на свое мѣсто. Къ невѣстѣ подходятъ ея mōsas, потомъ brōľi, расчесываютъ ее, заплетаютъ косы и, наконецъ, brōľi кладутъ ей на голову два рутовыхъ вѣнка, большой и малый. Большой rūtuwaińags въ прежнее время былъ краснаго цвѣта, бисеромъ вышитый и украшенный блестками ar śpeiduľīm или sorkon rōžu, zaľu zeižu изъ красныхъ розъ и зеленаго шелка, какъ выражаются народныя пѣсни, въ родѣ русскаго кокошника, это собственно тотъ źeiľu vaińags, о которомъ такъ часто говорятъ пѣсни. Pēč brūkestś jaunyw'ei yzľīk rūtuwaińagu. Wydû ustubas paklōj pologu, yz pologa pastota yz mutś maiźes baľeńu i apklōj ar pologu. Yz baľeńas pasādyn jaunōs mōťi ar maiźes kukuľi kľāpî. Da jaî ďiwi brōľi dawad jaunyw'i; jaunyw'ä stou ćeľûs, raud i prosa jū bogaslowejť. Mōťe bogaslowej, dūd jai maiźi i sādyņ yz baľeńas. Da jaunyw'ej

danōk mōsas i brōľi, suks i sapyn, a pēč brōľi, yzľīk jai ďiu rūtu waińagus, ľeľō i mozū. Ŀelais rūtu waińags śeńōk bija sorkons, ar źeiľēm i sp̄eiduľīm. Нынче благодаря шляхетскому вліянію źeiľu vaińags въ Вышкахъ замѣняется вѣнкомъ изъ искусственныхъ бѣлыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ; вуали, однако, пока еще не встрѣчается. Ŀelais vaińags идетъ вокругъ всей головы, а на темя кладутъ другой mozais vaińags малый вѣнокъ или rūtu waińags сплетенный изъ рутъ; онъ въ діаметрѣ имѣетъ всего нѣсколько дюймовъ. Если невѣста pōrškōdāta «порченая» rūtu waińags отсутствуетъ. Кромѣ этихъ двухъ вѣнковъ невѣста голову убираетъ еще цвѣтами, такъ что wysa golwa zaľa вся голова зеленая. Въ продолженіе всей этой церемоніи вѣнчанія невѣста плачетъ, а подруги поютъ заунывныя пѣсни [1]). Потомъ невѣста опять водимая brōľa-ми обходитъ всѣхъ гостей, начиная съ родителей и старѣйшихъ, кланяется всѣмъ и раздаетъ по кусочку хлѣба. И это сопровождается пѣснями. Въ Узинѣши этотъ послѣдній обрядъ варіируется; такъ, невѣста разбрасываетъ кусочки хлѣба по сторонамъ дороги, отправляясь въ костелъ. Первому, кто на пути kārti aizšaun (кладетъ жердь поперекъ дороги), она даетъ brūtes kukuls (невѣстинъ хлѣбецъ), отличающійся особенною величиною. Однако обряда вѣнчанія рутовымъ вѣнкомъ нѣтъ уже ни въ Узинѣши, ни въ Кокнесе. Сейчасъ послѣ описаннаго обряда отправляются въ костёлъ. Впереди всѣхъ, въ одной повозкѣ, невѣстины сватъ съ свахою, за ними невѣста съ wacōkais brōľis, подружки попарно съ шаферами, наконецъ женихъ съ своею дружбой. У церкви женихъ высаживаетъ невѣсту изъ повозки, а brōľi вводятъ ее въ костёлъ; при выходѣ молодые держатся за руки, а по прежнему обычаю за одну nōs-

[1]) Въ этихъ пѣсняхъ оплакивается прощаніе съ подругами юности, лишеніе дѣвичьеи свободы, горькая замужняя жизнь и т. п. предметы. Такихъ пѣсенъ можно найти очень много въ любомъ сборникѣ. Вотъ двѣ очень распространенныя.

Škiramīs, meś mōśeńas,
Gona mejl'i dźejwōjuš.
Разстанемтесь, сестрица,
Довольно мы пожили друзьями.

Poša laim'e myus yzšk'ejra,
Pī wōrt'eńu stōwādama.
Сама лайма насъ разлучила,
Стоя у воротъ.

(Зап. отъ Варвары Кондовникъ въ Яшм. «однако она урожд. Вышковка»).

S'ēst' mośeńa aiz gal'd'eńa,
L'īć gal'w'eńu yz gal'd'eńa—
Сядь, сестрица, за столъ,
Положи головушку на столъ—

Jau tu waira naśēd'ēsi,
Tāwa, mo*t'es naklauśejśi.
Ужъ ты болѣе не будешь сидѣть,
Не будешь слушаться отца матери.

(Зап. въ Вышк. вол., дер. Мозули отъ Mōге).

ńeica (платокъ). При самомъ обрядѣ вѣнчанія невѣста должна плакать (raud, až na pī źeḿes pākreit плачетъ, ажно на земь падая), если не плачетъ, не будетъ имѣть счастья (naƀyuś laƀi, naƀyuś laiḿes). Кто изъ молодыхъ послѣ вѣнчанія первый наступитъ другому на ногу, тотъ будетъ въ хозяйствѣ господиномъ, — однако теперь это считается только суевѣріемъ (ťī ťiktajďī zaƀoƀońi). На алтарѣ молодая должна оставить пару перчатокъ для дьячка (ōrgańists). Послѣ вѣнчанія всѣ свадебники (kōźeńīǩi) отправляются въ квартиру ксендза kľeƀańeju, гдѣ они устраиваютъ изъ своихъ запасовъ ďīniškis полдникъ, къ которому приглашается ксендзъ (bazńeickungs) (śeńōk malna maiźe, ta nanōća) и органистъ. Изъ костёла отправляются уже въ домъ жениха puišugols, и всѣ послѣдующіе обряды происходятъ puišugolâ. На возвратномъ изъ костёла пути впереди ѣдутъ жениховы сватъ съ свахою, затѣмъ молодые вмѣстѣ, за ними женихова дружба, а тамъ уже невѣстина дружба.

Между тѣмъ, какъ происходитъ вѣнчаніе и полдничанье въ клебаніи, изъ ḿäjtugola отправляютъ въ жениховъ дворъ приданое, такъ называемое, pyurawezšona. Дѣйствующія лица тутъ pyurweďś, кто везетъ skreińu или pyuru, gūwugons и wuškugańe пастухи коровъ и овецъ. Часто эта церемонія производится въ присутствіи невѣсты и kōzeńīk-овъ передъ вѣнчаніемъ (въ Кокнесѣ въ субботу), или тотчасъ послѣ онаго, и тогда происходитъ споръ между pyurweďs и невѣстиной матерью, которая садится на skreińu и не выдаетъ ея, пока не положатъ на всѣ 4 конца ящика по извѣстной суммѣ денегъ. Pyurweďs наряжается шутовски (pasataisa ē̃rḿeigs), одѣваетъ вывороченную шубу и зимнюю шапку, въ рукахъ держитъ большой кнутъ (garu pōtagu, kaidas nas uƀaǵi), и, споря съ невѣстиною матерью, имѣетъ удобный случай выказать свое остроуміе въ шуткахъ. При pyurawezšona поются напр. такія пѣсни:

80.

Gūťeń, muna raibuľeńa
Zīdajōm kōjeńōm —
Poša kōṕi kaľńeńô,
Zīďi ƀyra ľäjeńô.

Коровушка, моя пёструшка
Цвѣтистыми ножками —
Сама подымалась на гору,
Цвѣты падали въ долину.

81.

Gūťeń, muna raibuľeńa,
Kō mauraw'i wokorâ?
Woj mauraw'i zalta saiťes,
Woj sydabra pynakľeńa?

Коровушка, моя пёструшка,
Чего ты мычишь вечеромъ?
Мычишь ли ты по золотомъ привязкѣ,
Или по серебрянымъ путамъ.

Зап. въ Яшмуйжѣ отъ Žuriľńe «родомъ изъ Аглоны»).

Слѣдующая пѣсня, какъ мнѣ говорила разсказчица, поётся— jaunaju dawadam da sātai когда молодую доводятъ къ женихову двору. Но она можетъ и сюда относится и часто поется при pyurawežšona.

82.

Gūw'ej sw'ižu ar akmeńi,
Pošai pīna ďew'ējai —
Kō jej köpa kaľńeńô,
Kō röďejōs tauťeńōm?

Я камнемъ бросаю въ корову,
Подательницу молока —
Чего она взошла на пригорокъ,
Чего показывалась сватамъ?

83.

Jyus tauťeńas, ragańeńas,
Kur jyus mańi redźejōt?
N'i eś gōju krūgâ dźärť,
N'i ti°rgō röďejtūs;
Brōľu wydû kultu gōju,
Mösu wydû dryw'eńô.

Вы сватушки (чужіе люди), колдовки,
Гдѣ вы меня видали?
Ни я въ корчму ходила пить,
Ни на ярмарку показываться;
Я ходила въ средѣ братьевъ молотить,
А въ средѣ сестеръ на поле.

Зап. въ Яшмуйжѣ отъ Варвары Кондовникъ).

Пріѣхавши изъ костёла во дворъ жениха, молодая должна положить по парѣ перчатокъ на лошадей свата и шаферовъ. Ее встрѣчаютъ у дверей избы жениховъ отецъ съ водкою, а мать съ ṕeirāgs, karawajs пирогомъ, караваемъ и огнемъ. Молодая беретъ ṕeirāgs и огонь и входитъ въ избу, оставляя у порога jūsťeńu кушакъ. Жениховой матери она даритъ пару перчатокъ; pyurawedś стоитъ около печки, говоритъ, что мерзнетъ — и ему

пара перчатокъ; у печки молодая должна еще оставить перчатки и рубаху, на печку надо положить деньги для putras wōŕejtōja кухарки; жениховъ отецъ спѣшитъ въ комнату и, ставши за столъ въ почетномъ мѣстѣ, опять требуетъ перчатокъ; золовки тоже не отстаютъ отъ другихъ: въ общемъ невѣста должна приготовить болѣе 30 паръ перчатокъ.

84.

Dārawōj mań, wadakla,	Kaj eś ťeu dārawōju
Da źeḿāj lynukraklu;	Sawu boltu brōľeľeń.
Подари мнѣ, невѣстушка,	Какъ я тебѣ подарила
Льняную рубаху до земли;	Своего бѣлаго братца.

Въ случаѣ неподачи угрожаетъ:

85.

Kaj byuś loba w'eďekľeńa,	Kaj byuś špetna, kaj byuś bōrga,
Dźejwōsim wīnâ wītâ;	Siśsam ćepľi pyuńejťi.
Когда будетъ хорошая невѣстка,	Когда будетъ бранливая, когда будетъ ссорливая,
Будемъ жить вмѣстѣ;	Устроимъ печь въ сараѣ.

(В. Кондовникъ).

Тогда сажаютъ молодыхъ «jauńekľi, jauńī за столъ на почетное мѣсто въ углу, въ которомъ находится распятіе; подлѣ нихъ, тоже на почетныхъ мѣстахъ, жениховы brōľi, подальше невѣстины brōľi i mōsas, и родственники, которые по важнѣе (ľelōki ŕoďi); когда эти откушаютъ, садятся всѣ прочіе. Во время обѣда поютъ насмѣшливыя пѣсни apdzīdōšona.

Послѣ обѣда производится pogosta meššona, теперь въ пользу жениха (mat pogostu (или pogostô) jaunajam); первыми кладутъ свою лепту жениховы сватъ и сваха, потомъ brōľi и всѣ гости. Вечеръ въ нынѣшнее время заключается ужиномъ и танцами; прежде же происходило, такъ наз., guľďejbas уложеніе молодыхъ спать въ «свирнѣ», клѣти kľāťs (Яшм.) kľēťs (Вышк.), въ нетопленномъ помѣщеніи, хотя бы дѣло было и зимою (Кокнесе тоже). Всё старое поколѣніе соблюдало еще этотъ обычай, и многіе старики жалуются на его исчезновеніе и вообще на отсутствіе

веселости на нынѣшнихъ свадьбахъ (kōzas tań na tajdas waira, nawa ťik lusťeigas, moz jau tajdu žartu, kai śeńōķeń.). Молодыхъ провожали въ клѣть всѣ гости wysa družba съ музыкою, пѣснями и шумомъ ar spāľāšonu, dzīdōšonu uń gamańi (Žuriľińe, въ Яшм. родомъ изъ Аглонъ).

Утромъ будятъ молодыхъ опять ar wysu družbu, съ музыкою, пѣснями, пьютъ водку и производятъ разные «жарты», шалости (dora wysaidus žartus) это, такъ наз., ćeľšona nū guľďejbu (Яшм.). Въ постели молодой оставляетъ деньги, а молодая рубаху dēľ ďīwa śwēťējbas ради Божьяго благословенія; въ ведро, въ которомъ jauńī умываются, они также бросаютъ деньги, а потомъ женихъ ногою опрокидываетъ ведро. Въ прежнее время молодые умывались при помощи družba. Jaunyẃā теперь съ пѣснями дѣвушекъ и музыкою провожается жениховою дружбою въ избу и должна опять показать свою щедрость въ подаркахъ:— музыкантамъ даются перчатки, жениховымъ бролямъ и свату тоже, свахѣ рубаха, всѣмъ домочадцамъ по какой-нибудь мелкой вещицѣ; ustubas slaućejtōjai дѣвкѣ, которая мететъ комнату jūsťeńa на метлу ар slūťeńu; yuďeńs ńeśējai, что воду носитъ, пара перчатокъ на kōši, на короčа рубаху, кухаркѣ рубаху; затѣмъ jaunō перемѣняетъ свекровины poloģi, которымъ столъ покрытъ, и rūčńīķī на свои простыни и полотенца. Чѣмъ щедрѣе покажется молодая, тѣмъ легче ей будетъ житься въ новомъ домѣ.

Молодая до послѣдней ночи считалась въ дѣвицахъ и носила, какъ эмблему дѣвичества, źeiľu waińags (бисерный вѣнокъ); она и изъ клѣти выходитъ съ вѣнкомъ на головѣ, и только теперь происходитъ обрядъ снятія вѣнка waińaga nūjemšona и надѣваніе бабьяго головного убора mičōšona. Въ Лифляндіи и Узинѣши mičošana совершается въ воскресенье передъ guľďejbas; а снятіе вѣнка nūjemšona—такъ же, какъ и yzlykšona надѣваніе вѣнка, въ прочей Латышіи, кажется, уже утратились. Однако и въ Вышкахъ nūjemšona исчезаетъ. Происходитъ этотъ обрядъ аналогично съ вѣнчаніемъ рутовымъ вѣнкомъ. Жениховы brōľi сажаютъ молодую на опрокинутую, поставленную на пологъ и покрытую пологомъ квашню, отшпиливаютъ вѣнокъ, а jauńyķis его снимаетъ. Относительно этого снятія вѣнка есть много народныхъ пѣсенъ и въ прочей Латышіи—снятіе вѣнка излюбленное выраженіе вмѣсто лишенія дѣвичества. Жениховы broľi опять причесываютъ молодую, mōsas ее заплетаютъ и, наконецъ, надѣваетъ чепецъ mičō женихова сваха mičōtōja, въ Кокнесѣ,

такъ называемая, li°lajā wedējīša большая водительница и mičōtāja.

Сваха повязываетъ молодую платкомъ вокругъ всей головы по бабьему, kaj bo°bas opoľisķi, при чемъ платокъ завязывается сзади, а не какъ обыкновенно спереди, или же для mičošona берется особый ľelais lynauťeńš — длинный въ видѣ полотенца, только пошире платокъ, которымъ и покрывается голова на особый маперъ (i°rmeiģi), а именно такъ, что одинъ конецъ платка образуетъ на головѣ высокую пирамиду, а другой обвивается около шеи. Lynauťeńš нынче ужъ выходитъ изъ моды. Въ продолженіе этой церемоніи молодая плачетъ и поетъ (слѣдующія пѣсни служатъ примѣромъ), сваха ободряетъ ее и даетъ наставленія, сёстры и подруги помогаютъ пѣть.

86.

Nūjam munu wainadźeńu,
Nūjam munas wīglas ďīnas —
N'ik bej munu wīglu ďīnu,
Zam waińaga guľējuš.

Снимаютъ мой вѣночекъ,
Снимаютъ мои легкіе (привольные) дни —
Столько и было моихъ легкихъ дней,
Сколько подъ вѣнкомъ лежало.

87.

Waińag, munu wainadźeńu,
Jyńes špolwu wīglumeń —
Ka apšēju lynauťeńu,
Lynu mōrku gryutumeń.

Вѣнокъ, мой вѣночекъ,
Лёгостью въ морскія перья —
Какъ повязалась льнянымъ платкомъ,
Онъ тяжестью съ мочильню льна.

(Moz. Mońe).

Этимъ молодая уже совершенно вышла изъ ряда дѣвицъ и перешла въ среду бабъ, она прощается съ дѣвушками и привѣтствуется бабами. При завтракѣ, который теперь слѣдуетъ, пьютъ, такъ называемый, soldonais brandīns (сладкая водка). Всѣ дружки невѣстины и жениховы, попробовавъ водки, морщатся, говоря, что водка горькая,—а чтобъ ее подсластить перецѣлуютъ другъ друга. Послѣ завтрака проводятъ нѣсколько времени за разными шалостями (ďēľejōs) и играми, между которыми главное мѣсто занимаетъ, такъ называемое, ćepľa kuršona. Kōźeńīķī топятъ печь, чтобъ готовить себѣ ужинъ, т. е. вмѣсто дровъ въ печь суютъ, что только попадется подъ руки: собакъ, гостей, кресла, кошекъ, свиней, платья. . . . Потомъ ѣдутъ въ ближ-

нюю корчму, гдѣ гуляютъ ūl'awō до самаго вечера. Подружки катаются попарно съ шаферами и даютъ имъ за катанье по парѣ перчатокъ. Вечеромъ опять съѣзжаются puišugolâ, и поужинавъ, жениховы дружки слагаютъ деньги puišū družba mat škeińu naudu, которые идутъ въ пользу невѣстиной дружбы. Жениховъ отецъ puiša tās несетъ хлѣбъ, мать водку, прочіе, что у кого попадается, — деньги или разныя вещи. Собранныя деньги даютъ *брату, какъ выкупъ за сестру*; братъ недоволенъ, нехочетъ отдавать сестры и съ досады разбиваетъ тарелку, на которую кладутся деньги, а деньги разбрасываетъ. Сюда относятся пѣсни:

88.

Eś saspâŕu tautu goldu
D'ew'eńīm goboŕīm —
Tautōm jir golda žâl,
Mań mōśeńas waira žâl.

Я раздробилъ столъ чужбинниковъ
На 9 частей —
Чужбинникамъ стола жаль,
Мнѣ сестрицы болѣе жаль.

(Вышки, Mozuľińe).

Съ жениховой стороны поютъ насмѣшливую пѣснь:

89.

Brōľi mōsas pōrdawuši
Par kōpūstu ľižeićeń —
Yzdzāruši, yzstrābuši,
Brauc yz sātu raudōdam.

Братья продали сестру
За ложечку щей —
Выпивши, выхлебавши,
Ѣдутъ домой плача.

(Зап. въ Яшмуйжѣ отъ В. Кондовникъ).

Между тѣмъ настала ночь, и къ 11 или 12 часамъ panōkši начинаютъ прощаться съ невѣстою, соблюдая при этомъ старшинство родства. Puišu družba ихъ провожаетъ насмѣшливыми пѣснями:

90.

Pa ćeľu, pa ćeľu, nagūda ľauďś!
Suńś jyusu pōŕńâḿâ,
Čačis pawaďeja.

Пошли вонъ, пошли вонъ, нечестивые люди!
Собака васъ встрѣчала,
Кошка провожала.

(Яшм. Варвара Кондовникъ).

При прощаніи невѣста должна горько плакать, иначе ей не быть счастливой въ супружествѣ.

Вотъ примѣръ прощальной пѣсни:

91.

Kū eś beju brōľeńam	Raudajťi mań pameťā
T'ik jauna sarī″buśā —	Tautu golda gaľeńâ.
Что я такая молодая	Онъ меня оставилъ плачущую
Могла сдѣлать злого братцу —	За столомъ чужбинниковъ.

Во весь прощальный вечеръ puišu družba должна смотрѣть, чтобъ jaunyw'ā молодая не ушла, или чтобъ ее не увели; если она куда-нибудь удаляется, жениховъ brōľis ее провожаетъ, держа за руку. При самомъ актѣ прощанія jaunyw'ā сидитъ между жениховыми бролями. А если случается, что всё таки panōkši украдутъ молодую, то вся дружба бросается въ догоню, но panōkši выдаютъ молодую уже только по уплатѣ извѣстной суммы (2—3 рубля), которая panōkš-ами пропивается, но уже не у жениха, а въ домѣ невѣстина отца (ḿäjtās tās). Такъ обѣ дружбы расходятся, а пиръ продолжается каждой партіею отдѣльно въ «своемъ концѣ» «sawō golâ» еще во вторникъ.

Справляя свадьбу на ладъ долгой свадьбы, garōs ko*zas въ субботу не бываетъ никакихъ обрядовъ. Въ воскресенье обѣ партіи ѣдутъ изъ ḿäjtas gola въ костёлъ [въ Лифляндіи каждая партія ѣдетъ изъ sawa gala изъ своего конца], и возвращаются опять въ ḿäitas gols, гдѣ пируютъ воскресенье и понедѣльникъ до полуночи. Вторникъ и среду проводятъ puišu golâ во дворѣ жениха, исполняютъ всѣ обряды и расходятся въ четвергъ или еще позже. На этотъ ладъ справляютъ свадьбы только зажиточные люди.

Въ субботу на свадебной недѣлѣ молодая ходитъ въ мужнину баню, гдѣ ей приходится опять тратить много перчатокъ и кушаковъ. На порогъ бани, на полки, на печь кладутся перчатки, вѣники обвязываются кушаками ... этимъ обезпечиваются благополучные роды.

Въ эту же субботу молодые ѣдутъ гостить къ женинымъ родителямъ; тамъ же собираются еще ближайшіе родственники и сватъ съ свахою — это, такъ называемые, atkōzos.

Въ воскресенье же женины отецъ съ матерью въ свою очередь

отправляются во дворъ молодыхъ, посмотрѣть на ихъ житье бытье. Этимъ свадьба окончательно сыграна. Въ другихъ мѣстахъ Латышіи atkāz-ами на оборотъ называется посѣщеніе невѣстиными родителями и ближайшими родственниками дома молодыхъ, гдѣ допиваютъ и доѣдаютъ оставшіеся запасы. Посѣщеніе родителей молодыми отлагается на другое время попозже.

Мало-по-малу исчезаютъ и эти остатки латышскихъ народныхъ свадебныхъ обрядовъ; ихъ мѣсто или занимается польско-шляхетскими церемоніями, или же остается пустымъ.

Вышковцы цивилизуются; молодое поколѣніе относится къ старымъ оригинальнымъ обычаямъ критически, съ полупрезрѣніемъ называя ихъ d'ēl'ešonōs шалостями, глупостями; оно не видитъ надобности въ сохраненіи этихъ обрядовъ, значеніе которыхъ ему уже не понятно. На такое отношеніе къ старинѣ вліяютъ близость города (такъ у Вышковцевъ меньше оригинальныхъ обычаевъ, чѣмъ у Яшмуйжцевъ), ксендзы, воюющіе противъ разнаго поганства, какъ они называютъ эти старинные обряды, и шляхта (šl'akšas) — проводница моды; а книгъ, прессы, развитой общественной жизни, которыя могли бы оказать противодѣйствіе такому направленію (какъ это замѣчается въ прочей Латышіи) — всего того тутъ и помину нѣтъ.

e. *Свадьба въ деревнѣ «Свальба» Ясмуйжской волости Динабургскаго уѣзда* [1]).

Канунъ свадьбы.

Въ субботу (примѣрно) молодой [2]) пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты (jauńiwe) со всѣми своими дружками (ar sowīm brōl'īm) съ сватомъ (ar swōtiᵉm) и съ возницами приданаго (ar skreinis peura wedējīm). Часъ пріѣзда поздній, обыкновенно около девяти часовъ вечера, когда темнѣетъ. Ихъ встрѣчаютъ оружейными выстрѣлами. Молодой отыскиваетъ мать невѣсты и даетъ ей бутылку сладкой водки (lobais brandwīns). Невѣста въ это время вовсе не обращаетъ на него вниманія. Женихъ со своею компа-

---

1) По сообщенію Антона Котона, уроженца этой мѣстности нынѣ проживающаго курьеромъ въ С.-Петербургѣ). Пѣсни, пріуроченныя къ описаннымъ обрядамъ, пропѣты были *другимъ лицомъ*, женщиной изъ тойже деревни, проживавшей въ 1882 году также въ С.-Петербургѣ.

2) Jauničis по лат.

ніей садится за столъ и угощаетъ. Женихъ приглашаетъ, а сватъ, какъ главный распорядитель во время свадьбы, наливаетъ. Въ каждую рюмку сватъ бросаетъ по монетѣ (ľī glōzi, mat glōzî sudobra rubli) — рубль серебромъ и меньше. Затѣмъ черезъ столъ женихъ подаетъ невѣстѣ сапожки (kurpis), платокъ (sķeusts) и sķeusteńš платочекъ; за это получаетъ онъ отъ невѣсты рубашку, носки (zečis), кушакъ (loba jeusteńa), перчатки (cimdi), носовой платокъ (sķeusteń). Съ перваго начала жениха со стороны невѣсты осмѣиваютъ [1]), напримѣръ, въ родѣ этого:

92.

Atskrej suōtenš Ar wīnu sweitu; Прибѣжалъ сватушка Съ одной свитою;	Ūtrâ sweitâ Drauguľa bārni. Въ другой свитѣ Дѣти любовника.

О женихѣ поютъ (въ день выдачи приданаго):

93.

Äs dumau, es gudau Kū ti muńi cōľe losa: Я думаю, гадаю, Что мои курицы клюютъ:	Jauničami nabogam Wutu kula papľesuśa. У жениха бѣдняка Мѣшокъ съ вшами разорвался.

94.

Smilkšōta, smilkšōta Jauniča sweita; Полна пескомъ Свита женихова;	Caur zemi ľeida Da jauńiẃei. Черезъ землю пускается До молодой;

При отдачѣ приданаго соблюдаются слѣдующія обычаи: Братъ садится на невѣстинъ сундукъ. Сватъ жениха даетъ деньги; три раза отталкиваютъ его монету: онъ добавляетъ что нибудь. Есть примѣта, что при выносѣ пыуреня т. е. приданаго не слѣдуетъ останавливаться. Послѣ продажи сундука, отецъ и мать невѣсты съ хлѣбомъ-солью идутъ въ хлѣвъ (klāws).

[1]) Apdźeidōt насмѣшки пѣть.

Они въ перчаткахъ, чтобы тепло и счастливо жилось невѣстѣ. Мать дочкѣ предлагаетъ овечку (заранѣе мать и дочь, конечно, уже сговорились о выборѣ), пьютъ пиво и водку. Затѣмъ овечку.

При выдачѣ приданаго поютъ:

95.

Peureņi, mūnu peureņi
Na skujeņe pīberuši:
Приданое, приданое мое
Не хвоемъ насыпано:

Mameņi, mameņi
Na mīdzeņi guľējuši.
Маменька, маменька
Не спала въ логовищѣ.

96.

Sirďem swīžu linu kraklus
Dziľa peura dibenâ;
Въ гнѣвѣ брошу льняную рубашку
На дно глубокаго сундука;

Kō natika nasejeņi
Pa munam prōteņam.
Оттого что носители
Не нравились мнѣ.

Овцу кладетъ въ телѣгу, такъ называемая, lūpgaņe — пастушка, которая кромѣ того получаетъ на дорогу бочечку пива (отъ матери), водки, тарелку съ творогомъ и масломъ, небольшой хлѣбъ (plōcens) и узелокъ шерсти. Послѣ выбираютъ и корову. Ее выводитъ lūpgonis пастухъ въ бѣлыхъ вязаныхъ перчаткахъ.

Поѣздъ изъ дома невѣсты отправляется около перваго часа ночи, сопрождаемый родителями и подругами (pomārďis) невѣсты. На родинѣ жениха весьма любезно ихъ встрѣчаютъ; поѣзжане садятся ужинать съ своимъ хлѣбомъ-солью и наконецъ ложатся спать для короткаго отдыха.

День вѣнчанія (воскресенье).

Когда невѣста встала, приходятъ ея подруги, (pomārďis) чешутъ ей голову и поютъ жалобныя пѣсни. У невѣсты обыкновенно два шафера (dīw' brōľi), т. е. по латышск. два брата. Кромѣ того есть должность вокорайни [1]) и вокортава, пер-

вая большею частью крестная. Хозяйка или кухарка, заботящаяся о пирѣ и надлежащихъ яствахъ, называется mīlōtōja. До вѣнца одинъ изъ братьевъ одѣваетъ невѣстѣ вѣнокъ. Одѣтая невѣста со своими подругами и братьями садится за столъ закусывать и попивать.

Во все это время поютъ жалобныя пѣсни, особенно утромъ при чесаніи волосъ:

97.

Sasukowu gludu golwu,
Tauteńôs laizdamu°s:
Гладко чесала голову,
Отправляясь на чужбину:

Daĭskrēja (da) dālu mōťa
Kaī rogona izpliųwkowa.
Прибѣжала свекровушка
Какъ вѣдьма расщипала.

98.

Atdūtum teiń ar skreiń'
I atdūtum gūw(i) ar wušku
Отдала-бы лари и сундуки
И корову съ овцею;
I dīweri i mōseicis
Wisi, iz maňa greiži wārās;
Reime, reime, progorē͵ba
Olkona bez sūotis palika:
Ližeikūs sḿēľa, napasḿēľa
И девера и золовки
Всѣ на меня косятся (косо смотрятся):
Обжора, обжора ненасыть
Голодный ненасытный остался;
Ложками черпаю, не почерпнула

Ka(d)man laistu uz mameńu,
Uz eistīmi brōľeľeńim.
Когда бы меня пустили къ маменькѣ,
Къ роднымъ братушкамъ.
Majza krita nū rūceńu.
Koktâ gōju paraudōt,
Mīstâ, mīstâ parunōt.
Sīwišam greųta dzīwa,
Naųa nikot (nikod) loba mīra.
Хлѣбъ изъ рукъ валился
Въ уголъ ушла рыдать,
Въ мѣстечко поговаривать
У жёнъ тяжкая жизнь,
Никогда нѣтъ хорошаго мира.

99.

Škirīte wis zūsu pulki,
Laiďēt guľbi azarâ;
Разлучитесь всѣ гуси,
Пустите лебедь въ озеро;

Škirīte wis brōľeľeńi
Laiďēt mōsu tauteńôs.
Разлучитесь всѣ братья,
Пустите сестру на чужбину.

---

[1]) Отъ вокорс (wokors) вечеръ.

Въ церковь ведутъ невѣсту два брата. Послѣ вѣнца заѣзжаютъ куда-нибудь лаулибос ăст закусывать послѣ вѣнца и прямо потомъ ѣдутъ къ родителямъ жениха. Какъ только они подъѣзжаютъ, ихъ встрѣчаютъ выстрѣлами изъ ружей. Впереди ѣдетъ сватъ, потомъ женихъ и невѣста. На выстрѣлы (uz guńi) невѣста бросаетъ пару рукавицъ или поясокъ — по-латышски zīdu жертву, cimdi wa je͜usteń.

На дворъ молодыя стараются выпрыгнуть въ одну сторону; невѣста закрываетъ лицо вуалью, не входя раньше, пока родители не вышли встрѣчать съ хлѣбомъ-солью. Отецъ является съ пивомъ (skri͜uze ols), а мать съ хлѣбомъ (ar maizes kukuľi) и солью. Съ этими дарами въ рукахъ входятъ въ избу и садятся за столъ. Сватъ идетъ впереди. Невѣста должна бросать на каждый порогъ перчатки или поясокъ. Если выходятъ изъ-за стола непремѣнно съ другой стороны (знакъ хорошій), невѣста на мѣстѣ опять оставляетъ жертву, рукавчики (pīdōrknes) или рубашку (lin kraklis).

Когда всѣ входятъ въ избу, вокорайнсъ, такъ сказать, обязанъ продѣлать слѣдующую шутку. Онъ лѣзетъ на печку, бьетъ по ней палкою, орётъ, кричитъ, говоря, «что ему холодно». Тогда для успокоенія подаютъ ему хлѣбъ (kukuľ maizes) и пиво, послѣ чего онъ слѣзаетъ съ печи, садится за столъ, самодовольно приговаривая: «вотъ это мой хлѣбъ, мое пиво».

Потомъ идутъ въ клѣть созывать погостъ (pogostu saukt). Сватъ, кнутомъ ударяя по стѣнѣ либо матицѣ, вызываетъ сначала родителей, потомъ по порядку другихъ присутствующихъ. Дарятъ деньги или вещи, которыя кладутся на столъ paldeńš apsīts ar ske͜usteń). Вокорайна отбираетъ подарки, считаетъ всё и потомъ передаетъ невѣстѣ. Ужинаютъ и поютъ разныя пѣсни насмѣшливаго характера:

100.

Woi, woi, tu jauniči,
Kaida slaw'a tew atgōja:
Pi^ertî bōbu nūslōpējis
Ar pīcemi bērneńemi.

Ахъ, ахъ ты, молодуха,
Какая слава о тебѣ пошла:
Въ банѣ баба повалилась
Съ пятью дитятями.

101.

Woi, woi, tu jauniči,
Tawu gaŕu daguneń;
Pats tu śādi aiz galdeńa
Daguns cepľu dibeńā.

Ахъ, ахъ ты, молодуха,
Твоего длиннаго носа:
Сама ты сидишь за столомъ,
Носъ въ глуби печи.

102.

Woi, woi tu jauniči,
Tawu ľālu leupu:
Nū wīnas leupeńas —
Treis peirādzeńes,
Nū ūtras leupeńas —
Treis puore postoľ.

Охъ, охъ, ты, молодой,
Какія у тебя большія губы:
Изъ одной губы —
Три пирожка;
Изъ другой губы —
Три пары лаптей (пастолъ).

103.

Woi, woi tu jauniči,
Kaidi towi kuntužańi;
Tarakań' apāduši,
Pūges wīn pamatuš.

Охъ, охъ, ты, молодой,
Какіе у тебя кунтуши;
Таракашками объѣдены,
Пуговицы одни оставили.

Надъ деверьями насмѣхаются:

104.

Dīwerûs, dīwerûs,
Kai ľelûs ûzulûs;
Mōśēcâs, mōśēcâs,
Rogonas kai jēršķeržu.

Въ деверьяхъ, въ деверьяхъ,
Какъ въ большихъ дубахъ;
Въ золовкахъ, въ золовкахъ,
Какъ въ терновникѣ.

Срв. съ этой пѣснею варіантъ изъ Капинской вол. Динаб. у.:

Dīwerûs, dīwerûse
Kai rasnajûs aozulôs:
Mōseicôs, mōseicôs,
Kai jēršķeržu kŕeumeńos.

О деверьяхъ поютъ и другое четверостишіе:

105.

Lobōk man daudz dīweru
Na kai daudzi mōśēceńu;
Dīwers dīnu nalēidzinoi,
Kai lēdzinoi mōśecińas.

Лучше мнѣ больше деверьевъ,
Нежели много золовокъ;
Деверь такъ не гордится,
Какъ гордятся золовушки.

106.

Malti gōju moltiw'âs,
Na mylynâ klaudzenōt;
Dzeiwōt gōju tauteńôs,
Na dīweru leidzenōt.

Молоть пошла я въ жерновую комнату,
Не меленомъ стучать;
Жить я пошла въ чужбину (замужъ),
Не деверю подакивать.

107.

Pīguľńēci, pīguľńēci —
Brōľeń taųa ľaudaweń:
Ночлежница, ночлежница —
Братецъ, твоя милочка;

Ik wokora nūsawāra,
Kur nūjōja pīguľńīki.
Каждый вечеръ высматриваетъ,
Куда поѣхали ночлежники.

108.

Sudobrōta ľaudowiń
Nagrib laist moltiw'â;
Серебряную молодую
Не хотятъ пускать въ жерновую комнату;

L'ic sudobru peųreńâ,
L'īńu poša moltuw'ê.
Кладу серебро въ сундукъ,
Пойду сама въ жерновую.

Сниманіе вѣнка.

Послѣ ужина въ клѣти мать жениха снимаетъ съ невѣсты вѣнокъ и обвязываетъ голову ей своимъ платкомъ (linauts повязка въ прежнія времена).

109.

Apsīn man linauteń,
Linu mōrku greųtumeń;
Обвяжуть меня льнянымъ платкомъ,
Онъ тяжестью съ мочильню льна;

Nūjem munu wainuceń,
Nūjem munu wīglu dīnu.
Сняли мой вѣнокъ,
Сняли мой легкій день.

Невѣстѣ стелетъ постель и простыню мать жениха съ разными приговорами и прибаутками, неизвѣстными уже болѣе разсказчику.

110.

Itei tautu kľētińa
Bez dibyńa palikuśe:
Эта клѣть жениха
Безъ дна осталась;

Ar waińuku ītecēju,
Bez waińuka iztecēju.
Съ вѣнкомъ вошла,
Безъ вѣнка вышла.

111.

Pilńi tautu tēirumeń
Zamūzarēšu ūzuľeń;
Man swešai staigojūt,
Nūraun man waińuceń.
Oi äs citu nasawōju,
Pa lazdāmi gońīdama.

Полны поля чужанина
Дубовъ низковѣтвистыхъ;
Когда я на чужбинѣ ходила,
Сорвали мнѣ вѣнокъ.
Ой, я другой носила,
Въ орѣшникѣ пася (скотъ).

112.

Pučēt munu ľaudoweń,
Pats äs tewi audzinau,
Pats nū°jēmu waińudzeń.

Цвѣточекъ, моя невѣстушка,
Самъ я тебя выростилъ,
Самъ я снимаю вѣнокъ.

113.

Waińuk, munu waińuceń —
Wairōk zalta, na sudobra:
Tū man ṕērka pīci swaińi,
Tū deweńi brōľeľeńi.

Вѣнокъ, мой вѣночекъ —
Больше золота, чѣмъ серебра;
То купили мнѣ пять шурьевъ,
Другіе девять братцевъ.

Вар. а) изъ Корсовки Люценск. у.

Waińuks, munu waińudzeńe
Waira zalta, na sudobra;
Tū man ṕērka pīci swaińi,
Tū dewińi brōľeľeńi.

Вар. б) изъ Капино, Динаб. у.

Waińuks, munu waińuceń —
Zūses spolwas wīglumeń:
Waińuka dōrga nauda
Wīgli sūľi staigojūt.
Tū man ṕērka pīci swaini,
Tū dewińi brōľeľeńi.

На другой день будятъ молодыхъ. Моются они вмѣстѣ, причемъ молодая бросаетъ деньги въ блюдо, въ которомъ мылись. Въ этотъ самый понедѣльникъ дѣлаютъ разныя шутки. Между прочимъ, дружки невѣсты стараются (ponōkšńi) увести или умыкать невѣсту. Молодой умоляетъ и проситъ ее отдать; наконецъ соглашаются возвратить ее за хорошее угощеніе. О другихъ шуткахъ, какъ напр. dzērnawas kalt, говорилъ я уже выше.

Поютъ разныя пѣсни насмѣшливаго характера, напр. слѣдующія:

114.

Tedis acis jauničam,
Tedis acis jauniw'ei;
Такіе глаза у жениха,
Какіе и у невѣсты;

Obi beja gulējuši
Wīnî(e) ceukis mīdzeńî.
Оба поспали
Въ одномъ свиномъ логовищѣ.

115.

Prōteńa man nabeja
J't pî taida delwerēša;
У меня не было ума
Выйти замужъ за такого шумила;

Äs augdama naîredzeju,
Kū dareju dzārumâ.
Выростая я не предвидѣла,
Что̀ сдѣлаю въ пьянствѣ.

Братъ поетъ о своей сестрѣ, которую онъ выдалъ за чужого чужанина замужъ:

116.

Dūd'et mań brandiweńi,
Koč raudzēt, paraudzēt:
Дайте мнѣ водки,
Хоть отвѣдать, попробовать;

Es jums dewu soụ mōseńu
Koč jūs rauwgōt, narauwgōt.
Я вамъ далъ свою сестрицу,
Хоть вы посматривали, хоть не смотрѣли.

Сестра жалуется на свою судьбу, но уже поздно:

117.

Kū äs beju saraibuśe
Sowīm boltīm brōľeľeńīm
Raud'et mańi atstōja
Tautu golda galeńâ.
Raud mōseńa wisu ceľu,
Чѣмъ я прогнѣвала
Своихъ бѣлыхъ братьевъ;
Плачущей меня оставили
На концѣ женихова стола.
Плачетъ сестра всю дорогу

Raud pī wōrtu daīdama.
Raud mōseńa, oj naraud
Ne ar raudis atraudūs.
Kō tū laik naraudawi,
Ka tautōmŭ rūku dewi.
Плачетъ, приближаясь къ воротамъ.
Плачь, сестра, или не плачь,
Плачемъ не отплачешься.
Лучше бы ты во время проплакала,
Когда ты жениху руку дала.

Atkoazis.

Въ четвергъ послѣ вѣнчанія (воскресенье) женихъ долженъ отпустить молодую къ родителямъ ея. За ней пріѣзжаетъ самъ

молодой въ субботу и приглашаетъ родителей къ себѣ на воскресенье. Въ это воскресенье молодая даритъ свата, надѣляя его рубашкою и. т. д., какъ выше разсказано.

118.

Gul pi[e] wilka ľaudoweńa,
Ka pi[e] mana naguľēji;

Спи съ волкомъ, молодуха,
Если со мною ты не спала;

B'ēru auzas kumeľam,
Gulstūs siľes galeńâ.

Насыплю овса лошади,
Уложусь на концѣ яслей.

119.

Nūweďa, nūweďa
Susekľa zagľi;

Отвели, отвели
Вора щетки;

Wel paľika krei(ju)ma zagľis,
Sasaprūti, napraškeńi.

Еще остался воръ сметаны,
Понимай непонятливый, на тебя де мѣтятъ.

120.

Paceľ kraslu, nūauw kōjas, Jzgōjuśi tauteńôs
Wacōkam dìweram.

Поставь кресло, разувай ноги, Вышедши замужъ,
Старшему деверю.

121.

Aisteć mańi laimeńa
Pošu tautu tērumâ;

Пробѣги моя доля (лайма)
Впередъ на полѣ жениха;

Ka(b) kōjeńes naìspartum
Asareńu paľteńâ!

Чтобъ я ножкою не ступила
Въ лужу слезъ.

122.

Ik wokora tautu dālis
Prosa bolta paladzeń;

Каждый вечеръ чужанинъ
Проситъ бѣлую простыню;

Kur, tautìti, zirga deči,
Kur guľēji pìguľî.

Гдѣ, женихъ, попона (лошадиное покрывало),
На чемъ ты спалъ во время ночнинъ.

f. *Свадебныя пѣсни изъ окрестности Креславки, Динаб. уѣзда.*

123.

Kō tu dzîd tautu meita?
Nî tu mani aizdzîdōs;
Mań mōseńa, mańi ūtra,
Mań dewińi brōľeľeń.

Что ты поешь, чуженинка (чужая дѣвица)?
Ты меня своимъ пѣніемъ не перещеголяешь;
У меня сестрица, у меня другая,
У меня девять братьевъ.

124.

Weitūls auga pogolmâ,
Äs weitūla pakresľî:
Weitūls zorus darinowa;
Äs darinow wainuceń.

Тополь ростетъ на дворѣ,
Я въ тѣни тополя;
Тополь вѣтки распустилъ,
Я дѣлала себѣ вѣночекъ.

125.

Pilna pūrwis boltu bārzu,
Nawa zaľa ūzuľeńa;
Pilna ustoba swešū ľaužu,
Nawa munu brōľeľeń.

Полно болото бѣлыхъ березъ,
Нѣтъ зеленаго дубца;
Изба полна чужихъ людей,
Нѣтъ моего братца.

Pirmo laulībos, sazdîna wokorâ, atnōc swōtys ar wedejīm jauniw'e ṗērkt. Въ субботу вечеромъ передъ вѣнчаніемъ пріѣзжаетъ женихова сторона купить невѣсту. Происходитъ слѣдующій типичный разговоръ: Lobs wokors, kaids tawars jira? Jira gon pî meusu, wuškeńu pordūt. Cik moksa? Ka nažālojīt moksys pî meus tawars lobs jir. Swōts dūd kopeîku. Brōlis trebowa rubľa. Ka nūṗērka, tad wed jū da jaunikam, sādinoi (jū) wīnaî wîtaî ar jīm. Добрый вечеръ, какой товаръ у тебя? Есть у насъ—продаютъ овечку. Сколько возьмете? (стоитъ). Если вы платы (денегъ) не жалѣете, то у насъ товаръ хорошій. Сватъ предлагаетъ копѣйку. Братъ требуетъ рубль. Когда купятъ, то невѣсту ведутъ къ жениху и усаживаютъ ихъ рядомъ.

126.

Wista cōleīšu atškeire,
Atškeir mańi nū mameńes:
Cōl'i tak pulceńâ,
Kur, mameń äs täceiš?

Курочка отгоняетъ отъ себя цыплятъ,
Меня удаляютъ отъ маменьки,
Цыплята бѣгутъ гурьбою,
Куда я, матушка, пойду?

(Срв. И. Спрогиса, l. c., стр. 109, № 14).

Послѣ вѣнчанія завтракаютъ (rīteškas apād) около телѣгъ, или гдѣ-нибудь въ корчмѣ. Отправляются на родину жениха. Ихъ встрѣчаютъ выстрѣлами изъ ружья. Jz guńis izswīž cimdes. На огонь (выстрѣловъ) бросаютъ перчатки. Tūlaik olu dzär, īt da klētei, gaida koleidz ar lūpus atnōc i skreińi. Swotys ar pōtogu rūkâ izīt skreińis ṕērkt pa 50 kopīk, woi rubl'i. Cik prose? Brōlis atsoka: cik steuru, tik rubl'u man waijaga. Во все это время пьютъ пиво, идутъ въ клѣть, ждутъ, пока пріѣзжаютъ съ приданымъ т. е. съ сундукомъ и скотомъ. Тогда сватъ съ кнутомъ въ рукахъ выходитъ покупать сундукъ за 50 коп. или за рубль. Сколько просишь? Дружка (братъ) отвѣчаетъ: сколько угловъ, столько рублей ты мнѣ долженъ дать.

Когда покупаютъ skreińi (приданое) невѣсты, поютъ:

127.

«Madal'es» skreińeit'i
Skongole skrāp;
Kam gōja pa ṕērtai
Atmīga gul'ät.

Въ Магдалиномъ сундукѣ
Лучинки брязгаютъ;
Ходила въ баню
Послѣ обѣда спать.

Jz brōl'a dzīd надъ братомъ смѣясь поютъ:

128.

Wacōkais brōl'el'eńš
Gul' iz skrīnys dybyńa;
Kam mōseńai bondys sēja,
Mōlūtâ kalneńâ.

Старшій братушка
Спитъ на днѣ сундука;
Отчего онъ сестрѣ ленъ сѣялъ
На глиняной горѣ.

Pirmo laulības dūd šeupul'a naudu mōtei sazdīns wokorâ—kōdi trīs rubl'is. Даютъ колыбельныя деньги матери невѣсты вечеромъ

въ субботу какіе-нибудь три рубля. Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Звирзденской вол. Люценскаго уѣзда «zūts dūd rubľi šeupuľa naudu» (по сообщ. Ф. Звербуль изъ Муйзеники).

Сцена между сватомъ и пастухомъ въ понедѣльникъ.

Gons guľ iz krōsnis. Wisi jo walka aiz kōju zemei, apleij ar jeuwdeń. Jis soka: man ir solts, as asmu bōrins, nadūdīt mani woľes pōrguľet. Пастухъ лежитъ на печи. Всѣ его тащутъ за ноги на землю, обливаютъ водою. Онъ говоритъ «мнѣ холодно, я сирота, не даете мнѣ въ волю выспаться».

Сватъ говоритъ: Tu apsameizi gulādams, tu runoi, ka tu nū°ḿērķi pa rosu. Lūpgons soka: Man wel nawa kulâ maizes, ni pōtagis. Kū ta äs nōkšu gonûs. Raud jis (gons) nagrib ît gonûs. Jo seutā ar potogas, ar jeuwdeńi apľeij. Kas jūs mani nažalojīt, nî man sīwes, nī bārna, nī kā nawa, opols kai ōbuls. Ты замочился во снѣ, не въ росѣ, какъ ты говоришь. Пастухъ отвѣчаетъ: Еще нѣтъ у меня ни хлѣба въ торбѣ, ни кнута, какъ я пойду на пастбище? Онъ плачетъ и не хочетъ уйти. Его посылаютъ на пастбище, всячески пробуждая или обливая водою. Онъ же плачетъ и приговариваетъ: нѣтъ у меня ни женки, ни дѣточекъ, никого, круглый — какъ яблоко.

129.

Kōleijos tautu dāls:
Jr man četri śermi kumeľeńi.
Kai nūgōju, tai atrodu
Ar ōzi acajūt. —
As padewu «dīw paľeiga»,
Jis ar ōzi kreumeńûs.

Хвалится чужанинъ:
Есть у меня четыре сѣрыхъ коня.
Когда я пошла (туда), тогда я нашла
Его съ козломъ боронующаго.
Я ему сказала «Богъ помощь»,—
Онъ съ козломъ въ кусты.

130.

Seika, moza ītecēja
Ľelajûs dīwerûs;
Ni prōteńa sajāmuśe
Ni darbeńa izwuikuśe:
Tū man dora greuti kunģi.

Маленькая, капельная я вышла замужъ
Въ большую родню;
Ни ума не собравши,
Не научившись работать:
Это мнѣ надѣлали строгіе господа.

131.

Sōc, mōseń, tu dzīsmeń
Tew škēras, tew wedas;
Äs beutum īsōkuś
Žālobām nawareju.

Заводи ты, сестрица, пѣсенку —
Тебѣ удастся, тобой хорошо ведется;
Я бы начала,
Но изъ горя не могу.

132.

Ne meužam na mauktum
Mōtys kurpi kōjeńâ;
Slidnys beja mōtes kurpys,
Jzslīdeja tauteńôs.

Ни во вѣкъ я не обула
Маменькинъ башмакъ на ногу;
Скользки были маменькины башмаки,
Поскользнулась я на чужбинѣ.

133.

Naĭtum tauteńôs,
Kab mameńa nagōjuś;
Na kōrtum šeupeľeišu
Ka(b) laimeńa naľikuśe.

Не пошла бы я на чужую сторону,
Когда-бъ маменька не пошла;
Не повѣсила бы я зыбку,
Если бы Лайма не повелѣла.

134.

Jauńiw'e waińuku zemeji swīdeja,
Kas munu waińuka paceľs?
Paceľu brōľeńi ar zūbeneńi,
J̄swīda rožu kreumeńâ.
Treis godus rožeńa nazīdeja,
Kas muny sakńeiti palaistys?
Nūgōja mōseńa tauteńôs,
Nūgōja tauteńôs osoru rīstu.

Молодуха вѣнокъ на землю бросила:
Кто мой вѣнокъ подыметъ?
Подымали братья его на саблѣ,
Бросили его въ кустъ розы.
Три года роза не цвѣла —
Кто мой корень польетъ?
Вышла сестрица на чужую сторону,
Вышла замужъ — слезы проливать.

135.

Sola mani rūkys, kōjes
Swešu ľaužu komonôs;
Beut man bāji mōtis dūta
Loba, silta wilnōńeiťe.

Озябли у меня руки, ноги,
Въ саняхъ чужанъ;
О если бы мнѣ матушка подарила
Хорошій, теплый платокъ.

136.

Neuľe roženes sarida
Munu motu galenâ;
Давеча розочки свились
На концѣ моихъ волосъ;

Tautys nadewa waľenis —
Da golam nūrīdēt.
Чужанинъ не далъ воли —
До конца имъ завиваться.

g. *Пѣсни, которыя поются при познакомленьи невѣсты съ женихомъ* [1]).

137.

Kupla ľipa ōreńôs,
Pilna boltu gaigaľeń;
Густая липа на полѣ,
Полна бѣлыхъ чаекъ;

Wīna meita mameńai,
Pilna sāta swešu ľauž.
Одна дочь у матери,
Полна хата чужихъ людей.

Записано въ Колупѣ, Динаб. у.

138.

Natur seunu tys akmeńs,
Kur guľ upis dybyńâ;
Нѣтъ моху на томъ камнѣ,
Который лежитъ на днѣ рѣчки;

Natur prōta tys puiseiťis,
Kur daudz meitū zadenōj.
Нѣтъ ума у того парня,
Который много дѣвокъ выбираетъ
(бракуетъ).

Записано отъ крестьянки Ядвиги Андреевой, Прельск. вол., Динаб. у.

139.

Jz dumauo natikľeits,
Kai precēt ľaudaweń;
Выдумалъ невѣжа,
Какъ сватать невѣсту;

Da źemai zeižu dīģi
Bārojam kumeľam.
До земли шелковыя нитки
У гнѣдого коня.

Записано отъ крестьянки изъ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

---

[1]) Срв. Сборникъ Лат. Лит. Общ., стр. 1—33.

140.

Nasawer tautu dāls,
Kad äs taida zamaľeń;
Tweiksi taw'i beudi goli,
Skańēs muńi grēdzeneńi.

Не смотри, чужанинъ,
Что я такая приземистая;
Загорятъ твои щеки,
Зазвенятъ мои колечки.

141.

Teć ar mańi, aij ar mańi
Aij ar mańi parunōt;
Jū tew' tika prōteńam,
Aij pī muna brōľeľeń.

Выходи за мною (за мужъ), уйди со мною,
Иди со мной поговорить;
Если тебѣ я пришла по разуму,
Иди къ моему братцу.

140—141 зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

142.

Sajōj mań trēju taut,
Wīnâ reitâ, celejeńâ:
Lićet, brōľi muńi, waľ,
Äs wisīm atsaceju.

Съѣхались за мною три жениха
Въ одно утро на дорогѣ:
Дайте, братцы мои, волю,
Я всѣмъ откажу.

Дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

143.

Tōľi, tōľi äs rädzēju
Driku driwu nūweituš;
Lai nuweist, tys puiseits,
Kurs màiteńis näcinoj.

Далеко, далеко я видѣла
Гречишное поле высохшимъ;
Пусть засохнетъ тотъ парень,
Который не оцѣнилъ дѣвушки.

Записано отъ латышки Колупск. вол., Динаб. у.

144.

Kad äs beju jauna màita
Äs bēj ľela nabēdńeica:
Swīžu puišus par placīm,
Pošâ škeuńe dybynâ.

Когда я была молодая дѣвушка,
Я была большой озорницею:
Кидала парней черезъ плечо
Въ самую глубину сарая.

Зап. въ Колупск. вол. Динаб. у.

145.

Sasawēju gańeidama
Raseńeišu wainuceńū;
Gon gribēja tautas jōt,
Aiz raseńu nadajōja.

Когда я пасла, плела я
Вѣнокъ изъ росинокъ;
Хотѣли пріѣхать чужбинники,
Но изъ-за росы не доѣхали.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

146.

Šū god' mīži, cit god' rudzi,
Aiz cit godu papiweitis.
Šū god marga, cit god sīwa,
Aiz̨ cit god mōmuľeń.

Въ этотъ годъ жито, на другой рожь,
А за другимъ паренина;
Этотъ годъ дѣвица, на другой жена (замужняя),
За тѣмъ годомъ мамочка.

147.

Puiši, puiši da màitām,
Zirgi, zirgi da auzām;
Puiši màitu nadabowa,
Zirgi auzes nàaduše.

Парни, парни до дѣвокъ,
Кони, кони до овса (падки);
Парни дѣвушекъ не достали,
Кони овса не поѣли.

148.

Treis màiteńes mameńai:
Wīna beja šmuidra, gaŕa,
Ūtra beja strupa, rasna,
Treša beja malnu ǵīmu.
Šmuidra gaŕa Wōcīšam;
Strupa, rasna orōjam;
Malnu ǵīmu čigōnam;
Wōcīts sowu doncōt wuico,
Orōjs sowu staigōt wuico,
Čigōns sowu maińeit wuico.

Три дочери у матери:
Одна была тонкая и рослая,
Другая была толстая и низкая,
Третья была лицомъ черна.
Тонкая, рослая нѣмцу,
Толстая и низкая пахарю,
Черполицая цыгану.
Нѣмецъ свою танцовать учитъ,
Пахарь свою ходить (за работою) учитъ,
Цыганъ свою (лошадей) мѣнять учитъ.

149.

Štuǩi ľeli breinumeń,
Màitys puisi nūguľēja;
Puiša paťe waina beja
Kō ľin màitu wideńâ.

Вотъ штуки, большое чудо,—
Дѣвушки задавили во снѣ парня;
Вина была самого парня,
Что онъ лѣзъ къ дѣвушкамъ.

146—149 записаны въ дер. Клапоры, Варк. вол., Динаб. у.

150.

Cêrēja mańi tautu dāls,
Kai biteiťe dōbulâ;
«Сваталъ» меня чужанинъ,
Какъ пчелка въ клеверѣ;

Carōdamo nucerēja
Munu zeiľu wainuceń.
Сватая онъ высваталъ
Мой блестковый вѣночекъ.

Дер. Лазденики, Варковск. вол., Динаб. у.

151.

Uz kalneńa meites dzíd,
Aiz migleńes nāredzeju;
На горкѣ дѣвушки поютъ,
Я ихъ за туманомъ не видѣлъ;

Nūsajāmu cāpuŕeiťi,
Nūst migleńu wādinowu.
Снялъ я шапочку,
Туманъ отгонялъ.

Записано въ дер. Мейрули, Капинск. вол., Динаб. у.

152.

Kas man kait nadźeiwōt
Pí bogōta saiminíka:
Чего мнѣ не достаетъ жить
У богатаго хозяина:

Swíst' ar maizes brūkastîs
Jaunas meites pōrgulēt.
Масло съ хлѣбомъ къ завтраку,
Съ молодыми дѣвушками спать.

153.

Ar kōjam pawedej(u)
Kūceń ceľa maleńâ;
Ногою повела
Деревцо на краю дороги;

Ar wōrdīm atsacej,
Ka natika prōteńam.
Словами отказала я за то,
Что къ нраву моему не подошелъ.

152—153 записаны въ Прельск. вол., Динаб. у.

154.

Orōjs ora kaľńeńâ,
Olūts taka ľejeńâ;

N'ėj tŕiukst maizes orōjam,
N'ėj jeudeńa olūtâ.

Записано въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.
Также въ Стерн. вол., Рѣжицкаго у. (по Баллоду):

154*.

Orōjs ora kaľńeińà,
Olūts teķi leijeńâ;
Пахарь пашетъ на горѣ,
Ключъ бѣжитъ подъ гору;

N'ej triukst moizes orōjam,
N'ej iudeńa olutâ.
Нѣтъ недостатка пахарю въ хлѣбѣ,
Ни ключу въ водѣ.

155.

Doncōt gōju ar meitōm,
Naudu bēru zōbokûs;

Soka meitis doncōdamis:
Tew sudobra zobaceń.

Записано въ деревнѣ Мейрули, Капинской вол., Динауб. у.

155*.

Ar meitām doncōt gōj,
Naudu b'ar zōbokūs;
Съ дѣвушками танцовать я ходилъ,
Денегъ насыпалъ я въ сапоги;

Soka meitas doncōdamis:
Tew sudobra zōbaceń.
Говорятъ дѣвушки танцуя:
У тебя серебряные сапоги.

Записано отъ крестьянки изъ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

156.

Orōjami wītu taisu,
Na tam krūgu dzārōjam;
Пахарю я стлала постель,
Не корчемному пьяницѣ;

War tys krūgu dzārōjeńš
Jz akmeńa pōrgulēt.
Можетъ кабачный пьянчушка
На камнѣ спать.

Записано отъ Анны К. изъ Ликсны, Динаб. у.

157.

Kō tei taida ľaudoweńa
Tik zeidōta, sudabrōta?
Что это за жена
Вся въ шелку и въ серебрѣ?

Tō puisēša ľaudoweńa,
Kur naguľ dīnduseńâ.
Это жена парня,
Который не спитъ среди дня.

Записано отъ латышки изъ дер. Казиши, Прельской вол., Динаб. у.

158.

Dūd, mamińa, kam dūdama,
Nadūd' mani kaľwēšam;
Treis dīneńas saraudāju,
Kaľwa kraklus walādama.

Выдай, маменька, кому хочешь,
Не выдавай меня за кузнеца;
Три дня я плакала,
Рубашку у кузнеца стирая.

От Анны К. изъ Ликсны, Динаб. у.

159.

Kō tei caun' capuŕeiťe
Pī tō mīž ľcidumeńa;
Tō dēleńa capuŕeiťe,
Kur naguľ dìndusenâ.

Что эта за кунья шапочка
На ячменномъ полѣ?
Это шапочка пахаря (парня),
Который не спитъ среди дня.

160.

Nusawāru ganīdama,
Kurs puišēts zirga ķeula;
Kurs puišēts zirga ķeula,
Tis ķeuls sowu ľaudoweń.

Увидѣла я пася,
Какой парень коня бьетъ;
Кто коня бьетъ,
Тотъ побьетъ и свою жену.

161.

Man mōseńa muižâ auga
Zaltońem matińem;
Apleik muižu tautis jōja
Nadrīst kunga zadenōt.

Моя сестрица выросла на мызѣ,
Въ золотыхъ волосахъ;
Вокругъ мызы чужане ѣдутъ,
Не смѣютъ барина безпокоить.

162.

Jām, brōľeń, muižas meitu
Muižas meita gon bogōta:
Stūpeńš cimdu, stūpeńš zeču,
Zora kona wilnōnīšu.

Возьми, братецъ, барскую дочь,
Барская дочь очень богата:
Штофъ полонъ рукавицъ, штофъ чулокъ,
Лейка полна покрывалъ.

159—162 записаны отъ латышекъ изъ дер. Казиши, Прельской вол., Динаб. у.

163.

Wej, brōľeń, zalta wej
Ap tū mīž ľeidumeń;
Atīs poša tautū meita —
Wejińu wārdamōs.

Свей, братецъ, золотой плетень
Вокругъ ячменнаго поля;
Пріѣдетъ сама чуженинка —
На плетень любуясь.

164.

Puiškeń, puiškeń woi no tō
Js ar manim gulāt(tu);
Паренёкъ, паренёкъ, развѣ ты
Пойдешь со мною спать;

Woi peunaî, woi škiunî,
Woi ūz klāwu garkuľôs.
Развѣ въ пунѣ, развѣ въ сараѣ,
Развѣ пойдешь въ хлѣву, въ соломѣ?

165.

Tec upeite skanādama,
Nū deuńūta ezerińa;
Течетъ рѣчка шумя
Отъ иловаго озерка;

Bedz, mōseńa, raudōdama
Nū dzārōja tautu dāla.
Бѣги, сестрица, плача
Отъ пьяницы-жениха.

163—165 зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

166.

Treis dīneńas upe tak
Deuneńam sajukuś;
Три дня рѣка течетъ,
Съ камышемъ смѣшавшись;

Upeita wid pazin,
Borgu tautu jōjumeń.
Середина рѣчки узнала
Ѣзду суроваго чужанина.

167.

Daudz ir deuńes dibinâ,
Daudz ir teira iudińa;
Много есть илу въ омутѣ,
Много есть чистой воды;

Gon bej mańi lobu ľauž,
Gon bej pālōjeń.
Довольно у меня было хорошихъ людей,
Довольно было и обидчиковъ (ругателей).

166 и 167 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

168.

Meklei, kungi, gudra veira,
Meklei zaľu ūzuleń;
Искали господа умнаго человѣка,
Искали зеленый дубъ;

Ratums kungi, gudri weiri
Kreumīm zaľi ūzuleń.
Рѣдкость, господа, умные люди,
Кустами—зеленые дубы.

169.

Es najām tōs meiteńes,
Kur dzíd leupes kńeipēdama;
Я не взялъ той дѣвицы,
Которая поетъ губы зажимая;

Tei barās ar mameń
Wisu muti plateidama.
Та ругается съ матерью,
Весь ротъ раскрывая.

167 и 168 зап. въ дер. Казиши, въ Прельск. вол., Динаб. у.

170.

Orōjeńi acātōji
Sasāduš(i) kalnińâ;
Пахари боронильщики
Засѣли на горкѣ;

Cits nū cita waicowa:
Woi beus silta wasareńa.
Одинъ спрашиваетъ другого:
Будетъ ли лѣто — теплое.

Зап. въ м. Прель, Динаб. у.

Вм. waicowa въ Казишахъ поютъ waicowos, orōjińi, а не—eńi.

171.

Mígs man nōca, mígs man nōca,
Mígs man labi nadāreja;
Сонъ мнѣ идетъ, сонъ,
Сонъ мнѣ добра не сдѣлалъ;

Mígs man dora tukšu peuru
Bä ílūka wilnōnítes.
Сонъ мнѣ опорожнилъ ящикъ съ приданымъ,
Безъ загибинъ покрывало.

172.

Brōleńš mōsu cāradams,
Nūṕērk wara gredzeneń;
Братецъ, сестру сватая,
Купилъ мѣдяное кольцо;

Tautu meitas nacerēj,
Tai nūṕērka sudobreńa.
Чуженинки не сваталъ,
А (всетаки) ей купилъ серебряное.

171 и 172 зап. въ м. Прель, Динаб. у.

173.

Täci, täci strauj-upeiti
Naḿät ľelu ľeikumeńu;
Теки, теки, быстра рѣченька,
Сдѣлай большіе изгибы;

Âs mōseńa gon bogōta,
Namiń woju kōjeńām.
Я сестрица довольно богатая,
Не топтай муравушку ногами.

174.

Natikľeitis meitu gaida
Smildzeńî gulādams;
Негодяй ждалъ дѣвицъ
Въ песку спавъ;

Guľi, guľi, natikľeit,
Jau meiteń' sūn pagōja.
Спи, спи, негодяй,
Уже давно дѣвушки прошли.

175.

Kura prîde, kura egle
Be zareńa izauguśe?
Какая сосна, какая ель
Безъ вѣтвей выросла;

Kura mōseńa izgōja
Be wolūda tauteńôs?
Какая сестрица вышла
Безъ пересудовъ замужъ?

176.

Siura, siura synapeite,
Sēsim sila maleńâ;
Горькая, горькая горчица,
Посѣемъ её на край бора;

Cîši bōrga meus mōseńu
Dūsim tōľ tauteńôs.
Слишкомъ сурова наша сестрица, —
Выдадимъ её далеко замужъ.

177.

Waicoj meiteńš nū puišem,
Kōdeľ sîwu najimt.
Pārn saceja, mîžu waina.
Спрашиваетъ дѣвушка парня,
Отчего онъ ея замужъ не взялъ.
Лѣтось, сказалъ, ячмень виноватъ.

Kaida waina šū rudeń?
Šū rudeńu taida waina
Kad apeńi nazîdowa.
Кто виноватъ въ эту осень?
Въ эту осень такая причина,
Что хмель не цвѣлъ.

178.

Meiteń puiša nawîrej,
Koč jis sawu sirdi rōda;
Дѣвушка не вѣрила парню,
Хотя онъ на свое сердце показалъ;

Cik sîtâ jeudeń stow,
Tik pî puiša praudas bēja.
Сколько воды устоитъ въ рѣшетѣ,
Столько у парня правды было.

179.

Jauni puiši Dîwa leudza
Pa wisam bazńîcam;
Молодые парни Богу молятся
По всѣмъ церквамъ;

Na par sowas rūkas, kōjas
Par meiteńes dwēselît.
Не про свои руки, ноги,
По душу дѣвушки.

173—178* зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол. Динаб. у.

Въ Ландскоронѣ, Люц. у., поютъ:

179*.

Nūzawēru bazńeicâ,
Ka puiškeńi Dīwa leudz;
Na por sowis rūkis, kōjes,
Por meiteńu waselības.

Увидѣла я въ церкви,
Какъ парни Богу молятся;
Не про свои руки, ноги,
А о здоровьѣ дѣвушекъ.

180.

Brōľe bārni, mōsu barni
Sēd wīnâ sūľeńâ;
Kuri ľouds naziń,
Tī wisa wīnas mōmuľeńas.

Братнины дѣти, сестрины дѣти
Сидятъ на одной скамейкѣ;
Кто изъ людей не знаетъ,
Для тѣхъ они всѣ одной матери.

Записано въ Болвской вол., Люц. у.

181.

Seikas, mozas man mōsińas
Kū auzeńas teirumâ;
Beus dažan toutīšam,
Sweīdēt sowu kumeleń.

Мелкихъ, меленькихъ сестрицъ,
Какъ овса въ полѣ;
Будетъ многимъ чужанамъ
Въ потъ вогнать своихъ коней.

182.

Äs bej meita, bej man sprawa
Äs wareju leiľetīs;
Reigu nesu a(i)z rūceńos
Pīterburga poduśê.
Moskawińa, Pernawińa
Aiz waińuga aizsprauduśe.

Я была дѣвушкою, я была исправною,
Я могла хвастаться;
Ригу несла я на рукахъ,
Петербургъ за пазухой;
Москва и Пернава
За вѣнокъ заколоты.

183.

Moza, moza aś meiteńa
Man dewińi bŕeugońe;
Treis skrūdēľe, treis wēwere
Treis sudobra kaľējeńe.

Маленькая, маленькая я дѣвушка,
У меня девять жениховъ;
Три портныхъ, три ткача,
Три «сереброкузнеца».

184.

Dzídōt mōku, doncōt mōku,
Sína pľautu namōcēju;
Kam mōcejuś sínu pľautu,
Seń beut weira dabōjuśe.

Пѣть умѣю, танцовать умѣю,
Сѣно жать не выучилась;
Если-бъ выучилась сѣно жать,
Давно-бъ я мужа получила.

181—184 зап. въ Пилискольнѣ, Болвской вол., Люц. у.

185.

Edź kur smuka, edź kur skaista
Sēd rūzeišu dōrzeńâ;
Boltis zeķis, malnis kōrpes
Sorkons rožu wainuceńš.

Вишь, какъ красиво, вишь, какъ прелестно,
Сидитъ въ розовомъ садикѣ;
Бѣлые чулки, черные башмаки,
Красный вѣнокъ изъ розъ.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

186.

Tai sorkanis ōbuleńš,
Tōrpeńš towu sirde jäd;
Oi, skaists esi tāwa dālis,
Suns tu beusi dzīwōdams.

Это красное яблоко,
Червь твою сердцевину ѣстъ;
О, прекрасный ты сынъ у отца,
Собакою ты будешь, когда поживешь.

Записано въ Пилисколнѣ, Болвск. вол., Люц. у.

186*.

вАРІАНТЪ, записанный въ дер. Казиши, Прельск. вол. Динаб. у.

Syrkanys obuleńš,
Tōrpeńš towu sirde grauźe;
Slawanais tāwa dāls,
Suns tu beusi dzeiwojūt.

187.

Lobōk īmu dzīdōdama,
Na ab ūtru runōdama;
Nī man beja príškâ kauna,
Nī pakaľí wolūdeńes.

Лучше возьму пѣсенки распѣвая,
Нежели другого оговаривая;
Не было ни срама прежде,
Ни пересудовъ послѣ.

Записано въ им. Иснаудѣ, Люцинск. у.

188.

Moza, moza äs meiteńa
Mōku puĺšus ķeirinōt;
Aiz upeites ganídama
Ŗaibus cimdus parōdēju.

Маленькая, маленькая дѣвочка
Умѣла парней дразнить;
За рѣчкою пася,
Пестрыя перчатки показала.

Записано въ дер. Пилисколнѣ, въ Болвск. вол., Люцинск. у.

189.

Sukōt mun golweńi,
Metít motes guńteńí;
Lai wējińš nanūnäs
Ceikstušâ kūceńí.

Чешите мнѣ голову,
Бросьте волосы въ огонь,
Чтобы вѣтеръ унесъ
На скрипучее дерево.

Зап. въ дер. Иснаудѣ, Люцинск. у.

190.

Sukoj, mōt, mun galweń,
J mateńš paglobōj;
Lai putneńš naílūka
Čeipslatowâ kūceńâ.

Чеши, матушка, мнѣ голову
И волосы сохрани,
Чтобы птичка не вложила
Въ коренастое дерево.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

191.

Treis mōseńes, treis laśeitis,
Treis jaukos wolūdeńes;
Beus tautam jōsodlōj,
Treis deweńi kumeleńi.

Три дѣвочки, три капельки,
Три хорошія славы;
Долженъ будетъ осѣдлать чуженинъ
Тридевять коней.

Зап. въ Корсовкѣ, Люцинск. у.

192.

Tweiciń tweika ūša ūgĺa
Jz jiudeńa stowōdama;
Tai tweikst puiša dwäsele,
Jz meiteńam werotīs.

Тлѣетъ ясеневый уголь,
На водѣ находясь;
Такъ тлѣетъ душа парня,
На дѣвушку глядя.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол. Динаб. у.

193.

Treica treic apsis lopa
Pūra molâ stōwōdama;
Treic puiškeńu dwēselītē
Uz meiteńu werūdzīs.

Дрожитъ дрожью осиновый листъ,
Находясь на краю болота;
Трясется душа парня,
На дѣвушку глядя.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люцинск. у.

194.

Kab man tik mōseńu,
Cik auzēń teirumâ;
Wel i tad nadūtum
Kaidam krūga dzarojam.

Если-бъ у меня было столько сестрицъ,
Сколько овса на полѣ,
И тогда не выдалъ ихъ
Какимъ-нибудь корчемнымъ пьяницамъ.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

194ᵃ.

вapiaнтъ, записанный въ им. Ландскоронѣ, Люц. у.

Kab man tik moseń,
Cik auzu jauskureń (овсяной соломы)
J to wāli nāatdūtum
Kaidam ceľa gōjejeń,
Wisa krūgâ dzārojeń.

195.

Skrēdeite meitas rateńûs,
Lai tricej wisa ustabeńa;
Newekleitis klousejās
Aiz durowis stōwōdams.

Крутите поскорѣе, дѣвицы, колеса въ прялкѣ,
Чтобы дрожала вся хата;
Шалопай подслушиваетъ,—
Стоя за дверьми.

196.

As nagrib tō puisiša
Boltu muťi, gludagolwu;
Cēľēńs muti mozgōjūt,
Stundi golwu sukojūt.

Я не желаю того парня
Бѣломордаго, гладкоголоваго;
Упряжку [1]) лицо моющаго,
Часъ голову чешущаго.

195 и 196 зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

[1]) Т. е. треть рабочаго дня въ Тверской и Новгородской губерніяхъ, срокъ, время, сколько лошадь ходитъ за одинъ разъ въ сохѣ. Латышское слово cēľiens

197.

Šmuks puiseits, boltă muťe
Guľ ceľeńa maľeńâ;
Dūd, Dīweń, siltu sauľi
Beus meusōm bareibeńe.

Красивый парень, бѣлая морда,
Спитъ на краю дороги;
Дай, Боже, жгучее солнце,
Будетъ мухамъ кормъ.

Зап. отъ Ядвиги Андрѣевны, въ Прельск. вол., Динаб. у.

198.

Äs najēm tōs meiteńes
Gludu golwu, boltu muťi;
Pōri dínu glaudōtís,
Ūtra mut' mozgōjūt.

Я не возьму той дѣвицы
Гладкоголовой, бѣлолицей;
Пару дней гладится,
Другую (пару) лицо моетъ.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

199.

Mōseńa muna mozōkoja,
Aj aiz mańim tauteńôs
Dzeiwō skaiški nagōjuśe,
Lai slaweitu lobe sliwi
Mozojōmi mōseńām.

Сестрица моя меньшая,
Выходи за мною (послѣ) замужъ;
Живи прекрасно незамужнею,
Чтобы славила хорошую славу
Меньшимъ сестрицамъ.

Записано въ Ландскоронѣ, Люц. у.

200.

Mōseńa munu jaunōko[a],
Eij ajz mau tauteńôs;
Äs tew dewu sau pūreń,
Sowys boltys wilnōńeiťes.

Сестрица моя меньшая,
Иди за (послѣ) мною замужъ;
Я тебѣ дамъ свое приданое,
Свои бѣлыя покрывала.

Зап., въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

201.

Wisi ceľeńi míľe,
Ceľa mola namíľeju;
Brōľeiša muna míleju,
Brōľa bārnu na míleju.

Всѣ дорожки я любила,
Края дороги не любила;
Брата моего я любила,
Брата дѣтей не любила.

происходитъ отъ слова célt, лит. kelti подымать, по Ульману, cēliens подымаемое; рядъ сноповъ, срокъ рабочаго дня.

202.

Wisus ceľus äs zinowu,
Ceľam golu nazinowu;
Wisus puišus äs zinowu,
Sowu wínu nazinowu.

Всѣ дороги я знала,
Конца дорогъ не знала;
Всѣхъ парней я знала,
Одного своего не знала.

201 и 202 зап. въ Маріэнгаузенѣ, Люц. у.

203.

Wisi ceľi meiľi,
Ka celeńa näzinowa;
Wīses meil címa meites,
Ka näbeja ľaudoweńes.

Всѣ дороги милы,
Когда дороги не знаешь;
Всѣ милы деревенскія дѣвушки,
Когда нѣтъ невѣсты.

Зап. въ дер. Мейрули, Капинск. вол., Динаб. у.

204.

Tísa, tísa, prāūda, prāūda,
Brōľam treis dźērnaweń;
Pí tūs trej dźērnaweń
Wajag seš maľējeń.

Зап. въ 1884 г. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

205.

Ira maṅi, ira maṅi,
Wel waijag, wel waijag;
Ira treiju dzernaweńu,
Waijag sešu maľējeńu.

Есть у меня, есть у меня,
Еще нужно, еще нужно;
Есть три жернова,
Нужно шесть молольщицъ.

205*.

Ira maṅi, ira maṅi
Treju tāwu bagateiba:
Ira maṅi lobi zirgi,
Tatariski ímoweṅi.

206.

Äs mōťei wína meiťe
Pa waľa izauguśe;
Kurs puiseits maṅi jāṁe
Lai wíj lobu pōtodzeń.

Я у матери одна дочь
Въ волѣ выросшая;
Кто изъ парней меня возьметъ,
Тотъ пусть совьетъ хорошій кнутикъ.

205, 205* и 206 зап. отъ крестьянокъ дер. Зюзи, близь им. Рожаново, Люцинск. у.

Вторая половина поется иначе, а именно:

Síru kūžu, swíkstu ēžu
Soldonu olu pazadzēru.
Сыромъ закусываю, масло ѣмъ,
Сладкое пиво попиваю.

207.

Äs, mameń, pirmo[a] mèita
Äs pastora ľaudoweńa;
Я, матушка, первая дѣвица,
Я послѣднему (сыну) невѣста;

Pàstoram — ťāwa zeḿe,
Man mameńis wilnōńeiťis.
Младшему — отцова земля,
Мнѣ маменькины покрывала.

Зап. въ 1884 г., дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

208.

Nāk, mōseń, šū wosor,
Kumeľeńus gańejuśe;
Приди, сестрица, въ это лѣто
Лошадей пасти;

Pinekleńi peurenôs,
Na boltōs wilnōnítes.
Путы въ приданомъ,
Не бѣлыя покрывала.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

209.

Äs bej marga, äs bej gudra,
Äs ṕewiľ orōjeńu;
Я была дѣвицею, я была умною,
Я приманила пахаря;

Aplaupeju rōceneiťi,
Še tew síra gabaľeńš.
Я сорвала рѣпочку,
Вотъ тебѣ сыру кусочекъ.

Вторую половину поютъ и такъ:

Orōjeńs gūl dína wid,
As dína widu nagulēju.
Пахарь спитъ среди дня,
Я среди дня не спала.

Зап. отъ крестьянки въ Звирзденѣ, Люц. у.

210.

Nasabeida pīci simti
Simteńi slowōdami:
Не робѣли пять сотъ,
Сотенку славя;

Pìci simti swešu ľaužu
Simteńš munu bōľeľeńu.
Пять сотъ — чужане
Сотня — мои братья.

211.

Wis(i) orōji teirumâ,
Mun orōja nawaida;
Leigōt man kai biteit,
Tajūt [1]) sowa orōjeńa.

Всѣ пахари на полѣ,
Моего пахаря нѣтъ;
Развѣ мнѣ какъ пчелкѣ летать,
Сыскать себѣ пахаря.

210 и 211 зап. въ им. Звирзденѣ, Люцинск. у.

212.

Kab as pīrmo zinajuśe,
Kai àss muns orōjenš;
Ai gulbeiťi nūseuteitu
Pōru boltu paladzeń.

Когда-бъ я раньше знала,
Что ты будешь моимъ хозяиномъ (пахаремъ),
Съ лебедкою я послала бы
Пару бѣлыхъ простынь.

Зап. въ Звирзденѣ, Люцинск. у.

213.

Dzídōt mańi ar meitōm,
Mań nawaida ľaudoweńes;
Tecīt mańi kōjenōm —
Mōzi mani kumeleńi.

Развѣ пѣть мнѣ съ дѣвушками,
Нѣтъ у меня невѣсты;
Развѣ пѣшкомъ мнѣ итти —
Малы мои кони.

Зап. отъ другой латышки, въ Звирзденѣ, Люц. у.

214.

Äs naraugu wises jūstes,
Ka man kupli jūstes gole;
As naraugu wisu tautu,
Ka man gudris tautu dāl.

Я не смотрѣла на всѣ поясы,
Когда у меня густые поясные концы;
Я не смотрѣла на всѣхъ чужанъ,
Такъ какъ у меня умный женихъ.

213 и 214 зап. въ Букмуйжѣ, Рѣжицк. у.

215.

Aiz tūs pūr, aiz tūs mež
Tur aug muna ľaudoweńa;
As zēľeite westi rīž,
Lai darina sedzenińš.

За тѣ болота, за тѣ лѣса,
Тамъ живетъ моя невѣста;
Я синицѣ жилетъ кроилъ,
Пусть сдѣлаетъ платки.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

---

[1]) Вм. taujōt искать въ метафорическомъ значеніи этого слова см. выше, стр. 150.

216.

Wína zaľa ľeidaceńa
Wisas ńedras kustenōjá;
Одна зеленая щука
Всѣ камыши качаетъ;

Wína skaista brōľa mōsa
Wisas tautas kairinōj(a).
Одна красивая сестра у брата
Всѣхъ чужанъ дразнитъ.

(Срв. Спрог. стр. 81—82).

217.

Dūd, mameń, kam dūdami,
Nadūďi mani aiz azara:
Выдавай меня, матушка куда хочешъ,
Не выдай меня за озеро;

Wējeńš peuťa, nídres šolca
Gauži mon reudinow.
Вѣтеръ дуетъ, камышевая вода
Сильно плакать меня заставитъ.

216—217 зап. въ Букмуйжѣ.

218.

As meiteńa gonûs gōju,
J̄t pí weira nâdūmowu;
Я, дѣвочка, пошла въ пастушки,
Выйти замужъ не вздумала;

Kad atgōja margu godi
Ap mańim puiši, kai strodi.
Когда ушли дѣвичьи годы,
Около меня парни, какъ дрозды.

Дер. Дырваны, Быковской вол., Рѣжицк. у.

219.

Píci godi sagulēju
Jauna puiša kažukâ;
Пять лѣтъ пролежала
У молодого парня въ кожухѣ;

Ūtrus pícus saguľât,
Kab mameńa nazinōťi.
Другія пять я бы проспала,
Когда-бъ маменька не знала.

Зап. въ Быковѣ, Рѣжицк. у.

220.

Poši puiši teica man,
Poši man nicenâwa;
Сами парни меня хвалятъ,
Сами меня хаютъ;

Poši puiši pītaiseja
Opolisk wēdereń.
Сами парни мнѣ дѣлали
Круглое.....

Прельск. вол., Динаб. у.

221.

Šauš man mōťe ar žogorīm,
Sok, ar kolpu gulejušu;
Matu kristu, leudzu díwa,
Mameń kolpa naredzēju.

Деретъ меня матушка прутьями,
Говоритъ, что я съ батракомъ спала;
Кладу кресты, молю Бога,
Матушка, батрака я не видѣла.

Зап. въ Быковѣ, Рѣжицк. у.

222.

Man mameńa, greužīm pēra,
Sok, ar puisi gulejuś;
Matu díwa, líku krist,
Äs ar puisi nagulēju;
Äs guleju ajz cepľa,
Jz pokol kūdeleńes.

Меня матушка поводьями била,
Говоритъ, что я съ парнемъ спала;
Молю Бога, кладу кресты,
Я съ парнемъ не спала;
Я спала за печкою,
Сзади куделя.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

223.

Jämīt mańi círna puiši,
Äs bej ľela strōdńeice;
Treis wosores cimdu pōri,
Kai morgōt nūmorgōju.

Возьмите меня, деревенскіе парни,
Я была большой работницею;
Въ три весны пару перчатокъ
Какъ......

Въ Быковѣ, Рѣжицк. у.

Въ дер. Казиши, Прельск. вол., 4-й стихъ поется слѣдующимъ образомъ: Kai ľeigōt nūľeigōju.

224.

Triceit tricä(ja), skańeit skana
Jaunu meitu ustobeńâ;
Aužu jeusteńus apaudeitos,
Auž boltas wilnōńeiťes.

Дрожитъ, звономъ звенитъ
Въ хатѣ молодыхъ дѣвицъ;
Тку пояски,
Тку бѣлыя покрывала.

225.

Pīkuśe munes kōjeńes, rūceńes:
Nawar wairōk kustenōť:
Nadźērdeju tō wōrdeńa:
Atsapeuti, bōreńeit.

Устали мои ноги, руки:
Не могу больше (ими) двигать;
Не слышала я того слова:
Отдохни, сиротка.

224—225 зап. въ имѣніи Пахолки, Рѣжицк. у.

226.

Jz Daugawas loba dźeiwe
Slīkojām meiteńām;
На Двинѣ хорошая жизнь
Высокорослымъ дѣвицамъ;

Pašas guľ dīnas widu,
Wilnīts kreklus bolinája.
Сами спятъ среди дня,
Волна рубахи бѣлитъ.

227.

Jaunas meitas, wecas meitas,
Wisas ciuku rokumûs;
Молодыя дѣвицы, старыя дѣвицы,
Всѣ въ свиныхъ ямочкахъ;

Jauni puiši, weci puiš,
Wisi kungu gromotâs.
Молодые парни, старые парни,
Всѣ въ барскихъ книгахъ.

228.

Eita puiši weratīs,
Kōdu kūku jeudeńs nes?
Идите, молодцы, смотрѣть,
Какое дерево вода несетъ?

Pazeltītu līpu nese,
Pawaskōtu ľaudawiń.
Несетъ позолоченную липу,
Воскомъ помазанную молодуху.

226—228 зап. Баллодомъ въ Стернянск. вол., Рѣжицк. у.

229.

Suńi rej, wōrti skrabst,
Äs pa lūgu skatejūs:
Собаки лаютъ, ворота скрипятъ,
Я черезъ окно гляжу;

Radzu sowu mīlu draugu
Pa wōrteńu ījejūt.
Вижу своего милаго друга,
Входящаго черезъ воротца.

Зап. въ Дырванѣ, Быковск. вол., Рѣжицк. у.

230.

Dzīd mōseń ar tautām,
Äs ar tautu dzaltańeiti;
Поетъ сестрица съ чужениномъ,
Я съ чужанкою-красавицею;

Tew', mōseń, tautas meiľ,
Man meiľ tautu dzaltońeite.
Тебѣ, сестрица, милъ чуженинъ,
Мнѣ мила чужанка-красавица.

231.

Citam tautu dēleńam
Rūku dewu sūlejuśi;
Другому чуженину
Дала я руку по обѣщанію;

Kam pasūlēj, tam pasnīdžu
Sowu zalta gredzeniń.
Кому я обѣщала, тому я подала
Свое золотое кольцо.

Зап. отъ крестьянина С. въ имѣніи Таунаги, Рѣж. у.

h. *Людская молва, пересуды.*

232.

Nū dižana puiša skaista rūta,
Jznesīga wolūdiń;
Tis nūńēma mōseńai
Bāz gūda wainuceń.

Отъ большого парня красивый нарядъ,
Ловкая рѣчь;
Тотъ снялъ съ сестрицы
Безъ славы вѣночекъ.

Зап. въ м. Прели, Динаб. у.

233.

Smolkajam ľineńam
Tom seikstōka pakuleńâ;
Jaunajam brōľeńam,
Tom jaukōka wolūdeńa.

У тонкаго льна
Болѣе гибкій задокъ;
У молодого братушки,
У того лучшая молва.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

234.

Koľei moza mâiteńa,
Toľei ľinys snōteńeitês;
Koľei ľaužu wolūdōs,
Mōwu māl wilnōńeite.

Пока дѣвочка мала,
До тѣхъ поръ въ льняныхъ юбкахъ;
Когда она въ людскихъ пересудахъ,
Несетъ (одѣнетъ) она лиловое покрывало.

Зап. въ дер. Клапоры, Варковской вол., Динаб. у.

235. *)

Ceľa molas dōbuľeń,
Takam obi wīnu wīt;
Tew'i ľaudis kōjīm myna,
Mańi turēja wolūdâ.

Придорожный клеверокъ,
Мы оба бѣжимъ по одному мѣсту;
Тебя люди ногами попираютъ,
Меня въ пересудахъ имѣютъ.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

*) Срв. Спрогисъ, стр. 57, № 8.

236.

War man ľauds aprunōt;
Nawar mańi paborōt;
Могутъ меня люди осуждать,
Не могутъ меня накормить,

Äs sowus rūceńis
Sowu golweńu borōju.
Я своими руками
Свою голову кормлю.

Зап. отъ крестьянокъ изъ дер. Зюзи, близъ имѣнія Рожанова, Люцинск. у.

237.

Zūśe klīdze e̯udeńi
Mārga ľaužu wolūdôs;
Гусь кричитъ въ водѣ,
Дѣвица въ молвѣ людской;

Ni pī zūsis e̯udens,
Ni pī mārgis wolūdeń.
Ни къ гусю вода не пристанетъ,
Ни къ дѣвицѣ пересуды.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

238.

Mozys muns augumeńš,
L'ela muna wolūdeńa:
Ростъ мой малъ,
Молва обо мнѣ широка;

Wolūdeńa paľeidzēja
Mozōjam augumem.
Пересуды (молва) помогли
Малому моему росту.

Записано въ имѣніи Звирзденъ, Люц. у.

239.

Runōj ľaudis, kū runōj:
Wis da mani darunōj;
Пусть люди говорятъ, что говорятъ:
Всё до меня договариваются;

Kab äs be̯utu maizes kanćis,
Sen be̯ut mani apāduši.
Если бъ я была ломоть хлѣба,
Давно бъ меня съѣли.

Записано въ Презмѣ, Рѣжицк. у.

240.

Jzrauń, Díws, dzeiwam sirďi
Wäcojam brūkgōnam;
Вырви, Боже, живьемъ сердце
У стараго жениха;

Sän präceja, napajēma —
Slawu wín padareja.
Давно сватали, не взяли —
Славу одну распустили.

Записано въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

ВАРІАНТЪ:

Jzrauń, Díws, dzeiwam sirď
Pí nūojam[1]) breugōnam;
Ka pracâja, nepojēma —
Slawu wín padareja.

Вырви, Боже, живьемъ сердце
У безпрестаннаго жениха;
Когда сватали, не взяли —
Славу одну распустили.

Записано въ Преляхъ, Динаб. у.

241.

Äs pa ľaužu wolūdeń
Kū migleńa pa raseńu:
L'ouds iz mani(m), ľouds iz mani
B'ertiń b'era wolūdeńes.
Apb'ir, díweń, bōroweńa
Ai woskōm smilteńam.

Я по пересудамъ людей
Какъ мгла по росѣ;
Люди на меня, люди на меня
Пересуды сыплютъ;
Обсыпь, Боже, пересудчика (ругателя)
Желтымъ песочкомъ.

Записано въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

ВАРІАНТЪ:

L'ouds iz muna augumińa
B'irtiń bira wolūdińas;
Pab'er, díws, barōja
Wōskanâ smiltińâ.

Записано въ Болвск. вол., Люц. у.

242.

Runojít jęus ľauteńs,
Cik wolūd turadami;
N'u ir muns augumeńš
Wolūdeń nesejeńš.

Говорите вы, людишки,
Сколько только имѣете пересудовъ,
Вотъ мой ростъ
Носитель пересудовъ.

Записано въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

243.

Wel sauľeite naizľeidis,
Rosa zōľis gaľeńâ;
Wel «Marija» naizauga,
Jau ľaužu wolūdôs.

Еще солнышко не зашло,
Росинка (уже) на кончикѣ травы;
Еще «Марья» не выросла,
Уже она у людей на языкѣ.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

---

[1]) = nōjam, nūjam отъ nōjis, nōjas, постоянный, безпрестанный.

244.

Dūďit man zalta zirkles
Meža wērsu ľeidzinōť;
Дайте мнѣ золотыя ножницы
Верхушки лѣса сравнять;

Dūďit man ostra sītu
Seijūt ľaužu wolūdeńis.
Дайте мнѣ волосяное сито
Пересуды людскіе про(сѣвать)бирать.

Записано въ Иснаудѣ, Люц. у.

245.

Ceľis aukšâ, nagul ilgi
Muns wolūda cālōjeńis;
Вставай, не спи долго,
Мой пересудчикъ;

Kō (вм. kū) tu sowas kojas ōwi,
Kod ab mańi aprunoja.
Что ты свои ноги обуешь,
Когда меня огавариваютъ.

Записано въ Истальзенѣ, Люц. у.

246.

Jzceľ, díws, cālōjam,
Jz jō kreuš weľeneń;
Взвали, Боже, пересудчику
На его грудь дерно;

Kas iz muna augumeńa
Líkys cēľa wolūdeńes.
Который на мой ростъ
Лишніе пересуды составилъ.

Записано отъ крестьянки изъ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

247.

Wīsi mańi žālōtōji
Guľ zam zaľu weľeńeń:
Всѣ мои жалобщики
Спятъ подъ зеленымъ дерномъ:

Äs pats cēľu weľeńeńu,
Ceľítís i žālōtōji.
Я сама подыму дерно,
Подымайтесь и вы жалобщики.

Записано въ Букмуйжѣ, Рѣжицк. у.

248.

Jō ťe wēji solti peuta,
Jō ōbeľe bolta zíd;
Чѣмъ болѣе дуютъ холодные вѣтры,
Тѣмъ болѣе цвѣтетъ бѣлая яблоня;

Jō ťe ľaudis daudz runawa,
Jō äs daudz nabādowu.
Чѣмъ больше люди говорили,
Тѣмъ менѣе я горевала.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

249.

Solts ūden(s) olūtâ,
Solts olūta dibeńâ;
Lai apsola ľaužu mēles
Ap manīm runajūť.

Холодная вода въ ключѣ,
Холодно на днѣ ключа;
Пусть отморозятся людскіе языки
Меня оговаривая.

Въ Ландскоронѣ, Люц. у. и въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

250.

Wolūdeń tiltu greiž
Brōľeńûs dzēiwōdama;
Kō tiltâ nasagrēižu,
Tō samyn kōjeńōm.

Изъ пересудовъ я себѣ мостъ строила,
Живя у братьевъ;
Что я для моста не срѣзала,
То попрала ногами.

251.

L'auds man cēľa wolūdeńis,
Äs pacēľu wainuceń;
Caurys muns wainuceńš,
Caur b'ērst ľaužu wolūdeńis.

Люди меня пересудачили,
Я подняла вѣнокъ;
Черезъ мой вѣночекъ
Прошли людскіе пересуды.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у., въ 1884 г.

i. *Любовь.*

252.

Äs sowam mīľōjämi
Mīľa skusteńas nūrakstej(u);
Apleik rokstu mīľus wōrdus,
Widâ sirdi írаksteju.
Nes, putneńi, mīľus wōrdus
Da patimi galeńam.

Я своему милому
Вышиваю платочекъ;
Кругомъ выводила я слова любви
Въ срединѣ — вышила сердце.
Неси, птичечка, слова любви
До самаго конца.

Капинск. вол., Динаб. у.

252ᵃ.

Въ Свальбахъ, Ясмуйжск. вол., пѣсня эта поется иначе:

Es sowam mīľōjam
Mīľu skuskeńa nūrakstej;
Wis apľeiki mīľi [1]) wōrdi,
Widâ sirdi īraksteju.

Пѣсенка эта со своими варіантами составляетъ, повидимому, часть цѣлаго романса, длинной пѣсни, извѣстной изъ сборника Спрогиса, l. c. стр. 145:

Три дѣвицы мелко вышиваютъ
У окна въ комнатѣ:
Двѣ вышиваютъ мелкіе узоры,
Третья сучитъ шелкъ.
Я своему милому
Вышиваю пестрый платочекъ:
Кругомъ набрасываю цвѣты,
Въ срединѣ кладу свое сердечко и т. д.

Другія длинныя пѣсни съ тѣмъ же началомъ помѣщены будутъ ниже въ отдѣлѣ, такъ называемыхъ, *зингесъ*.

253.

Paľdīs sokōt tei mōťei
Kur auklēja orōjeń;
Ni tys muń pličā ćērta:
Ni oplomi reudinoi.

Спасибо сказать той матери,
Которая выростила (этого) пахаря;
Онъ меня ни небьетъ,
Ни вздорно плакать заставляетъ.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

254.

Dzerēt olu, kas gribīt;
Äs redzēju, kū dareja:
Breuwers sowu ľaudowū
Pī kubuľa pabučowa.

Пейте пиво, кто хочетъ;
Я видѣла, что дѣлали;
Броварь свою милочку
У чана поцѣловалъ.

255.

Skaista tak dzaltańeite
Wińa pus' Daugaweńas;
Caltum laiwu, dūtum rūku,
Kā mameńa naradzātu.

Красивая бѣжитъ красоточка
На той сторонѣ Двины;
Сдвинулъ бы лодку, далъ бы руку,
Еслибъ маменька не видѣла.

№ 254 и 255 зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

---

[1]) Вм. mīl'i, поютъ въ Преляхъ goži.

256.

Prōteńa man nabeja
J̄t pī taida delwereiša;
Woi augdama naredzāju,
Kū dareja dzārumâ.

Ума у меня не было
Выйти за такого гуляку;
Развѣ подростая я не видѣла,
Что онъ творилъ въ пьянствѣ.

Записано отъ латышки изъ дер. Казиши, Прельск. вол. Динаб. у.

257.

Man maminá bōrti bōra (или bōŕa Баллодъ-Ст.)
Kad äs[1]) puišu na[2])mīloja[3]);
Äs maminá puišu mīľoj[2]),
A mani puiši namīľoj[2]).

Маменька меня ругнемъ ругала за то,
Что я молодца не любила;
Я маменька парня люблю,
А меня парни не любятъ.

Зап. въ Стерненск. вол., Рѣжицк. у.

258.

Pilni sęuleńi pīsāda
Dižanas, rožanas.
Kur, mameńa, äs sēdēju,
Es bej(a) taida naróžona.
Säd, meiteńa, rindińâ,
Pošâ rindas gaľeńâ:
Nōks laimeńa jims nū eiľes,
Naraudźēs rožumińa.

Полны лавки, сидятъ
Дородныя, красивыя.
Гдѣ, маменька, я сяду,
Я—будучи некрасивой такой.
Садись, дочка, въ рядъ,
На концѣ ряда:
Придетъ Лаймочка—возьметъ съ ряду,
Не посмотритъ на красоту.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

259.

Solts manim ōrâ,
Solts ustobâ:
Laid mańi, mameń,
Pī wīsa guľeit.
Wīsam diwas sweiťes,
Treis kažūceńis.

Холодно мнѣ на улицѣ,
Холодно въ хатѣ;
Пусти меня, маменька,
Къ гостю спать;
У гостя двѣ свиты,
Три кожуха.

Зап. въ Креславкѣ, Динаб. у.

---

1) ko äs Б.-Ст.
2) ne Б.-Ст.
3) mileja, milej Б.-Ст.

260.

Ai gūdeńu jounas meitas
Na iz zalta, sudobreńa;
Zalta, sudobra dabūsim,
Meužam gūda nadabūsim.

Съ честью молодыя дѣвицы
Не за золото и серебро;
Золота, серебра наживемъ,
Чести не достанемъ во весь вѣкъ.

Записано въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

ВАРІАНТЪ изъ Колуп. вол. Динаб. у.

Jaunys màitys ar gūdeńu
Na ar zaltu, sudobreń;
Zaltu sudobru dabowa,
Gūda sowa nadabowa.

Въ той же Колупской волости поютъ подобную пѣсню:

261.

Marga gūdu paslāpuśe
Zam bērzeńa lapeńōm;
B'ērzeń lopi's salopowa—
Marga gūda nadabowa.

Дѣвица честь хоронила
Подъ листьями березы;
Береза листьями покрылась—
Дѣвица чести себѣ не возвратила.

262.

Kura meita gūda geida
Ta(i)laimiña krūña kola;
Kura gūda nageideja,
Tai īsleika dadža lopâ(s).

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

263.

Ļauds man lika síwu jimt.
Äs nazinu kaidu jimt;
Woi jimt jaunu, woi jimt skaistu,
Woi jimt wacu, da bogotu?
Pasajāmu wacu síwu,
Bogōtības gribādams.
Ni man sīwes, ni man montu,
Ni man jaukas guľēšanas.
Jauns puiseitis, jauna síwa—
Díws dūs montu dzeiwojūt.

Люди меня заставляютъ взять жену.
Я не знаю, какую взять;
Взять молодую, взять красивую,
Или взять старую да богатую?
Возьму старую жену,
Желая имѣть богатство.
Ни у меня жены, ни имущества,
Ни веселаго спанья.
Молодой парень, молодая жена—
Богъ дастъ добро, когда поживемъ.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

264.

Ak tu munu duḿu prōtu,
Jauns äs jāmu ľaudowen;
Kunģi maṅi pati rōja,
Tāws ar mōťi ľaudoweń.

Ахъ ты, мой глупой умъ!
Молодымъ будучи, взялъ я жену:
Господа ругаютъ меня самого,
Отецъ съ матерью—невѣстку.

Дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

265.

Obi rūkys pilni p̂ērsti
Zalta gŕīstīm gredzeńīm;
Ai nawēkľi dzeiwōdama
Pa wīnam izwolkōju.

На обѣихъ рукахъ полны пальцы
Золотыхъ рѣзныхъ колечекъ;
Съ негодяемъ живучи,
Одно за другимъ снимала.

266.

Gŕeuts man beja kolnâ kōpt́,
Gŕeuts nū kolna leijeńâ;
Gŕeuts man beja (sc. ai) sowa ḿeuza
Nawēkľi nūdzeiwōt.

Тяжело мнѣ было на гору подыматься,
Тяжело съ горы въ долину (спускаться);
Тяжело мнѣ было съ своимъ
Негодяемъ отжить свой вѣкъ.

№ 265 и 266 зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

Въ Прельск. вол., Динаб. у., 2-я половина поется иначе:

Gŕeuts man beja pasasaukt
Swešys mōtys mōmuľeńis.

267.

Kam tū sät́ mīžu ḃaru,
Kai jei zaľa nazaľō;
Kam tū jimt ľoudawińu,
Kai jei mīľi nadzeiwō.

Къ чему сѣять ячмень,
Когда онъ зелено не зеленѣстъ
Къ чему брать жену,
Когда она не живетъ любезно.

Зап. въ дер. Зюзи, близь им. Рожаново, Люц. у.

268.

Kam tū cepl̓i kurenōt
Ka kōpust nawōrīt;
Kam tū jimt l̓audoweńu,
Kai mīl̓eigi nadzeiwōt.

Къ чему печку топить,
Когда капусты не варить;
Къ чему брать жену,
Когда не жить любовно.

Зап. въ 1884 г., дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

269.

Pazawēruś pa lūdzeńu,
Kas tí mola kambarít(i):
Ka(i)mal̓ mōt́e, lai mal̓ mōt́e;
Kai l̓audoweńe, to palīdzeišu.

Посмотрю чрезъ окно,
Кто тамъ мелетъ въ жерновой комнатѣ:
Если мелетъ мать, пусть мать мелетъ,
Если молодуха (моя), то помогу.

270.

Žaloi, díweń, manu weiru,
Äs pa citīm nabādōju;
Weirs mežâ molku cirta,
Äs pī guńs sildejūs.

Жалѣй, Богъ, моего мужа,
Я о другихъ не забочусь,
Мужъ въ лѣсу дрова рубитъ,
Я у огня грѣюсь.

269 и 270 зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

271.

Boltes kojes apaunu,
Malnes tika nosojūt́;
Lobu l̓aužu bērneńš beju,
Slikts paliku dzeiwojūt́.

Бѣлыя ноги я обула,
Черными дѣлались, нося обувь;
Была я хорошихъ людей ребёнкомъ,
Дурной стала отъ жизни.

Зап. въ им. Таунагахъ, Рѣж. у.

272.

Boltys kreklens apųilk,
Malni tyka nosojämi;
Lobu l̓aužu bārnys beju,
Slikts palyku nicinoms.

Бѣлыми я одѣла рубашки,
Черными дѣлались (онѣ), когда я носила;
Хорошихъ людей дитятей была я,
Дурной стала, презрѣнной.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у., въ 1884 г.

273.

Wisa pirma pawasora
Dzaltonîm pureńîm;
Wisa pirma tauteńôs
Pî greutōs ďzērnoweń.

Наипервая весна
Съ золото-желтыми одуванчиками;
Наипервое дѣло замужемъ
У тяжелыхъ жерноновъ.

Зап. въ им. Ландскоронѣ, Люц. у.

274.

L'eīdu taut' moltīwā,
Rōdu treij dźērnoweń;
Wisa pirma pî ľelūs,
Lai paleitis nadabowa.

Пускаю чуженина въ жерновую комнату,
Показываю трояків жернова
Прежде всего (пускаю его) къ большимъ,
Чтобы не услышать упрековъ.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Динаб. у.

k. *Чуженинъ-суженый. Женихъ и чужая сторона.*

275.

Grīzit ceľu, grīzit ceľu
Tautys wede bōreńeiťi;
Pilnu ceľu lūpu dzina,
Pazelteitu pūru weda.

Дайте дорогу, дайте дорогу
Чуженинъ ведетъ сироту;
Гонятъ скотъ—полна дорога,—
Везутъ позолоченное приданое.

Зап. отъ Ядвиги Андреевой, въ Прельск. вол., Динаб. у.

276.

Tautīšam, skalbišam
Treis bičerys rūceńâ;
Diwâs beja wîns ar madu,
Trešâ gaudas asareńas.

У чуженина, шельмеца
Три кубка въ рукѣ:
Въ двухъ было вино съ медомъ,
Въ третьемъ жалобныя слезки.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

277.

Atīt ľeit, atīt ľeit!
Kur tōs munys wīlnōńeites?
Atjōj tautys, atjōj tautys!
Kur ťe muni brōľeľeńi?

Пошелъ дождь, пошелъ дождь!
Гдѣ мои покрывала?
Пріѣхали поѣзжане, пріѣхали поѣзжане!
Гдѣ мои братцы?

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

278.

Dūd, dſwen̓, l'eitam l'eit,
Woj wajag, woj nawajag;
Дай, Боженька, дождю лить,
Буде нуженъ, буде ненуженъ;

Dūd, dſwen̓, tautōm jōt
Woj as gōju, woi nagōju.
Дай, Боженька, сватамъ пріѣхать —
Все равно пойду ли я (за него), или не пойду.

279.

Wisys grib tāwa dāl'
Wisys l'elu teirumen̓;
Всѣ желаютъ хозяйскаго сына,
Всѣ большой полосы;

J̄ti man̓ pī kalpen̓a,
P'ērkt par naudu teirumen̓.
Выйти мнѣ замужъ за работника,
Купить за деньги землю.

280.

Tautas, tautas ni pſdewa
Sowu gudru podūmen̓;
Суженый, суженый не далъ
Своего разума;

Äs nūgōju nū brōl'en̓a,
Man pſdewa brōl'el'en̓.
Я ушла отъ братца,
Мнѣ давалъ его братецъ.

№ 278 — 280 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

281.

Raud mōsen̓ wīna poša,
Raud ar ūtru runōdama;
Плачетъ сестрица сама одна,
Плачетъ, разговаривая съ другою:

Kō, mōsen, naraudowi,
Kā tautōm rūku dewi?
Что ты, сестрица, не плакала,
Когда ты чуженину руку дала?

Зап. отъ Ядвиги Андреевой, Прельск. вол., Динаб. у,

282.

Aud, mamen̓, wilnōn̓eil'es
Sudobren̓a mal'en̓īm;
Сотки, мамочка, платки
Съ серебряными кончиками;

Akmen̓ūta tautu zeme,
Gun̓i šķēl'e staigojūt.
Чужая сторона каменнста,
Ходя (по ней) огонь выбиваю.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

283.

Kas nū rudza garaugumeń,
Nawa rudza brīdumeńa;
Kas nu gara tautu dala,
Nawa gudra podūmeńa.

Что изъ большого роста ржи,
Когда нѣтъ зрѣлости у ржи;
Что съ высокаго чуженина
Когда нѣтъ умной думы.

Зап. изъ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

284.

Kwīšu mōľis, rudzu mōľis
Obi wīna greutumen;
Mōseceńa, wedekľēńa
Obi wīna ľelumiń.

Умолотъ пшеницы, умолотъ ржи
Оба одинаково тяжелы;
Золовка, невѣстка
Обѣ одинаково велики.

285.

Kur, tautīt, towas bondys?
Munās bondys peureńâ;
Munās bondys, ľaudoweń,
Krūga golda galeńâ.

Гдѣ чуженинъ твои бонды?
Мои бонды въ приданомъ;
Мои бонды, невѣста,
Въ корчмѣ, на концѣ стола.

286.

Cīši jūsteńu dajūž
Pī palākis wilnōńeitis;
Cīši mańi dalaulaw
Pī gudrōja tāwa dāla.

Крѣпко припоясала я поясокъ
Къ сѣрому платку;
Крѣпко меня бракосочетали
Съ умнымъ отцовскимъ сыномъ.

287.

Äs naraugu wisas jūstis,
Kà man kupľi jūstis goli;
Äs naraugu wisu taut',
Kà man gūdris tautu dāls.

Мнѣ нипочемъ самый поясъ,
Такъ какъ у моего пояса густые концы;
Я не смотрю на всѣхъ чужанъ,
Такъ какъ у меня уже есть умный чужанинъ.

284 — 287 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

288.

Kreit skujeń nakrituśe
Tiki dziľi jeudeńî;
Падать не упадала хвоя
Такъ глубоко въ воду;

Ei, mōseńa, nagōjuśe
Tiki tōľ tauteńôs.
Итти, сестрица, не иди
Такъ далеко замужъ.

289.

Äs izbāgu nu tauteńu
Par peipeńu[1]) teirumeńu;
Я убѣжала отъ чужанина
Черезъ поле собачьихъ ромашекъ;

Boltys munis wilnōńeites
Boltis peipeńu[1]) teirumeńš.
Бѣлы — мои покрывала,
Бѣлы — ромашки полевыя.

290.

Soka tautis caur braukdam(a)s:
Sēd, mōsa, komonôs;
Проѣзжая мимо, сказалъ чужанинъ:
Садись, сестра, въ сани;

Daudz pūraî boltu bārzu,
Daudz man tādu brōľeľeńu.
Много въ болотѣ бѣлыхъ березъ,
Много у меня такихъ братчиковъ.

291.

Kur tî malni deumi k̄eup,
Tur wōreja kōpusteń;
Гдѣ черный дымъ дымитъ,
Тамъ варили капусту;

Kur t̄î grazni suńi rēj,
Tur bogōti tāwa dāl'.
Гдѣ сердитыя собаки лаютъ,
Тамъ богатые отцовскіе сыновья.

292.

Äs tō sawa orōjeńa
Jzaugdama naredzēju;
Я своего пахаря
Не видѣла, когда я выросла;

Kād atjōju pī wīteńu,
Lab reiteń ľaudoweń.
Когда я пріѣхала къ мѣсту,
(Сказали) «Доброе утро, невѣстушка».

288 — 292 зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

---

[1]) Въ Пебалгѣ pîrepe означаетъ сочачій роменъ; въ Салисбургѣ — ranunculus acer.

293.

Kūdeľa nawaľâ pa nomu doncowa:
Nūwäde tauteńys sprādējeń.
Caur aukstu kolnu, caur zaľu bērzi
Cits taki karškûs, cits īmawûs.
Kurs tak karškûs tys swešu ľaužu,
Kurs tak īmawûs, tys brōľeľeńu.
Dewińi rateńi, simts kumeleńi.

Кудель по неволѣ по дому плясалъ:
Увезли чужане пряху.
Черезъ высокую гору, черезъ зеленый березнякъ
Иные бѣжали въ мундштукахъ, другіе въ удилахъ
Кои бѣжали въ мундштукахъ, тѣ принадлежали чужимъ чужанамъ,
Кои въ удилахъ,—тѣ братьямъ.
На девяти повозкахъ, сотнѣ лошадей.

Зап. въ дер. Клапоры, Варковской вол., Динаб. у.

294.

Jsprauleiš ūzūleńš
Gaida biš' īlīnūt;
Jzwecej(i)s tautu dāls
Gaida mań izaugūt.
Tu mań gaid izaugūt,
Äs tew' gaidu nūsprōgstūt.

Изгнившій дубокъ
Ждалъ, чтобы пчелы влѣзли;
Застарѣвшій чужанинъ
Ждалъ, чтобы я взросла.
Ты ждешь, чтобы я выросла,
Я жду, чтобъ ты окалѣлъ.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

295.

Tu, tauteit, mańi gaidā
Es tauteit tew'i gaid;
Tu gaīd mańi izaugūt,
Äs gaid tew' nūmērstūt.

Ты, чужанинъ, меня ждалъ,
Я, чужанинъ, тебя ждала;
Ты ждалъ, чтобы я выросла,
Я ждала, чтобы ты умеръ.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

296.

Braućāt tautys pogolmâ;
Metīt zaltu, sudobreńu:
Lai natreu̯ka tai mameńai
Meu̯žam jaunas maľējeńes.

Поѣзжайте, чужане, по дѣдинцу,
Бросайте золото, серебро;
Пусть недостанетъ этой матери
Вѣчно молодыхъ молодьщицъ.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

297.

Wai pazeistu tāwa dālu
Lobs kažūkis mugurâ;
Lobs kažūkis mugurâ,
Naudis mokis ozūćê.

Узнать можно отцовскаго сына,
Хорошій кожухъ (у него) на спинѣ;
Хорошій кожухъ на спинѣ,
Кошелекъ съ деньгами за пазухой.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люц. у.

298.

Ūzūľam bamboram
Zori leika Daugawâ;
Tautīšam, ľelmańam,
Slaw'e gōja maleńâ.

У дуба ядренаго
Сучья пускаются въ Двину;
У чужанъ, вельможъ,
Слава пошла по краю.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

299.

Esi gudrys, tautū dāls,
Turi gudru podūmeń;
Es atstōju tāwu, mōti
Jz tewim wildamōs [1]).

Будь умнымъ, чужанинъ,
Имѣй умную думу;
Я оставила отца-матерь,
Тобою соблазняясь.

300.

Círe, círe, edz, kur príde
L'ela ceľa maleńâ;
Tautis, tautis, edz, kur mārga,
Sorkons rožu wainuceńš.

Топоръ, топоръ, смотри, гдѣ сосна,
На краю большой дороги;
Чужанинъ, чужанинъ смотри, гдѣ дѣвица,
Въ красторозовомъ вѣнкѣ.

301.

Ak tu škeľmis tautu dāls
Tawu dreizu kumeľeń;
Äs sowai mōseńai
Puškis wín pasargowu.

Ахъ ты, шельма-чужанинъ,
Какой у тебя быстрый конь;
Я своей сестрицѣ,
Пучокъ цвѣтовъ только поберегъ.

299 — 301 зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

---

[1]) Въ Прельск. вол. поютъ вм. этого wārdamōs.

302.

Ak tu škelmis tautu dāls
Tawu lob' kumeļeń;
As pī tew naītum,
Ka nalobo* kumeļeńa.

Ахъ, ты, шельма-чужанинъ,
Что у тебя за добрый конь;
Я за тебя не вышла бы,
Если у тебя не добрый конь.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

303.

Gudrajam tautīšam
Jlga, jauna ļaudoweńa;
Kolpi gōja reijes kultu,
Kolpūńeitis mōļa molt.

У умнаго чужанина
Высокая, молодая невѣста
Холопы шли овинъ (извѣстную мѣру) молотить,
Холопки мелево молоть.

Зап. въ Букмуйжѣ, Рѣжицк. у.

Подобную пѣсню записалъ я еще въ деревнѣ Пиликольнѣ, Болвск. вол., Люц. у.:

303*.

Gudrajam(ă) tāwa dālam
Jlga, skeista ļaudowena;
Kolpe gōja reijos kultŭ,
Kolpūńeites mōļe mola.

304.

Gudrajam dēlińam
Jlga, jauna ļaudoweńa;
Nī is jei plīče cērta,
Nī oplom reudenawa.

У умнаго сынка
Высокая, молодая невѣста;
Ни онъ ее бьетъ,
Ни зря ее обижаетъ.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

305.

Tautu dāla kumeļeńš
Sīkaińōmi spŕežinō;
Jau pańāma ļoudawińu —
Nī rikšińo, nī spŕedzińo.

Конь чужанина
Мелкой рысью несется;
Уже взялъ онъ невѣсту —
(Уже конь) Ни рыситъ, ни припрыгиваетъ.

Зап. въ дер. Пилискольнѣ, Болвской вол., Люц. у.

306.

Nū kūceńa rosa bira,
Nū ľeloji, nu mozoj;
Отъ деревца роса капаетъ,
Отъ большаго, отъ малаго;

Nū tautīšu gauds wōrdeńs,
Nū ľeloji, nū mozoj.
Отъ чужанъ жестокія слова,
Отъ великаго, отъ малаго.

Зап. въ Букмуйжѣ, Рѣж. у.

Эта-же пѣсня записана мною также отъ латышки изъ Болвской вол., Люц. вм. bira слышно было krit; вм. ľeloji—ľīloji; вм. wōrdeńs — wōrdeńis.

307.

Lobōk man wilks apādā
Simtu rubľu kumeľeń;
Лучше бы у меня волкъ съѣлъ
Сторублеваго коня;

Na kai mań draugs pajēma
Sen carātu ľaudoweń.
Нежели другъ у меня взялъ,
Давно полюбленную красавицу.

Зап. въ им. Таунаги, Рѣж. у.

308.

Lobōk mun kumeľeń
Jeuras wilki apaduš;
Лучше бы моего коня
Морскіе волки съѣли;

Na kai mun ľaudoweń
Cīmu puiši wizinoj.
Нежели-бы мою красавицу
Деревенскіе парни угощали.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

309.

Zūsu koulu klēti cirta,
J̄rgles spolwu jumtu līka;
Изъ гусиныхъ костей клѣть срублена,
Изъ орлиныхъ перьевъ крыша покрыта;

Pí touteiša gulādama
Gorda mīga naguleja.
(Всё же) Лежа у чужанина,
Сладкимъ сномъ я не спала.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

310.

Nadūd, díws, naľic laime
Kaimeńûs orōjeń:
Не дай, Боже, не присуди, лайма,
Пахаря въ сосѣдяхъ;

Raudōdami zami dol
Ar sowīm brōľeńeń.
Плача землю дѣлитъ
Со своими братцами.

Зап. въ Стернянахъ, Рѣжицк. у.

311.

Sūla man tautu dāls
Zalta grístu gredzeneńu;
Обѣщаетъ мнѣ чужанинъ
Золотое рѣзное колечко;

Nosō paťes grīzdamis,
P'ērks manim sow brōľeľeń.
Носи самъ рѣзное,
Мнѣ купитъ мой братъ.

Зап. отъ Анны Кусень, родомъ изъ Ликсны, Динаб. у.

Въ Маріенгаузенѣ, Люц. у., поется эта пѣсня слѣдующимъ образомъ:

Sūlej manim toutu dāls
Zalta grístu gredzenińu:

Nosoj pats grízdamis —
Mań ƥērks (pīrks) sowaj(i) bō-ľeľeńi.

Вторая половина этой пѣсни гласитъ въ Прельской волости, по записи 1884 года:

Äs nawar gūda sľēpt,
Я не могу скрывать свою честь,

Nī par zalta wazumeń.
Ни за возъ золота.

1. *Вдовецъ и вдова. Atraitnis. Atraitne.*

Въ другомъ мѣстѣ мною уже указано на связь между литовскою «дайною» и латышскою «дзисма» (см. мою статью о результатахъ этнографической поѣздки къ прусскимъ литовцамъ, l. c., стр. 2, примѣчаніе), и на одинаковые поэтическіе символы, изображающіе жизнь дѣвицы со вдовцомъ. Въ извѣстномъ латышскомъ романсѣ о брачной ночи, между прочимъ, говорится:

«Я не могу высказать,
«Какъ гадко со вдовцомъ спать.
«Какъ гадко со вдовцомъ спится,
«Такъ бренчитъ это мѣдное кольцо.
«Пойте вы ужъ, пѣтухи,
«Коротите мнѣ эту ночь.

Нѣсколько латышскихъ четверостишій объ «атрайтнис» и атрайтне собрано у М. Арона: «Mūsu tautas dzeesmas», стр. 159—160.

312.

Eite, meitēs, ľēdzēti (leiceiti)
Līpeńai ľeigōtīs;
Идите, дѣвочки, побробуйте
На липинѣ покачаться;

Kura leuza līpâ zoru,
Tei atraiša ľaudoweńa.
Которая сломитъ вѣтку на липѣ,
Та будетъ невѣстою вдовца.
(Срв. у Арона, № 957).

313.

Jaun' meit' ƀeudama,
Nulauž bārza w'ersaunītes;
Молодой дѣвицею будучи,
Сломала маковку березы;

Laustu bārza w'ersaunītes,
Beus atraiša ľaudoweń.
Кто сломаетъ у березы маковку,
Будетъ женою вдовца.

312 и 313 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

314.

Mōseń jauna dzeiwōdama,
Nagríz bārza w'ersunītes;
Сестрица, пока молода,
Не рѣжь верхи отъ березы;

Grísi (grízsi) bārza w'ersunítes,
B'eusi atreiša ľaudoweń.
Когда срѣжешь макушку березы,
Тогда будешь женой вдовца.

Зап. въ Букмуйжѣ, Рѣж. у.

315.

Lobōki rudzu mōls,
Na auzeńu gleizdenōť;
Лучше рожь молоть,
Нежели овесъ гладить;

Lobōki maiza atreiša,
Na aiz jauna dzārōjiń.
Лучше хлѣбъ вдовца,
Нежели у молодого пьяницы жить.

316.

Mańi mameńi mozeńku
Atraīšam pawainoja;
Меня маменька маленькую
Вдовцу проиграла;

Kod ľikdamis šeupuľeń:
Guľ atreiša ľaudoweń.
Когда положила въ колыбель (сказала):
Спи, невѣста вдовца.

315 и 316 зап. въ Ландскоронѣ, Люц. у.

317.

Atreitīti, brōľeľeń,
Jām atreiti ľaudoweń;
Lai uz (us) tewi nasaraud
Diwi zeili wainuceń.

Вдовецъ, братецъ,
Возьми себѣ вдову въ жены:
Чтобы о тебѣ не плакали
Два бисерныхъ вѣнка.

(Срв. Арона l. с. № 952).

138 *).

Auzeń sēju ľelâ laukâ
Atraitīm ľaudaweń;
Woi auzeńa na labība,
Woi atraiťe na ľaudowa?

Овесъ сѣялъ я на большомъ полѣ,
Вдовцамъ — невѣсту;
Развѣ овесъ не добро (хлѣбъ),
Развѣ вдова — не жена?

137 и 138 зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

319.

Dūd, mameń, kam dūdam,
Nadūďi mańi atreišam;
Atreišam greuta rūka,
Diw laulōti gredzeńi.

Выдай, маменька, за кого хочешь,
Не выдавай меня за вдовца;
У вдовца тяжелая рука,
Два брачныхъ кольца.

Зап. въ Букмуйжѣ, Рѣж. у.

320.

Atraišam rūku dewu
Jz akmeńa stōwōdama;
Atraišam greuta rūka—
Diw laulōti grēdzeneńi.

Вдовцу руку дала,
На камнѣ стоя;
У вдовца тяжелая рука—
Два брачныхъ кольца.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

321.

Äs nabäju dūmōjuśe,
Kū laimińe [2]) gōdōjuśe [3]):
Atreišam sīwa beutu [1]),
Pabērnīm [4]) mōmuleń.

Мнѣ въ думу не пришло,
Что Лайма присудила:
Быть женой вдовца,
Пасынкамъ — матерью.

---

*) Срв. у Арона № 959, первую половину.
«Sēju auzu wisu lauku — Nēm atraitńi līgawińu».

1) Или laimeń.
2) Или godojusi.
3) Или beut.
4) Или pabérnam.

321*.

Ne dūmowu, ne gōdowu
Taida meudeńu dzeīwōt;
Ni atraiša sīwa beut,
Ni paberń' mōmuľeńa.

(Срв. Аронъ, l. c. № 954).

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

322.

Atsasāda[1]) treis atreites
Wīnas laiwes galeńī:
Wīna rauď, ūtrā rauď
Pilna laiweń asareńi.

Присѣли три вдовы
На концѣ одной лодки:
Одна плачетъ, другая плачетъ,
Полна лодка слезъ.

321 и 322 зап. въ имѣніи Рожановѣ, отъ латышекъ изъ дер. Зюзи, Люцинск. у.

323.

Sausa kreuklen(e)[2]) nazīdāja, eija!
Miglajâ reiteńâ; eija!
Jauna meita pōrdawuśe eija!
Atraišam wainuceń. eija!

Сухая бузина не цвѣла
Въ туманное утро;
Молодая дѣвица продала
Вдовцу свой вѣнокъ.

Зап. въ им. Таунаги, Рѣж. у.

324.

Ni kod sila pūrińam
Skaisti zīdi nazīdēja;
Ni kod marga ar atreit',
Lobom meužam nadzīwowa.

Никогда одуванчикъ
Красивыми цвѣтами не цвѣлъ;
Никогда дѣвица со вдовцемъ
Хорошей жизнью не жила.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол. Динаб. у.

m. *Родная мать, чужая мать, свекровь* (weira mōťe, dālu-mōťe, meitu-mōťe).

325.

Lob wokor, meitu mōť,
Wel iz mańis gaidejūť;
Kà beus mańi gaidejūť,
Beusi jauka wolūdeń.

Добрый вечеръ, свекровь,
Все еще меня ждете?
Если будете меня ждать,
Будетъ хорошая слава.

[1]) Говори acasada.
[2]) Т. е. krūklenaji Zwergholłunder (Sambucus ebulus).

326.

Kam ťe dar driču driwa,
Kam waco° mōmuľeńa;

Къ чему годится гречишное поле,
Къ чему старая маменька;

Dričīn dar waca driwa
Podūmam mōmuľeń.

Для гречихи годится старина,
Для думъ — маменька.

327.

Sweša—mōte mań augūt,
Sweša—mań dzeiwojūt;

Чужа мать мнѣ,—когда я выросла,
Чужа мнѣ,—когда я жила;

Jau nabāju īroduśe
Swešis motis wolūdeń.

Еще не привыкла
Къ пересудамъ чужой матери.

325—327 зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

328.

Pilna sāta muna tāwa,
Ūšu, kľawu pīauguśe;

Полонъ дворъ моего отца,
Заросъ ясенемъ и кленомъ;

Ik dīneńi sweši ľauds
Sērmus zirgus dancinowa.

Ежедневно чужіе люди
Сѣрыхъ коней плясать заставляли.

Дер. Клапоры, Варк. вол., Динаб. у.

329.

Sauće mańi sweša mōťe
Par pogolmu tacādama;

Зоветъ меня чужая мать,
Пробѣгая черезъ дворъ;

Nakt bej muna mōmuľeńa
Be wōrdeńa auklējuśe.

Ночью меня моя маменька
Безъ словъ качала.

330.

Peŕ, mameń, mańe mozu
Ar weitulu žagareń;

Пори меня, маменька, маленькую,
Ивовымъ хворостомъ;

Lai äs augu tik lūkona,
Kò weitula žagareńš.

Чтобы я выросла такой гибкой,
Какъ ивовая хворостина.

331.

Loba beutu auzu maiźa,
Kab na gora sānuľeń;

Хорошъ былъ бы овсяный хлѣбъ,
Если бы не была длинна мякина;

Loba beutu sweša mōťe
Kà na skorbis wolūdeńis.

Хороша была бы мачиха,
Если бы не было ѣдкихъ пересудовъ.

329—331 зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

332.

Kas kaiš meit mameńai—
L'autiń wis wizinoj;
Чего недостаетъ матери невѣсты,
Всѣ люди (ее) потѣшаютъ;

Jau tū dāl mōmuľeń,
Suńi wīn wadinōj.
Уже мать зятя
Только однѣ собаки провожаютъ.

333.

Lyga, lyga, sorga, sorga,
Nūraun mun weira mōt';
«Лыга», «лыга», «сорга», «сорга»,
Убери мнѣ, мать мужа,

Lai palyka munâ rūkâ
Wisas klēč ecledźeńes.
Чтобы остались въ моей рукѣ
Всѣ ключи отъ клѣти.

332—333 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

334.

Äs beut loba Kríwam síwa
Kab mamińa atdawuśe;
Я была бы хорошей женой для Крива (Русскаго),
Если бы маменька меня выдала;

Kríwam lobs kumeľeńš,
Kríwam cauna capuŕeiťe.
У Крива хорошіе кони,
У Крива куничья шапка.

335.

Mōťe, mōťe, dūd meiteńu!
Bāt ka būťe nadawuśe,
Мать, мать, отдай дѣвицу!
Еслибы ты не отдала,

Atjōs Kríw'e, nūwezs meitu—
Ne beut tew'im, ne beut mań.
Пріѣхалъ бы Кривъ, увезъ дѣвицу—
Не была бы она ни у тебя, ни у меня.

334—335 зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

336.

Kam, mamińa, man audzēji,
Kod pošai nawaidzej?
Зачѣмъ, маменька, ты меня вырастила,
Когда тебѣ самой я ненужна?

Kam tu dewi swešajai
Kōjam mít, motus plēst.
Зачѣмъ ты дала чужой меня
Ногами топтать, волосы драть.

Зап. въ Стернянск. вол., Рѣжицк. у.

337.

Sedz, mameń, woi nasedz
Ar boltu wiľu:
Na äs tawa gūwu gońa,
Ni maľeiša maľejińa.

Покрой, маменька, или не покрой,
Бѣлымъ покрываломъ:
Ни я твоя коровница,
Ни мелева мольщица.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

338.

Audzē mońi mamulińa,
Ne sw'ed mońi jupiťê;
Ja (см. jo) pošai nawojaga,
Dūd ūtram gonińês.

Выростила ты меня, маменька,
Не бросай меня въ рѣку;
Если я тебѣ самой не нужна,
Дай другому въ пастушки.

Зап. учит. Баллодомъ въ Стерняжск. вол. Рѣжицк. у.

339.

Aiz osuma peura zōľe
Zídeť nazídej;
Aiz skorbuma sweša moťe
Runati narunō (вм. runoj).

За остротой болотная трава
Цвѣсти не цвѣла;
За строгостью чужая мать
Говорить не говорила.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люцинск. у.

340.

Bolta puče, zaľa ńídra
Zíd azara maľeńâ;
Bolta puče — mōsa muna,
Zaľa nídra — mōmuľeńa.

Бѣлый цвѣтокъ, зеленый камышъ,
Цвѣтутъ на краю озера;
Бѣлый цвѣтъ — моя сестра,
Зеленый камышъ — маменька.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люцинск. у.

341.

Treis reizítes aptacēju
Ap azaru raudōdama;
Ap azaru raudōdama,
Škitu sowu mōmuľeńu.

Три раза обѣжала я
Озеро съ плачемъ;
Вокругъ озера плачучи,
Я воображала, что увижу свою маменьку.

342.

Jzdūmńeica, izgōdńeica
Muna waca mōmuľeńa:
Man kreklińu šeudenowa
Nū deweń gabaľeń.

Придумчива, находчива
Моя старая маменька:
Мнѣ рубашку шила
Изъ девяти кусковъ.

341 и 342 зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

Въ Звирзденѣ, Люцинск. у., я слышалъ слѣдующій варіантъ:

Jzdūmńeica, izgōdńeica
Muna waca mōmuľeńa;
Man kreklińu šūtinow
Nu dewińu gabaľeń.

343.

Äs palaižu skana bolsu
Pa ľelu sila molu;
Jzdźērduše mōmuľeńa
Atwer noma duraweńes.

Я испускаю громкій голосъ
На краю большаго бора;
Маменька услышавъ,
Открываетъ двери сѣней.

Зап. въ Пахолкахъ, Рѣжицк. у.

344.

Tiwi mańi mōťe dewa
Siltas maizes gribādama;
Ša mameń silta maize,
Ša gaudas asareńes[1]).

Близко меня маменька выдала,
Теплаго хлѣба желая;
Вотъ маменька теплый хлѣбъ,
Вотъ горькія слезы.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люц. у.

345.

Jau bēju meilējuše
Es sawai mamińai!
Jau tauteń komonôs,
Wel sadz boltu wilnōnīťi.

Уже понравилась,
Я своей маменькѣ.
Уже чужанинъ въ саняхъ —
Меня только покрываютъ бѣлымъ покрываломъ.

Зап. въ 1884 г. въ дер. Казиши, Динаб. у.

---

[1]) Вм. asareńes выговариваютъ ā'säreńes.

346.

Sokōs mōťe gudra äsūt,
Redz kū mōťe padareja:
Poša sowu wīglu dīnu
Pa wōrtīm pawadeja.

Говорятъ, маменька умная,
Вишь, что маменька сдѣлала:
Сама свои «свободные дни»
Черезъ ворота проводила.

Зап. въ дер. Мейрули, Капинск. вол., Динаб. у.

347.

Ei, tautīt, gřeut meudīt,
Gřeut' munami augumam;
Kai mańi greut nabeja
Pī tāwa, mōmuľeńes.

Иди, чужанинъ, трудная жизнь —
Тяжела моя жизнь;
Какъ мнѣ тяжело не было
У отца, у маменьки.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

348.

Silti wēji ni atpeuta
Nū dziľūs ezereńu;
Meiľi wōrdi näatgōja
Nū eistōs mōmuľeńes.

Теплые вѣтры не вѣютъ
Съ глубокаго озера;
Милыя слова не пришли
Отъ собственной матери.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

349.

Triceit trice tei puseiťe,
Kur mameńas gońi gona:
Kur guľ tāwa pīguľnīki,
Zeiľeiťe nadzīdowa.

Стономъ стонетъ тотъ край,
Гдѣ маменькины пастухи пасутъ:
Гдѣ спятъ конскіе пастухи отца,
Синица не поетъ.

Зап. въ Болвск. вол., Люц. у.

350.

Triceit trica tei maleńa,
Kur māmeńa meitas dūd;
Raud māḿeite, raud meiteńe
Zw̓igoj tautu kumeľeńš.

Стономъ стонетъ тотъ край,
Гдѣ маменька своихъ дочерей выдаетъ;
Плачетъ маменька, плачетъ дѣвица,
Ржетъ конь чужанина.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люц. у.

351.

Man mameńa pasaceja
Tauteńôsi wadīdama;
Мнѣ маменька сказала,
Замужъ (меня) выдавая:

Cîmâ ilgi näsēdēt,
Saimê borgi[1]) nadzeiwōt.
«Въ гостяхъ долго не сидѣть,
Съ челядью строго не обращаться».

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

п. *Невѣста-милушка* (Лı̇̄гавiна, Лаудовеңа), *касатушка-голубушка* (Дзалтонеiте).

О значенiи слова «лигавина» была рѣчь выше, на стр. 56—58. У Арона l. c. «lîgawińas dziesmas», помѣщены на стр. 147—159.

352.

Timsajâ wokorâ
Atwed munu ľaudoweń;
Въ темный вечеръ
Привезли мою невѣсту;

Äs pats naredzēju,
Woi bej puški, woi îlūki?
Я самъ не видѣлъ,
Были-ли пучечки или загибины?

353.

Aizadzēr', aizadzēr'
Žagateńis krūdzeńâ;
Запилъ, запилъ
Въ корчмѣ «Сороки»;

Apseudzēju ľaudoweń
Kraukľu muižis jaukuram.
Очернилъ невѣсту
При риго-истопникѣ мызы «Вороны»

352—353 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

354.

Kaimeńš ceuku maklōdams,
Man atroda ľaudoweń;
Сосѣдъ, ища свинью,
Нашелъ мнѣ невѣсту;

Kaimeńam ceuku zoga,
Man nūzoga ľaudoweń.
У сосѣда украли свинью,
Мнѣ своровали невѣсту.

Дер. Лозданики, Варк. вол., Динаб. у.

---

1) = serdeiģi.

355.

Trokûm, na gudrum —
Jauns as jēm' ľaudaweń;
Шалость, не мудрость, —
Молодымъ взялъ я невѣсту:

Kungi man paťi rōja,
Tāws ar mōt ľaudaweń.
Господа меня самого ругаютъ,
Отецъ съ матерью—невѣсту.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

356.

Treis karūgi[1]) meitu gōja
Par ľelu tīrumeń;
Три хоругви дѣвицъ шли
По большой нивѣ;

Trešâ karugâ
Nawa munys ľaudaweńes.
Въ третьей хоругви (сотнѣ)
Нѣтъ моей невѣсты.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

357.

L'audawen, ľaudawen,
Kas tawâ prōteńâ:
Молодуха, молодуха,
Что у тебя на умѣ:

Nī tu mań wītes tais',
Nī klōj bolta paladzeńa.
Ни ты мнѣ кровати не стелешь,
Не кладешь мнѣ бѣлой простыньки?

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

358.

Jam brōleń, kur jimdams,
Najām tu krūgu màitys;
Бери, братецъ, гдѣ хочешь,
Не бери ты дѣвицы изъ корчмы;

Krūga màita dajūkuśe
Nū kambaris kambarī.
Корчемная дѣвица привыкла ходить
Изъ комнаты въ комнату.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

359.

Aiz tō pūra gari meži,
Tur aug muna ľaudoweńa;
За лѣсами того болота,
Тамъ ростетъ моя невѣста;

Auga man diw' bēreiši,
Tō pūreńa bridējeńi.
Ростутъ у меня два бурка,
Бродники этого болота.

---

[1]) Отъ слова karūgs, ц.-с. хоръгы, знамя, здѣсь въ смыслѣ сотни (нѣм. Fähnlein Reiter) казаковъ или конницы.

360.

Weľej balši, tautu meiťe, Kad tu balši naweľēši
Tew upeiťe cauri tāk; Nawedēšu brōľeńûs.

Колоти до бѣла, чужая дѣвица, Если ты до бѣла не колотишь (бѣлье),
У тебя протекаетъ рѣчка; То не уведу къ братцамъ.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

361.

Breute, breute, kur taus gūds? Gūdu myna zam kōjeńu,
Kur tawis zeiľu wainuceń. Wainuceńu weji lauza.

Невѣста, невѣста, гдѣ твоя честь? Честь твою топчутъ подъ ногами,
Гдѣ твой перловый вѣнокъ? Вѣнокъ вѣтромъ сорвало.

Зап. въ дер. Лозданики, Варк. вол., Динаб. у.

362.

As auzeń daudz na sāju Lai tew mani na appiut
Man beij skaista ľaudaweńa; Sejōdama, nīkōdama.

Овса много я не сѣялъ, Чтобы тебя мнѣ не увѣяли
У меня была красивая невѣста; Сѣя и (сночевку) вывѣвая.

363.

Wises munys wedekľeńes Skrīn biteiťe zīdu jimt,
Dzaltonīm mateńīm; Škit ōreń peipeńeiť.

Всѣ мои невѣстки Летаетъ пчелка снимать цвѣтки, —
Съ золотыми волосами; Думаетъ, что полевая ромашка.

362 и 363 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

364.

Dzīdōtōja — tei màiteńa, Beus munam brōľeńam
Runōtōja — mōmuľeńa; Lobu ľaužu ľaudoweń.

Пѣвица — эта дѣвица, Будетъ для моего брата
Говорунья — маменька; Хорошею женою.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

365.

Ok, tu munu maigu mīgu!
Kas pūzoga ľaudoweń?
Охъ ты, сонъ, ты мой!
Кто укралъ невѣсту?

Paladzeńi wīn atrodu
Pī klēteńas durawu (?).
Простыню одну я нашелъ
У дверей клѣти.

Зап. въ дер. Лозданики, Варк. вол., Динаб. у.

365ᵃ.

Ok, tu mana maiga mīga,
Kas nūzoga ľaudoweń?
Охъ, ты мой сладкій сонъ,
Кто укралъ суженую;

Paladzeń wīn atrodu
Pī klēteńas duraweńu.
Простыню одну нашелъ я,
Около дверей клѣти.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

366.

Ceuka paltâ aizjaukuśe,
Līk wepram meudōtīs;
Свинья, въ лужѣ завалявшись,
Велитъ борову купаться;

Breute slowe nūjēmuśe,
Jt pī muna brōľeľeń.
Невѣста, славу потерявшая,
Идетъ къ моему братцу.

Зап. въ дер. Лозданики, Варк. вол., Динаб. у.

367.

Kas tur brauc, reuce, reib?
Brauc kolpa ľaudoweńa;
Кто тамъ ѣдетъ, гремитъ, дрожитъ?
Ѣдетъ невѣста холопа;

Poša malna kō wabaľe,
Doncōtōji kumeľeńi.
Сама черна, какъ жукъ;
Кони танцуя играютъ.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

368.

Puiši màitu najemīt,
Kà cicīšu naraugōt;
Парни, не берите дѣвицы,
Когда не видите грудей;

Aizpāru puiši nūsajāma
Wīnu ciču ľaudoweńu.
Запрошлый годъ молодцы взяли
Невѣстъ съ одной грудью.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

369.

Kundzeńš sawu gaspažeń
Ar ōboľ kairinowa;
Broľeńš sawu ľaudoweń,
Ar maizētis gabaľeń.

Баринъ свою барыню
Яблокомъ дразнитъ;
Братецъ свою милочку
Кускомъ хлѣба.

Зап. отъ Ивы Прикуль, въ дер. Казиши, Прельск. в., Динаб. у.

370.

Nūkōrsušu ūgū rōwu,
Jzaugušū màitu jāmu;
Gorda ūga nūkōrsuśe,
Gudra màita (marga) izauguśe.

Я рвалъ созрѣвшую ягоду,
Я взялъ взрослую дѣвушку;
Ягода созрѣвшая — сладкая,
Взрослая дѣвушка — умная.

Зап. въ дер. Клапоры, Варк. вол., Динаб. у.

371.

Sokōs muna ľaudoweńa
Glūž warpeńas lasejuś;
Poš ľelu mīžu wōrpa
Guľ ōbeľ kreumeńâ.

Говорятъ, что моя милочка
Колосья хорошо сбирала;
Самый большой житяной колосъ
Лежитъ въ кустикѣ клевера.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

371ª.

Soka muna ľeigalińa[1])
Ceiška wōrpas lasejuśa;
Poťe ľela mīžu wōrpa
Guľ pī kreucas teirumâ.

Зап. въ дер. Пиликольнѣ, Болвск. вол., Люц. у.

371ᵇ.

Soko's muna ľaudoweńa
Glūž warpeńus lasejuś;
Poťe lelu' mīžu wōrpa
Guľ atwaž[2]) kreumeńâ.

Зап. въ 1884 г. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

Послѣдній стихъ по русски гласитъ: «Лежитъ у кочки на полѣ» и «Лежитъ въ кустѣ отростковъ».

---

[1]) Вм. ľeigawińa:—lińa произносится какъ łińa (ł по польскому произношенію), т. е. лыня.
[2]) Отъ atwasis.

372.

Mīže, mīže, rudze, rudze
Wel bej gulēt teirumâ;
Ячмени, ячмени, ржи, ржи,
Еще нужно было лежать въ полѣ;

Ńem, bōľeńs, ľoudaweń (līgaweńu),
Kas weldīte kustenōt.
Возьми, братецъ, женку,
Чтобы она поваляку подымала.

Зап. въ дер. Пиликолнѣ, Болвск. вол., Люц. у.

373.

Padzīdam mäs, mōseńas,
Woi sadar, nasadär;
Поемъ мы, сестричка,
Сойдемся ли, или не сойдемся;

Swešis ľauds klouses,
Nàīs tow bōľeń.
Чужіе люди услышатъ,
Твой братецъ не придетъ.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

374.

Dzīďem dīwi, dzīďem dīwi
Nasadari, nasadari;
Поемъ, поемъ двое,—.
Не сходится, не сходится;

Saīsimi pulceńâ
Ta mes skaiški sadarēsīm.
Сойдемся по многу (толпою),
Тогда хорошо сладимъ.

375.

Sadareńi mōmuľeń
Sowas diwas zaltaneiťes;
Обручай, маменька,
Своихъ двухъ красавицъ;

Kaimińûs diw dēľeńi
Kai wonogi lidināj.
Въ сосѣдяхъ два молодца,
Какъ ястребы летаютъ.

374 и 375 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

376.

Seuta mani mōmuľeńe
Zaltu routu sileńâ;
Послала меня маменька
Золотой цвѣтокъ рвать въ бору;

Kà man beja dzalta route,
Kà äs paťe dzaltoneiťe
Какъ мнѣ было рвать золотой цвѣтокъ,
Когда я сама золотая (красавица).

Зап. въ Маріенгаузенѣ., Люц. у.

376*.

Dzaltoneite (d)zaltes pleuca	Ni beistōs wilka, lōča
Wína poša sīleńâ;	Nī tūs munu brōľeľeń.
Красавица (дзалтонейте) залтес срываетъ;	Не боится волка, медвѣдя,
Одна въ бору;	Ни моихъ братьевъ

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

377.

Kur tu augi, skaista màita,	Äs izaugu pī mameńis
Kà äs tewi naredzēju;	Zaľos rūtis rawādama.
Wai tu augi sileńâ,	Zaľos rūtis rawādama,
Wai sileńa maleńâ?	Nūsaweju wainuceń.
Nī äs augu sileńâ	Waicoj dāls, waicoj dāls
Nī sileńa maleńâ.	Kur tu jeme wainuceń?
Гдѣ ты выросла красавица,	Я выросла у маменьки,
Что я тебя не видѣлъ;	Собирая зеленыя руты.
Росла-ли ты въ бору,	Собирая зеленую руту,
Или на краю бора?—	Свила я себѣ вѣночекъ.
Не росла я ни въ бору,	Спрашиваетъ молодецъ, спрашиваетъ молодецъ,
Ни на краю бора.	Гдѣ ты взяла вѣночекъ?

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

378.

L'audīs mańi sīwis sauce	L'audīs mańi breutis sauce,
Sīna skaudze wacaińâ;	Bŕūkle sila maleńâ.
Люди меня женою называютъ,	Люди меня называютъ невѣстою,
Копною сѣна на залежи (старинѣ);	Брусникою на краю бора.

Зап. въ мѣстечкѣ Прель, Динаб. у.

379.

Dzārōjeń bādōs,	Tei dzārōja ľeigaweń (ľaudoweń)!
Kur beus jimti ľeigaweń;	Atsaceja bolta puke:
Bolta puke azarâ	Lobōk ľeigōt azarâ,

Na dzārōja ľeigawińa.

Пьяница бѣдуетъ (о томъ),	Она невѣста для пьяницы.
Гдѣ ему взять невѣсту;	Бѣлый цвѣтокъ отмолвилъ,
Бѣлый цвѣтокъ въ озерѣ,—	Лучше качаться на озерѣ,

Нежели (быть) невѣстою пьяницы.

Зап. въ Варк. вол., Динаб. у.

379ª.

Dzārōjeń bādowōs —
Kur beus jimt ľaudoweń;
Пьяница бѣдуетъ,
Гдѣ онъ возьметъ жену;

Zaľa nīdre azarâ —
Tei dzārōja ľaudoweńa.
Зеленый камышъ въ озерѣ —
Вотъ жена пьяницы.

Зап. въ 1884 г. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

380.

Dzīdeit meitis ai mańi,
Na äs jeusu leidzâ wešu;
Пойте дѣвицы со мною,
Я васъ съ собою не увезу;

Jz rudeńa atsteleju
Diw' wacōkūs bōľeľeńus.
На осень я заказала
Двухъ старшихъ братьевъ.

381.

Na äs līku, na äs likšu
Seutos (-siltos) maizes ozūtê;
Ни я положила, ни я положу
Теплый хлѣбъ за пазуху;

Ni cerēj(u), ni cerēšu
Sowa címa ľoudowińas.
Ни сваталъ я, ни сватаю
Красавицу изъ своей деревни.

380 и 381 зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

382.

Zíd obeľa, na tai zíd,
Kai zíd roža dōrzeńâ!
Цвѣтетъ яблоня, не такъ цвѣтетъ,
Какъ цвѣтетъ роза въ саду!

Meil mōseńa, na tai meil,
Kai meil sowa ľaudoweńa!
Мила сестрица, не такъ мила,
Какъ мила своя невѣста!

382ª.

Obeľi ta ne zíd,
Ka zíd ruže dōrzeńâ;
Яблоня такъ не цвѣтетъ,
Какъ цвѣтетъ роза въ саду;

Mēl mōseńa, na tai mēl,
Ka mēl címa dzalteníť.
Мила сестрица, не такъ мила,
Какъ мила деревенская красавица.

Зап. въ двухъ варіантахъ, въ Прельск. вол., Динаб. у.

383.

Me(i)ľetis me(i)lejas,
Tam puisīšam mutes dūť;
Woske moti tam puisēšam,
Sorkon waigi waigu,
Golâ rozes zīd.

Любить, я любила
Этого молодца цѣловать;
Восковые волосы у парня,
Красны щеки —
На концахъ розы цвѣтутъ.

Зап. въ дер. Пиликольнѣ, Болвск. вол., Динаб. у.

384.

Meilēti es meilēju,
Tautu meita rūku dew'a;
Любить, я любилъ,
Чужая дѣвица руку дала;

Pilni ṕērsti obi rūkys
Zalta grístu gredzeneń.
Полны пальцы на обѣихъ рукахъ
Золотыхъ рѣзныхъ колецъ.

Зап. въ 1884 г. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

385.

Kupla ľīpa jeureńôs,
Nai ar nazi nūgrížam;
Густая липа у моря,
Ножемъ не отрѣжешь;

Wína meita mameńai,
Na kolpam zadinōt.
Одна дѣвица у маменьки,
Не холопу свататься.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

386.

Lai palyka, kur augušas
Ť eirumńīku dzaltanítes;
Пусть остаются, гдѣ выросли,
Красавицы-дочери равнины обитательницы;

Kam nāmōk mížu pľaut
Calmōtâ ľeidumâ.
Отчего не умѣютъ ячмень жать
На кочковатой вырубкѣ.

Зап. въ 1884 г. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

387.

Skaiški dzída ceľa weiri
Sagōjuši kumeleńu;
Красиво (чисто) поютъ нодорожные люди,
Сходя съ коней;

Meus mōseńa zaltaníte
Ciki ľeidz nānūgōja.
Наша сестрица-красавица
Чуть вмѣстѣ съ ними не уѣхала.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

388.

Pulkím dzíd ōru meitas
Nūskan ōru ūzuľí;
Толпами поютъ полевыя дѣвицы,
Отдается въ полевомъ дубѣ;

Wína dzíd meža meita
Wisi meži nūskańēja.
Одна поетъ лѣсная дѣвица,
Во всѣхъ лѣсахъ отдается.

Зап. въ дер. Пиликольнѣ, Болвск. вол., Динаб. у.

389.

Raud gauži mōtes meita,
Kam najāma smuks puiškens
Jau tu raudi, jau naraudi,
Jau äs tewi nāpajemš.

Горько плачетъ маменькина дочь
Зато, что ее не взялъ красивый парень.
Хоть ты плачь, хоть ты не плачь,
Все-же тебя я не возьму.

Man pošam leidz izauga
Zaltońīm matińīm,
Sorkońīm biudeńīm
Palākām acteńām.

Со мною вмѣстѣ выросла
Съ золотистыми волосами,
Съ красными щеками,
Съ сѣрыми глазами.

Зап. въ Иснаудѣ, Люц. у.

390.

Woi, mameń, napaziń
Asareń dzārōjińa;

Развѣ ты, маменька, не узнала
Слезопійцу;

Asareń dzārōjińam
Pasyrkoni beudu goli.

Слезопійца
Съ красноватыми щеками.

Зап. въ 1884 г. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

391.

Citu sīnu pľauti pľauj(u)
Citu matu skaudzīta;

Часть сѣна я косить кошу,
Часть складываю въ скирды;

L'audowai suns teľeiš,
Man dewińi kumeľeńi.

У невѣсты собаки и телята,
У меня девять коней.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

392.

I pī golda nasēdēju
Nawa skaistas ľaudoweńes;

И у стола я не сидѣлъ,
Нѣтъ красивой невѣсты;

Atsasād kakteńâ
Zemajâ krāsľińâ.

Присѣлъ въ уголку
На нижней скамеечкѣ.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

393.

Moza muna ľaudoweńa
Ka(i) tei sila wōwereite;

Мала моя невѣстушка,
Какъ въ бору бѣлочка;

Kai jei auďa audakľeńus,
Kai tūs lada gabaľeńus.

Она ткетъ такія ткани,
Какъ куски льда.

Зап. въ Корсовкѣ Люц. у.

Въ Таунагахъ, Рѣжицк. у. вторая половина поется слѣдующимъ образомъ:

Taidu auda audakleńu,
Kaida lada gabaleń.

394.

Kas kuram bādas beja
Kad man mozs augumeńš;
Man pošai bāda beja:
Rosâ ḿērka wilnōnīťe.

Кому какая была бѣда,
Что у меня малый ростъ;
У меня самой бѣда,
Покрывало въ росѣ мочится.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

395.

Sāji auzās, tautu meita,
Bär munami kumeľami:
Tawis dēľi attăcej
Šeidu zemes gabaleń.

Сѣй овса, чужая дѣвица,
Сыпь моему коню:
Тебя ради прибѣжалъ
Такую даль.

396.

Parōd man, brōľeľeń,
Kura tawa ľaudoweńa?
Paprīšk gōja dzīdōdama
Ōbeľ zīdi rūceńa.

Покажи мнѣ, братецъ,
Которая твоя невѣста?
Впереди идетъ съ пѣснями,
Яблочный цвѣтокъ въ рукѣ.

397.

Sadari man (sa)darēt
Ar brōľeńa ľaudoweńu;
Sadar zīmâ moltiwê,
Wosorâ driweńâ.

Сошлись характеромъ
Съ братниной невѣстою;
Сошлись зимою въ жерновой комнатѣ;
Лѣтомъ на пахатномъ полѣ.

395—397 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

398.

Caur gōju brōľa sātu,
Cauri brōľa pogolmeń:
Aizītum, brōľeľeń,
Bōrga towa ľaudoweń.

Прошла чрезъ братнину усадьбу,
Черезъ дворъ брата;
Хотѣлось бы, братецъ, зайти къ тебѣ,
Но сурова твоя женочка.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

399.

Kur jeus, brōľi, kawejetīs
Tik ilgi wokarâ?
Kolš izwilkam tautu mait
Nū drēbeńu kubuleń.

Гдѣ вы, братья, замедлились
Такъ долго вечеромъ?
Пока мы вытащили чужую дѣвицу
Изъ кадки съ платьями.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

400.

Doncōt wēž tautu meitu
Woi jì gōj, woi nagōj;
Dewu zalta gredzenińu,
Woi te jēma, woi najēma.

Танцовать веду я чужую дѣвицу—
Пойдетъ ли, или не пойдетъ;
Далъ я золотое кольцо—
Возьметъ ли, или не возьметъ.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

401.

Mozu jāmu, da bogōtu
Bōľeńam ľaudoweńu;
Ai puškīm nomu slauka,
Ai ílūkīm ustubeń.

Малую выбрала я, да богатую
Братцу невѣсту;
Съ кистями сѣни мететь,
Съ прошивками комнату.

Зап. въ Ландскоранѣ, Люц. у.

Въ Пахолкѣ, Рѣжицк. у., таже пѣсня поется слѣдующими словами:

Mozu jem, bāt bogōteń
Bōľeńam ľaudoweńu;
Ar puškīm nomu slauka,
Ar ìlūkīm ustobeń.

402.

Wolūdńeica, wolūdńeica,
Bōľeń, towa ľaudoweńa;
Kū ar manim nūrunō,
Steidz ūtram atrunōt.

Пересудчица, пересудчица,
Братецъ, твоя женочка;
Что со мною она говорила,
Спѣшитъ другому передать.

403.

Bōľeńš sauca tautu meites
Sirsneńš, munu dwâseľeit;
Âs brōľam eista mōsa,
Tāda wōrda nadźērdēju.

Братецъ называетъ чужую дѣвицу:
Сердечко, моя душечка;
Я брату родная сестра
Такого слова не слыхала.

Зап. въ им. Таунаги, Рѣж. у.

404.

Wiľńīm rudzi, wiľńīm mīži
Bōľeľeńa teirumâ;
Jām, bōľeńis, ľaudoweń,
Kam tūs wiľńūs keustinōt.

Волнами рожь, волнами ячмень
На братниномъ полѣ;
Возьми, братецъ, жену,
Чтобы волны подымать.

Зап. въ им. Быковѣ, Рѣж. у.

405.

Nūstu, nūstu rutku bľoda —
Man ir sowa pína bľoda;
Nūstu, nūstu tāws ar mōti,
Man ir sowa ľaudoweńa.

Прочъ, прочь блюдо съ рѣдькою,
У меня молочное блюдо;
Прочь, прочь, отецъ да мать,
У меня своя жена.

Зап. въ Таунагахъ, Рѣж. у.

406.

Brōľiń, loba tei mōseńa
Reigas ceľa maleńâ;
Nūbraukdami, atbraukdami
Tī peutenāja kumeľeń.

Братецъ, хороша эта сестрица,
На краю Рижской дороги;
Уѣзжая, выѣзжая,
Здѣсь котили коня.

407.

Zirgs uz zirga, lūks lūka
Wis uz Reigu nūľeigowa;
Atwadam Reigas meit(ū)
Ar wis zaltu sudobreń.

Лошади за лошадьми, дуги за дугами,
Всѣ въ Ригу унеслись;
Увезли Рижскую дѣвицу
Со всѣмъ золотомъ, серебромъ.

406 и 407 зап. въ дер. Свальбѣ, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

408.

Äs najōtu Reigas ceľa
Kab na Reigas sudobreńš;
Äs nańemtu ľaudoweńes,
Kab na krekla dewējeń'.

Я не поѣхалъ бы Рижской дорогой,
Еслибъ не было Рижскаго серебра;
Я бы не взялъ жены,
Еслибы не рубашкодательница.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

408*.

Äs nabrauktu Rīgas ceľu,
Kam na Rígas sudobreńa;
As nanōktu ľēgaweńes,
Kam na krakla dewejińes.

Зап. въ Болвск. вол., Люц. у.

о. *Пѣсни о братѣ и сестрѣ.*

409.

Pazaškirīt jeus zeksteńes,
Laidīt gult azarâ;
Atsaškirīt jeus, brōľeńi,
Laidīt mōsu tauteńôs.

Отдѣляйтесь вы птенцы,
Пускайте спать въ озерѣ;
Разстаньтесь вы братцы
Пускайте сестрицъ на чужую сторону.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

410.

J̄rūd mun' mōseń'
Kū nabäja íroduśe;
J̄rūd tautu greutes dźērnes,
Tautu bordu (gu) wolodeńes.

Привыкаетъ моя сестрица къ тому,
Къ чему она не привыкла;
Привыкаетъ къ тяжелымъ жерновамъ чужанина,
Къ чужанина грознымъ рѣчамъ.

Зап. въ Быковѣ, Рѣжицк. у.

411.

Dzeiwōt dzeiwi teẃ mōseńa
Ezereńa maľeńâ:
Nū reiteńâ gaiľi dzīd,
Nū wokora gaigaľeńes.

Только жизнь тебѣ, сестрица,
На краю озера,
Утромъ пѣтухи поютъ,
Вечеромъ чайки.

Зап. въ Колупской вол., Динаб. у.

412.

Tec mōseń mudŕe, mudŕe
Drēži sok brōľeńam:
Auka lauza ūzuľeń
Ar wisōm bitītēm.

Бѣги, сестрица скоро, скоро,
Поскорѣе скажи братцу:
Буря сломила дубъ
Со всѣми пчелами.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

413.

Jūk, jukōmi jeuru putńi	Jūk, jukōmi sweši ľaudis
Ar azara gaigalōm;	Ar munīmi brōľeńīmi.
Въ перемѣшку перемѣшаны морскія птицы	Въ перемѣшку перемѣшаны чужіе люди
Съ озерными чайками;	Съ моими братцами.

Зап. отъ латышки изъ дер. Лаздоники, въ Колупск. вол., Динаб. у.

414.

Mōseń skaist iz-auguśe,	Žāl man bej' citam dūt,
Kur man beusi tėw'i likt?	Grāks patimi maldinōt.
Сестрица, ты красивая выросла,	Жаль мнѣ было другому отдать,
Куда мнѣ тебя дѣть?	Грѣхъ мнѣ самому мучить (т. е. работами, заставлять молоть).

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

415.

Gulāte mańi jōīt,	Kwīšu mōľeitis jōmaľ,
Reiti agri jōsaceľ;	Ostra-sītâ jōsejōj.
Спать мнѣ нужно идти,	Пшеничное мелево нужно молоть
Утромъ рано подняться;	Черезъ волосяное сито нужно просѣять.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол. Динаб. у.

416.

Jām brōľeń ostru sīt(ū),	Kura tak sītu wid,
Sejōi tauť dzaltanītes;	Tī bej tawa ľaudaweńa,
Возьми братецъ волосяное сито,	Которая идетъ въ срединѣ сита,
Просѣвай чужихъ красавицъ;	Та будетъ твоя невѣста.

Зап., въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

417.

Arīt, brōľi, popiweitis,	Lai zīdēja muna daľa,
Atstōjīt munu daľ;	Boltojām pučeiťēm (peipeńem).
Орите, братья, попаръ,	Пусть зацвѣтетъ моя доля
Оставьте мою долю.	Бѣлыми цвѣточками (собачьими ромашками).

Зап. отъ Ядвиги Андрѣевны, въ Прельск. вол., Динаб. у.

418.

Suńi, suńi—tāwa rodi,
Mōtis rodi—brōľeľeńi;
Tāwa rodi nū laipeńis
Jgreudūš upeiťê;
Mōtis bolti brōľeľeńi
Jzwilkuš, izkaltēja.

Псы, псы родственника отца,
Родственники матери — братушки;
Отцова родня съ кладочки
Столкнула въ рѣчку;
Бѣлые братушки матери
Вытащили, высушили.

419.

Muń sauľeite nūrītēja
Tautōm kraklys welejūt;
Swīžu wōľi upeitî
Taku brōľ ustobâ.

Мнѣ солнце закатилося,
Когда я чужанину рубашки стирала;
Брошу валекъ въ рѣчку,
Убѣгу въ братнину хату.

420.

Mōseń jauna būrzgaleńa,
Kō gōj jauna tauteńôs
Brōľeń, putu gabaľeń,
Kam tu jaun pawēlēj'?

Сестрица молодая пузыречекъ,
Что вышла молодою замужъ;
Братецъ, пѣны кусочекъ,
Отчего ты ее молодою выдалъ?

418—420 зап. въ м. Прели, Динаб. у.

420ª.

ВАРІАНТЪ, записанный въ Колупск. волости:

Mōseń zalta borzgaleńa
Kà gōj jauna tauteńôs;
Brōľeń, putu gabaleń,
Kam tu jaunu pameti?

420б.

Mōseń putu gabaleńš,
Kō gōj jauna tauteńôs;
Brōľeń put' gabaleń,
Kam tik jaun pawēlēj.

Сестрица, кусокъ пѣны,
Что молода вышла замужъ;
Братецъ, кусочекъ пѣны,
Отчего ты ея такую молодую выдалъ

Зап. отъ латышки въ им. Людвиковѣ, Динаб. у.

421.

Tec, mōseńa, eudesneńa,
Tew raksʼeitā snōteńeite;
Sweši ľaudis sīnu pľauwa
Olūteńa maľeńâ.

Бѣги, сестрица, за водой
У тебя вышиты юбки;
Чужіе люди сѣно косятъ
На краю криницы.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

422.

Nukrita putneńš nū žagareńa,
Kas neu(l) dzīdōs šū wasāreń;
J̄s meus mōseńa tauteńôs,
Kas neu(l) dzeiwōs brōľeńûs.

Упала птичка съ вѣтки,
Кто теперь будетъ пѣть въ это лѣто?
Выйдетъ сестрица замужъ,
Кто теперь будетъ жить у братьевъ?

Зап. отъ Ивы Прикуль, въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

423.

Muńi brōľi klēti taisa
Zalta spāris spārādami;
Taisāt brōľi wisu zalta,
Äs pī jeusu nadzeiwōšu.

Мои братья клѣть рубятъ,
Золотыми скрѣпами подкрѣпляя;
Дѣлайте, братцы, ее совсѣмъ золотую,
Я у васъ не поживу.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

424.

Žāl mań beja atsaškirt
Nū boltū brōľeľeń:
Stikla lūgi, wora wōrti
Poši tak nawārami.

Жаль мнѣ было разстаться
Съ бѣлыми братцами:
Стеклянныя окна, мѣдныя ворота,
Сами вертятся, не надо поворачивать.

425.

Nadaudz zemes turēju
Brōľeńûs dzeiwōdama;
Zam peureńa, zam krēsľeńa,
Zam sowōm kōjeńōm.

Не много имѣла я земли,
У братьевъ живучи;
Кусочекъ подъ приданымъ, подъ кресломъ,
Подъ своими ногами.

424 и 425 зап. отъ Ядвиги Андреевны, въ Прельск. вол., Динаб. у.

426.

Ōboľneica Dīwa leudza,
Lai wad tautôs brōľa mōsu;
Яблоня Бога проситъ,
Чтобы выдали замужъ братнину сестру;

Wisi zareńi nūľeika,
Dzeipureńu kaltejūt.
Всѣ сучья спустились,
Нитку крашенку высушивая.

427.

Tu mōseń, äs mōseń,
Teẃ gūteńa, mań gūteńa;
Pōrdūsim mäs gūteńes,
Pērksīm zeiľu wainuceń.
Ты сестрица, я сестрица;
У тебя коровушка, у меня коровушка;
Продадимъ коровушекъ,
Купимъ себѣ блестковый вѣнокъ.

427*.

Tu brōľeits, äs brōľeits,
Teẃ zirdzeńš, mań zirdzeńš;
Pōrdūsim zirdzeń,
Pērksim caunu capureiš.
Ты братецъ, я братецъ
У тебя коникъ, у меня коникъ;
Продадимъ коней,
Купимъ себѣ куньи шапки.

428.

Ceľeńi, muńi ceľeń
Zaľa meura sa-auguši;
Пути, мои дороженьки,
Зеленой муравой заростіе;

Nī äs gōju da brōľīm,
Nī brōľi da mańim.
Ни я хожу до братьевъ,
Ни братья до меня.

429.

Mōseń mun aiz eudeńa,
Ūtr' eudeń maľeńa;
Сестра моя за водою,
Другая на краю воды;

Da wīnai laiwu dzin,
Da ūtrai kumeľeń.
До одной я на лодкѣ ѣду,
До другой на конѣ.

426—429 зап. въ Колупѣ, Динаб. у

430.

Kai äs bēju brōľeńûs,
Kai ūdzeńē-brūkľeńeitē;
Когда я была у братьевъ,
Я была, какъ ягодка-брусничка;

Käi äs gōju tauteńôs,
Kō zōľeitc solnys ásta.
Когда я ушла на чужую сторону,
Меня какъ травку морозъ съѣлъ

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

431.

Nū mańi tautis waicōwa,
Daudz ir eistu brōl'el'eń?
Wīns ir eists, da dižans,
Kai pārkiunis dūcinowa.

Чужанинъ меня спрашивалъ,
Много ли родныхъ братцевъ?
Одинъ есть родной, да большакъ,
Какъ перкунъ онъ гремитъ.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

432.

Kur mōseń taidu jāmi,
Kur tew taidis gadājās;
Ka nūtika orōjeńš
Pa tawam prōteńam.

Гдѣ сестрица ты такого взяла,
Гдѣ тебѣ такой достался;
Какъ достался тебѣ пахарь
По твоему разуму.

433.

Pīci brōl'i, wīna mōsa
Strik'i jeuža wādarâ;
Werītīs wisi pīci,
Ka man skaišk'i pīdarā.

Пять братьевъ, одна сестра
Веревкою обвязали черезъ животъ;
Смотрите, всѣ пять,
Какъ меня красиво украсили.

432 и 433 зап. въ Звирзденѣ, Люцинск. у.

433ᵃ.

ВАРІАНТЪ, записанный въ 1884 г. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

Pīci brōl'i wīna mōsa,
Leuka jūsta wādarâ;
Werītēs wisi pīci,
Wel ik škaišk'i pīdar(ēja).

434.

Da cel'u pūru bridu,
Da sowīm bōl'eńīm;
Da čužami naītum,
Nī sausamā kōjeńōm.

До пути я бродила по болоту,
До своихъ братьевъ;
До чужого не пошла бы
И сухими ногами.

Зап. въ Букмуйжѣ, Рѣж. у.

434a.

ВАРІАНТЪ, записанный въ Ландскоранѣ, Люц. у.

Pa ceľom pūru bridu
Da sowai mōmeńai;
Da swešai naītu
Sausajām kōjeńōm!

435.

Tak upeite pret upeiti
Bōrzgoľeńes mātōdamas;
Jt mōseńa pret mōseńu,
Asareńas slaućēdam's.

Течетъ рѣчка передъ рѣчкою
Пуская пузыри;
Идетъ сестрица передъ сестрицею,
Вытираютъ слезы.

Зап. въ Креславкѣ, Динаб. у.

436.

Bōleľeń, bōleľeń,
Mōsa tak kōjeńōm,
Kur ťe tawi śērmi zirgi,
Kur raksteites kamaneńes?

Братецъ, братецъ,
Сестра бѣжитъ пѣшкомъ;
Гдѣ твои сѣрые кони,
Гдѣ расписанныя сани.

Зап. со словъ латышки Звирзденск. вол., Люц. у.

437.

Kab' manim tik mōseńu
Ka auzeńu teirumâ;
Wel i tod nadūt(u) tōľi
Nū teiruma tauteńôs.

Если бы у меня столько сестеръ,
Сколько овса въ полѣ;
Даже и тогда бъ я не отдалъ далеко
Съ поля на чужую сторону.

Зап. въ им. Таунаги, Дрицанской вол., Рѣж. у.

438.

Dzīd moseń, esi ľeiksma
Šū wosor brōľeńûs;
Dzīdōs citâ wasareńâ
Ar tautīšu mōseńu.

Пой сестрица, будь веселой
Въ эту весну ты у братьевъ;
Споёшь въ будущую весну
Вмѣстѣ съ сестрою чужанина.

Зап. отъ Марг. Вяксихи, въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

Другая женщина, изъ Прельской вол., пѣла эту пѣсню слѣдующими словами:

438ᵃ.

Dzīd mōseńa esi leisma
Šū wosor brōľeńûs;
Dzīd citu wasareń
Ar tautīša māsińām.

439.

Raudiweiťe, škebereiťe
Deņńi jaućā azarâ [1]);
Škir mōseń swešus ľauds,
Mäklei sawu brōľeľeń.

Уточка общипанная
Ихъ перемѣшиваетъ въ озерѣ (нища утятъ).
Отдѣляйся, сестрица, отъ чужихъ людей,
Ищи своего братца.

Зап. въ Креславск. вол., Динаб. у.

439ᵃ.

Nawarēju brōľeńa
Boltu kraklu izwaľūť;
Raudiweiťe, škebereiťe
Deņńi jaućā azarû.

Не могла я у братца
Бѣлую рубашку выстирать;
Уточка общипанная
Ихъ перемѣшиваетъ въ озерѣ.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

440.

Puškoj, brōľeľeń,
Ar ūzulu lapeńu;
Kam nadewi mōseńai
Rožu sâti dōrzeńâ.

Украшайся, братецъ,
Дубовыми листьями;
Отчего ты не далъ сестрѣ
Въ саду розы сѣять.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

441.

Mōseńām nabejōm —
Mōseńos saucamīs;
Ľaudīm ľeli breinumeń,
Ka mes meiľi dzeiwojam.

Мы не были сестрами,
Назвалися сестрами;
Людямъ большое чудо,
Что мы любовно живемъ.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

---

[1]) Т. е. Raudiwānu maklādama нища утятъ.

442.

Kōp kolnâ brōľe mōsa,	Wara wōrtes werinōj
Kolnâ tow'e bōľeľeńi:	Wara wōrtes werinōj.
Подымайся на гору, братнина — сестра,	Мѣдныя ворота растворяютъ,
На горѣ твои братцы:	Мѣдныя ворота растворяютъ.

Записано въ дер. Пилисколнѣ, въ Болвск. вол., Люцинск. у.

443.

Tāc upeit upeitâ,	Aij, mōseń, pí brōľeń [1]),
Ka(i)nawais ezereń;	Kai nawaida tautu dāla.
Впадай рѣчка въ рѣчку,	Выходи сестрица за брата,
Когда нѣтъ озера.	Когда нѣтъ чужанина

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

Вторая половина поется въ Казиши:

Ej mōseń iz mōseń,
Ka nabeja brōľeľeń.
Иди сестрица къ сестрицѣ,
Когда нѣтъ братцевъ.

р. *Пѣсни, относящіяся къ разнымъ дѣйствіямъ свадебнаго обряда* (пріѣздъ сватовъ, обрядный привозъ приданаго невѣсты и т. п.).

Во время пріѣзда гостей и сватовъ, поютъ:

444.

Kai ōbeľe bolta zídeja	Kai mameńas skaistas meitas,
Tai sōldani ōbuľeńi;	Tai slowani wēsi brǫuca.
Когда бѣлая яблоня цвѣтетъ,	Какъ у маменьки красивыя дочери,
Тогда и яблоки сладки;	Такъ и пріѣзжаютъ славные гости.

Записано въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

---

[1]) Т. е. двоюродный братъ.

444ᵃ.

Tai ōbuľai bolti zídi,
Tai sorkoni ōbuľeńi;
Tai mōmińai meitas skaistas,
Tai slowani i wísi gōja.

Зап. въ дер. Пилискольнѣ, Болвской вол., Люцинск. у.

444ᵇ.

Tew ōbeľei bolti zídi,
Tew sorkońi ōbolteńi:
Tew mamińai skaistas meitas,
Tew slowani gosťi brauć.

Записано въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

445.

Pa sileńu dígu stípu
Pa wōreńām dzeipureń;
Mežeńâ (pa sileńu) tautas jōj;
Pa wōreńu bōľeľeńi.

По бору нитку вытягиваютъ,
По пашнѣ шерсть крашеннну;
Въ лѣсу чужане ѣдутъ,
По пашнѣ братцы.

Зап. въ Истальзенѣ, Люц. у.

446.

Nă es běju saauguśe,
Nī prōteńa sajāmuśe;
Jōj tauteń kumeľeńš,
Meurâ muna pogolmeń.

Еще я не выросла,
Ума не набралась;
Пріѣхалъ конь чужанина,
На мураву на моемъ дворѣ.

447.

Laik(i)s, laik(i)s tew mōseń
Tautu duris wirinōt;
Jau peureńa woku woźa,
Klētî greida íľeikuśe.

Пора, пора тебѣ, сестрица,
Двери чужанина открывать и закрывать;
Уже кубелъ крышкою закрытъ,
Въ клѣти полъ загнулся.

446 и 447 зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

448.

Äs tew leudzu, bōľeľeń,
Sēj pí lūga kańepítes;
Swōti jōja pogolmâ,
Äs pa lūgu kańepâs.

Я тебя прошу, братецъ,
Сѣй у окна коноплю;
Сваты ѣдутъ по двору,
Я у окна въ коноплянникъ.

Зап. въ Быковѣ, Рѣжицк. у.

449.

Na(w) elkšńa taidi goldi,
Kaidi goldi ūzuľeń;

Изъ ольхи не такіе доски,
Какъ доски изъ дуба;

Naw tautôs taidi weiri,
Kaidi muńi bōľeľeńi.

На чужбинѣ не такіе люди,
Какъ мои братцы.

Зап. въ им. Таунаги и въ Стернянской вол., Рѣжицк. у.

450.

Pilni pūri boltu bārzu
Nawa jora (jeura) ūzuľeń;
Pilna ustoba swešu ľaužu
Nawa muna bōľeľeńa.

Полно болото бѣлыхъ березъ,
Нѣтъ приморскаго дуба;
Полна изба чужихъ людей,
Нѣтъ моего братца.

Rosstumdejis swešus ľaudis
Po sūleńa galeńîm,
Atsasādu widens sūla,
Widens sowu bōľeľeń.

Растолкавъ чужихъ людей
По концамъ лавки,
Присѣла я въ срединѣ лавки.
Посреди своихъ братцевъ.

451.

Rei, suńeiti sabaľeit,
Mārgu zagľis kreumeńâ;

Лай, собачка-соболикъ,
Дѣвичій воръ въ кустѣ;

Jām brōľeń zūbeneń,
Prawadej mārgu zagľi.

Возьми братецъ саблю,
Проводи дѣвичьяго вора.

450 и 451 записаны въ Иснаудѣ, Люцинск. у.

452.

Jōjeit, swōti, najōjeit,
Nawa wîtes pogolmâ;

Поѣзжайте, сваты, не поѣзжайте,
Нѣтъ мѣста на дворѣ;

Mat sîra gabaľeń,
Tod beus wîta pogolmâ.

Бросьте кусочекъ сыру,
Тогда будутъ мѣста на дворѣ.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люц. у.

Встрѣчая поѣзжанъ, въ Быковѣ, Рѣж. у. поютъ:

453.

Meusu jumtâ wōrnes kradz,
Mošen kaidi gosti brauc?

На нашей крышѣ вороны каркаютъ,
Можетъ быть какіе-нибудь гости ѣдутъ?

Dreiži, dreiži, kreuši, kreuši,
Pî lūdzeńa datecēja.

Скоро, скоро, круто, круто
Къ окну прибѣжали.

454.

Pa lūdzeńu pazawēŕu,	Smuki puiši, loba rūta,
Kaidi gosti pogolmâ?	Beus atdūta mōsa meus.
Въ окно смотрю	Красивые парни, хорошій нарядъ,
Что за гости на дворѣ?	Выдана будетъ наша сестра.

Зап. въ Быковѣ, Рѣжицк. у.

О пӯрисѣ, приданомъ, поютъ слѣдующія пѣсни:

455.

Citos meitos w'eršńa weda	Äs ūtru peurē salaseju,
Äs paliku pakaľê;	Da pa kolnu pakaľê.
Другія дѣвицы вола ведутъ,	Я другое приданое собрала,
Я осталась назади;	Да черезъ гору въ слѣдъ.

Зап. въ Маріенгаузенской вол., Люц. у.

456.

Tāws ai dālu zemi dola;	Tî meiteńa towa doľa—
Kur, tētis, muna doľa?	Mōtes peura dibinâ.
Отецъ съ сыномъ землю дѣлятъ;	Здѣсь, дочка, твоя доля,
Гдѣ, тятя, моя доля?	На днѣ материна сундука.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

457.

Man mameńa krāslu cēľa	Kai mamińa tod nacāľi,
Nū tautińu atgōjušei;	Kod es gōju samaluśe.
Мнѣ маменька кресло поставила,	Отчего ты, маменька, тогда не поставила,
Когда я съ чужбины пришла;	Когда я пришла съ молотьбы.

458.

Mań mameńa skaitēdama	Ka mameńa naskaitej,
Peurâ lika wilnōńítes;	Cik reiteń moltu gōju.
Мнѣ маменька по счету	Какъ же ты, маменька, не считала,
Въ приданое положила покрывала;	Сколько разъ я по утрамъ молоть отправлялась!

457 и 458 зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

459.

Moza poša, mozs peųreńš
Skaisti wīn gabaľeń;
Kas nū tautu ľela peųra,
Nawa skaista gabaľeńa.

Сама я мала, маленькое мое приданое,
Однѣ красивыя штучки;
Въ большомъ приданомъ чужанина
Нѣтъ красивой штучки.

460.

Beųt man skaista ľaudoweńa
Ka na peųŕa gabaľeń;
Kumeľam boltos kōjas
Nagrib dubľu bridinōt.

Была-бы у меня красивая невѣста,
Если бы не было куска приданаго;
У коня бѣлыя ноги,
Не хочетъ бродить по болоту.

459 и 460 зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

461.

Sazaprota napraškēńi
Na gon tewi, mōte, lada;
Dawaduśe pī pureńa
Jsac[1]) boltu wilnōńeiťe.

Невѣжи уразумѣли,
Что у тебя, маменька, не довольно льда;
Если бы пришли къ сундуку,
Накрыли бы ихъ покрывалами.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люцинск. у.

462.

Peųru wäd, peųru wäd
Kućā täk pakaľī;
Kō kuciťei natecēt
Suńeiši peųreńā.

Везутъ сундукъ, везутъ сундукъ,
Сучка бѣжитъ сзади;
Какъ сучкѣ не бѣжать,
Когда щенки въ сундукѣ.

(Срв. прельскую свадьбу, стр. 177).

Когда приданое укладываютъ и отъѣзжаютъ отъ родителей невѣсты:

463.

Lādēt dreiži, naraud gauži
Nakawejs sweši ľauži;
Jau zirdzeńi sasadlōt,
Pī wōrteńu sadzenōt?

Укладывайте поскорѣе, не плачьте горько,
Чужіе люди не замѣшкаются;
Уже коней осѣдлали,
Къ воротамъ согнали.

462 и 463 зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

---

[1]) = izawylktu, накрыла бы.

464.

Man mameńa gūwi dewa,	Dzen, meiteń, pilnu klāw'
Saites wîn naîdewa;	Saitas ľîpu kreumeńâ.
Мнѣ маменька дала корову,	Гони, дѣвочка, полный хлѣвъ,
Только путъ не давала;	Путы въ липовомъ кустѣ.

465.

Tauteńôs nūîdama	Kab bîj mani cik teleišu,
Skudru pūleń îpajauč:	Kai skudreišu pūľeńî.
Уходя замужъ,	Чтобы было у меня столько телятъ,
Муравейникъ вмѣстѣ съ собою взяла,	Сколько муравьевъ въ муравейникѣ.

464 и 465 зап. въ Быковѣ, Рѣжицк. у.

466.

Tŕeuka, tŕeuka tew mameń	Kletî peura, kľāwâ gūwis
Reizî treiju gabaľeń;	Moltiwê maľējeńes.
Не стало, не стало у тебя, маменька,	Въ клѣти сундука, въ хлѣву коровы,
Сразу трехъ штукъ:	Въ молольной комнатѣ молольщицы.

Зап. въ Ландскоранѣ, Люцинск. у.

467.

Gudra mōte, gudra màita	Pībraukuše līpas zīdu,
Gudri peuru pīdareja;	Apsedz boltu wilnōnīt.
Умная мать, умная дѣвица,	Нарвавши липовыхъ цвѣтовъ,
Умное приданое сдѣлали;	Покрываютъ ихъ бѣлымъ покрываломъ.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

Когда приданое (skreińa) выносятъ:

468.

Pa ceľu, pa ceľu	Suns sajēma,
Negūda ľauds;	Suns pawadeja.
Въ дорогу, въ дорогу,	Собаки собирали,
Нечестивый народъ;	Собаки и проводятъ.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

469.

Sagōjuše cīma meitys
Rōda polt(i) wilnōńēm:
Citai pīci, sitai seši,
Kur bogōta, tai deweńi.

Деревенскія дѣвицы, собравшись,
Показываютъ ширину своихъ покрывалъ:
У иной пять, у иной шесть,
Которая богата, у той девять.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

470.

Moza, moza meiteńa
Tej pīwęĺ puisi orōjeń;
Dawaduś pī pūreńa,
Parōdija skaistus cimdus.

Маленькая, маленькая дѣвочка,
Обманула ты парня-пахаря,
Приведя его къ приданому,
Показала красныя перчатки.

471.

Ai lōceit, delwereit,
Kam numyni lińu driwu?
Man jōīt tauteńôs —
Nawa skaista gabaleńa.

Иди медвѣдь, «шумило»,
Къ чему ты стопталъ льняное поле?
Мнѣ нужно идти замужъ —
Нѣтъ хорошенькаго куска.

472.

Kū tī mīži nàacāti
Tautu dāla teirumâ;
Seuti krākli nawalāti
Tautu màitis peureńâ.

Отчего ячменное поле не бороновано
На полянѣ чужанина;
Шитыя рубашки не стираны
Въ сундукѣ чужой дѣвицы.

473.

Wucenena ĺipeńâ,
Pīces boltis wilnōńeitis;
Nū pati wucińa
Treidewińu sakšu aužu.

У овцы на липѣ
Пять бѣлыхъ покрывалъ;
Отъ самой овцы
Я соткала тридевять платковъ.

371—474 зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

q. *Пѣсни, которыя поются въ воскресенье утромъ до вѣнца.*

Свадебный плачь.

474.

Dzīdit mōseńes, as paľeidzēju;
Stōẁ muńi kumeľeńi zam weituľeńa,
Auzeńes āzdami, smolk dōbuľeń.
Pots taku nomâ, pots ustobâ,
Tū rodu nomâ, tū ustobâ:
Raud tāwis, raud mōťe, raud brōľeľeń.
Äs wadu merdzeńu dzīdōdama(is),
Pawadej mameń pōr ustobeń:
Lai woda wadaklis pōr pagalmeń,
Eisti brōľeńi da tauteńōm.
Lab reit, mōseń, lab wakareń —
Wel (tew) patika taut ustobeń!
Jou tew patika, man napatika.
Eij, mōse, ōrâ, sāst kamarūs(i),
Lai leudze tautis (tauteńis) raudōdamis.
Jou tewi pīleudze, man napīleudz,
Äs beju kà zoris brōľeľeńis.
Man wisa waľeńa ľīľēti°s

Пойте сестрицы, я помогу,
Стоятъ мои кони подъ ивою,
Овесъ ѣдятъ и тонкій клеверъ;
Самъ бѣгу въ сѣни, бѣгу въ комнату,
Тоже самое нашелъ я въ сѣняхъ, что и въ комнатѣ:
Плачетъ отецъ, плачетъ мать, плачетъ братецъ,
Я веду плачущую дѣвочку.
Повела маменька черезъ комнату;
Пустъ ведутъ ее черезъ дворъ
Родные братья до чужанина.
Доброе утро, сестрица, добрый вечеръ,
Уже тебѣ понравилась комната чужанина,
Уже тебѣ понравилась, мнѣ не понравилась,
Иди сестра вонъ, сядь въ коморкахъ,
Пусть просятъ чужане съ плачемъ.
Уже тебя упросили, меня не упросятъ,
Я была какъ вѣточка у братца.
У меня много причинъ хвастаться

Par peuru, par pošu, par teleiťem.
Čeikst manis zōbokis staigojūt,
Klab muńi zūbeńi runojūt,
Aug muńi mateńi caur capureńi.

Изъ-за приданаго, изъ-за телятъ.
Скрипятъ мои сапоги, когда иду,
Стучатъ зубы когда разговариваю,
Ростутъ мои волоса черезъ шапочку.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

Ka jauniwe laiž uz bazńícei, klídz:

475.

Laimeń, laimeń,
Ša towa gaška!
Škir, Díweń, ceľi
Dūď lobu laimu.

Ei mōseń tōľi, tōľ(i)
Wel ās íšu tōľōk.
Jo tōľōk — lobi ľaudis
L'elōki teirumi.

Когда молодую отправляютъ въ церковь, поютъ:

Лаймушка, Лаймушка,
Вотъ твоя гостья.
Дай, Боже, дорожку,
Дай хорошее счастье.

Иди сестрица далеко, далеко,
Еще дальше я выйду,
Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше люди,
Тѣмъ шире поля.

Зап. въ Звирзденѣ.

476.

Ounīt mūnu mōseńu
Kurṗētôs, zečītâs;

Обуйте мою сестрицу,
Въ башмачки, въ чулочки;

Toutu dāls apŕauwas
Wanadzeńa nadzińûs.

Чужанинъ вооружится
Ястребовыми когтями.

477.

Sukōjīte munu golwu,
Munu motu na pinít;

Чешите мою голову,
Моихъ волосъ не плетите;

Lai stōweja muńe(-i) moti
Ai mamińas pinumińu.

Пусть остаются мои волосы,
Какъ ихъ маменька заплела.

476 и 477 зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

Когда невѣста выѣзжаетъ изъ дома родителей, поютъ:

478.

Ar díwu, ar díwu,
Díwoju ľaudis;
Díwi jeusu príškâ,
Díws pakaľâ.

Съ Богомъ, съ Богомъ,
Божіи люди,
Богъ у васъ впереди,
Богъ позади.

479.

Diwi, diwi mās mōseńas,
Kai ezerâ raudiweiťes;
Ka mās diwi škeirinasīm
Kā azḿerka osoreńâs (вм. asareńas).

Двѣ, двѣ мы сестрицы,
Какъ уточки въ озерѣ;
Какъ мы двѣ разстанемся,
Мы утонули въ слезахъ.

478 и 479 зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

480.

Īmu wōrâ i ustobâ:
Taids gūds wōrâ, taids ustobâ,
Líts ľej wōrâ, raud ustobâ;
Raud tāws i mōťe,
Raud bōľeľeńi
Nūwaďa, nūwaďa meusu mōseńi,
Por aukstīm kolńīm
Caur zaľu bērzi.

Иду я на улицу или въ комнату,
Таже почесть на улицѣ, что и въ комнатѣ,
Дождь льетъ на улицѣ, плачутъ въ комнатѣ.
Плачутъ отецъ и мать,
Плачутъ братцы:
Увели, увели нашу сестрицу
Черезъ высокія горы,
Черезъ зеленый березнякъ.

Записано въ Иснаудѣ, Люц. у.

481.

Naítum tauteńôs,
Kab mameńa nagōjuśe,
Kab mameńa nagōjuśe,
Laimeńa nalikuśe.

Не пошла бы замужъ,
Если бы маменька не пошла,
Если бы маменька не пошла,
Лаймушка не опредѣлила.

Зап. въ им. Пахолки, Рѣжицк. у.

482.

Äs ídama tauteńôs
Treis papríška nūsūteju:
Díweńš mańim wōrtus wāŕa,
Laime mańim krāslu cāľa
Engeľ gunteńi tureja,
Koľš nujāma wainuceń.

Идучи на чужбину,
Троихъ послала впередъ:
Боженька мнѣ ворота растворяетъ,
Лайма мнѣ кресло поставила,
Ангелъ огонь держалъ,
Пока снимали вѣнокъ.

483.

Sirsneń, munu pe͜upaľeńe,
Ku⁰ tu gŕe͜uš nusape͜uti?
Woi tu radzi gŕe͜utos dínas,
Woi nalobu dzeiwōšan?
As dūmōju tauteńôs
Pazawígla wīglinōtīs;
Nūgrima muna sirsneńa,
Ka(i)ūľeńa je͜udeńí.

Сердечко мое, пупышекъ,
Что ты тяжко вздохнула?
Развѣ ты видишь трудные дни,
Аль неладное житье?
Я думала на чужбинѣ
Облегчиться побольше;
Но мое сердце заныло и упало,
Какъ камешекъ въ воду.

482, 483 и 484 зап. въ Иснаудѣ, Люц. у.

484.

Wiste cōľeiti atškeira
Atškeira muna mōmeńa;
Cōľeits taki pulceńâ
Kur, mameńi, man tacāt.

(Срв. переводъ на стр. 147).

484ᵃ.

Wista cōľeiti atškeira,
Man atškeira mōmuľeńa;
Cōľeits tak drzaudzeitê,
Kur māmeń äs täceiš?

Зап. въ им. Таунаги, Рѣжицк. у.

г. Mičošanas-dzísmas. *Пѣсни, которыя поются, когда надѣваютъ невѣстѣ въ первый разъ чепчикъ.*

Когда снимаютъ дѣвичій вѣнокъ:

485.

Jzauga līpeńa brōľeńa sadâ,
Gon beja kupla, gon šmuidrumeńā,
Выросла липочка въ братцевомъ саду,
Довольно была густая, довольно стройная;

Jau sōka ľīpeńa zorōtīs,
Jau sōka zīdeńi bōrsťetīs:
Še neul ľīpeń taus kuplumeń,
Ni meiľ brōľeń, ni tauteńi.

Уже начала липочка вѣтвиться,
Уже начали цвѣтки осыпаться:
Вотъ только липочка твоя густота,
Ни милы братцы, не чужане.

Зап. въ дер. Лаздоники, Варковск. вол., Динаб. у.

Въ Звирзденской волости погостъ созываетъ сватъ слѣдующими словами: «Kokori, lonskari losetās kūpâ, lai jeusa zōgori napľeukōj». Тряпочки, обормоты собирайтесь въ кучу, чтобы васъ хворостомъ не ободрали.

Молодая не хочетъ снять свой вѣнокъ и плачетъ, тогда женихъ утѣшаетъ ее: Naraud, nasabeistis beusi paāduśe i aptārpta. Не плачь, не бойся, будешь сыта и одѣта! Поютъ пѣсни:

486.

«Anete» mōsa
Ar mičotu sīru;
Ka mańi mičo,
Äs tewi dewu.

Аннушка сестра
Съ сыромъ въ чепчикѣ;
Когда на меня надѣли чепчикъ —
Я тебѣ его дала.

487.

Kab äs lobōk wisu meužu
Wīna dzeiwōjuśe;
Na par wīnu wakareńi
Sowu golwu aizsējuśe.

Кабы я лучше весь свой вѣкъ
Одна жила;
Тогда-бъ я въ одинъ вечеръ
Свою голову не повязала.

488.

Wisu meužu raudōju
Wīnes dīnes gōjumeń;
Kab lobōk tu dīneń
Zam aglites sadojuś.

Вѣсь вѣкъ свой плакала
Изъ-за одного дня;
Лучше-бъ я тотъ день
Подъ елочкою сидѣла.

486—488 зап. въ им. Рожановѣ, отъ крестьянокъ изъ дер. Зюзи, Люцинск. у.

489.

Ka, tautíts, zinōtim,
Kaides dínes ľaudowai;
J kōjeńu ne autim
Ľaudowińas kresľińâ.

Если-бъ, чужанинъ, знать
Какія дни будутъ у невѣсты;
Ногъ бы не обула
Въ креслѣ невѣстиномъ.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

490.

Kab zinōtu tū ceľeńu,
Kuru ceľu tautas brauc;
Nūbär tuli(t) tū ceľeń
Seikejōm odotōm.

Если-бъ я знала ту дорогу,
Которою чужанинъ ѣдетъ;
Обсыпала-бъ я тогда тотъ путь
Тонкими иголками.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

ВАРІАНТЪ.

Ka beutum zinawuśe,
Kaida tautâ dzeiwōšana,
Tad beutum akmen íwaluśe,
Na kōjeńes īspārūśe.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

491.

Skeista pľaweńa nūpľouta,
Wel skeistōka sakasíta;
Skeista marga waińugâ,
Wel skeistōka pawajâ.

Чисто сѣнокосъ скошенъ,
Еще чище сгребено;
Красива дѣвица въ вѣнкѣ,
Еще красивѣе въ повойникѣ.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

492.

Capur muna, sprūgainītē,
Stōw munâ galweńâ;
Ka nastōw galweńâ,
Stōw zūbińa gaľeńâ.

Шапка моя, ушастая,
Лежи на моей головѣ;
Если не сможешь улежать на головѣ,
Лежи на концѣ сабли.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

493.

Gludu galwiń issukōj
Ar tautām nūídoma;
Гладкую голову расчесала,
Выйдя замужъ за чужанина;

Sweša mōte isplaukōja,
Boltoj(i) auteń saistema.
Чужая мать запутала ихъ (распустила),
Завязывая бѣлою повязкою.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

494.

Pārn bej rudzi,
Šū god míži,
Citu godu popuwe;
Лѣтось была рожь,
Нынче ячмень,
На будущій годъ паръ;

Pārn bej marga,
Šū god síwa,
Citu godu mōmuľeńa.
Лѣтось была дѣвицею,
Въ этотъ годъ женою,
Въ тотъ годъ маменькою.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люцинск. у.

Когда невѣсту обвязываютъ головнымъ уборомъ замужней женщины, поютъ:

495.

Síne autu, dālu mōte,
Síne skaistū, síne boltū;
Завяжи повязку снова,
Завяжи красную, завяжи бѣлую;

Ka na íseji skaistū boltu,
Swížu cepľa dibeńâ.
Если не повяжешь красную и бѣлую,
Сброшу въ глубь печи.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

496.

Sorgīsi, mōseńe,
Speŕ tew'i wonogs;
Берегись, сестрица,
Схватитъ тебя ястребъ;

Wonoga sparnûs
Beus bolta golwa.
Въ когтяхъ ястреба
Будетъ голова бѣла.

497.

Wakarî wosori,
Šūďeńi zíma;
Вчера лѣто,
Сегодня зима;

Wakarî meiteńa,
Šūďeńi bōba.
Вчера дѣвушка,
Сегодня баба.

496 и 497 зап. въ Ландскоронѣ, Люц. у.

498.

Nadūdīt taides solnâs,
Kaida solna šū rudeń;
Wisām címa meiteńām
Bolt auteńa galweńâ.

Не дайте такого инея,
Какой иней въ эту осень;
У всѣхъ дѣвицъ въ деревнѣ
Бѣлая повязка на головѣ.

Зап. въ Быковѣ, Рѣжицк. у.

s. *Пѣсни насмѣшливыя.*

499.

Keisels brauc pōr Daugawu
Raksteitōm kamańeńōm;
Jeḿeit bārni ližeiceńes,
Sajemīt keiselíti.

Кисель ѣдетъ черезъ Двину
Въ разукрашенныхъ саночкахъ;
Возьмите дѣти ложечки,
Соберите киселекъ.

Зап. въ Корсовкѣ, Люц. у.

500.

Zeweľeišu tew Mōreńa
Nū pīneńa bľūdeńa;
Kam tu munu gūwi ƥeēri,
Staiga pūra maľeńâ.

Сѣры бы тебѣ Марьюшка,
Отъ твоего блюда съ молокомъ;
Отчего ты мою корову драла,
На краю топкаго болота.

Зап. въ Быковск. вол., Рѣж. у.

501.

Jeḿāt mańi wedejûs,
As bej loba wadamō —
Lōča noģi čerami,
Lopses astes weľamas.

Возьмите меня въ догоньщики,
Я была бы хорошей ведомой —
Медвѣжьи когти чтобы ловить,
Лисьи хвосты чтобы выколачивать.

502.

Brōľi muni brokolaini
Sínu pľōwa sopagûs;
As mōseńa nabadzeiťe
Nadrīsteju zaďenōt.

Братья, мои ягодки (брусничьи),
Сѣно косятъ въ сапогахъ;
Я сестрица бѣдненькая
Не смѣла съ ними заговорить.

501 и 502 зап. отъ латышекъ изъ дер. Зюзи, близь им. Рожанова, Люцинск. у.

503.

Teicejs mani tautu dālis
Pīces šērmi kumeľeń;
Äs atradu gańeidama
Ar ōzeiti äcejūť.
Äs jam dewu dīw paľeigu,
Jis ar ōzī kreumeńôs.

Хвалился передо мною чужанинъ,
Что у него пять сѣрыхъ коней;
Пася я нашла,
Что онъ боронуетъ козою.
Я ему сказала: Богъ помочь,
Онъ съ козою въ кусты удралъ.

Зап. въ им. Пахолки, Рѣж. у.

504.

Jauni puiši saľeiduši
Waca bārza stimbyńâ:
Kai papeutä zīmes wäji,
Sōka puiši bubynōť.

Молодые парни забились
Въ дупло старой березы:
Какъ завѣялъ зимній вѣтеръ,
И стали парни (какъ лошади передъ овсомъ) ржать (гоготать).

Поютъ дѣвицы на полѣ, насмѣхаясь надъ парнями, въ Креславкѣ, Динаб. у., а о бабахъ въ Стерн. вол., Рѣж. у., по Баллоду, поютъ:

504ᵃ.

Pīcas bōbas sasaľeidušaš
Ūzuľińa stimbińâ;
Otsagrīza zīmel wējš,
Sōka bobas bisenēt.

Пять бабъ забились
Въ дубовое дупло;
Насталъ сѣверный вѣтеръ
И стали бабы разбѣгаться.

505.

Kodēl mani nadzeiwōt
Malna meža maľeńâ;
Brīdeits gŕuda, lōceits mola,
Lopsa maizes capejiń.

Отчего мнѣ не жить
На краю чернаго лѣса;
Олень крупу деретъ, медвѣдь мелетъ,
Лисица — хлѣбы печетъ.

Зап. въ Пахолкахъ, Рѣж. у. [1]).

506.

Cērs bez kōta, wīrs bez prōta
Guľ zam zaľa ūzuľeńa;
Jtaisōt cēŕam kōtu,
Dīws weiram prōtu dūs.

Топоръ безъ ручки, мужъ безъ ума,
Лежатъ у зеленаго дуба;
Сдѣлайте топору ручку,
Богъ мужику ума дастъ.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

---

[1]) Пѣвица замѣтила при этой пѣснѣ: «Ka, dasalika, tadu as dzidaw».

507.

Ŀouds iz manim to wīras
Ko ľela breinuma;
Люди на меня смотрятъ,
Какъ на великое чудо;

Kam äs maizes klaips
J beųt mańi apŏduše.
Если бы я была бохонъ (каравай) хлѣба,
Тогда меня бы съѣли.

Зап. въ Болвской вол., Люц. у.

508.

Woi Laureite, kō tu gōji
Jaunu meitu ustobâ;
Ой ты, Лаврушка (имя рекъ), зачѣмъ ты пошелъ
Въ комнату молодыхъ дѣвицъ;

Wisi towi kankarīši
Uz meiteńīm lecinäja.
Всѣ твои лохмотья
Къ дѣвицамъ прыгаютъ.

Зап. въ дер. Пилискольнѣ, Болвск. вол. Люц. у.

509.

Kō tu gōji, kenkerīte,
Jaunu meitu ustobâ;
Зачѣмъ ты пошелъ, оборванецъ,
Въ комнату молодыхъ дѣвицъ;

Jaunu meita ustabeńa,
Kō oustreńa wizuľowa.
Комната молодыхъ дѣвицъ
Блестѣла какъ утренняя заря.

510.

Tām Prankam lils wādars
Kurs soldatu barabans;
У Франца большой животъ,
Какъ солдатскій барабанъ;

Seša wāzas sadauzeja
Pārplēšonas nadobowa.
Шесть палокъ разбили,
Пробить не удалось.

511.

Muni brōľi wedejôs
Muni brōľi kašnin kaš;
«Pranka» nūgo (ja) par Dougawu,
Братья мои въ дружкахъ,
Братья мои сгрёбки гребутъ;
Франка [1]) ушелъ за Двину,

«Pranka» nūgo(j) ūbagôs:
Wāzas wīn nūklǫudzeja,
Kǫules wīn nūkǫusteja.
Франка ушелъ въ попрошайки,
Палки однѣ застучали,
Кости однѣ стукотали.

[1]) Т. е. Францишекъ.

512.

Nazalídz tu, Andreiťe,
Ka wāriťes narādzēji:
Pí bazneices rūku dew'i,
Krūgâ sīra gabaľeńu.

Не отказывайся, ты, Андрюшка,
Если глядѣть ты не глядѣлъ:
У церкви ты руку далъ,
Въ корчмѣ сыру кусочекъ.

513.

Rädzaju, da nasaceju
Rädzaju da nasaceju:
Andreices weriťes
Muti äs dewu.

Видѣла да не сказала,
Видѣла да не сказала;
Андреюшку глядящаго
Я поцѣловала.

509—513 зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

514.

Šur otgōja tī ponāksńi
Solmi wīn wādarô;
T'e paēda, ťe padzēra
T'e tūs solmus iskratija.

Здѣсь пришла невѣстина родня,
Солома лишь въ брюхѣ;
Здѣсь поѣли, здѣсь попили,
Здѣсь солому вытрясли.

515.

Píteriša wādarâ
Dzeiwi dzeńi klokstinaj;
L'ila dīwa želasteiba,
Kō tī cauru nepakola.

Въ Петрушиномъ животѣ
Живые дятлы долбятъ;
Великаго Бога милосердіе,
Что они не продолбили.

514 и 515 зап. учит. Баллодомъ въ Стернянск. вол., Рѣж. у.

516.

Puiši, puiši — suńi, suńi
Jūs man zūbus narōdot;
Jir pūrâ sausa kōrkla,
Es jums zūbus izbadīš.

Парни, парни — псы, псы,
Вы мнѣ зубы не показывайте;
Есть въ болотѣ сухая верба,
Я вамъ зубы вычищу.

Зап. въ м. Прель, Динаб. у.

517.

Wōrkoweiši gleizda golwes
Brauc ar mōles skrituľím[1]);
«Варковиты» гладкоголовки,
Ѣдутъ на глиняныхъ колесахъ;

Kolupeiši apgōzuš
L'ela ceľa maľeńâ.
«Колупиты» опрокинулись
На краю большой дороги.

518.

Sens sliweja, sens sliweja
Wārkowešûs ľeli puiši;
Дивно славились, дивно славились
Въ Варковѣ рослые парни;

Nī ľelōki, ni rasnōki
No (ko) pokuľa kūdeľińi.
Они не рослѣе, они не крѣпче,
Нежели кудель съ паклей.

519.

Daugawíši líľejōs
Skaistīm zirgīm sabraukuš;
Двиняне хвастаются
Съѣхавшись на красивыхъ лошадяхъ;

Cits iz ciukes, cits iz kozes
Cits iz síwes sprēsľeiceńes.
Тотъ свиньями, тотъ козами,
Третій пряслицами жены.

520.

Šis «Jūzeits» lílejos
Píci bolti kažuceńi:
Юзе хвастается,
Что у него пять бѣлыхъ кожуховъ:

Wína raiba sweiteneiťe
Tei tāwam, tei dālam.
Одна пестрая свита,
И та отцу да сыну.

517—520 зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

521.

Aiz orōja mōťe dewa
Na aiz ľelu teirumeńu;
За пахаря мать выдала,
Не за большое поле;

Ka beus lobs orōjeńš,
Dabūs lobus teirumeń.
Когда будетъ хорошій пахарь,
Добудешь и широкія поля.

Зап. со словъ Анны Кусень, изъ Ликсны, Динаб. у.

522.

Brōľis mōsu atdawuši
Por kōpustu ľizeiceń;
Братъ отдалъ сестру
За ложку капусты;

Brauc uz sātu swilpōdami,
Brauc uz sāta swilpōdami.
Ѣдетъ домой присвистывая,
Ѣдетъ домой присвистывая.

Зап. въ им. Иснаудѣ, Люц. у.

---

[1]) Или Teľam putra izdzeruše, телятамъ путру выпили.

523.

Wai mani, wai mani,
Ša ľali breinumi:
Ša tādi nabeja
Ša tādi atweda.

Охъ мнѣ, охъ мнѣ,
Здѣсь большіе чудеса;
Здѣсь такихъ не было,
Сюда такихъ привели.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

524 *).

Mōťe meitu waďedama,
Dzíd rūceńes plaťeidama:
Jleizdama moltuw'ê,
Raud galweńi sajemdama.

Мать, дочку провожая,
Причитаетъ, руки простирая;
Когда впускаютъ ее въ жерновую комнату,
Плачетъ она, схватясь за голову.

Зап. въ дер. Зюзи, близь им. Рожанова, Люц. у.

*) Въ Преляхъ поютъ: 1.=M. meiteń izdawuše; 3.=Ka joïťe moltiwê; 4.=R. g-u sajemuše.

525.

Gona plota kľawa lopa
Kreid zämai grízdamōs;
Gon slowona brōľa mōsa,
Jt tautôs raudōdama.

Довольно широкій кленовый листъ
Падаетъ на землю, вертясь;
Прославленная братнина сестра
Выходитъ замужъ, плачучи.

Записано въ Букмуйжѣ, Рѣжицк. у.

См. ниже Варковскій варіантъ.

526.

Šis Jōńeits jauns byudams
M'ājtas saućā ragańeńas;
Še tawa ragańeńa
Tavūs i sōnūs sād.

Этотъ Ваня въ молодости
Называлъ дѣвушекъ вѣдьмами;
Вотъ, твоя вѣдьма
Подлѣ тебя сидитъ.

527.

Šis Jōńeits jauns byudams
M'ājtas laida atwārtâ;
Nyu paťim gaďejōśi
Nū atwārtu ľaudow'eńa.

Этотъ Ваня въ молодости
Дѣвушекъ пускалъ въ мякину;
Теперь самому пришлась
Невѣста изъ мякины.

528.

Dūmojōm, gōdawōm,
Kur byuś jemťi sātmaľeńu;
Мы думали, мы гадали,
Гдѣ бы взять кольевъ для частокола;

Tekľeńai reši zūbi,
Tur byuś brangs sātmaľeńš.
У Ѳеклуши рѣдкіе зубы,
Это будетъ превосходный (частоколъ).

529.

Saimeńīca bādajōs,
Kur dareiťi oluťeńu;
Хозяйка бѣдуетъ,
Гдѣ бы варить пиво;

Donatam rasnis wādars,
Tur darejśim oluťeńu.
У Доната толстое брюхо,
Въ немъ можно варить пиво.

530.

Sajōj tautas, sarejbēja,
Mań ustoba naslaućēita;
Съѣхались чужане, загремѣли,
У меня изба не выметена;

Pyut w'ējeń, slauc ustobu,
L'ej ľejťeń, mozgōj goldu.
Дуй вѣтерокъ, мети избу,
Лейся дождикъ, умывай мой столикъ.

526—530 зап. И. Х. Плекшаномъ въ дер. Туки, Вышковск. вол., отъ Sprińģu Mōŕe и ея дочери Kristе.

531.

Caceń gōju brōľa sātu
Caceń swaina ustobeń;
Шла я черезъ братнинъ дворъ,
Черезъ комнату свояка;

Swainam beja grazni suńi
Brōľam borga ľaudoweńa.
У свояка были грозныя собаки,
У брата сердитая жена.

532.

Kur man īt, kur man īt',
Kur dīneń nūkawēt:
Куда мнѣ идти, куда мнѣ идти,
Гдѣ день провести:

Wīns bej eistis bōľeľeńš,
Tam bōrga ľaudoweńa.
Одинъ былъ родной братъ,
И у того сердитая жена.

Зап. въ дер. Пахолки, Рѣж. у.

533.

Kū tī muńi cōľi losa
Po pogolmu staigōdam;
Kurs ēnańi swōtinańis,
Wuti kuľi pobiruśe.

Что мои курицы подбираютъ,
Ходя по двору;
Гдѣ тѣнь свата,
Тамъ спустился мѣшокъ вшей.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люц. у.

ВАРІАНТЪ:

Es dumawōju, gōdaju,
Kū ti muńi cōľi los;
Pa tō munu pagalmeńu;
Kundzeńam nabogam
Wutu kuľa paberuśi.

Зап. отъ А. К. изъ Ликсны, слышавшей эту пѣсню въ Узулмуйжѣ, въ Динабургскомъ уѣздѣ.

534.

Tautīšam taīda māľa,
Kai pūra stradeńam:
Dzīd pūriski, dzīd ōriski
Moz(i) mōseńu izwaldamūs.

У чужанина такой язычекъ,
Какъ у болотныхъ дроздовъ;
Поетъ по болотному, поетъ по полевому,
Чтобы сестрицу заманить.

Зап. въ Букмуйжѣ, Рѣж. у.

ВАРІАНТЪ, записанный отъ П. въ Прельск. вол.

Tauteŝam taīda mēľa,
Kai tam peura stradeńam;
Sit(?) peurisk, sit warisk
Kū man mōseńu wazdams.

535.

Skaistōka Bōrbola
Par wisu draudzi;
Sanula zīdeja
Daguna golā.

Красивѣе Варвара
Изъ всей компаніи;
Грибокъ цвѣтетъ (ростетъ)
На кончикѣ носа.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люц. у.

536.

Pici, seši pikusuše
Mańi winu borōdami;
Laidēt mońi klaijumâ,
Lai ās pots borōjūše.

Пятеро, шестеро устали
Меня одну вскармливая;
Пустите меня одну въ амбаръ,
Чтобы я сама наѣлась.

Зап. въ Стернянск. вол., Рѣжицк. у.

537.

Aiz Daugawu ōži blōwe,
Waci dādi gawilōja;
Ōži blōwe lipu lopu,
Waci dādi jaunu meitu.

За Двиною козлы блеютъ,
Старые дѣды — гикаютъ;
Козлы блеютъ на липовые листья,
Старые дѣды на молодыхъ дѣвушекъ.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

538.

Pī weira, pī weira,
Kai citos meitys;
Jr man puśe cimdē
I pus ūtrys začes.

За мужъ, за мужъ,
Какъ другія дѣвицы;
Есть у меня полуперчатка
И полтора чулка.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

539.

Sweša mōte ragańeńe,
Cik i mańi nāapāde;
Äs ibāg kańepês,
Wińas zūbs klabinowa.

Чужая мать — вѣдьма,
Чуть меня не съѣла;
Я убѣжала въ конопляникъ,
Ея зубы застучали.

Зап. отъ Ивы Прикуль, въ дер. Казиши, Прельск. в., Динаб. у.

540.

Kur, pūra, tu izleid
Tik dižans tāwa dāls;
Man izkrita pina blūda
Jz tewim werōtis.

Гдѣ ты, болото, выпустило
Такого большого отецкаго сына:
Я уронила блюдо съ молокомъ
Глядючи на тебя.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

541.

L'eli kungi tai nabrauće,	Pīci suńi ilūkšûs
Kai brauc mun sīwys mōťe:	Sasta kuce prip(r)aškâ.
Большіе господа такъ не ѣздили,	Пять псовъ въ оглобляхъ,
Какъ ѣхала мать моей жены:	Шестая — сука въ припряжку.

542.

Štuki, ľeli breinomeń	Kai precēju, toᵃ nagoa;
Ar šōm cīma meiteńōm;	Kai najēmu, tai gauži raud.
Вотъ штуки, большое удивленіе	Когда сватали, онѣ не шли,
Съ этими деревенскими дѣвицами;	Когда ихъ не взяли, тогда онѣ жалостно заплакали.

541—542 зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

543.

Ribokam tei zeuteńa,	Natikľa ťei màiteńa,
Kur guľ upys dibeńâ;	Kur guľ wīna maľeńâ.
Рыбаку та рыбочка,	Нескладнаго (жениха) та дѣвица,
Которая лежитъ на днѣ рѣки;	Которая спитъ на краю.

544.

Šādi, tādi ceuku gońi	Muns mīľais orōjeńš,
Guľ pī muna augumeńa;	Guľ iz sūla raudōdams.
Такіе, сякіе, свиные пастухи	Мой милый пахарь,
Спятъ у моего тѣла;	Спитъ на лавкѣ плачучи.

545.

Pīci seši tāwam dāli	I tū paťe padzāruše,
Wīns tāwam kumeľeńš;	Krūga golda gaľeńâ.
Пять, шесть сыновей у отца,	И того самого пропили
Одинъ конь у отца;	За концомъ стола въ корчмѣ.

543—545 зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

546.

Nadūd, Díws, tō redzēt,
Kū redzēju šaî źeḿê;
Не дай, Богъ, того видѣть,
Что увидѣла въ этой землѣ:

Wistai ciči, ceụkai rogu
Akmeńam rūku, kōji.
У курицы груди, у свиньи рога,
У камня руки, ноги.

Зап. отъ Агаты В., въ Прельск. вол., Динаб. у.

547.

Woi, woi tu «Ońeiťe»,
Pērs tew'i mōte wokorâ;
Ай, ай ты Аннушка,
Побьетъ тебя мать вечеромъ

Kam apāde kačam ast,
Krējumâi marcādama.
За то, что ты съѣла хвостъ у кошки,
Въ сливки его макая.

548.

«Ańeitei» mōseńai
Pokoľ cíči izauguše;
У Аннушки сестрицы
Сзади груди выросли;

Nazasmeij tu «Zoľeit»,
Kad tew' taidi na izaugtu.
Не смѣйся, Розалія,
Чтобъ у тебя не выросли такія же.

549.

Ik wokora taută dāls
Prosa bolta paladzeń;
Каждый вечеръ чужанинъ
Проситъ бѣлой простыни;

Kur tī tawi zirgu deḱi,
Kur gulēji pīguľâ?
Гдѣ твои лошадиныя покрывала,
На которыхъ ты спалъ въ ночное?

550.

«Kukeišam» sīwu wežu
Ar pīćem indžestīm;
«Кукейту» я жену везу
На пяти жеребцахъ;

Ka tī pīci nawežoji
Jeụžu tawu kumeľeńu.
Если тѣ пять не повезутъ,
Запрягу твоего коня.

547—550 зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

551.

Sasukow gludu golw'
Sâstūs brōľ wideńâ;
Вычесала гладко голову,
Чтобы сѣсть посреди братьевъ;

Soka tautys iz tautōm
Ēŕbe sēd wonogûs.
Говорятъ сваты между собою:
Куропатка сидитъ между коршунами.

Записано отъ крестьянки изъ дер. Казиши, Прельск. вол. Динаб. у.

t. *Пѣсни о вѣнкѣ.*

Примѣчаніе. Латышская пѣсенка о вѣнкѣ приведена была уже выше, на стр. 57-й, при объясненіи словъ ľeigōt, ľeigawa. Кромѣ того ниже въ отдѣлѣ романсовъ приведу болѣе длинную пѣсню о выкупѣ братомъ сестринаго вѣнка. Пѣсни эти часто пріурочены къ обрядовому покрыванію головы невѣсты (лат. mičōšana), но въ настоящее время такая связь большею частію утратилась.

552.

Wainuks muna zaraiňeiťe
Naľein tautu klēteńî:
Вѣнокъ мой вѣтвистый
Не входитъ въ клѣть суженаго;

Zoru lauza ïľeizdams,
J utora izľeizdams.
Вѣтка ломается при входѣ
И другая при выходѣ.

Зап. въ Корсовкѣ, Люц. у.

вАРІАНТЪ a) Записанный въ Быковѣ, Рѣж. у.

Zorōjs munu wainuceńš,
Naľēn tautu klēteńâ:

Laužu zoru ïeidama:
J utoru izeidama.

вАРІАНТЪ b) Записанный въ Звирзденѣ, Люц. у.

Waińuk, muna zaraińite
Naľein tautu klēteńî;

Lauzu zor ïľeizdama,
J ūtru izľeizdama.

553.

Baidzamo's rūtys sēju
Mōlūtâ kalńeńâ;
Сѣю послѣднія руты
На глиняной горѣ;

Baidzamōjâ wasareń(â)
Nosōj' rūtu wainuceń.
Послѣднюю весну
Ношу рутяной вѣнокъ.

554.

Laiwenīkam màita bēja,
Laiwâ gula dīndusen;
Jz smildzeńu laiwu saiju (sāju),
Nīdrâ kōru wainucen.

У лодочника была дѣвушка,
Среди дня она спитъ въ лодкѣ;
На песочкѣ привязала лодку,
Въ камышѣ повѣсила вѣнокъ.

553—554 зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

555.

Speidī muńis wainaceńš
Caur d'ew'eńi(n) stykla duru,
Meiľi muńis augumeńis
Treju kungu waľsteńī.

Блести мой вѣночекъ
Чрезъ девять стеклянныхъ дверей,
Пусть любуются моею красою
Во владѣніи трехъ господъ.

Зап. И. Плекшаномъ въ Яшмуйжѣ, отъ Я. Жюрилины изъ Аглонъ, Динаб. у.

556.

Ko° tei to°da ľaudoweńa,
Tik zeiľōta, sudabrōta?
To puisēša ľaudoweńa,
Kur naguľi dīndusen.

Что это за невѣстушка,
Украшенная золотомъ и бисеромъ?
Это невѣста парня,
Который не спитъ среди дня.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

557.

Mōľejińa tī meitińa
Apputejs wainacińš;
Draweńīks tis dēľenš,
Bīšu spornu capurīte.

Мельника это дочь,
Вѣнокъ запыленный;
Пчеловодъ этотъ малый,
Шапка его изъ пчелиныхъ крыльевъ.

Зап. въ Стернянск. вол., Рѣжицк. у.

558.

Krist kristīm zalta bōrda,
Ap mōseńēs wainucen;
Kur jei jāma, kas jei d'ew'e,
Mās brōľeńi napērkōm.

Золотой бордюръ ложится крестъ на крестъ
На вѣночекъ сестрицы;
Гдѣ она взяла, кто ей далъ (не извѣстно),
Мы братцы не купили.

559.

Pasawēŕu, pasasmeiju
Pats äs sowas ľaudoweńes;
Видѣлъ, осмѣивалъ я
Самъ свою невѣсту;

Jau nazídi tī zídeńi,
Kur zīdēja brōľeńûs.
Уже не цвѣтутъ тѣ цвѣточки,
Которые цвѣли у братьевъ.

560 *).

Stōweit wín pastōwej
Ar tautíti bazńeicâ;
Только постояла я
Въ церкви съ чужаниномъ;

Jau munam waińukam
Puse zídu nūbēruśi.
Уже у моего вѣнка
Половина цвѣтовъ упала.

558—560 зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол.

*) Въ Капинѣ вм. «tautíti» пѣли tauteńi; въ Преляхъ — munami, tautīte, puśa.

561.

Stōwēt wín postōwēju,
Ar tautīt(e) klētiṅâ:
Стоять только стояла
Съ суженымъ въ клѣти;

Nūjem munu wainuceń,
Soka mań guľējuš.
Снимаютъ мой вѣнокъ,
Говоря, что я спала.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

562.

Jz rūbeža gańeidama,
Mētru weju wainuceń;
На рубежѣ пася скотъ,
Свила я вѣнокъ изъ мяты;

Rūbežníka dēľińam
Sirdi wín ēdinowa.
У сына рубежника
Сердце защемило.

Зап. въ Пахолкахъ, Рѣжицк. у.

563.

Eij, waińuka wejejińa,
Kur tu sawu leuku lik?
Ой, дѣвица, вьющая вѣнки,
Куда ты дѣла дугу отъ вѣночка?

Tī pakōru ľipeńâ,
Lai wej cita mōtes meita.
Тамъ на дворѣ повѣсила,
Пусть вьетъ другая дѣвица.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.
Срв. Спрогисъ, l. c., стр. 164, № 27.

564.

Zeiľem šiuwu wainuceń, Treis wosoras toutu dāl
Burdeťām darinow; Osorām reudinaw.
Изъ бисера сшила я вѣнокъ, Три весны суженаго
Отдѣлала бордюромъ (каймою); Слезно заставляла я плакать.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол. Динаб. у.

Срв. Спрогисъ, l. c., стр. 161, № 11.

565.

Nasalūbe, nasalūbe, Tautis w'ērsu paturēja
Brōľeńam runojūt; Jz to muna wainuceń.
Не удалось, не удалось, Суженый одержалъ верхъ
Что братецъ говорилъ; Надъ моимъ вѣнкомъ.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

566.

Pupu zīdu man mateńi, Gudrōjai mameńai
Z'ērnu zīdu wainuceń; Mań audzēt orōjeń.
Мои волоса съ бобовыми цвѣтами, Разумной маменькѣ
Вѣнокъ изъ гороховыхъ; Выростить мнѣ пахаря (суженаго).

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

567.

Wisa trīc Reigis piľe: Tei mōseńai krūńi koľ,
Kū tī koľ, kū nakoľ? Kur deweńi brōľeľeńi.
Весь замокъ Рижскій гудитъ, Тамъ куютъ корону сестрицѣ,
Что тутъ куютъ, что не куютъ? У которой девять братьевъ.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

См. Спрогисъ, стр. 160, № 4; у Мантейфеля, стр. 180, № 49.

568.

Laksteigola krūńi pina Nī man mīga, nī man dorba
Munâ rūžu dōrzeńâ; Laksteigolū klauśētūs.
Соловей плететъ вѣнокъ Ни спится, не работается,
Въ моемъ розовомъ садикѣ; Когда слушаешь соловья.

Отъ Лозд. въ Колупск. вол., Динаб. у.

569.

Mańi tautas bōrti bōra,
Kam nūnosa wainuceńu:
Меня чужане ругають,
Зачѣмъ сносила я вѣнокъ:

Kad nawaida citū zīdu
Sawej bārza žagareń.
Если не хватитъ цвѣтовъ,
Свей изъ березовыхъ розокъ.

Зап. въ Капинск. вол., Динаб. у.

570.

Äs lozda rīkstu rōwu,
Lozda munu wainuceń;
Я сорвала орѣхъ на орѣшникѣ,
Въ орѣшникѣ мой вѣнокъ;

Ša, lazdeńi, towi rīksti,
Atdūd' munu wainuceń.
Вотъ, орѣшникъ, твои орѣхи,
Отдай мой вѣночекъ.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

571.

Waińūk, munu wainūdzeńe
Waira zalta, na sudobra;
Вѣнокъ, мой вѣночекъ,
Болѣе изъ золота, чѣмъ изъ серебра;

Tū man ṕērka pīce swaini,
Tū deweńi bōľeľeńi.
Его мнѣ купили пять сватовъ,
Его — девять братьевъ.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

572.

Naktei muna wīgla dīna
Zam waińuga guľejuśe;
Ночью мой легкій день
Подъ вѣнкомъ спалъ;

Nūjām munu wainudzeńi,
Nūjām munu wīglu dīnu.
Сняли мой вѣнокъ,
Отняли у меня легкій день.

Зап. въ Корсовкѣ, Люц. у.

вариантъ, зап. въ Быковѣ, Рѣж. у.

Naktē muna wīgla dīna
Zam waińuka guľejuśe;

Nūeij muna wainuceń,
Nūeij muna wīgla dīna.

573.

Šō ōreńa meita beja, eija!
Na šō puiša ľaudoweńa;
Wainuceńu wín pakōr,
Šō ōreńa maľeńâ.

Я дочь этой поляны,
Не невѣста этого парня;
Вѣнокъ только повѣсила
На край этой поляны.

Зап. въ им. Таунаги, Рѣж. у.

Послѣ каждаго стиха повторяется припѣвъ «eija».

Šus oreńu[1]) meita bēju
Na šu(š) puiku ľoudoweńa;
Wainudzeńu wín pakāru
Šus oreńu maľeńâ.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

574.

Nū brōľeńa pawaicowu,
Wai pīdar wainuceńš;
Nes, mōseń, ar gūdeń,
Zīdeit zīd galweńâ.

Брата я спросила,
Сдѣлалъ ли онъ вѣночекъ;
Носи, сестрица, съ честью,
Пусть цвѣты его цвѣтутъ на головѣ.

Зап. въ дер. Казиши, Динаб. у.

575.

Tautas munu wainuceń
Swíž(š) kolnâ, swíž ľeijâ;
Weriťes jeus bōľeńi,
Kur jī mani pošu ľik.

Чужане мой вѣнокъ
Бросаютъ въ гору, бросаютъ внизъ;
Смотрите вы братцы,
Куда они меня саму дѣнутъ.

Зап. въ им. Букмуйжѣ, Рѣж. у.

576.

Wainudzeńe sanosōju
Ní reizeites nawaľēju[2]);
Miceits muna gŕeuta dína,
Kas nedeľes jōweľej.

Вѣнокъ я сносила
Ни разу его не стирала;
Чепчикъ, мой тяжелый день,
Каждонедѣльно нужно стирать.

Зап. въ Корсовкѣ, Люц. у.

Срв. Арона, l. c., стр. 94.

---

[1]) Или ūreńu.
[2]) = namozgōju.

577.

Wainuceńu nūraudōju,
Kai i tāwa mōmuľeńes;
Вѣнокъ я оплакала,
Какъ и отца съ матерью;

Waińukâ wígle sād',
Lac meuženes dzeiwojūt.
Вѣнокъ легко сидитъ,
Спадетъ, когда вѣкъ проживу.

Зап. въ Быковѣ, Люц. у.

578.

Tōľi, tōľi as radzāju
Ezereńu ľeigojūť;
Далеко, далеко я видѣла
Колыхающееся озеро;

Kà bej man nūľeigōť
Tō azara maľeńâ.
Какъ мнѣ перебраться
На берегъ того озера.

579 *).

Nūsâweju wainuceńu
Pupu zídu, źērnu zídu.
Сплела я себѣ вѣночекъ
Изъ бобовыхъ цвѣтовъ, изъ гороховыхъ,

Pupu zídu rawēdama,
Z'ērnu zídu gańeidama.
Изъ бобовыхъ, когда я полола,
Изъ гороховыхъ, когда пасла скотъ.

578 и 579 зап. въ Капинск. вол., Динаб. у.

*) Срв. у Мантейфеля стр. 189, № 90 и выше № 566.

580.

Kas tur speidi, kas tur blídźi
Teirumeńa gaľeńâ?
Что тутъ блеститъ, что тутъ сверкаетъ
На концѣ пахатнаго поля?

Brōľím speidi stikla lūģi,
Mōsai skōrda wainuceń.
У брата блестятъ стеклянныя окна,
У сестры жестяной вѣнокъ.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

Срв. выше № 555.

581.

Waińuks, munu wainuceńu,
Sūli spolwas wíglumeń;
Вѣнокъ, мой вѣночекъ,
Обѣщалъ легкость перышка;

Kad apseja lin auteń,
Linu mōrku gŕeutumeń.
Когда обвяжутъ холщевой повязкою
Будетъ тяжелѣе, чѣмъ подъ льнянымъ мочиломъ.

582.

Wainučeńu nūraudōju, Wańaka dōrga nauda
Kōjis awu mōmuľeńes; Wīgľi sūli staigojūt.
Вѣнокъ оплакала, Дорогія деньги вѣнка
Ноги обула у матери; Обѣщаютъ легкую будущность.

От Анны Кусень изъ дер. Ликсны, Динаб. у.

Срв. № 109, стр. 226.

583.

Teci, teci, Dalgaweń, Man īkrita šū wosor
Sorkonōm puteńōm; Sorkons rūžu wainuceń.
Бѣги, бѣги, Двинушка, Въ это лѣто у меня упалъ
Красною пѣною; Краснорозовый вѣнокъ.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

По И. Плекшану поютъ 2-й и 3-й стихъ еще иначе:
«Sorkonōm burzgalōm,
Man īkryta poarājūt».

Срв. Спрогисъ, стр. 13, № 6.

584.

Aiz azara malni meži, Pōriceľit brōľeľeńi,
Skaisti zīdeńi zīdeja; Lai es weju wainuceńs.
За озеромъ черные лѣса, Перенесите меня, братцы,
Красиво цвѣли цвѣточки; Чтобы я тамъ сплела себѣ вѣнокъ.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

585.

Tautu meita mīra leudza Tod äs jai mīru lyk,
Nū to muna brōľeľeńa; Ka nūjem wainuceń.
Суженая мира проситъ, Тогда я ей покой дамъ,
У моего братца, Когда вѣнокъ сниму.

586.

Waińuk mun, rozuwěte, Nūkreit taut kľetińâ
Na nūkreit brōľeńûs; Zam dīwera kōjeńōm.
Вѣнокъ мой, витый изъ розъ, Упади въ клѣти суженаго,
Не упади у братьевъ; Подъ ноги деверя.

587.

Sokōs muns wainuceńš,
Šā nūkrist kaimeńûs;
Cāľ, dīwen, leľō wēj'
Nes waińuk tōľumâ.

Говорятъ, что мой вѣнокъ
Здѣсь у сосѣдей упадетъ;
Подымай (Боже) большой вѣтеръ,
Неси вѣнокъ въ даль.

585—587 зап. отъ М. В, въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

588.

Wīna poša man sīweńa,
Kô ze(i)ľeite zareńâ;
J tei poša nanosowa
Ar gūdeńu·wainuceń.

Одна только у меня женка,
Какъ синичка на вѣточкѣ;
И та самая не носила
Съ честью вѣнокъ.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

589.

Weiju waińuku iz waińuka,
Wisus grib iznosōt;
Jōj tauteńis pēc tauteńu
Wisōm gribu atsaceit.
Atsoka brōľeľeń:
Jau mōseń atsacēja,
Jau mōseń atsacēja,
Treis wōrdeńus raudōdama.

Вѣнокъ вила я себѣ за вѣнкомъ,
Всѣ я хотѣла износить;
Пріѣзжали женихи за женихами,
Всѣмъ хотѣла я отказать.
Отвѣтилъ мнѣ братецъ:
Уже сестрица ты отказала,
Уже сестрица ты отказала,
Три словечка съ плачемъ.

Зап. въ 1884 г. отъ Ядвиги Андреевой, дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

590.

Na karīte brōľeľeń
Uz jeudeńa šūpūľeit
Treuks wērweiťe, gredzeńeń,
Krīs mōseńa jeudeńī,
Apmērks munūs boltas kōjas,
Nūkrīs rožu wainuceńš.

Не повѣсьте братцы
Надъ водою колыбель.
Лопнетъ веревка, кольцо,
Упадетъ сестрица въ воду,
Смочитъ свои бѣлыя ноги,
Спадетъ розовый вѣнокъ.

Зап. въ дер. Мейрули, Капинск. вол., Динаб. у.

u. *Пѣсни повѣнечныя.*

591.

Sajōj man treju taut
Wínâ reitâ ceľejeńa;
Licīt brōľi munu waľ,
Äs wisīm atsaceju.

Съѣхались со мною три жениха
Въ одно утро на дорогѣ;
Дайте мнѣ, братья, волю,
Я всѣмъ откажу.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

592.

Pagaid laika, tu, puiseit,
Man mōseńa šeupuľî;
B́eusi tew ľaudoweń
Man mōseńa šeupuľî.

Дождись срока, ты, парень,
Моя сестрица еще въ колыбели;
Будетъ тебѣ невѣстою
Моя сестрица въ колыбели.

Отъ Ивы Прикуль, Прельск. вол., Динаб. у.

593.

Licīt mani diw ciseńes
Trešu bārza pagaľeiti;
Lai âs war šū naksińu
Bez mōmińes pōrguľeit.

Кладите мнѣ двѣ соломенки,
Въ третьихъ березовое полѣно;
Чтобъ я могла эту ночь
Безъ маменьки проспать.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

594.

Срв. подобный стишокъ, записанный отъ крестьянъ дер. Свальбы, Ясмуйжской вол. того же уѣзда:

Eij(i) guľāt, tautu dāls,
Jou(w) es wīt pataiśēj;
Diw salmeńes nūtrukloj'
Trešûs molk adatej(u).

Ложись спать, чужанинъ,
Уже я постель постлала;
Двѣ соломенки стряхнула,
Въ третьихъ полѣнце, какъ игла.

Буженіе молодыхъ производится въ Звирзденѣ, Люц. у., по словамъ мѣстной крестьянки, слѣдующимъ образомъ:

Skrípníks ít paprīška ar buteľ brandewińa i sok: «Lai díws dūd míru i sadareibu, lai dzeiwōs slowani i bogōti». Скрипачъ идетъ впередъ съ бутылкою водки и приговариваетъ: «Дай, Боже, мира и единогласія, чтобы жилось славно и богато».

595.

Nūldami bōľeľeńi
Mōsa(s) gultu zūgait;
Citu godu zūgušāt
Mōsas bārnam šeupoľeit.

Отправляясь, братцы, домой,
Украдите постель сестрицы;
На другой годъ украдете
Колыбель сестриннаго ребенка.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люцинск. у.

596.

Silta saule ōreńûs,
Kad ilgōk gańejuše;
Loba dzeiwa brōľeńûs,
Kad ilgōk dzeiwowuše.

Тепло солнце на полянѣ,
Когда долго пасешь;
Хороша жизнь у братьевъ,
Какъ подольше поживешь.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

597.

Par kū mońi mōťe kōwa
Aiz mateńu wolkōdama?
Mōtis worda naklauseju,
Maizes skreińu apłauzeju.

За что меня мать бьетъ,
За волоса таская?
Не слушала словъ матери,
Поломала шкафчикъ съ хлѣбомъ.

Зап. въ дер. Зюзи, Люц. у.

ВАРІАНТЪ:

Aiz kū man mōťe pēre
Pa ńōtram wolkōdama;
Äs nūlauž klaipam gol,
Kumeľeń barōdams.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

598.

Jšu, íšu tauteńôs
Podūmōš, atsagríš (=š вм. ž);
Namōcēju ušku cēpt,
Sešu mešu audakľeń.

Пойду, пойду за мужъ,
Подумавши возвращусь:
Не умѣла я стричь овцу,
Ни ткать въ шесть нитокъ.

Зап. въ дер. Зюзи, Люц. у.

599.

Sorkona muna mōseńa,
Ka sorkona brokľeńeiťe;
Jzblōneja tauteńôs
Ka zōľeite solnâ āsta.

Красна моя сестрица,
Какъ красная брусника;
Поблекла въ замужествѣ,
Какъ травка морозомъ побитая.

Зап. въ Пахолки, Рѣж. у.

Въ дер. Казиши, Прельск. вол., 1-я половина поется слѣдующими словами:

Kad ās aug brōľeńûs
Kai syrkona brūkľeńeiťe.

600.

Da wasali palīceit,
Muni bolti brōľeľeńi;
Na pareiti ās atīišu
Jeusu duru wirinōt.

Да оставайтесь здоровы,
Бѣлые мои братцы;
Не послѣ завтра я прійду
Ваши двери отворять.

601.

Mōťe weďe wedekľīń,
Wīglūs dīnūs gribādama;
Poša griba wedekľīńa
Nū mamińas wīglas dīnas.

Мать ведетъ (въ домъ) ведомую,
Желая легкихъ дней;
Сама ведомая хочетъ
Отъ маменьки легкихъ дней.

600 и 601 зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

602.

C'erceńš weda wedekľīńu
Blusa ľāca ponōksńûs;
Soka blusa palāgdama,
Beus man zečis da ceľīm.

Сверчокъ ведетъ ведомую,
Блоха прыгаетъ въ догоньщикахъ;
Говоритъ блоха, прыгая:
Будутъ мнѣ чулки на дорогѣ.

Отъ Анны Кусень изъ Ликсны, Динаб. у.

603.

Muńi bolti bōľeľeńi,
Proš ar mańim ľeidzâ braukť;
Muna mīľa jauka mōseń,
Laiks mun braukťi atpakaľ;
Tew, mōseń, tei paľikt
Par ādum, par dzārum;
Nuseut sowai mameńai
Ār meus jauku wolūdeń,
Widiškai mōseńai
Sowu zeilu wainuceń.

Братецъ мой бѣлый,
Прошу вмѣстѣ со мною ѣхать;
Милая, любезная моя сестра,
Пора мнѣ ѣхать домой;
Тебѣ, сестрица, здѣсь оставаться
За ѣду, за питье;
Посылай своей маменькѣ
Черезъ насъ милое словечко;
Средней сестрицѣ
Свой блестковый вѣнокъ.

604.

Brōľi mōsu pōrdawuše
Por kōpustu lizeiceń;
Jzāduše kōpusteńs,
Brauc uz sātu raudōdami.

Братья сестру продали
За ложку щей;
Съѣвши щи,
Ѣдутъ домой съ плачемъ.

605.

Kō äs bäju sarībuśe
Sowīm boltīm bōľeńīm;
Raudōjuše man pamet
Tautu golda gaľeńâ.

За что я сердита
На своихъ бѣлыхъ братьевъ;
Бросили меня плачущую
На концѣ стола у чужанина.

603—605 зап. въ Быковѣ, Рѣж. у.

606.

J̄t äs īšu tauteńôs
Dìwas zina, kai dzeiwōš;
Wisi muńi bōľeľeńi
Gauži raud pakaľe.

Выйдти я выйду замужъ,
Богъ знаетъ, какъ поживу;
Всѣ мои братцы
Жалобно плачутъ по мнѣ.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

607.

Wedīt toutas, kur wazdamas
Par azaru nawäďit:
Lai najeuk muns meužeńs,
Ku deuńeits ezereńš.

Уведите чужане, куда хотите,
Только не ведите черезъ озеро:
Чтобы моя жизнь не смѣшалась такъ,
Какъ илистое озеро.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

608.

Lozda lazdeńai pīlìca
Ľelajâ lozdōjâi;
Mōsa mōseńu nūweda
Borgajôs tauteńôs.

Орѣшина пригнулась къ орѣшинѣ
Въ большомъ орѣшникѣ;
Сестра сестрицу увезла
Въ горестное замужество.

609.

Brōl̕el̕eń, brōl̕el̕eń,
Mōsa tak kōjeńōm:
Kur brōl̕eńš śērmi zirgi,
Kur kaustētēs kamaneńs.

Братецъ, братецъ,
Сестрица идетъ пѣшкомъ;
Гдѣ, братецъ, сѣрые кони,
Гдѣ окованныя сани?

608—9 зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

610.

Pīci brōl̕i, wīna mōsa;
Kur dūsim tū mōseń?
Tī dūsim tū mōseńu,
Kur jeudeńâ dzērnawūs.

Пять братьевъ, одна сестрица;
Куда выдадимъ ту сестрицу?
Туда выдадимъ ту сестрицу,
Гдѣ мельница водяная.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

Въ Ландскоронѣ, Люц. у., поютъ:

Pīci brōl̕i, wīna mōsa;
Kur mes jū(j)atdūsim?
Tī mes jū atdūsim,
Kur jeudeńa dzērnowūs.

611.

Dzereiti muńi brōl̕eiši,
Citâs cita izdzerdams;
Kai dzīdōt cīma gail̕i
Tis tymâ klausēdamis.

Пойте мои братцы,
Другъ передъ другомъ щеголяя;
Какъ поютъ деревенскіе пѣтухи,
Другъ-друга подслушивая.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

612.

Ūši, ūši, kl̕awi, kl̕awi,
Wisa kūku pakrâsleiš;
Brōli, brōli, jeusu mōsa
Wisu l̕aužu wolūdôs.

Ясени, ясени, клены, клены,
Всѣ въ тѣни деревьевъ;
Братья, братья, ваша сестра
У всѣхъ людей на языкѣ.

Зап. въ Букмуйжѣ, Рѣж. у.

613.

Ūsi. ūsi, kur tu bej?
Citi kūki salopowa;
Brōl̕i, brōl̕i, kur bejōt?
Mōsa tautu rūceńâ.

Ясень, ясень, гдѣ ты былъ?
Всѣ деревья покрылись листьями;
Братцы, братцы, гдѣ вы были?
Сестра въ рукахъ чужанъ.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

614.

Situ kōjeńu pì kōjeń
Por pogolmu tacādam;
Ŗadzu sawu orōjeń
Śermu zirdzeń orūt.

J na tōľi äs nūgōju
Nū boltūs brōľeľeń;
Brōľi dzìdi acādami,
Äs atīmu ganídama.

Вью ногу объ ногу,
Черезъ дворъ перебѣгая;
Вижу своего пахаря
Пашущаго сѣрымъ конемъ.

Не далеко я ушла
Отъ бѣлыхъ братьевъ;
Братья поютъ боронуя,
Я пришла пася скотъ.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

615.

Jeṷdeń widû akmeńì
Ľeigōj putu gabaľeńš;

Tautu widû, brōľu widû
Sād mōseńa raudōdama.

Среди воды на камнѣ
Вертится кусокъ пѣны;

Среди чужанъ, среди братьевъ,
Сидитъ сестра плачучи.

Зап. въ Капинской вол., Динаб. у.

ВАРІАНТЪ, записанный въ Ландскоронѣ, Люц. у.

Wideń jeṷru iz akmińa
Grížas putu gabaľeńš

Wideń tautu pì bōľeń
Sād mōseń raudōdama.

616.

Weďet mańi, kur wazdams
Nawedīt par siľeńi:

Smilktis munūs kōjes ād,
Skujes bira waińukâ.

Ведите меня, куда хотите,
Не ведите черезъ боръ:

Песокъ ѣстъ мои ноги,
Иглы падаютъ на вѣнокъ.

Зап. въ дер. Зюзи, близь им. Рожанова, Люц. у.

617.

Kraukľis śāď ūzūlâ
Zalta kūkľes kūklādams.
Woj tu oklys naredźāji,
Kur nūweďā brōľa mōsu.

T'i nūweďā brōľa mōsu
Par slydū eźeŕeńu.
S'ermi źirgi, boľťi lūķi
Gaigalūti weďējeńi.

Воронъ сидитъ на дубу,
Играя на золотой арфѣ.
Гдѣ ты былъ, что не видалъ,
Куда увели братнину сестру.

Тамъ вели братнину сестру
По гладкому озеру.
Сивые кони, бѣлыя дуги
Молодцоватые увощики.

Зап. И. Плекшаномъ въ Яшмуйжѣ, Динаб. у.

618.

Skuďre ceľu nūtecej(a)
Man eijūt tauteńôs;
Dūd, Dìweń, tik teľēšu,
Cik skudreišu pūľeńî.

Муравей перебѣжалъ мнѣ дорогу,
Когда я отправилась на чужбину;
Дай, Боже, столько телятъ,
Сколько муравьевъ въ муравейникѣ.

Зап. отъ Анны Кусень изъ Ликсны, Динаб. у.
Срв. Спрогисъ, l. c., стр. 87, № 2.

619.

Mōťe, mōťe, muna mōťe,
Na tu muna meužа mōťe;
Tei bej muna meužа mōťe,
Kurs dēľeń auklējuśe.

Мать, мать моя мать,
Не ты вѣковая моя мать;
Та была вѣковой матерью,
Которая сына выростила.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

620.

Raudi mōseńa, naraudi
Wel tu wisu nazinājі;
Kab tu wisu zinājuś(e),
Na tai gauži raudātu.

Плачь, сестрица, не плачь,
Еще ты всего не знала;
Если-бы все знала,
Не такъ бы горько плакала.

Зап. въ Иснаудѣ, Люц. у.

621.

Waia muna mōmuľeńa,
Wai äs täwi namilōju;
Napaspēju kōju out,
Jou tu mańi powaľēja
Swešīm ľaudīm maldinōt.

Ой, маменька моя,
Развѣ я тебя не любила;
Не поспѣла я ноги обуть,
Уже ты позволяешь меня
Чужимъ людямъ заставлять молоть.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

v. *Пѣсни, относящіяся къ свадебнымъ обрядамъ и свадьбѣ вообще.*

622.

Mańi mameńa nalaida
Ar wadaklis moltiwê;
Jtecēju nalaižama,
Da dzîsmeiš padzîdōt.

Моя маменька не пустила
Съ невѣстою въ жерновую комнату;
Вбѣжала я недопущенная
Еще пѣсенки допѣвать.

623.

Äs sawam tāwuičam,
Šolkīm kraklis šeudenāwu;
Mōticei rogonai
Ceuke sar wilnōńeitеs.

Я своему свекру
Шолкомъ вышила рубашку;
Свекрови вѣдьмѣ —
Изъ свиной щетины покрывало.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

624.

Dagōjuśe sweša mōte
Rauga muna mo'lumeńe;
Eij, paraug sweša mōte
Suńa seuda mēsľīńi.

Чужая мать подошедши
Смотритъ, какъ я мелю;
Иди, смотри, чужая мать,
....

Зап. отъ Илжи въ Прели, Динаб. у.

625.

Kas tōs jeures kustenowe
Miglōtajâ reiteńâ?
Diw laiweńis mōršu gōja,
Treša muna brōľeľeńa,
Mōršu laiwys appuškōtis
Dzeipureńa gaľeńīm.
Muna brōľa saraksteita
Wanadzeńa nadzeńīm.

Кто привелъ море въ движеніе,
Въ туманное утро?
Двѣ лодочки золовкины идутъ,
Третья — моего братца;
Золовкины лодки украшены
Шерстяными ниточками.
Моего братца (лодка) расписана
Когтями коршуна.

Зап. въ 1884 г. въ Варковск. вол., Динаб. у.

626.

Ko klausīs brōľeľeń
Pī moltiwes durraweń;
Mōte dzīd ar meitōm,
Nawa tawys ľaudaweńis.

Что ты слушаешь, братецъ,
У дверей жерновой комнаты;
Мать поетъ съ дѣвушками,
Нѣтъ твоей милочки.

627.

Dāli wīn tew mameń,
Nawa meit maľējeńu;
Wadži wīn moltiwê,
Kur sakōra capureitys.

Сыновья одни у тебя маменька,
Нѣтъ дочерей молодьщицъ;
Одни деревянные гвозди въ жерновой,
На которыхъ вѣшаются шапочки.

626 и 627 зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

628.

Melcer beju, Melnej sauce
Maľni muni kumeľeni;
Maľni mańi suńi reij,
Skaistys maitys kairinowa.

Мельцеръ я былъ, чорной я звался,
Чорные мои кони;
Чорныя мои собаки лаютъ,
Дразнятъ дѣвицы-красавицы.

629.

Äs pasȳžu (sųižu) zalta nīdru
Zam màiteńu kōjeńōm:
Wīna gōja, tei pōrgōja;
Ūtra gōja pastōwēja;
Treša gōja mozōko*,
Tei pacēľa zalta nīdru.
Audz tu ľela, staigoj bolta
Beųs tu muna ľīgawińa.
Augš ľela, staigōš bolta
Nabeųš jeųsu ľīgaweńa.

Я бросилъ золотой камышъ
Дѣвушкамъ подъ ноги.
Одна пошла, та перешла.
Другая пошла, остановилась;
Третья пошла, самая малая,
Та подняла золотой камышъ.
Вырости большой, ходи бѣлой
Будешь моей милочкою.
Выросту я большой, буду ходить бѣлой,
Не буду я вашей невѣстою.

628—629 зап. въ дер. Клапоры, Варковской вол., Динаб. у.

630.

Dūd mameń, man gūteń,
Dūdi ľeidza wéršakeń;
Man pošai — tautu dāls,
Kas man beja gūteńai.

Даешь маменька мнѣ коровушку,
Дай вмѣстѣ и быка;
Мнѣ самой — суженый,
Что моей коровушкѣ?

Зап. отъ Ивы Прикуль, Прельск. вол., Динаб. у.

631.

Jū bej loba wadamo*
To wędīt sēteńâ;
Jū ka kaida greuža ceųka,
Gōzīt ceľa maľeńâ.

Если была хорошая ведомая
То ведите ее въ домъ;
Если какая нибудь плохая свинка,
То бросьте на краю дороги.

Зап. отъ Ядвиги Андрѣевны, изъ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

632.

Wīnâ wīt izaugōm
Ar brōľeńa ľaudowiń;
Dīneńōm nosowōm
Wīnu zīľu wainuceń.

Въ одномъ мѣстѣ мы выросли
Вмѣстѣ съ братниной невѣстою;
По днямъ носили
Одинъ бисерный вѣнокъ.

Зап., 26 іюля 1884 г., въ Прельск. вол., Динаб. у.

633.

Trēis kalńeńi nūzīdeja
Syrkono* dobuľeńa;
Trēis mōseńes nūgūdeja
Wīnu zeiľu wainuceń.

Три горы отцвѣли
Краснымъ клеверомъ;
Три сестры относили
Одинъ бисерный вѣнокъ.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

634.

Nazynōj tu mo*seń,
Kajdu dūmu eś dūma*wu.
Eś dūma*wu mīžus śāť,
Nūjemť tawu wainaďzeń.
Sēju mīžus, na-yzauga,
Apińējši nazīdēja —
Paľiks tawis wainadźeńš
Šū ruďeń nanūjamts.

Не знаешь ты, сестрица,
Какую думу я задумалъ.
Я задумалъ ячмень сѣять, (и)
Снять твой вѣнокъ.
Посѣялъ я ячмень, (онъ) не уродился,
Хмѣль не расцвѣлъ —
Останется твой вѣнокъ
Въ эту осень не снятъ.

Зап. И. Х. Плекшаномъ въ Вышковской вол., со словъ Спрингу Мōра, изъ дер. Тӯки.

635.

Mameńa, mameńa,
Kur towas meitas?
Onuže gonûs
Reiksteiťe rūkâ.
Madaľa pľawâ
Modores kora.
Mōreńa dorzâ
Puķeites dāsta.
Adita peuni
Jlūkes lūk.
Jweńa klētî
Peureńu ciľoj.
Borbola krūgâ
Biķeŕe rūkâ.

Маменька, маменька,
Гдѣ твои дочери?
Аннушка на пастбищѣ
Съ розгою въ рукахъ.
Магдалена на сѣнокосѣ
Дубровку вѣшаетъ.
Марьюшка въ саду
Цвѣты сажаетъ.
Адита въ амбарѣ
Сборки собираетъ.
Ева въ клѣти
Приданое подымаетъ.
Варвара въ корчмѣ
Съ кубкомъ въ рукѣ.

Зап. въ дер. Мейрули, Капинск. вол., Динаб. у.

636.

Oi galdeń, oi galdeń,
Radz kai skaiški pidaŕa:
Ap tewim weire säď,
Kai rēksni ūzuľeńi.

Ой столикъ, ой столикъ,
Вишь какъ красиво тебя украсили:
Вокругъ тебя сидятъ люди,
Какъ толстые дубы.

Зап. въ Креславкѣ, Динаб. у.

636ª.

Äc (=edz) kai labi, äc kai skaiški
Tew galdeń pidaŕä:
Ap tewim weiri sād,
Kai rāksni ūzuľeńi.

Зап. въ им. Рожановѣ, Люц. у.

636б.

Woi galdeń, woi galdeń,
Kai tew skaiški pidaŕa:
Ap tewim weire sād,
Kai rāksni ūzuľińi.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

637.

Kur, diwen, towes prides,
Calmi win sil(u)eńi;
Kur mameń towes meites,
Krāslä win ustubâ.

Гдѣ, Боже, твои сосны,
Одни пни въ бору;
Гдѣ, маменька, твои дочери,
Однѣ кресла въ хатѣ.

Зап. въ Звирзденѣ, Люц. у.

Kur prideiťe, towi wersi
Cal(u)mi win sileńâ;
Kur mameń towes meites,
Krāsla win ustobâ.

Зап. въ Корсовкѣ, Люц. у.

Kur prideiťe wērsi towi
Calmo wine sileńâ;
Kur mameń meitos towes
Krāsla win ustoba.

Зап. въ Ландскoранѣ, Люц. у.

Kur siľeń towes prides
Calmi win sileńâ;
Kur mameńa towes meites,
Krāsliń wina ustobâ.

Зап. въ Истальзенѣ, Люц. у.

Kur siľeńa towes pridys,
Calmi win siľeńâ;
Kur mameńa towes màites
Krāsľi win ustobâ.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

Въ Преляхъ, Динаб. у., поютъ: Kur sileńa t. p.; C. wi'ńi sil'eńâ; Kur mamińa tawas m., Krāsle win u.

638.

Dzídat meites pulceńê,
Nemit mani paľeigâ;
Sínet muna kumeleńa
Zaľa zeida powodâ;
Jau powoda posarōwa.
Kletî zelta ímoweńa:
Jau ímowes saraustejo,
Laiďet rūže(ŭ) darzeńâ:
Jau rūžītes izmeideja;
Weďēt auzu teirumâ!
Jau izrōwa wín auzīńu.
Laiďet príže siľeńâ.
Jauńe puiši, kumeľeń
Pí mítena nasińēt;
Laiďet príže siľeńâ,
Lai skan siľeńš doncojūt.

Пойте дѣвицы хоромъ,
Примите меня на помощь;
Привяжите моего коня
За поводья изъ зеленаго шелка;
Уже поводья разорваны.
Въ клѣти золотыя уздечки:
Уже уздечки разорваны.
Пустите въ розовый садикъ:
Уже розы вытоптаны;
Ведите въ овсяное поле!
Уже повырванъ весь овесъ
Пустите въ сосновый боръ:
Молодые парни, коня
Къ колу не привязывайте;
Пустите въ сосновый боръ,
Пусть шумитъ боръ отъ танцевъ.

Зап. въ дер. Пилискольнѣ, Болвск. вол., Люц. у.

639.

Mās bejam četri brōľi
Četres weďām wedekľēńis:
Brenčam Mōre, Jōnam Katra
Jakapam Madaľeń, Pītaram nadatika.
Tis par naudu atsaweda,
Tōľi weďā, dorģi dewe
Atsaweda natikľeit,
Jz meitām ka woratu,
Ai kaimińa kolpi westu.

Насъ было четыре брата,
Четырехъ мы взяли женъ:
У . . . . . Марья, у Ивана Катерина,
У Якова Магдалена, Петру не хватило.
Онъ за деньги привезъ,
Далеко взялъ, дорого платилъ;
Привезъ себѣ негодную,
Если бы не дѣвицы (хозяина),
Онъ бы женился на служанкѣ.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

640.

Pīci, seši laiweńeki,
Brauc por Daugow zinģōdami:
Wisīm sešīm jaunas laiwas,
Reigâ pērktas zeigalītes.
Wisi seši saruna,
Kur laiwińas priwalka.
Widû jeuru pī gaľeńas,
Zam zaľeitis ūzuľiń.

Пять, шесть лодочниковъ,
Ѣдутъ по Двинѣ съ пѣснями:
У всѣхъ шестерыхъ новыя лодки,
Въ Ригѣ купленые паруса.
Всѣ шестеро сговорились,
Гдѣ сдѣлать привалъ.
Среди моря у конца,
Подъ зеленымъ дубомъ.

Зап. въ дер. Пилискольнѣ, Болвск. вол., Люц. у.

641.

Padzīdīm da wīnâi wīteńâ
Diwēs zina, citu god',
Kur ūtora ľeigawōm;
Cita tautu rūceńâ,
Cita smilkšu.kalneńâ.
Kura tautu rūceńâ,
Koč por godu īraudzeišu;
Kura smilkšu kalneńâ,
Tōs meužam narädzēju.

Попоемъ еще всѣ вмѣстѣ,
Богъ знаетъ, на слѣдующій годъ,
Гдѣ иной придется быть;
Одна въ рукахъ суженаго,
Другая въ песчаной горѣ.
Которая у чужанина въ рукахъ,
Ту, хоть чрезъ годъ да увижу;
Которая въ песчаной горѣ,
Той вовѣки не увижу.

Зап. въ Пахолки, Рѣж. у.

641[a].

Padzīžam mes mōseńes
Da wīnâi wīteńî;
Dīws zina citu godu,
Kur kotora ľeigōsīm.
Cita tautu rūceńî,
Cita smilkšu kalneńî;
Kura tautu rūceńî,
Tū por godu īraudźasim;
Kura smilkšu kalneńî,
Tōs meužam narädzēsim.

Зап. въ Корсовкѣ, Люц. у.

641[b].

Padzīdōsim mäs mōseńes
Koľeidz wises wīnâ wītâ;
Dīws jo zina cit rudeńi,
Kura kuri mäs ľeigawōm.
Cita tautu rūceńôs,
Cita smilkšu kalneńôs;
Kura tautu rūceńôs,
Tū por godu īraudzäju;
Kura smilkšu kalneńôs,
Jau tōs meužam narädzēju.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб. у.

641[c].

Padzīžam mes mōseńes,
Da wīnai wīteńei;
Dīwam zina citâ godâ
Kur kotora dzīdōsim.
Cita smilkšu kalneńî
Cita tautu rūceńî.

Зап. отъ Анны Кусень изъ Ликсны, Динаб. у.

642.

Kasīt sīnu, kam wajagu
Man sīneńa nawajag;
Äs nuīšu tauteńôs;
Ai wiśem tāľiťēm.

Гребите сѣно, кому нужно,
Мнѣ сѣна не нужно;
Я выйду замужъ
Со всѣми телятами.

642[a].

Pľaunīt sīnu, kasīt sīnu —
Man sīneńa nawajag;
Äs nūīšu tauteńôs
Ar wiśem teľeišīm.

Зап. въ Иснаудѣ, Люц. у.

642[b].

Lai kaš sīnu kam wajaga,
Man sīńeńa nawajag;
Eś aizīšu tauťeńôs
Ar wysōm ťeľejtēm.

Пусть гребутъ сѣно, кому надобно,
Мнѣ сѣна не надобно;
Я выйду замужъ на чужбину
Со всѣми своими коровушками.

643.

Mauroja 'munis teľeitis,
Rauž es poša gańeidam(a);
Teľeitami pūri zōľa
Man swešo mōmuľeń.

Мычитъ мой телёнокъ,
Плачу я сама пася;
У теленка болотная трава,
У меня чужая мать.

642 и 643 зап. въ Букмуйжѣ, Рѣж. у.

ВАРІАНТЪ КЪ 642—643, зап. въ Ландскоранѣ, Люц. у.:

Kašu sīnu, pľaunu sīnu,
Kam sīna waijaga?
Äs na kaš, äs na pľauš
Man sīneńa nawaiag.
Äs nuīšu tauteńôs
Ar wisīm teľeišīm.
Teľeišīm pūra zōľi,
Man swešas mōmuľeńas.

644.

Žāl (gŕeut) man bēj atsaškert́
Nū boltūs brōľeľeń;
Жаль было мнѣ разстаться
Съ бѣлыми братьями;

Stikla lūgi, wara wōrti
Poši tak nawārami.
Стеклянныя окна, мѣдныя ворота
Сами собою открываются.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

Въ имѣніи Рожановѣ, латышки изъ дер. Зюзи пѣли слѣд. первую половину:

Nazagrib atsastōt
Nū bogōta bōľeľeńi.

645.

Dzaruśe beju krituśe,
Nū ta° taut́ kumeľeń;
Выпивши я упала,
Съ лошади чужанина;

Lobōk man zęme nes,
Na kai taut kumeľenš.
Лучше несетъ меня земля,
Нежели конь чужанина.

Зап. въ 1884 г., въ Прельск. вол., Динаб. у.

646.

Kritu, kritu nu kumeľa,
Da zemei nadakrit;
Падая съ коня,
До земли не долетѣла;

Man sagiwa diw swainīši
Diw bolti brōľeľeń.
Меня подхватили пять сватовъ,
Два бѣлыхъ брата.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

647.

Laime, laime tai mōt́ei,
Kur meiteńes skaistys auga;
Счастье, счастье той матери,
У которой красивыя дочери ростутъ,

Ni pūreńa daudz wajag,
Ni sēd ilg(i) brōľeńûs.
Не нужно много приданаго,
Не засидятся долго у братьевъ.

Зап. отъ М. Вяксихи, въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у

648.

Na wīnam äs pateiču
Jaunu° meitu dzeiwošan;
Никому я не разскажу,
Жизнь молодыхъ дѣвушекъ;

Smolku, sīku wītu taisa,
Rožu klōja paladzeń.
Тонкую, маленькую постель кладутъ,
Простыню изъ розъ разстилаютъ.

Зап. въ Колупѣ, Динаб. у.

649.

Pent, wējiń, ka mežâ
Manâ cauńu capuŕê;
Stōw pi mońim tautu meita
Kō pī zoľa ūzuľińa.

Вѣй, вѣтерокъ, какъ въ лѣсу,
Въ моей куньей шапкѣ;
Стой при мнѣ суженая,
Какъ у зеленаго дуба.

Зап. въ Букмуйжѣ, Рѣж. у.

650.

Bŕist mań dubľu oj nabrist?
Jaunas kurṕes kōjeńô;
Dūt mań rūku oj nadūt?
Nazynoms tautu dāls.

Пойти мнѣ черезъ грязь или не пойти?
Новые башмаки на ногахъ;
Дать руку или не дать?
Невѣдомый чужанинъ-женихъ.

651.

Dūď rūku tautīšam,
Dūď ƙeirū, na lobū;
K'eirōs rūkas dawumeńš
Tū par pylnu natuŕēja.

Дай руку чужанину,
Дай лѣвую, не правую;
Подача лѣвой руки
Не считается полною (дѣйствительною, т. е. обязующею [говорится про «заручепіе»]).

652.

Mameń mańi balynōja
Kai boltū lynu saiwu,
Tautas mańi malnu taisa,
Kai malnū kōj-auťeńu.

Маменька меня обѣливала (бѣлую),
Какъ бѣлую горсточку льна;
Чужане меня очернили (черную),
Какъ грязныя онучи.

653.

Kas puiśeiši, kas puiśeiši?
Spaľi wīn, spaľi wīn;
Meiťeńôs, mōseńôs
Škīdras wīn laisťejōs.

Что парни, что парни?
Очески одни, очески одни;
Дѣвушки-сестрички
Блестятъ, какъ чистый ленъ.

654.

Tās dālam zyrgu pyrka,
Na paľďis nasaceja;
Kai atweďā ľaudaw'eńu,
To paľďīs aiz paľďīs.

Отецъ купилъ сыну лошадь,
Сынъ и «благодарю» не сказалъ;
Какъ отецъ привезъ невѣсту,
То посыпались одно «благодарю» за другимъ.

655.

Synapeita syura sākla,
Tū šāšim ćeľmaľī;
Горчица — горькое сѣмячко,
Посѣемъ ее у самой дороги;

Nykna, borga myus' mōšeńa,
Tōľi dūšim tauťeńôs.
Злая, суровая наша сестрица,
Выдадимъ ее далеко замужъ.
Срв. № 176 на стр. 242.

656.

Wīta, wīta, maiźā, maiźā,
Kur mameńa mań aizďewā;
Хлѣбородная земля,
Куда маменька меня выдала замужъ;

Jk dīńeńas ťeirumâ
Pa ďeweńi orōjeńi.
Каждый день работаютъ въ полѣ
По девяти пахарей.

657.

Kam ťī taiďi rudzu lauki
Kai yuďeńi ľeigōjōs?
Чьи эти поля ржаныя,
Какъ вода волнуются?

Tur eś dūtu saw' mōšeńu,
Kab byuť ľela yzauguśe.
Туда бы я выдалъ свою сестрицу,
Еслибъ она была взрослою.

658.

Cytu rejtu, mōmuľeńa,
Sorgō sawas maľējeńas;
На будущее утро, маменька,
Береги своихъ молольщицъ;

Si°rmi zyrģi auzas ēďā
Maltyw'eńas gaľeńô.
Сивые кони овесъ ѣли,
Стоя позади жерновой комнаты.

659.

Garam gōju ľelu cīmu,
Augši ćāľu waińućeńu;
Проходя мимо большого села,
Я высоко подняла вѣнокъ;

Dālu mōťe īraudźeja,
T'ej paćāľā wolūďeńas.
Увидала мать парней,
Та подняла толки.

660.

Dālu mōťe, ḿeitu mōťe,
Obas ľelas ľiľejōs;
Мать парней и мать дѣвушекъ,
Обѣ хвастались другъ передъ дружкою;

Wys dālu mameńai
M'eitu mōťes jōsalyudz.
Всетаки мать парней
Должна просить мать дѣвушекъ.

661.

M'eitu mōťi cīlaw'eńu
Znūťi, drauģi wyzynawa;
Мать дѣвушекъ, трясогузочку,
Зятья и друзья возятъ;

Dālu mōťe, wylku mōťe
Kōjōm tak baźńeicô.
Мать парней, мать волковъ,
Пѣшкомъ должна бѣжать въ церковь.

662.

Treis godus gonûs gōju,
Wylka kudlas laśejdama;
Три года я была пастушкою,
Собирала волчьи мохны;

Eś apśedžu dāla mōťi
Wylka kudlu wylnōńejťi.
Я покрыла мать парней
Покрываломъ изъ волчьихъ мохонъ.

663.

Smolķi w'ērpu mozumeńu,
Daudzumeńa gribādama;
Я тонко пряла немножечко,
Желая получить много;

Kab warēju śwešus ľaužus,
Kaj ar myglu apmyglūť.
Чтобы чужихъ людей
Отуманить, какъ туманомъ.

664.

Syuwu kraklus gańejdama,
Pī stymbana ḿāŕejdama;
Во время пастьбы я шила рубахи,
Примѣривая ихъ на колодѣ пня;

J̄raudźeju tautu dālu,
Kaj stymbans wozawōs.
Увидала я чужанина,
Какъ пень шляющагося.

665.

Puiši rauga ḿeitu gūda,
Sawa gūda naraudźeja;
Парни смотрятъ на честь дѣвушекъ,
На свою честь не смотрятъ;

Kab radzātum sawu gūdu,
Stōwu lāktu yuďeńī.
Еслибъ увидали свою честь,
Кувыркомъ прыгнули бы въ воду.

666.

Šķir mameńa mań gūťeńu,
Šķir ar boltu muguŕeńu;
Отдѣли мнѣ, маменька, коровушку,
Отдѣли съ бѣлымъ хребтомъ;

Tautōm malnas, tautōm raibas,
Mań ar boltu muguŕeńu.
У чужанъ черныя, у чужанъ пестрыя
У меня будетъ съ бѣлымъ хребтомъ.

667.

Taiśi muižu, brōľeľeń',
Eś dźeiwōť paľeidźēšu;

Выстрой, братецъ, мызу,
Я помогу тебѣ жить;

Jau mōśeńa tawa muiža
Śeń gotawa tauťeńôs.

Уже, сестрица, твоя мыза
Давно готова на чужбинѣ.

668.

Tu tauťīts, eś tauťīts,
T'e̯u mōśeńa, mań mōśeńa;

Ты чужанинъ, я чужанинъ,
У тебя сестрица, у меня сестрица;

Saḿejam mōśeńōm,
Byuś obīm ľaudaweńas.

Перемѣнимся сестрицами,
Будутъ у обоихъ невѣсты.

669.

Nabādoj tautu dāls,
Ka mań mozs augumeńš;

Не горюй чужанинъ,
Что у меня малый ростъ;

Auš' kurpeiťes, ľikš' čepčuku,
Byušu tawa auguḿeńa.

Одѣну башмаки, надѣну чепчикъ,
Буду съ тебя ростомъ.

670.

Kū, tauťīt', ḿāś darejśim
Ob̆i jauńi sagōjuš'?

Что мы, чужанинъ, будемъ дѣлать,
Оба молодые соединившись?

Tu naprūťi orklu sīť,
Eś trińeišu audakľeń.

Ты не умѣешъ соху оправить,
А я ткать тонкія ткани.

671.

Seika, moza myus mōśeńa,
Kai jazara raudyweiťā;

Мала, крошечна наша сестрица,
Какъ уточка озерная;

Taidu auďā audakľeńu,
Kai jazara laduťeńu.

Такія ткани ткала,
Какъ ледъ на озерѣ.

672.

Eś pazyny nū tōľuma
Slynku, laisku tāwa dālu:

Я узналъ издали
Лѣниваго отцовскаго сынка:

Pa źeḿejťi kōjas wylka,
Yz ocu capuŕejťā.

По землѣ ноги волочитъ,
Шапка на глаза надвинута.

673.

Cac ōbeľu bi°rźi jōju,
Yz kumeľa zīďi bi°ra;
Я ѣхалъ черезъ яблонную рощу,
На коня сыпались цвѣты;

Cac tautu cauri gōju,
Tautu bi°ra osoŕeńas.
Я шелъ черезъ (толпу) чужанъ,
Градомъ лились слезы чужанъ.

674.

Wysas ḿeitas aiľô śāď,
Kur mameń' eś śēdēšu?
Śāst ḿeiťeń' aiľeńô,
Всѣ дѣвушки сидятъ въ одинъ рядъ,
Гдѣ, маменька, мнѣ сѣсть?
Сядь, доченька, въ рядъ,

Pošâ aiľas gaľeńô;
Nōks laimeńa, jemś nū gola,
Na nū wyds laśejdama.
Въ самый конецъ ряда;
Придетъ «лаймушка», возьметъ сначала (по порядку),
А не выбирая изъ средины.

Срв. № 258 на стр. 260.

675.

Ruďenś nōćā, ruďenś nōćā,
Jau dzaltainas bārzu lopas;
Jau palyku pār ruďeń,
Wēľ palykšu šū ruďeń.

Пришла осень, пришла осень,
Пожелтѣли уже березовые листья;
Ужъ я осталась (въ дѣвушкахъ) прошлую осень,
Останусь и въ эту.

675*.

J ľelō kľawu lopa,
Kreit źāmî grīzdamōs;
J bogōta mōťes ḿeita
J̄t tautôs raudodama.

И большіе кленовые листья
Вертясь падаютъ наземь;
И богатая материнская дочь
Съ плачемъ идетъ на чужбину.

Срв. № 526 на стр. 321.

676.

Dīweń' dūď ľeitam ľeiť,
Mań aizejūt tauťeńôs;
Дай Богъ дождю пойти,
Когда я выйду на чужбину;

Lai nūľeja ľauna ďīna
Muna ceľa gaľeńô.
Пусть прольется злой день
На краю моей дороги.

677.

Kur ḿeiťeńa agŕi beji,	Tautu dālu palaiďeju.
Ar raśeńu waińućeńš?	Da wińam kaľńeńam.
Гдѣ ты, доченька, такъ рано была,	Я провожала жениха-чужанина
Роса на твоемъ вѣночкѣ?	До той горки.

678.

Reigâ pyrku waińućeńu,	Tu jau wińa nawolkōśi,
Treis tauťīši raudźejōs:	Tykai ṕēč žāl paľiks,
Pi°rć mōśeńa, oj napi°rć,	Ka nauďeńu paťērej.
Въ Ригѣ я покупала вѣнокъ,	Все же ты (вѣнка) носить не будешь,
Три чужанина смотрѣли:	Только потомъ жаль будетъ,
Покупай, сестринька, или не покупай,	Что деньги истратила.

679.

Eś brōľeńu ḿeiľi lyudžu:	Eś tautōm atsaceju
Śāj zam lūga kańeṕeiťās;	Kańeṕeiťis stōwādama;
Tautas nōćā ustubâ,	Wolūďeńu gon dzirďēja,
Eś pa lūgu kańepîs.	Augumeńa neŕedzēja.
Я братца умильно просила:	Я чужанамъ откажу,
Посѣй подъ моимъ окномъ коноплю;	Стоя въ коноплѣ;
Придутъ чужане въ избу,	Услышатъ они мой голосъ,
Я черезъ окно въ коноплю.	А самое не увидятъ.

680.

Eś pazynu tū puišķeńu,	Na dzīdawa, ńi runawa,
Kurs precēsīs šū rudeń;	Dūmōdams wīn staigawa.
Я узнаю того парня,	Не поетъ, не говоритъ,
Который женится въ эту осень:	Задумавшись ходитъ.

681.

Ľeika, ľeika weira mōťe,	Gon jej taišńa izastīps
Kai ťej ľeika kańeṕeiťā;	Ar wadaklu bōrdamōs.
Сгорбленная, сгорбленная свекровь,	Ужъ она выпрямится прямехонькою,
Какъ кривая конопля;	Когда будетъ ссориться съ невѣсткою.

682.

Klusa beja ustubeńa,
Kod mameńa wīna beja;
Тихо было въ избѣ,
Пока маменька была одна;

Kod atwed'ä w'ed'ekl'eńu,
Kai wisťeńas kladzynoj.
Какъ привезли невѣстушку,
Словно курицы закудахтали.

683.

Eś mameńu ḿeiľi lyudžu:
Kurej syltu ustubeńu;
Я маменьку умильно просилъ:
Вытопи избу потеплѣе;

Eś atw'ezšu ľaudaw'eńu,
Sudabŕeńâ nūsolušu.
Я привезу невѣстушку,
Замерзшую, въ серебрѣ.

684.

Sok taisńejbu tautu dāls:
Woj ťeu mōťe oj pamōťe?
Скажи правду чужанинъ:
Мать у тебя или мачиха?

Kod byuś mōťe sagšu śegšu,
Kod pamōťe wylnōńejťi.
Если мать, то я покрою «сагшу» (покрывало),
Если мачиха, то «вилнони» (платокъ).

685.

Eś nalauzšu tō kūćeńa,
Kurs ćeľa maľeńô;
Я не стану ломать деревцо,
Которое ростетъ у самой дороги;

Eś najimšu tōs ḿeiťeńas,
Kuru poša mōťe sūla.
Я не возьму за себя той дѣвушки,
Которую мать сама предлагаетъ.

686.

Oj díweńu, kū daŕejšu,
Grib brōľeńis mańi jemť;
Swīžu sawu waińućeńu
Ахъ, Боже, что мнѣ дѣлать,
Братецъ хочетъ на мнѣ жениться;
Брошу свой вѣночекъ

Smolkâ lozdu kryumeńâ,
Laižūs pošâ jazarî,
Raudywejšu puľćeńô.
Въ орѣховый кустъ,
Сама брошусь въ озеро,
Въ стадо уточекъ.

Срв. № 62, стр. 191 и № 414, стр. 295.

687.

Eś yzd'ewu sau mōśću
Par d'ew'eńu nūwad'eńu;
Я выдалъ свою сестрицьку
За девять волостей;

D'ew'ejtô gad'eńô
Brauču mōsas apraudzeiť.
Въ девятый годъ
Поѣхалъ навѣстить сестру.

688.

Eš mameńu ḿeiľi lyudžu,
Nadūď manis atraišam;
Atraišam smoga rūka,
Diu̧ laulōťi gredzeńeń'.

Я маменьку умильно просила,
Не выдавай меня за вдовца;
У вдовца тяжелая рука,
Два обручальныхъ кольца.

См. № 320, стр. 274.

689.

Dźeiwō gudŕi myus mōśeńa,
Tauťeńôs yzgōjuśe;
Laj slaw'eńa loba śłyu
Mozōkōm mōśeńōm.

Держи себя умно, сестрица,
Вышедши замужъ на чужбину;
Пусть прослыветъ добрая слава
Для младшихъ сестрицъ.

Срв. № 199 на стр. 247.

690.

Moza, moza ḿeiťeńejťä
Pīwiľ puiśi orōjeńu;
Parōdeja raibus cymdus
Par u̓peiťi ganejdama.

Маленькая, маленькая дѣвушка
Обманула парня-пахаря;
Показала пестрыя рукавицы,
За рѣкою пася.

650—690 зап. И. Х. Плекшаномъ отъ Мōре Шведъ, изъ дер. Мозули, Вышковск. вол., Динаб. у.

691.

Waca mōte čeberkōje,
Kū mäs diwi runajom?
Tew meiteńes saauguše,
Dūd man wínu maľejeń.

Старушка матушка шмыгалка,
Что мы двѣ говорили?
У тебя дѣвицы выросли,
Дай мнѣ одну молольщицу.

Зап. отъ М. В. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб у.

692.

Bre̮ukgon mun, bre̮ukgoneń,
Salopeit kažucen!
Tec, bōdel, sila molâ,
Lai ľauteńi naredz.

Женишокъ ты мой, женихъ,
Заплатанный кожухъ!
Убѣги, бѣдняга, на край бора,
Чтобы люди тебя не видали.

Зап. отъ Ивы Прикуль тамъ же.

693.

Jtalis lobys tauľau,
Na brōľeńa ľaudoweńis;
Хорошихъ золовокъ я достала,
Не братнины жены;

Jtaľeńa cik dīneńes
Wīšńa brōľa laudoweńa.
Золовка сколько дней
Гостьею у братниной жены.

694.

Ei wacoj ītaleń,
Sau kur guń nameńâ;
Иди старая золовка
У себя огонь разводи въ кухнѣ (въ сѣняхъ);

Jau tu beji redzejuśe,
Kai kur dāl mōmuľeń.
Ты уже видѣла,
Какъ топитъ теща.

695.

Diw ītalis ustobâ,
Diw skaľeńš dadzinowa;
Двѣ золовки въ хатѣ
Двѣ лучины жгутъ;

Wīna sēd goru rèit,
Ūtra garu wakareń.
Одна сидитъ долго утромъ,
Другая — долго вечеромъ.

693—695 зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

696.

Mōte, mōte, meklej gona
Jau ās wairōk naganej;
Матушка, матушка, ищи пастушку,
Больше я уже не пасу;

Jk dīneńes tautys jōja
Ap tu munu gańeibeń.
Каждый день чужане ѣздятъ
Вокругъ моего пастбища.

697.

Jz rubeža gańeidama
Kreisu kōju pakrateju;
Когда я на границѣ пасла,
Я лѣвой ногою потрясла;

Kawes, weirs, šu rudeń
J lobu pakrateiš.
Берегись, муженекъ, въ эту осень
Я хорошаго стрясу.

696—697 зап. отъ Ядвиги Андрѣевой, изъ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

698.

Jaunokō mun mōseń,
Stow̓ muna pakaľâ:
Младшая моя сестрица,
Стой позади меня:

Jo grib tautys tewi jimt,
Lai īt mańe zadynōt.
Если чужане захотятъ тебя взять,
Пусть придутъ со мною поговорить.

699.

Diw pučeitis azarâ, Diw meiteńes mameńai,
Maunu wīnu, maunu ūtru; Wīna meil, ūtra meil.

Два цвѣтка въ озерѣ; Двѣ дочери у матери,
Срываю одинъ, срываю другой; Одна мила и другая мила.

698—699 зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол. Динаб. у.

700.

Kas tū mun brōľeľeń Tautu meita kairinowa,
Kľawojâ kairinowa? Kľawa lopys laśeidama.

Кто моего братца Суженая дразнила,
Дразнилъ въ кленовникѣ? Собирая кленовыя листья.

Зап. отъ Ивы Прикуль, въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

701.

Pazeid beja kunga reja, Pazeid beja brōľu mōs,
Pilna wadžu spriguľeń; Pilni ṕersti gredzeńeńu.

Можно было узнать господскую ригу, Можно было узнать братнину сестру,
Полонъ оцѣпъ клиньевъ; Полны руки перстней.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

702.

Šeupoj šeupūľeit, Sen gaideja tauta meita
Audzej ľelu brōľeľeń; Sasaguśe sedzeneńš.

Качай колыбель, Давно ждетъ суженая,
Вырости братца; Покрывало соткавши.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

703.

Sauľeite, menesnińš Kai bej man ar tautīt
Nasatak wīnâ wītâ; Sätecēt bazńeicâ.

Солнце и мѣсяцъ Какъ же мнѣ было съ чужаниномъ
Не сходятся въ одномъ мѣстѣ; Въ церкви сойтись.

704.

Tec kōjam ľaudoweń,
Kà raudow sudobreń;
Äs pōrdew kumeľeń,
Tew atperk sudobra.

Иди пѣшкомъ, милочка,
Когда плачешь о серебрѣ;
Я продалъ коня,
Тебѣ куплю серебро.

705.

Klauśes, muna ľaudoweńa,
Kur äs braukšu pīguľâ;
Tī äs braukšu pīguľê,
Kur skaneja wara trubis,
Kur zwīdz śerma kumeľeń.

Слышишь, моя милочка,
Куда я пойду въ ночное;
Туда я пойду въ ночное,
Гдѣ звучатъ мѣдныя трубы,
Гдѣ ржутъ сѣрые кони.

703—705 зап. отъ М., въ Звирзденск. вол., Люц. у.

w. *Символическія пѣсни (о свадебномъ мостѣ, столѣ, кольцѣ и т. под.).*

Ниже мы помѣщаемъ только такія символическія четверостишія, которыя относятся къ сватовству и къ свадьбѣ. Особенное вниманіе между ними обращаютъ на себя пѣсни о мостахъ и кладочкахъ. А. А. Потебня въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «Объясненія малорусских и сродных народных пѣсен» разсматриваетъ «мосты» въ главѣ о веснянкахъ, въ 4-й статьѣ, стр. 127—152. Переходъ по мосту означаетъ «переходъ къ браку отъ той весны жизни», выходъ замужъ или отъѣздъ на чужбину. Если при этомъ случаѣ чудесный мостъ гнется, то въ этомъ большая слава. Мосты сдѣланы изъ мѣди (см. ниже) или изъ олова, напримѣръ въ слѣдующей пѣсенкѣ изъ Дондангена, Курл. губ., сообщенной мнѣ проф. А. Бецценбергеромъ въ августѣ мѣсяцѣ 1883 года:

Ne līgoja alwa tilts,
Man weneńem pareijōt:
Nulle nāca mans pūrińš
Ar dewińem bālenińem.

Не гнулся оловянный мостъ,
Когда я одна переходила:
Только что пришло приданое
Съ девятью братьями.

Въ отцовскомъ домѣ жить лучше, чѣмъ у чужанина. Отцовское болото и грязь лучше, чѣмъ жениховы кладки и мосты. Въ

пѣснѣ, записанной въ Циравѣ и Оберъ-Бартавѣ, въ Курляндіи (Сб. Лат.-Лит. Общ., № 3283 и 3292), дѣвица была *бѣлою*, хотя она по грязи ходила у отца (№ 3283) или у братьевъ (№ 3293), но *черной* стала, когда ей пришлось ходить по кладочкамъ чужанина (l. c. № 3292):

Balta augu brālīšôs,
Ceľu mērâ dubľus bridu;
Mella tapu tautiņâs
Pa laipām staigādama!

Кладочка ведетъ прямо въ клѣть жениха; напр. въ пѣснѣ № 3450 (Сб. Лат.-Лит. Общ., стр. 274), записанной въ «Гросъ-Эзернъ»:

Узналъ, узналъ
Слѣды сестрицы,
Гдѣ она слѣзла
Съ коня;
По кладочкѣ бѣжала
Въ клѣть жениха;
Малые, малые слѣды,
Башмачки на ногахъ.

(Pa laipiņ tecēj'
Tautīša klētei)

Въ другихъ пѣсняхъ, мостъ или кладка качается оттого, что онъ мощенъ не роднымъ братомъ невѣсты, а чужаниномъ-суженымъ:

Līgōtees līgōjās
Šwešu ľaužu laipa mesta;
Metīs mani bāleliņ',
Es pāreešu dzeedādam'.

Качается кладочка
Положенная чужими людьми;
Если положитъ мой братецъ,
Я перейду, распѣвая пѣсни.

Сборн. Лат.-Лит. Общ., № 3690 (и 3600).

Кладочки класть, означаетъ любовь; но любовь чужого суженаго не замѣнитъ любви родительской; оттого въ пѣсенкѣ, записанной въ Лютрингенѣ (№ 3457 Сб. Лат.-Лит. Общ.), въ Кремонѣ, Лифл. губ. (№ 3516) и въ Оберъ-Бартавѣ, въ Курляндіи (l. c. № 3293), кладочки (laipas) называются ослезившимися, слезами облитыми:

Tauteets man laipas lika,
Laipu laipas galiņâ;
Labāk tēwa dubľus bridu,
Ne tauteeša laipas gāju.
Tēwa dubľi sudrabōti,
Tautu laipas asarōtas.

Чужанинъ мнѣ кладочки кладетъ,
Кладочку за кладочкой (гдѣ одна кончается, другая начинается);
Лучше идти по отцовской грязи,
Нежели ходить по кладкамъ суженаго.
Отцовскія кладки серебряныя,
Чужаниновы кладки слезами облитыя.

Чужанинъ строитъ мостъ изъ хмѣлевыхъ лозъ (par purwiñu tîltu taisu Appinîšu stîdziñām):

Тамъ пойдетъ моя «лигавина»
Къ своимъ братцамъ.
(Сборн. Лат.-Лит. Общ., стр. 234, № 2954).

Для замѣны мостика братъ даетъ свой тесакъ:

Brāłi māsu mîlēdami
Laipei meta zōbeniñu;
Ei, māšiña, leegi pār,
Ne lauz' manu zōbeniñu.

Братцы любя сестрицу,
Бросаютъ сабли вмѣсто кладочки;
Иди, сестрица, перепрыгивая
Не сломай мою сабельку.

Въ другомъ варіантѣ, записанномъ въ Угаленѣ, l. c. № 2585, стр. 205, по такому мостику идетъ не только сестра, но также и жена брата:

Neba weena es pāreešu
Es ir tawa lîgawiña.

Свадебная пѣсня о мостикѣ, по которому молодая ходитъ у чужанина, приведена выше на стр. 183. По кладочкѣ дѣвица попала во дворъ суженаго, изъ котораго уже нѣтъ болѣе пути къ возвращенію на родину:

Par laipiñu es tecēju
Tautu dēla sētiñai;
Metu laipu pee laipiñas
Newar wairs iztecēt!
(l. c. № 742).

Въ Лубанской пѣснѣ (l. c. № 3692) невѣста-суженая попадаетъ въ большое деверство (leelājôs deewerôs), она бросаетъ кладочку за кладочкой, но не можетъ уже выбраться (izlaipōt).

Всѣмъ этимъ символамъ соотвѣтствуетъ вѣроятно и свадебный обрядъ у Велёнскихъ Литовцевъ въ Ковенскомъ уѣздѣ, описанный А. Юшкевичемъ въ Svotbine Rêda, стр. 60: «Отъ дверей клѣти до входныхъ дверей хаты, свадебники посыпаютъ солому для молодой, приготовляя дорожку для того, чтобы молодоженая не замазала и не замарала своихъ ногъ, когда она въ первый разъ (послѣ брачной ночи) выходитъ изъ клѣти. Ребята по обѣимъ сторонамъ такого соломеннаго мостика протягиваютъ соломенныя веревки и дѣлаютъ изъ досокъ помосты. На эти помосты раскладываются соха, борона и разныя земледѣльческія и хозяйственныя орудія, чтобы видно было, какъ слѣ-

дуетъ жить въ новомъ хозяйствѣ». Беценбергеръ въ своемъ опытѣ «о литовскомъ домѣ» (Über das litauische haus. Separatabdruck aus der Altpreuss. Monatsschrift Band. XIII. Hft. 1—2. Königberg in Prt. 1886), стр. 69, прим. 48, сравниваетъ эти мостики съ подмостками франко-верхне-нѣмецкаго дома, съ такъ-называемымъ мостомъ, находящимся у передней стороны дома. Подмостки въ ширину отъ 8—10 футовъ, устраиваются на колодкахъ [1]).

Лайма и нелайме, доля и недоля ходятъ по одной и той же кладкѣ (А. А. Потебня, l. c. стр. 146). Путь въ Лаймину баню у Латышей обязателенъ, и оттого мужъ своей женѣ моститъ мостъ въ ожиданіи родовъ (срв. стр. 134, № 5) или потому, что мостъ въ баню спасаетъ родильницу, когда она отправляется на Лаймину дорожку (Laimes ceľu staīgādama, l. c. № 2969), или для того, чтобы ногъ не промочить, когда она съ Лаймою туда въ баню родить отправляется (Ar Laimiňas staigājōt). Предусмотрительно строятъ мостъ самой Лаймѣ (см. ниже особый отдѣлъ пѣсенъ о долѣ-Лаймѣ). Значеніе родственной связи и ожиданія молодою родни, братьевъ и особенно матери изображаетъ символическая пѣсня дочери - сироты, напрасно ожидающей свою мать, — записанной въ Нэу-Ауцѣ, въ Курляндіи. (Сб. Лат.-Лит. Общ. стр. 305, № 3836):

Изъ липовыхъ листьевъ я строила мостъ,
Ожидая маменьки;
Вѣтеръ сдулъ липовыя листья,
Не пришла (уже) моя маменька.
(l. c. № 2555).

Подобные образы встрѣчаются поэтому и въ отдѣлѣ сиротскихъ и лаймовыхъ пѣсенъ.

706.

Lobes smērtis nawēľeju
Gredzeneňa maucājam;
Jzastīp, sasarauň
Kai munam gradzānam.

Хорошей смерти не желаю
Тому, кто кольцо надѣлъ;
Пусть ржавѣетъ, стягивается
Какъ мое колечко.

---

1) «An der Vorderseite des Hauses läuft in vielen Gegenden ein erhöhter, aus Blockhölzern hergestellter 8—10 Fuss breiter Boden entlang, die sogenannte Brücke, von der aus alle Zugänge zu den Futtergängen und Stallungen und zum Hausgang, betreten werden». (R. Henning. Das Deutsche Haus in seiner histori- Entwickelung. Strassburg. 1882, pag. 18).

707.

Swîd, mōseń, upeîtâ
Tautu dūt' gredzeneń;
Lai spēd upes dybynâ,
Na tawâ rūceńâ.

Брось, сестрица, въ рѣчку
Чужаниномъ данное кольцо;
Пусть блеститъ на днѣ рѣки,
Не на твоей рукѣ.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

708.

Swainīts mań swainys sauc,
Nī kō loba naīďewis;
Kur, swainīts, šeutes kurpes,
Kur sudobra gredzeneń?

Свояк меня называетъ свояченицею,
Ничего добраго не давши;
Гдѣ, свояк, башмаки,
Гдѣ серебряное кольцо?

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

709.

Pōr kalneń, pōr kalneń
Wisi muni gredzeneńi;
Par gadeńu, par ūtrū
J äs (jäs) poša nūľeigow.

Черезъ гору, черезъ гору
Всѣ мои колечки;
Черезъ годъ, черезъ другой
И я сама выйду.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

710.

Uz kalneńa sodōdama
L'eijâ leižu gredzenіń;
Sadeuzej, sarābäja
Zam naweikľâ kōjeńōm.

Сидя на горѣ,
Пускаю (катаю) колечко въ долину;
Лопнуло, зазвенѣло
У ногъ неуклюжаго (суженаго).

Зап. въ Истальзенѣ, Люц. у.

Срв. къ 706—710 у Потебни, l. c. стр. 68—70 о катаніи колецъ, 153 (покачу я перстенецъ), 213 и въ другихъ мѣстахъ.

711.

Slauk, mameń, *nom'*, ustob —
Äs slaucej pagalmeń;
Mań dēľ tautis jōja,
Tew' paprīška zadinowa.

Мети, маменька, сѣни, хату —
Я мела дворъ;
За мною чужане ѣдутъ,
Съ тобою раньше заговорятъ.

Зап. въ Прельск. вол., Динаб. у.

712.

Slaukōt, meit', ustobeń
Slaukōt glūži pasaľeitis;
Aiz Daugawis suńi rej,
Beus nū Reiga sprecenīki.

Метите, дѣвицы, хату,
Метите хорошо островокъ;
За Двиною собаки лаютъ,
Изъ Риги будутъ сваты.

Зап. въ м. Прели, Динаб. у.

Срв. о значеніи обрядоваго метенія сѣней въ пѣсняхъ № 711—712 у Потебни l. c. pag. 51, 59, 242, объясненіе образа мести = вести, невѣста золотая метелка въ малорусской поэзіи.

713.

L'eicen ľeika wara tilti
Man eijūt tauteńôs;
Dzen teľeitis, wad peureń
Lai dewińi brōľeľeńi.

Мѣдный мостъ гнулся,
Когда я отправилась на чужбину (замужъ).
Пусть гонятъ телятъ, пусть везутъ приданое
Девять братьевъ.

Зап. въ дер. Свальбѣ, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

Срв. у Бривземніакса въ Сборникѣ Дашкова II, стр. 112, № 519 и у Потебни l. c. стр. 129.

714.

Dzaltáńeiťe puru brida,
Boltys zečis kōjeńâ;
Teć brōľeń, met *laipeń*,
Mož beus towa ľaudaweńa.

Красавица по болоту бродитъ,
Бѣлые чулки на ногахъ;
Бѣги, братецъ, положи кладочку,
Можетъ, она будетъ твоей невѣстою.

Зап. въ 1884 г. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

715.

Jauni puiši tiltu greiďe
Nū wacim dalderīm;
Nū wacim dalderīm,
Nū sudobra galdeńem.

Молодые парни мостъ рубили
Изъ старыхъ талеровъ;
Изъ старыхъ талеровъ,
Изъ серебряныхъ столовъ.

Jaunas meitas pōrigōja;
Kai lapeńes čaukstādamas,
Kai íweńes zídamas.
Jauni puiši prätim jōja
Ar bārīm kumeľam.

Молодыя дѣвицы перешли,
Шумя, какъ листья.
Цвѣтя, какъ черемухи.
Молодые парни выѣхали на встрѣчу
На гнѣдыхъ коняхъ.

Зап. въ дер. Свальбы, Ясмуйжск. вол., Динаб. у.

716.

Pa *pūram pūra* zōľe,
Ne pa wōru dōbuleń;
Pa tauteńis meus mōseńa,
Na pa sawys brōľeľeńš.

По (соотвѣтственно) болоту болотная трава,
Не по полю клеверъ;
По чужанину наша сестра,
Не по своимъ братцамъ.

Зап. въ 1884 г., въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

717.

Tu, mōseńa, pūru bridě,
Kōp uz cepľi silďētas;
Äs atgōj sausu zemí,
Äs aiz golda sädatōja.

Ты, сестрица, по болоту ходила,
Полѣзай на печку грѣться;
Я пришла по сухой землѣ,
Я сидѣть могу за столомъ.

Зап. въ Быковѣ, Рѣжицк. у.

718.

Pūru brizdama sagiuu
Dzaltonu cílaweń;
Sārstu ídama nūńěš
Boltājam brōľeńam.

По болоту бродя, захватила
Золотистую плисочку;
Въ гости идучи, отнесла
Бѣлому братцу.

Зап. въ 1884 г. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

719.

Sadauzíju tautu goldu
Dewińēm gobaľem;
Tautińam golda žel,
Mun mōsińas woiri žel.

Я разбилъ столъ суженаго
На девять кусковъ;
Жениху стола жаль,
А мнѣ сестрицы еще болѣе.

Зап. учителемъ Баллодомъ въ Стернянахъ, Рѣжицк. у.

720.

Zídi, zídi ōru pľowa
As wairōk nazídēšu,
Цвѣти, цвѣти лугъ,
Ужь я больше не зацвѣту;

Muńi zídeńi apbyra
Toutu golda gaľeńâ.
Мои цвѣты высыпались
На концѣ женихова стола.

Зап. въ Ландскоранѣ, Люц. у.

ВАРІАНТЪ:

Zíd, zíd je̮uru pľowa,
Jo(u) äs waira nazídēju;
Цвѣти, цвѣти морской лугъ,
Ужь я болѣе не зацвѣту;

Apbira mani zídeńi
Touto golda gaľeńâ.
Обсыпались мои цвѣты
На концѣ жениховa стола.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

721.

Aptecēju golda golu
Bičereiti rūceńâ;
Обѣжала я конецъ стола
Съ кубкомъ въ рукѣ,

Jz kō beja mańim dzērt,
Nawa ísta brōľeľeńa.
Изъ котораго мнѣ пришлось пить;
Нѣту истаго братца.

Зап. отъ Ивы Прикуль, въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

722.

J̄t es íšu ṕēc mōseńis[1]),
Pazejis munu gōjumeń.
Sadauzeišu tautu goldu,
Dewińēm goboľēm.
Идти я пойду за сестрицею,
Мое хожденіе не одобрятъ.
Разобью я столъ чужанина,
На девять кусковъ.

Tew, tautít, golda ž́āľ
Man mōseńis wairōk ž́āl.
Tew galdeńi wejs še̮upowa,
Man mōseńi mōťe aukľēja.
Тебѣ, чужанинъ, жалко стола,
Мнѣ болѣе жаль сестрицы.
Столикъ твой вѣтеръ всколебалъ,
Мнѣ сестрицу мать выростила.

Зап. въ Дагденскомъ вол. училищѣ, Динаб. у.

723.

Kuri wejeńi atpe̮uťe
Nū Wōczemes brōľeľeń?
Какіе вѣтры навѣяли
Изъ Нѣметчины братцевъ?

Píci puški capurâ,
Sešis *zwaigznis* zūbeńâ.
Пять въ шапкахъ съ цвѣтами,
Шестой съ саблею со звѣздочкою.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

Срв. о саблѣ выше, стр. 163—165.

---

[1]) Каждый стихъ поется два раза, второй разъ мелодія модулируется.

C. Погребальныя пѣсни (bēŕu-dzīsmas).

Число погребальныхъ пѣсенъ, въ настоящее время еще бытующихъ у Латышей, не велико. Нѣкоторыя четверостишія, повидимому, не что иное, какъ остатки или разрозненныя части болѣе длинныхъ пѣсенъ, жалобныхъ зингесъ, соотвѣтствующихъ жалобнымъ дайнамъ Литовцевъ и составлявшихъ нѣкогда общее достояніе балтійскихъ (латышскаго и литовскаго) народовъ. Къ такимъ древнимъ жалобнымъ пѣснямъ, характеризующимъ воззрѣнія Литовцевъ и Латышей на загробный міръ и жилище душъ, умершихъ людей, принадлежитъ пѣсня сироты, отыскивающей умершихъ своихъ родителей или умершую свою матушку у золотого ручья, у берега котораго купаются три лаймы (дочери солнца), указывающія путь къ могилѣ на западъ, въ землѣ Нѣмцевъ (Wōczeme), гдѣ этотъ путь показываютъ Божьи сыновья (Dīwa dāli).

Пѣсня сироты приводится ниже въ трехъ варіантахъ: α, β, γ, изъ которыхъ каждый передается опять въ различныхъ записяхъ, сдѣланныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Латышіи — какъ Прибалтійскаго края, такъ и Витебской губерніи и свидѣтельствующихъ несомнѣнно о распространенности этой пѣсни. Къ варіантамъ α и γ имѣются литовскія соотвѣтствія, иногда сходныя почти дословно съ латышскими текстами.

α 1.

Żemynėlė żėdkelėlė,	Man bij wēna zelta rōz,
Kùr sodį̀siu różiu szakėlę?	Kur mēs to stādisim?
Ànt áukszto kalnėlio,	Tur mēs to stādisim —
Prē jūriu, prē marėliu.	Pašā kalna galiṅā.
Żemynėlė, żėdkelėlė,	. . . .
Kùr ràsiu tė́vą, moczùtę,	. . . .
Asz prastùmta vargdėnùtė?	. . . .
Eík ànt àukszto kalnėlio,	. . . .
Prē jūriu, prē marėliu.	. . . .
Jsz różiu kelmàczo	Tur uzauge gaŕas rōzes
Użáugo dìdis medàtis,	Līdz pašām debesim.

Szakos ikì debesėliu	Es uskāpu debesis
Užkòpsiu ànt debésėliu	Tar tēm rōžu zarinēm.
Pĕr tàs róžiu szakelès.	Es atradu Dēwa dēl'
Jr sutikaú jáuną bernýtį	Kumelinu seglojōt.
Ant Dĕvo žirgýczo.	Lab rīt, lab rīt, Dēwa dēls
Eí bernýti, raitelýti,	Woi redzej tēw ar māt?
Àr neregĕjei tėvą, moczùtę?	Tēws ar māte Wāczemê
Mergýtė, mano jaunóji,	Bālulinam kāzas dzer.
Eík į pakàlnės szàlį,	. . . .
Tén tėvélis, moczùtė	. . . .
Sesýtei svótbą kélie.	Es nogāju Wāczemê
Nuĕjus į pakàlnę:	Par tēm jūras ľicišēm.
Láb rýt, làbą dĕn, tėtùti,	Lab rít, lab rít tēw ar māt!
Láb rýt, làbą dĕn, moczùtė;	. . . .
Kám manę̀ mážą prastúmėt	. . . .
Į' svétimus žmonelès?	Kur jūs mani mazs atstājat?
Užáugau didė mergáte;	Es uzaugu lēlu meit.
Vĕnà radaú lopszytĕlį	Šūpulít es wēn atrad,
Kùr džaugiaús kudikélis.	Kur es maziňš līgojōs.
По Шлейхеру, «Handbuch der lit. Sprache». II (1857), стр. 10—11.	Бергманъ, II, Lettische Sinn oder Stegreifs-Gedichte Rujen. 1808. p. 67, № 237 (зап. въ Лемзалѣ, въ Лифляндіи).

Инфляндскія записи сдѣланы мною въ 1884 году въ Преляхъ и г. Плекшаномъ въ Яшмуйжѣ, въ Динабургскомъ уѣздѣ. Яшмуйжскій варіантъ (α 2) ближе подходитъ къ прусско-литовской и лемзальской пѣснямъ, въ Преляхъ вмѣсто розы выростаетъ бобъ, ведущій сироту на небо къ умершимъ родителямъ.

α 2.

Eś yzkōpu dabesiś
Pa rūzejťes lapeńōm,
Eś atrodu D'īwa dālu
Kuḿeľeńu saglūjūt.
D'īs paľejdź, D'īwa dāls,
Kuḿeľeńu saglūjūt.
D'īs paľejdź, D'īwa dāls,
Oj ŕedźeji munu mo*ťi?
Taws tās, tawa mo*ťe
Jyuras molâ kōzas dźāŕ.

Я взобрался на небо
По листамъ розы,
Я нашелъ Божьяго сына
Сѣдлавшаго коня.
Богъ помощь, Божій сынъ,
Сѣдлая коня.
Богъ помощь, Божій сынъ,
Видѣлъ ли ты мою матушку?
Твой отецъ, твоя мать
У взморья пируютъ на свадьбѣ.

Muns tās, muna mo°ťe,
Kur jyuś mańi pamätōť?
Отецъ мой, мать моя,
Гдѣ вы меня оставили?

Sydabŕeńa šyupūľî
Eńǵeľejšu šyupūjūt.
Въ серебряной колыбели,
Ангелочки качали.

α 3.

Treis dīneńes, treis naksneńes
Nī putrōm' äs naraudzeju.
Diųs nūswīďe wīnu pupu,
Tū samynu kōjeńōm;
Tei izauga kupla gara
Da paťīm debesīm.
Äs īkōp debesîs
Pa tōs pupēs zaŕeńīm:
Три дня, три ночи
Ни «зернышка» я не видѣла.
Богъ бросилъ одну бобовину,
Ту я ногами затоптала;
Она выросла густо и высоко
До самыхъ небесъ.
Взбиралась я на небеса
По этимъ бобовымъ вѣткамъ.

Tur redzēju Dīwa dālŭ
Kumeľeńu sadlojūt.
Diųs paľeidź, Dīwa dāls,
Redzēj munu tāw ar mōťi?
Paldīs, cīma dzaltańeiťe,
Redzej tawu tāw ar mōťē,
Dewińûs kambarûs,
Aiz deweń atslēdzeń!
Тамъ я увидѣла Божьяго сына
Осѣдлывающаго коня.
Богъ помощь, Божій сынъ,
Видѣлъ ли ты моего отца съ матерью?
Спасибо, деревенская красавица,
Видѣлъ твоего отца съ матерью
За девять каморокъ,
Подъ девятью замками.

Зап. въ 1884 г., въ Прели, отъ Марг. Вяксихи.

Во второмъ варіантѣ, записанномъ въ разныхъ мѣстностяхъ мною, Спрогисомъ и Мантейфелемъ, указываютъ путь къ умершей матери три лаймы или двѣ солнечныя дѣвы. Объ отношеніяхъ лаймы-доли къ солнцу и зарѣ, слѣдуетъ сравнить А. Потебни «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ», стр. 102 и 103; въ нашей же пѣснѣ, повидимому, лаймы замѣняются солнечными дѣвами (saules-jumprawеńas); любопытна въ частности и та черта, что въ записяхъ Спрогиса и Мантейфеля являются *три* лаймы на серебряномъ озерѣ или на золотой рѣчкѣ. Троичность лаймъ вполнѣ соотвѣтствуетъ обычнымъ тремъ фатамъ (tria fata) у Римлянъ (срв. А. Н. Веселовскаго «Разысканія», стр. 187 и 195), въ латышской же народной поэзіи лайма является какъ и дѣкла всегда одна; такъ напримѣръ Богъ совѣщается съ ней о томъ:

Кому умереть, кому жить
На этомъ бѣломъ свѣтѣ?

β 1.

Radzu saw mōmuľeńu
Pōr kalneńu nūwadūť.
Saucińš sauc, nadzirdēja,
Tak pakaľ raudōdama.
Tacādama sasatik
Diw sauľeites jumprawes.
Wīna soka, kur tu tāć?
Ūtra klōť aicinōj.
Kura klōť aicinōja,
Tei pasoko* mōmuľeń.
Tur tu teći, tur tu eij,
Da wińam kalneńam.
Tur guľ towa mōmuľeńa
Zam zaľūs weľeńeń.
Ceľis muna mōmuľeńa,
Äs paceľ weľeńeń.
Nasacelš äs meiteń,
Koľei sauľe debeśês.
Koľei sauľe debeśês,
Koľei tewi sagaideju.

Видѣла я, какъ мою матушку
Черезъ гору увезли.
Кликать ея кликнула, она не слыхала,
Побѣжала я за ней плачучи.
Бѣжавши я встрѣтила
Друхъ дочерей солнца.
Одна спросила, куда ты бѣжишь?
Другая пригласила (меня) съ собою.
Которая съ собою пригласила,
Та сказала, гдѣ маменька.
Туда ты бѣги, туда ты иди,
До того холмика.
Тамъ спитъ твоя маменька,
Подъ зеленымъ дерномъ.
Вставай моя маменька,
Я сниму дернъ.
Не встану я, доченька,
Пока солнце на небесахъ,
Пока солнце на небесахъ,
Пока я тебя не дождусь.

Зап. отъ М. Вяксихи, въ м. Прели, Дин. у.

β 2.

Radzu sowu mamuleni
Por wortieniom izwadut'
Sauciń sauczu, nadzierdieja! —
Piec tiecieju — nadanoczu!
Tacadama iztiecieju
Trejś sudobra azarus.
Jz tus treju aziereniu
Trejś Łajmieś wieleja drebieś.
Wina soka: kur tu teci borynia.
A utra kłotiń ajcynowa;
Tiej pasoka, kur mamienia:
«Tiec, tiec, boryniejta,
Da tam śmilszu kalnieniam,
Ti gul towa mamulenia,
Boltâ śmilkszu kalnieniâ,
Un bołtu gołdu ustobâ —
Ni dzierd' biernieniu raudiejut'
Ni wieju gryusz pyuszut'!

Зап. въ Креславкѣ барономъ Г. Мантейфелемъ, l. c. стр. 163—164.

β 3. (Спрогисъ, стр. 214—215).

Потухъ у меня огонь,
Потеряла я свою матушку.
Огня я достала у сосѣда,
Но матушки не нашла.
Отыскивая свою матушку,
Я забѣжала въ камыши.

Выбѣжала изъ камышей...
Струился золотой ручей [1].
Въ этомъ золотомъ ручьѣ [2])
Купались три счастья [3]).
Два спрашиваютъ: «Куда ты идешь»?
Третье пригласило меня съ собой.
То, которое пригласило меня съ собой,
Сказало, гдѣ моя матушка.
— Ступай дѣвица, спѣши дѣвица,
На тотъ холмъ!
Тамъ спитъ твоя матушка
Подъ зеленымъ дерномъ...
Вставай, моя матушка,
Я подняла дернъ!
Я подняла дернъ!
Со слезами я буду тебѣ разсказывать,
Какъ поступаетъ со мною чужанинъ:
Онъ бьетъ меня по лицу, рветъ волосы,
Ногою толкаетъ подъ скамью!

Третій варіантъ (γ) представляетъ нынѣ далеко распространенная дайна, по латышски зинге, съ оригинальнымъ народнымъ напѣвомъ, о чужой матери, о мачехѣ, издѣвающейся надъ своей падчерицею. Бецценбергеромъ (Litauische Forschungen, стр. XI и 6) приводится литовское соотвѣтствіе.

γ 1.

Примѣч. Каждый стихъ, состоящій здѣсь изъ двухъ строкъ, поется два раза

Kas aiz mežu aizž(u̯)ineja,
Kas mežâ aizskańēja!
Bōreńeiťe mōtĕ cēľa:
«Ceľis, ceľis mun mameń!
Celis, ceľis mun mameń,
Sasukoi(ji) mun galweń!
Sasukoj mun galweń(u)
Apu̯elc mań bolt krēkľeń.
Apu̯elc mań bolt krēkľeń,
Apauńi mań kōjeńes.
«Bērneńu munu mīľu°(oji),
«Bērneńu munu dōrgu,
«Tew' ir tawys mōmuľeńa,
«Kam galweńu tew' sukōť,
Kam galweńu tew' sukōť,
«Kam krēkľeńš tew' apu̯ilkt.
Mameńa muna mīľo*,
Mameńa muna dōrgo*.
Da kai mańi golu̯ sukowa,
Munēs mateńēs pľe͜ukawa.

Что за лѣсомъ зазвенѣло,
Что въ лѣсу отдалось?
Сиротинушка мать подымаетъ:
Вставай, вставай моя маменька!
Вставай, вставай моя маменька,
Чеши мою голову!
Чеши мою голову,
Одѣвай мнѣ бѣлую рубашку,
Одѣвай мнѣ бѣлую рубашку,
Обуй мои ноженьки.
Дѣтинушка моя милая,
Дѣтинушка моя дорогая,
У тебя своя маменька,
(Есть) кому голову чесать,
Кому голову тебѣ чесать,
Кому рубашку одѣвать.
Маменька моя милая,
Маменька моя дорогая.
Пока она мнѣ голову чешетъ,
Волосы мнѣ нарветъ.

---

1) Iзтек зелта авотiньш.
2) Пѣ та зелта авотiня.
3) Трис лайминяс мазгаяс.

Da kai jei krākľeńi ųilka,
Man sirsneń slōpeń slōpa.
Jtūs pošus aizlōdāja:
Kai tu itūs naiznosōtim,
Ju wel cit nasapraseitim.
Da kai jei kōjes awa,
Smolkōm nōtrōm dzeldedama.

Пока она мнѣ рубашку одѣваетъ,
Мое сердце замираетъ,
И ее (рубашку) заклинаетъ:
Приказала мнѣ чтобы тѣ самыя (рубашки)
Не износила и другихъ не испросила.
Пока она мнѣ ноги обуваетъ,
Меня какъ крапивою обжигаетъ.

Зап. отъ М. Вяксихи, въ Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

Дополненіемъ къ варіанту γ могутъ служить двѣ записи Ѳ. Я. Трейланда:

γ 2 (Сборникъ изд. В. А. Дашковымъ, II, Москва, 1873, № 881 варіантъ стр. 171—172).

Сяду у могилки я матушкиной (Апсéжўас рáудáдама),
Сяду я да заплачу (Мàтэс капа малiя́).
Встань ты моя родимая матушка,
Я сниму зеленый дернъ.
Полно лежать тебѣ въ сырой землѣ,
А мнѣ горемычной горьки слезы лить!
Въ слезахъ я разскажу тебѣ,
Каково мнѣ жить съ чужой матерью.
Кулаковъ надаетъ, волоса нарветъ,
Пинками подъ лавку забьетъ.
Спать пойдетъ — кулаковъ надаетъ,
Ото сна встаетъ — волоса нарветъ,
Пинками подъ лавку забьетъ,
Сунетъ мнѣ хлѣба сухаго, —
Дармоѣдкой меня обзоветъ.

γ 3 (тамъ же).

Младешенька была, не видала,
Гдѣ похоронили батюшку, матушку;
Теперь я пошла, пася стадо,
Гдѣ почіютъ мои отецъ и матушка:
Въ бѣломъ песчаномъ холмѣ,
Подъ зеленымъ дерномъ.
Вставайте, мои отецъ и матушка,
Я сниму зеленый дернъ;
Я хочу вамъ пожаловаться,
Каково мнѣ жить съ чужой матерью:

Кулаковъ падаетъ, волоса нарветъ,
Пинками подъ столъ забьетъ.
Наконецъ, посылаетъ меня
Рѣзать розги съ яблони,
Съ яблони ссыпаются цвѣты бѣлые,
А изъ глазъ моихъ — слезы горькія.
Къ яблони я приласкалася,
Точно къ своей матушкѣ.

Пѣсня сироты во всѣхъ здѣсь приведенныхъ варіантахъ ознакомляетъ насъ съ жилищемъ душъ умершихъ людей, находящихся на томъ свѣтѣ, по латышски, на томъ солнцѣ «wińâ saulê». О вечерней звѣздѣ говорится, что она укатывается въ полночь въ жилище *душъ*:

Na par nakti tei zwaigzńîta,	Pušunakšu ïeigowa
Kur izĭēca wokorâ (=aî):	Dwēseĭīšu namińâ.
Не на всю ночь та звѣзда,	Въ полночь она уходитъ
Которая взошла вечеромъ:	Въ жилище душъ.

Зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

«Царство тѣней», по изслѣдованіямъ Трусмана l. c. стр. 59, «находится на западѣ, тамъ, куда на время заходитъ солнце, луна и звѣзды; тамъ, гдѣ идетъ безпрерывная война, гдѣ сражаются Jôdi—души усопшихъ, души воиновъ; видимое проявленіе борьбы ихъ—это сѣверное сіяніе». Въ Лифляндіи сѣверное сіяніе прямо называется kāwi, kāweji отъ глагола kaut, бить, убить, лит. kau-ti, kowoti воевать, kautis драться, kowa битва иначе «воины»; существуетъ народное мнѣніе, что kāwi, т. е. miruši kaŕa wîri kaujās=умершіе воины дерутся. Слово jōdi, иначе jōgi (по Ульману, Латышск. словарь) Nordlicht, сѣверное сіяніе, повидимому, им. пад. множ числа отъ jōds, злой духъ, лѣшій=литовск. jůds чорный, по Бецценбергеру Lit. Forsch. стр. 118 jóds=чортъ [изъ лит. заимствовано въ эстонск. jūdas, jūas чортъ и финск. juutas въ значеніи чорта, злаго духа и коварнаго человѣка срв. Vilh. *Thomsen*, Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettīske) Sprog. København 1890, стр. 175]. По Видеману, «Aus dem innern und äussern Leben der Ehsten». Спб. 1876, стр. 459, сѣверное сіяніе происходитъ отъ борьбы воиновъ верхняго міра пламенными мечами, отъ которыхъ искры сыплются во время битвы; нѣкоторые говорятъ, что слышно было и бряцанье мечей во время этого явленія. Срв. Лопарскую сказку Кускасъ

= сѣверное сіяніе, въ «Живой Старинѣ» I, 2 отд., стр. 18—24: «На душѣ у ней было тяжело, потому что она предугадывала, что изба принадлежитъ людямъ истекшимъ кровью или умершимъ насильственною смертью. Они, думала она, приходятъ сюда по ночамъ и рѣжутся, оттого на небѣ видны всполохи или сѣверное сіяніе» (21). О такомъ же повѣрьи повѣствуетъ подъ 1092 годомъ начальная лѣтопись по Лаврентьевскому списку (стр. 207—208) словами:

«Предивно бысть Полотьскѣ въ местѣ (мъчьтании), бывше в нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абы уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ, посемъ же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полоцкиа и его область; тѣмь и человѣци глаголаху: *яко навье бьютъ Полочаны*. Се же знаменье поча быти отъ Дрьютьска. В си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ».

Если И. Дашкевичъ въ своихъ «Замѣткахъ объ исторіи Литвы Антоновича» (Кіевск. Унив. Изв. 1882 г., № 3—4), стр. 62, усматриваетъ въ этомъ повѣрьи, «что навьи бьютъ Полочанс», доказательство вліянія Литовцевъ, ближайшихъ сосѣдей Славянъ, на Русскихъ Полочанъ въ религіозномъ отношеніи, то этому противорѣчитъ распространяемость такихъ вѣрованій не у однихъ Латышей и древнихъ Прусовъ[1]), но также и у Эстовъ.

Русскому, навь, навей, навье - мертвый, ц.-сл. навь соотвѣтствуетъ латышское nāwe, встрѣчающееся напримѣръ въ слѣд. нар. пѣснѣ:

Ай, на́віт', кам ну́ака́ві	Ой смерть, зачѣмъ ты убила
Веца́ку́а дарбеніаку.	Старшаго рабочаго.

Трейландъ, стр. 190, № 995.

Другое названье смерти въ балтійскихъ языкахъ есть Giltine, инфл. Džiltine (см. Литовск. Катихизисъ Н. Даукши, стр. 77—78).

Усопшій по латышски называется welis, weľenēks, по литовски welů̊ka, weľōnis (см. Литовск. Кат. Н. Даукши, стр. 120—125).

1) Въ срединѣ XIII вѣка прусскіе жрецы «Ligaschonen и Tulissonen» при погребеніи произносили похвальныя рѣчи усопшимъ и увѣряли, что они видятъ передъ собою усопшаго пролетающимъ чрезъ небо на своемъ конѣ, въ блестящемъ вооруженіи, съ разукрашенною шпагою въ рукахъ и переходящимъ въ другой міръ съ великою свитою. Трусманъ, l. c. стр. 56.

Срв. еще выраженія: wella-laiwe не чортова-лодка, какъ обыкновенно переводятъ, а лодка умершей души, названіе такъ назыв. кораблеобразныхъ могилъ (Steinringe) и wella-baznica. (Teufelskirche), т. е. церковь умершихъ душъ, см. C. Grewingk Ueber heidnische Gräberfunde (Rigasche Zeitung 1874 г., № 295).

Русскому «навья косточка» соотвѣтствуетъ латышск. weľu kauls; объ осеннихъ поминкахъ и навскомъ мѣсяцѣ garu-mēness, weľu lains и weľi мы говорили уже выше на стр. 93—95, срв. А. Н. Веселовскаго «Разысканія».... № XV.

Извѣстная пѣсня Спрогиса (l. с. стр. 224 № 60 и Литовск. Катихизисъ, стр. 123), записанная въ окрестностяхъ Кокнесе, встрѣчается и въ Курляндіи въ Кабилленъ и Рённенъ, но вм. стиховъ:

Ко мѣлошу веля-бѣрнус,
Веля вâрту вѣрейінюс.

тамъ слышно:

Ko mēloŝu «leľľa» bêrnus
Leľľa wârtu wērejińus.

(Битнеръ въ «Magasin lett-liter. Gesellschaft. Bd. 8. Jelgawâ», 1844 года, стр. 20, № 245).

Ульманъ въ своемъ латышскомъ словарѣ, стр. 140, объясняетъ форму *lelis*, заимствованную имъ изъ народной пѣсни, какъ миѳическую личность, которая имѣетъ отношенія къ смерти и могилѣ. Выше, на стр. 135, мы уже привели другое соотвѣтствіе. Литовскому źemýna (см. выше, α 1) соотвѣтствуетъ латышское zemes-mâte (мать-земля), напр. въ пѣсняхъ И. Спрогиса № 181, на стр. 218, Битнеръ № 337, стр. 28 и (Аронъ l. с., № 1342):

Прощайте батюшка, матушка,
Добрый вечеръ тебѣ, мать-земля (земес-мâте),
Добрый вечеръ тебѣ, мать-земля,
Храни мою красоту!

и тамъ же, № 21 (= Битнеръ, стр. 19, № 238):

Ой, добрая мать-земля,
Дай мнѣ ключь отъ гроба (= могилы, лат. kapa),
Чтобы я могла отомкнуть могилу
Для старой бабушки!

Въ пѣснѣ № 1947 у Битнера (стр. 157) упоминается дочь матери-земли:

Grēž dancāt bāleleni
Tâ lēlâ žēlumâ;
Ēdewuŝi saw' brāliti
Zemes mātes meitińai.

О погребальныхъ обрядахъ латышей и другихъ балтійскихъ народовъ мы немного знаемъ изъ средневѣковыхъ писателей, но за то въ нынѣ еще бытующей обрядности сохранилось не мало древнихъ чертъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ «шведской, такъ и польской Лифляндіи».

Объ обычаяхъ и повѣріяхъ Латышей инфляндскихъ уѣздовъ въ первый разъ говорится подробнѣе въ 1613 году въ «Visitationes Livonicarum ecclesiarum facta Anno 1613 etc» [1]), гдѣ мы о ихъ погребальныхъ обрядахъ узнаемъ слѣдующее:

«Ubi hoc addendum de praefatis circa defunctos suos, quibus sepeliendis supponunt unum panem capiti, tanquam futurae famis post mortem remedium, alterum manui imponunt, ut Cerbero offerant, ante Paradisum alligato, addentes duos solidos solvendos ei, qui eos per flumen tranvehat. Brumali tempore etiam plaustrum lignorum super imponentes, ut anima sese calefacere possit. Per totam Livoniam similiter inveniuntur»:

«Чтобы прибавить здѣсь о вышерѣченныхъ относительно ихъ покойниковъ, нужно сказать, что при погребеніи имъ кладутъ *одинъ хлѣбъ* подъ голову какъ средство противъ будущаго посмертнаго голода, другой у рукъ, чтобы дать его церберу. Кромѣ того кладутъ два солида для вознагражденія того, кто ихъ перевезетъ черезъ рѣку передъ раемъ. Въ зимнее время кладутъ покойнику сверху въ гробъ также лучину, чтобы душа могла нагрѣваться. По всей Лифляндіи встрѣчаются подобные обряды».

По Шиллингу l. c. 58, покойнику въ руку кладутъ лучину для того, чтобы онъ имѣлъ свѣтъ въ темнотѣ смертной ночи или же, по свѣдѣніямъ пастора Берента, дѣлаютъ крестъ изъ лучинъ на груди покойника (см. Русвурмъ, стр. 313).

Изъ раскопокъ литовскихъ и латышскихъ могилъ въ лифляндскихъ уѣздахъ Витебской губерніи, въ литовскихъ мѣстностяхъ Виленской и въ прусскихъ могилахъ восточной Пруссіи извѣстно, что обычай класть монеты покойнику въ могилу былъ общій у всѣхъ балтійскихъ народовъ.

Для изученія болѣе новыхъ и современныхъ взглядовъ Латышей на смерть и загробную жизнь, могутъ служить слѣдующія статьи:

1) Въ книгѣ Георгія *Трусмана* «Введеніе христіанства въ Лифляндіи». Спб. 1884, глава II, «Религія древнихъ Литовцевъ и Латышей», стр. 19—63.

---

[1]) Magazin der lett-liter. Gesellschaft. Bd. 14, 1. Mitau, 1868, стр. 145.

2) Мои замѣтки на книгу Трусмана въ «Magazin der lettisch-literar. Gesellschaft. Bd. 18 Mitau. 1887», стр. 171—185.

3) Fr. *Kornets*. Senlatwēšu behru ērašas въ Латышскомъ сборникѣ «Sehta, Daba, Pasaule», выпускъ 5-й, Митава (Jelgawâ), 1889, стр. 30—35.

4) Въ книгѣ: Литовскій Катихизисъ Н. Даукши (Зап. Имп. Акад. Наукъ, томъ 53, кн. 2), стр. 121—125, о словахъ we*-linas, welinuwa и welũka.

5) А. Н. *Веселовскаго*. «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха» XI—XVII; выпускъ 5-й, Спб. 1889, и особенно XIII судьба-доля въ народномъ представленіи Славянъ, стр. 173—261 и XV Валькиріи-Welis, 'Ηλύσιον πεδίον, Вила-Viola, стр. 287—305.

6) —ll—Schilling. «Par Latweeschu tautas mahnu tizzibu». Magazin der lett.-liter. Gesellschaft Bd. IV, I, стр. 29—95. Mitau. 1832.

7) «Ueber einen Gebrauch der Letten bei Sterbenden», въ газетѣ Das Inland». II (1837), № 33.

Статья эта касается обыкновенія Латышей для ускоренія предсмертныхъ мученій умирающихъ снимать ихъ съ постели и класть на соломѣ на полъ.

8) «Der Lette in der Todesstunde» ibid. № 38, стр. 648—640.

Въ этой статьѣ г. «J. G. K.» характеризуетъ воззрѣнія Латышей Курляндіи на Бога, какъ добраго отца, и загробную жизнь, на основаніи разговора умирающаго Латыша съ своей сестрою, слышаннаго авторомъ въ крестьянской хатѣ.

9) C. Russwurm. Lettische Beerdigungsbräuche. Inland. 1855, № 20—22.

10) Wöchentliche Unterhaltungen. Mitau. 1806, p. 120—122. (= Трусманъ l. c., стр. 57—58).

«Какъ только тронется похоронная процессія, одинъ изъ присутствующихъ закалывалъ пѣтуха и бросалъ его на землю; большая часть процессіи переступала трепещущій трупъ пѣтуха. Послѣ пѣтухъ съѣдался сообща. По вѣрованію Латышей, душа этого пѣтуха превращается въ лошадь для усопшаго, которая облегчитъ для послѣдняго далекое странствованіе въ тотъ міръ и будетъ тамъ служить ему». (Срв. у Русвурма l. c., стр. 331).

Относительно Унгермуйжской волости, Динаб. у., мнѣ было доставлено учителемъ Горбачевскимъ слѣдующее описаніе латышскихъ похоронъ:

«Похороны у крестьянъ-латышей совершаются безъ всякой религіозности и мало чѣмъ отличаются отъ свадьбы. Покойника одѣваютъ (мужчинамъ надѣваютъ шапку) и сейчасъ-же выносятъ въ клѣть, или погребъ, гдѣ тѣло лежитъ иногда болѣе недѣли. Въ это время приготовляются къ похоронамъ и оповѣщаютъ родственниковъ, которые въ назначенный день съѣзжаются и привозятъ мясо, булки, водку и пиво; пріѣхавшихъ родственниковъ первымъ долгомъ угощаютъ обѣдомъ. Послѣ угощенія вносятъ въ комнату тѣло покойника; кистеръ или церковный попечитель говоритъ надъ умершимъ надгробное слово, родня и знакомые прощаются съ покойникомъ и выносится гробъ на телѣгу, а зимой на сани, которыя, равно какъ и самыя лошади, украшаются зеленью и лентами. Дворъ и дорога, по которой должна ѣхать похоронная процессія, посыпается ельникомъ. На гробъ покойника садятся ближайшіе родственники, или дѣти. Похоронный поѣздъ встрѣчается на кладбищѣ колокольнымъ звономъ. Прибывъ на мѣсто, родственники и знакомые снимаютъ гробъ съ телѣги и несутъ къ вырытой могилѣ; здѣсь поютъ церковныя пѣсни и кистеръ говоритъ рѣчь, по окончаніи которой гробъ опускаютъ въ могилу и зарываютъ землею. Родственниковъ и всѣхъ присутствующихъ на кладбищѣ угощаютъ *вареными бобами или горохомъ, пивомъ и водкою.* Затѣмъ похоронная процессія возвращается домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа, съ пѣснями и крикомъ; въ домѣ появляется музыка и начинаются танцы. Празднество похоронъ у крестьянъ зажиточныхъ продолжается до двухъ и трехъ дней. Въ послѣдній день похоронъ (а также крестинъ и свадебъ) хозяйка дома варитъ на обѣдъ капусту; этимъ она какъ-будто напоминаетъ своимъ гостямъ, что все поѣдено и пора уже по домамъ, что гости и спѣшатъ исполнить».

Кромѣ того въ самыхъ народныхъ пѣсняхъ, иногда очень распространенныхъ, встрѣчаются цѣнныя указанія на обычаи и нравы, соблюдаемые Латышами на похоронахъ. Такъ напримѣръ, пѣсенка, записанная Битнеромъ въ Кабилленѣ (Курляндіи)[1]:

Nemirsti, bāľeľińi,
Naw wairs rūmes kalnińâ;
Mes māsińu aprakam
Pašâ kalna gaľińâ.

Не умирай, братецъ,
Нѣтъ больше мѣста па холмѣ (или на кладбищѣ, по Спрогису);
Мы сестрицу зарыли
На самой верхушкѣ холма (горы),

[1]) Latwēšu ľaužu dzēsmas un zinģes. 1844, стр. 27, № 324.

объясняется слѣдующимъ образомъ: при возвращеніи съ похоронъ въ домъ покойника, молодые люди, запасшись еловыми вѣтвями, въ шутку бьютъ ими оставшихся дома, приговаривая: не умирать, не умирать, въ могилахъ нѣтъ мѣста (ne mirst, ne mirst, kapôs nau rūmas), а если это люди уже въ лѣтахъ, то говорятъ: умереть, умереть, въ могилахъ много мѣста (mirst, mirst, kapôs daudz rūmas), по И. Спрогису въ Кокенгузенѣ. Въ извѣстномъ латышскомъ романѣ «Mehrneeku laiki» (Времена межеванія)[1]), на стр. 86 обрядъ этотъ описывается такимъ же образомъ: уже были сумерки, когда участники похороннаго поѣзда (Kapsetniki) возвратились въ домъ покойника. Многіе изъ нихъ имѣли еловыя вѣтви, сломанныя по древнему обычаю для того, чтобы въ шутку ударять домочадцевъ, приговаривая: «mirsti nost, mirsti nost! deeſgan esi dſihwojis». Умирай, умирай! Довольно ты жилъ.

По Шиллингу l. c. стр. 62 (= Русвурмъ l. c., стр. 330), участники похороннаго поѣзда кромѣ того еще на возвратномъ пути ломаютъ вѣтви съ нѣкоторыхъ деревьевъ, чтобы покойникъ на нихъ повѣсилъ свои платья до суднаго дня.

Та-же пѣсня встрѣчается не только въ Кокнесе (см. Сборникъ Спрогиса, стр. 224, № 62), но и въ другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи. Аронъ сообщаетъ на стр. 224 своего сборника, что вм. māsińu aprakam (или bālińu) мы зарыли сестрицу (или братца) pašâ kalna maľińâ на самой верхушки горы (кладбищенской) поютъ также paša slitas maľińâ (отъ slita забора) и кромѣ того извѣстно такое четверостишіе:

Ne mēs tukši aizbraucām, Ne mēs tukši atbraucām: Не попусту мы уѣхали, Не попусту мы пріѣхали:	Mēs māsińu aizwedām, Paeglišus atwedām. Мы увезли сестрицу, Привезли подъеловики.

Извѣстная пѣсенка у Спрогиса (стр. 224, № 63 = Битнеръ, стр. 27, № 329):

Бросаю топоръ, валю камень Въ свою могилу;	Пусть ржавѣетъ топоръ, плеснѣвѣетъ камень, Но не моя красота.

или по Трейланду, стр. 187, № 977:

Бросаю топоръ, бросаю камень На дно своей могилы (sawa kapa dibińâ);	Не хочетъ она ни топора, ни камня, А хочетъ меня самого.

[1]) Сочиненіе гг. Рейна и Матиса Каудзите. Митава, 1879 г.

намекаетъ на древній обычай класть покойнику въ могилу или въ гробъ топоръ, ножъ (tutens Dolchmesser) и валить на могильную насыпь или въ самую могилу камни[1]).

На обычай класть въ могилу деньги, намекаетъ варіантъ, приведенный Арономъ на стр. 231, въ № 1382:

Gana lūdzu zemes māti
Rokâ maku turedams:
Došu simtu dalderišu,
Atlaid manu augumińu.

Проспла я мать-землю,
Держа кошелекъ въ рукахъ:
Дамъ я сто талеровъ,
Отпусти меня (мою красоту).

пѣсня, по Арону, кончается вышеприведенными словами: Бросаю топоръ и т. д.

Обычай угощенія душъ характеризуется пѣснею (Аронъ, стр. 229, № 1365):

Ej pē Dēwa mēlotēs,
Mana dārga dwēselite:
Balti zirńi bľodińâ,
Baltas maizes kukulites.

Иди къ Богу угощаться
Дорогая моя душенька:
Бѣлый горохъ на блюдечкѣ,
Бѣлаго хлѣба каравайчики.

1.

Šeun, mameń, man krekľeńš
Da poš kōju gaľeńam!
Jeudzīt śērm kumeľeńš (или kumeleńis),
Wedīt man smilksteńi!
S'ērmi, bāri atteceja,
Man pāmeti smilksteńi[2]).

Шей, маменька, мнѣ рубашку
До самыхъ ногъ;
Запрягайте пѣгихъ лошадей,
Везите меня на кладбище (пески)!
Пѣгіе, гнѣдые прибѣжали назадъ,
Меня оставили на пескахъ.

2 *).

Jaun(a) äs mer[3]) mōmuľeńa
Peuru mun izdolōt:
Cimdi — krista nesējām,
Krākli — dūbys rācejam,
Bolte mēle wilnōńeit
Kumeleńē dzinājam.

Молодою я, маменька, помру —
Раздѣлите мое приданое:
Рукавицы тому, кто крестъ несетъ,
Рубашку — гробокопателю,
Бѣло-лиловое покрывало
Тому, кто коней подгоняетъ.

---

[1]) Срв. теперь «Древности Сѣверо-Западнаго Края», томъ I, вып. II, ст. II, «Описаніе нѣкоторыхъ древностей, найденныхъ въ Витебской губерніи». Составлено по матеріаламъ Имп. Арх. Комм. (Матеріалы по Археологіи Россіи, издав. Имп. Археол. Коммиссіею, № 4), Спб. 1890, стр. 58: «Желѣзный топоръ лежалъ съ правой стороны остова, а ножъ—подъ нимъ, около поясницы. Мнѣ (г. Фонъ-Крузе, обывателю Динабургскаго у., т. е. латышской мѣстности) случалось видѣть, что латышей хоронили съ ножами въ кожаныхъ футлярахъ, привязанными къ поясу сзади».

[2]) Срв. у Спрогиса стр. 222, № 46.

[3]) Или m'ert' äz myr.

* Срв. у Спрогиса стр. 219, № 30:

Я, матушка, умру молодою,
Проводите меня съ честію;
Рукавицы — гробокопателю,
Платочекъ — крестоносцу,
Покрывало съ бахромой
Тому, кто повезетъ мою красоту.

У Трейланда, стр. 187, № 976 и 975:

Матушка, когда я умру,
Раздѣлите мое приданое:
Рукавички, чулки — могильщикамъ,
Платочекъ тому, кто несъ крестъ;
Меня саму понесутъ шестеро,
Имъ нужно полотняныя рубашки.

3.

Woi dzīdōt, woi raudōt,
Man nūmyra ľaudoweńa;
Lobōk dzīž, na kai raūž —
Woi ās citys nadabou.

Пѣсни пѣть или плакать,
У меня жена умерла;
Лучше пѣть, чѣмъ плакать,
Развѣ я другой жены не найду.

4.

Nadūd, Dīws, mārgōm ḿērt
Ar tū zeiľu wainuceń;
Mārgu laimeńe raudowa,
Kopu w'ersâ staigōdama.

Не дай, Боже, дѣвицамъ умереть
Въ бисерномъ вѣнкѣ;
Дѣвичья лайма (доля) плакала,
Ходя по надгробнымъ холмамъ.

Срв. варіантъ у Спрогиса, стр. 216, № 8:

Возьми, Боже, кого хочешь,
Но не бери дѣвицу изъ-подъ вѣнка:
Пять лѣтъ будутъ плакать молодцы,
Проходя мимо кладбища;
Три года будетъ плакать матушка,
Перебирая ея приданое.

5.

Tāwa cērstis tos laipeńis,
Mās bērneńi laipōjam;
Naleustīt jeus laipeńis,
Koľš berneń(i) izlaipowa.

Отцомъ срублены тѣ перекладины,
Мы, дѣточки, перебираемся (ходимъ);
Не сломайтесь вы, перекладинки,
Пока дѣточки не перебрались.

1—5 зап. въ 1884 г., отъ Маргариты Вяксихи, изъ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб. у.

6.

Nakeukoj dzaguzeń,
Nadar man žālobeńes;
Tu keukowi, ās raudowu,
Škitu sowu mōmuleńu.

Не кукуй, кукушка,
Не вызывай во мнѣ скорби;
Ты кукуешь, я плачу,
Думаю, что это моя маменька.

Срв. F. Kornets, стр. 30.

Зап. въ Колупск. вол., Динаб. у.

7.

Tu, tetīt, numērdams,
Kū tu maṅi(m) atsacēji?
Ты, тятенька, умирая,
Что мнѣ отказалъ?

Tew, dēlen, śērmi zirgi,
Dēľim grísta ustobeṅa.
Тебѣ, сыночекъ, пѣгіе лошади,
Хаточку изъ досокъ.

8.

Oi Díweṅ, oi laimeṅ —
Píceľ man numyruš:
О Боже, о лайма —
Разбуди меня отъ смерти:

Jauna síwa, mozi bārṅi
Gauži raud pakaľá.
Молода жена, малы дѣти,
Горько (жалобно) плачутъ обо мнѣ.

№ 7 и 8 зап. въ 1884 году, отъ М. Вяксы въ Преляхъ.

9.

Ni wīnam ās nasok
Sowu ľelu žālobeṅ;
Никому я не скажу
Про свое великое горе;

Wējeṅam wīn pasoku,
Lai iz aukšu wadinoj.
Одному вѣтру передамъ,
Чтобы онъ вознесь его въ верхъ (къ Всевышнему).

10.

Šwīž šautru ōbeľā,
Ōbūľ šurpi, ōbūľ turpi;
Бросила хворостъ въ яблоню,
Яблоки туда, яблоки сюда;

Myra tāws, mōmuľeṅa,
Jau bērneṅi šurpi, turpi.
Умерли отецъ и мать,
Разсыпались дѣти туда и сюда.

9 и 10 зап. въ м. Прели, Динаб. у.

У Мантейфеля, l. c. стр. 198, № 131, сообщается слѣдующій варіантъ изъ окрестностей Креславки:

Szwujtry św̄iżu obielejti,
Ti obuli szurpu turpu!

Myra taws, mamulenia,
Meś barnieni szurpu, turpu!

11 *).

Ceľis muna mameṅ,
Ās paceľu weľeneṅu;
Вставай, моя маменька,
Я сниму зеленый дернъ;

Jau tu bāji guľejuśe,
Jau ās gauži raudowuśe.
Уже довольно ты полежала,
Уже и я горькими слезами наплакалась.

Зап. въ Варковск. вол., Динаб у.

*) Срв. Büttner, № 239, p. 19—20.

11а.

Ceľâs muna mameńa
Paceľšu (âs) weľeniń;
Nadacelši muns bērneńš
Kūľeidz saule debesîs.

Зап. въ Ландскоронѣ, Люц. у.

11б.

Ceľâs muna mōmuľeńa,
Es pats ceľu weľeńenu;
Jau tu bejis guľejis,
Es gaužu raudowuś.

Зап. въ Ликснѣ отъ Анны Кусень, Динаб. у.

12.

Äs atrodu gańeńûs
Sowu boltu mōmuľeńu,
Guľ zam zaľa weľeneńa.
Ceľîs, muna mōmuľeńa,
Äs pacēlšu weľeneńu.
Napacelsi, berniń meiľis,
Kamar souľa däbesîs.

Пася, я нашла
Бѣлую свою маменьку,
Спящую подъ зеленымъ дерномъ.
Вставай, моя маменька,
Я сниму зеленый дернъ.
Не снимешь, милое дитя,
Пока солнце на небесахъ.

Зап. въ Маріенгаузенѣ, Люц. у.

13.

Mameń muna mīlwōrďeite
Guľ zam zaľa weľeneń:
Tī paguľi mīli wōrdi,
Tī kupli sedzineń(i).

Маменька моя
Лежитъ подъ зеленымъ дерномъ:
Тамъ положены милыя слова,
Тамъ — толстыя покрывала.

14.

Sagaidej brōľeľeńa,
Goni tōľ nūgōjuš;
To nawar sagaidēt,
Kur zam zaľ weľeneń.

Дождалась братца,
Который далеко уходилъ;
Того не могу дождаться,
Который подъ зеленымъ дерномъ.

13 и 14 зап. въ дер. Казиши, Прельск. вол., Динаб у.

Таблица знаковъ для транскрипціи латышскихъ звуковъ.

I. Гласные.

a	ĭ
ā	i̧, y = ы
ă [1])	â (âs) [2])
o	û (ûs)
ō	ô (ôs)
ŏ	î (îs)
u	ê (ês)
ū	ē (ie) = русс. ie [3])
ŭ	ō (ů) = русс. уо
ä, ä̆	au [4])
ǟ	ou
i	eu, èu, iu, yu = русск. ыу.
ī	

1) ˘ указываетъ на бѣглое произношеніе наконечныхъ гласныхъ: a, ä, o, u, e, i, y.

2) Знакъ ˆ надъ гласными имѣетъ значеніе морѳологическое, а не фонологическое. Этимъ знакомъ принято отличать окончаніе мѣстнаго падежа ед. и множ. числа.

3) Соотвѣтствуетъ звукамъ другихъ (балтійскихъ) говоровъ Латышскаго языка.

4) Изъ диѳтонговъ инфлянтскаго нарѣчія особенно выдѣляется ыу = eu, замѣняющій общелатышское, литературное ū.

II. Согласные.

i̯, j	l, l' = л, ль
u̯, w	m, ḿ = м, мь
ẃ = вь [1])	n, ń = н, нь
b, b́ = б, бь	p, ṕ = п, пь
c, ć = ц, ць	r, ŕ = р, рь
č, č' = ч, чь	s, ś = с, сь
d, d' = д, дь	š (ŝ), š' = ш, шь
dž, dž' = дж, джь	t, t' = т, ть
g, ǵ = г, гь	z, ź = з, зь
k, ḱ = к, кь	ž, ž' = ж, жь.

1) ' означаетъ смягченіе, ' апострофъ показываетъ, что гласнаго на концѣ слова не слышно.